This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, ирimечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

UC-NRLF
$B 193 543

5863
BERKELEY LIBRARY UNIVERSITY OF CALIFORNIA
H

000

125

ИСТОРІЯ
БѢЛОКРИНИЦКАГО СВЯЩЕНСТВА.

Н. Субботинъ.

ИСТОРІЯ

ТАКЪ НАЗЫВАЕМАГО

АВСТРІЙСКАГО, ИЛИ БѢЛОКРИНИЦКАГО СВЯЩЕНСТВА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Учрежденіе раскольнической митрополіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

(Изданіе второе, вновь пересмотрѣнное.)

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1895.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 11-го сентября 1895 года.
Цензоръ Протоіерей ***Іоаннъ Петропавловскій.***

BX601
S83
1895
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ (1886 г.).

Въ 1874 году былъ изданъ первый томъ «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи», содержащій собственно исторію ея учрежденія и первоначальнаго утвержденія въ Бѣлой Криницѣ. Книга въ настоящее время сдѣлалась, можно сказать, библіографической рѣдкостію и продается по дорогой цѣнѣ. А между тѣмъ желанія имѣть ее заявляются нерѣдко.

Дѣлать новое изданіе книги по многимъ причинамъ мы не находимъ удобнымъ; но чтобы дать желающимъ возможность познакомиться съ исторіею нынѣ существующаго у раскольниковъ и столь расплодившагося Бѣлокриницкаго священства, чтобы вообще способствовать распространенію точныхъ о немъ свѣдѣній, весьма нужныхъ особенно вступающихъ въ бесѣды со старообрядцами, мы предприняли сокращенное изложеніе напечатаннаго девять лѣтъ тому назадъ сочиненія, исключивъ изъ него нѣкоторыя, не представляющія особенной важности, подробности[1]) и исправивъ вкравшіяся въ него ошибки. Такого рода, сокра-

[1]) Исключенію подвергаются главнымъ образомъ многочисленныя, приводимыя въ текстѣ и особенно въ примѣчаніяхъ, подлинныя выписки изъ раскольническихъ и иныхъ сочиненій, на основаніи коихъ излагается ходъ событій; исключаются также всѣ примѣчанія, въ которыхъ опровергаются невѣрныя, большею частію самоизмышленныя сказанія о повѣствуемыхъ событіяхъ автора „Исто-

I. 158

щенное и исправленное, изданіе прежней книги мы находимъ и болѣе удобнымъ и болѣе полезнымъ для читателей.

Окончивъ этотъ трудъ, мы желали бы, съ Божіею помощію, продолжить исторію Бѣлокриницкой іерархіи, въ такомъ же сокращенномъ изложеніи, даже до событій нынѣшнихъ лѣтъ, пользуясь собранными у насъ обильными матеріалами, а для исторіи со времени изданія «Окружнаго Посланія» и многочисленными статьями, которыя мы печатали въ свое время подъ заглавіемъ: «Современныя движенія въ расколѣ», также: «Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій», «Изъ современныхъ лѣтописей раскола», и др. Для предположеннаго нѣкогда подробнаго изложенія полной исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, въ такихъ же размѣрахъ, какъ изданъ въ 1874 г. первый ея томъ, мы не располагаемъ уже ни достаточнымъ временемъ, ни достаточными силами.

Что касается тѣхъ весьма важныхъ документовъ, которые напечатаны въ приложеніи къ первому тому «Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи», то перепечатывать ихъ не представляется особенной надобности: имѣющіе нужду сдѣлать въ нихъ справку могутъ обратиться къ самой книгѣ, гдѣ они напечатаны.

Н. Субботинъ.

рическихъ очерковъ поповщины" г. Мельникова. Считаемъ достаточнымъ сдѣлать здѣсь общее замѣчаніе для читателей, чтобы они съ осторожностью пользовались собственно историческими произведеніями сейчасъ названнаго автора, который былъ необыкновенно талантливымъ беллетристомъ, но не особенно дорожившимъ исторической истиною историкомъ.

I. Какъ возникла у старообрядцевъ мысль о пріобрѣтеніи своихъ собственныхъ епископовъ.

Попытки старообрядцевъ пріобрѣсти епископа, или, что то же, учредить свою собственную іерархію, довольно рано извѣстны въ исторіи раскола и вызваны были пробудившимся въ обществѣ раскольниковъ сознаніемъ недостаточности и ложности ихъ самостоятельнаго, совершенно отдѣльнаго отъ церкви, но безъіерархическаго состоянія.

Къ великому утѣшенію православной церкви, даже при первомъ обнаруженіи раскола, когда въ немъ еще нельзя было видѣть рѣшительно признаковъ, свойственныхъ именно расколу, и когда еще не былъ онъ подвергнутъ окончательно соборному осужденію, изъ всѣхъ немалочисленныхъ русскихъ іерарховъ одинъ Павелъ, епископъ Коломенскій, явился сообщникомъ расколоучителей[1]). Что на сторону раскольниковъ не уклонился, кромѣ Павла Коломенскаго, ни одинъ изъ

[1]) Кромѣ Павла Коломенскаго, по увѣренію раскольниковъ, были противъ соборнаго исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, и вообще приняли будто бы сторону раскола, епископы: Макарій Новгородскій, Маркеллъ Вологодскій и Александръ Вятскій (Денис. *Виноградъ Рос.; Церков. исторія* инока Павла Бѣлокриницкаго, напечатанная въ Черновцахъ, стр. 49 и 67). Но никакія историческія свидѣтельства не подтверждаютъ раскольническихъ сказаній о Макаріи и Маркеллѣ. Что же касается Александра Вятскаго, то онъ дѣйствительно подалъ въ 1663 году жалобу царю Алексѣю Михайловичу на патріарха Никона, гдѣ обвинялъ его въ мнимомъ искаженіи церковныхъ книгъ и обрядовъ; но самое время, когда подано это прошеніе, — время опалы Никона, — внушаетъ подозрѣніе, что Але-

тогдашнихъ россійскихъ епископовъ, въ этомъ дѣйствительно нельзя не видѣть отрадное для сыновъ православной церкви указаніе особеннаго Божія о ней попеченія: ибо раскольники, имѣя у себя хотя бы нѣсколькихъ епископовъ, могли бы основать свою постоянно продолжающуюся іерархію и расколъ чрезъ это пріобрѣлъ бы больше силы и прочности, тогда какъ напротивъ неимѣніе епископовъ и отсюда невозможность съ самаго же начала основать собственную іерархію были именно залогомъ неизбѣжно предстоявшихъ расколу внутреннихъ смутъ и нестроеній, распаденія на частныя, одна другой враждебныя секты, — вообще залогомъ его слабости и недолговѣчности. Нельзя также не видѣть слѣдовъ особеннаго промышленія Божія о православной церкви и въ томъ, что самъ Павелъ Коломенскій не успѣлъ поставить преемника себѣ по епископству, чрезъ котораго, хотя и вопреки церковнымъ правиламъ, могъ бы начаться непрерывный рядъ раскольническихъ архіереевъ. Этого прискорбнаго для старообрядцевъ обстоятельства, что Павелъ, какъ первый и единственный раскольническій епископъ, не оставилъ по себѣ преемника, не отвергаетъ никто даже изъ раскольническихъ писателей.

Такимъ образомъ, когда раскольники, отдѣлившіе себя отъ церкви и отлученные за то самою церковію на соборѣ 1667 года, составили изъ себя особое религіозное общество подъ незаконно присвоеннымъ наименованіемъ «древлеправославной церкви», оказалось, что эта якобы «древлеправославная» церковь не имѣетъ ни одного епископа. А между тѣмъ изъ священнаго и святоотеческихъ писаній, изъ всѣхъ книгъ по преимущество ими уважаемыхъ, старообрядцы хорошо знали,

---

ксандръ дѣйствовалъ здѣсь по личной враждѣ къ опальному патріарху, желая своимъ извѣтомъ увеличить мѣру его виновности и силу предстоявшаго ему наказанія; а что самымъ исправленіямъ книжнымъ, за которыя обвинялъ патріарха Никона, Александръ не придавалъ дѣйствительной важности и даже мало понималъ ихъ, въ этомъ онъ самъ сознался на соборѣ 1666 года (см. *Кн. соб. Дѣян.*, изд. Брат. св. Петра м. л. 15).

что безъ епископа церковь существовать не можетъ[1]), что (по Благовѣстнику) полное въ трехъ чинахъ устройство священной іерархіи должно пребывать въ церкви Христовой неизмѣнно и непрерывно до скончанія міра. Отсутствіе епископскаго чина въ ихъ глаголемой «древлеправославной» церкви должно было такимъ образомъ внушить старообрядцамъ немалое сомнѣніе относительно ея правильности и законности. Отсутствіе епископа не было особенно ощутительнымъ для раскольниковъ въ первое время по отдѣленіи отъ церкви, пока имѣлись у нихъ священники древняго, дониконовскаго поставленія и пока еще не явилась настоятельная нужда въ епископствѣ. Но вотъ и священниковъ, получившихъ поставленіе до «нарушенія вѣры», не осталось у раскольниковъ; неизбѣжно возникалъ вопросъ: кто же теперь поставитъ имъ новыхъ законнымъ порядкомъ? гдѣ взять епископа, который могъ бы восполнить этотъ недостатокъ? и какъ можетъ ихъ общество, именуясь церковію, существовать безъ епископа, равно какъ можетъ ли оно, существуя безъ епископа, быть и именоваться церковію?

Тогда, въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, значительная половина старообрядцевъ пришла къ рѣшенію, что якобы священство не безусловно необходимо въ церкви Христовой, что по нуждѣ, въ гонительное время, при господствѣ антихриста, церковь можетъ существовать и безъ законныхъ строителей таинъ, что спасеніе вѣрныхъ и безъ ихъ посредства вполнѣ возможно, какъ проповѣдывалось это и раньше нѣкоторыми первоучителями раскола, Аввакумомъ, Никаноромъ и др. (Образовалась Безпоповщина). На такой отчаянно-смѣлый шагъ не рѣшилась другая, не менѣе значительная половина старообрядцевъ. Не раздѣляя того мнѣнія, что будто вселенская церковь можетъ существовать безъ богоучрежденнаго священства и что будто спасеніе вѣрныхъ

---

[1]) Мысль эта съ особенною полнотою раскрыта у свв. Игнатія Богоносца и Діонисія Ареопагита, въ „Благовѣстникѣ", въ „Книгѣ о вѣрѣ" и другихъ уважаемыхъ старобрядцами.

возможно и безъ участія въ богоучрежденныхъ таинствахъ, совершаемыхъ только нарочито поставленными для сего служителями церкви, напротивъ держась неуклонно того праваго ученія, ясно выраженнаго въ священномъ и отеческихъ писаніяхъ, что церковь безъ богоучрежденной іерархіи существовать не можетъ, старообрядцы, не рѣшившіеся уклониться въ безпоповство, все вниманіе и все тщаніе устремили на то, какъ бы восполнять свое вымирающее «древлеправославное» священство даже при неимѣніи своего «древлеправославнаго» епископа (который одинъ только и могъ бы восполнить имъ этотъ недостатокъ). Они признали возможнымъ принимать отъ Великороссійской церкви священниковъ, хотя и получившихъ «никоніанское» поставленіе, но по крайней мѣрѣ крещенныхъ по «древнему», дониконовскому чину; потомъ рѣшились принимать и вообще «бѣгствующихъ» отъ церкви Великороссійской іереевъ, т.-е. поставленныхъ православными епископами, но согласившихся по тѣмъ или другимъ побужденіямъ оставить православіе и перейти къ раскольникамъ для отправленія священническихъ дѣйствій (Образовалася Поповщина).

Принявъ такое рѣшеніе, раскольники-поповцы не могли не примѣтить, что подаютъ законный поводъ обвинять ихъ въ противорѣчіи самимъ себѣ: они огласили Грекороссійскую церковь чуждою благодати и за это мнимое истребленіе въ ней благодати прекратили всякое съ нею общеніе; теперь же, чрезъ принятіе священниковъ, поставленныхъ въ Грекороссійской церкви, самымъ дѣломъ показывали, что признаютъ въ ней сохраненіе благодати священства и общенія съ нею не чуждаются. Чтобы избѣжать этого противорѣчія, раскольники стали пріискивать, въ основаніе своего рѣшенія — принимать священниковъ отъ церкви Россійской, отеческія правила, будто бы представляющія на сей случай оправданіе для нихъ, именно тѣ, которыми дозволялось принимать отъ нѣкоторыхъ ересей приходящихъ священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ, стали также подыскивать примѣры такихъ пріятій въ исторіи древней церкви, или такъ называемыя святопо-

добія[1]). Такимъ образомъ они надѣялись и крайнюю нужду въ священствѣ по возможности восполнить, и съ своими понятіями о церкви Грекороссійской, что она яко бы повреждена ересями, не впасть въ противорѣчіе. Здѣсь однако же являлось новое затрудненіе, — возникалъ вопросъ: имѣетъ ли церковь Грекороссійская соотвѣтствіе съ тѣми еретиками древности, отъ которыхъ дозволяютъ правила принимать священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ? Вопросъ о степени поврежденія церкви Грекороссійской ересями у старообрядцевъ былъ уже рѣшенъ: православные подведены подъ разрядъ еретиковъ перваго чина и положено было принимать ихъ въ расколъ чрезъ повтореніе надъ ними крещенія[2]). Бѣгствующіе священники въ этомъ отношеніи не могли составлять исключенія: поэтому надлежало принимать ихъ первымъ чиномъ. Но и сами раскольники сообразили, что съ повтореніемъ крещенія совершенно несовмѣстимо сохраненіе священства, и что отеческія правила и святоподобія, дозволяющія принятіе приходящихъ отъ ереси священниковъ въ сущемъ ихъ санѣ, къ еретикамъ перваго чина никакъ не могутъ быть

---

[1]) Исчисленіе и разсмотрѣніе этихъ правилъ и святоподобій см. въ книжкѣ архим. Павла (изд. Братства св. Петра): „Бесѣда о свидѣтельствахъ и святоподобіяхъ, приводимыхъ поповцами въ защиту ихъ глаголемаго священства".

[2]) Правило перекрещивать приходящихъ отъ Великороссійской церкви было принято еще первоучителями раскола, а отъ нихъ и первоначальниками поповщины. Питиримъ, еп. Нижегородскій, въ свое время писалъ, обращаясь къ Керженскимъ поповцамъ: „отселѣ назадъ лѣтъ двадцать пять всѣхъ къ вамъ приходящихъ крещенныхъ у васъ паки совершенно крестили: Исидоръ попъ Козмодемьянскій совершенно крестилъ; по немъ и дворянинъ Ѳедоръ Токмачевъ такоже крестилъ совершенно" (*Пращица*, л. 273). Къ извѣстіямъ Питирима въ одномъ раскольническомъ сборникѣ прибавлено: „Еще и *вѣтковскіе первоначальницы* приходящихъ къ нимъ отъ Великороссійскія церкви паки крестиша совершенно, а именно: Іовъ попъ приходящихъ крестилъ, такожде и Филипъ попъ, иже на Косицкой слободѣ, приходящихъ крестилъ, еще Іосафъ попъ такоже приходящихъ крестилъ".

приложены. Чтобы сохранить въ отношеніи къ бѣгствующимъ іереямъ вѣрность завѣту предковъ — еже покрещивати отъ Великороссійской церкви приходящихъ, но вмѣстѣ не обнажить ихъ и священства, придумали нѣкоторые погружать ихъ при крещенія въ полномъ іерейскомъ облаченіи, другіе предлагали совершать надъ ними весь чинъ крещенія, но безъ погруженія въ воду. Были учинены и опыты подобныхъ чинопріятій; но, по очевидной ихъ несообразности, большинствомъ старообрядцевъ они были отвергнуты. Нашли болѣе сообразнымъ съ правилами принимать бѣгствующихъ іереевъ, какъ еретиковъ втораго чина, а равно и всѣхъ уже отъ Великороссійской церкви приходящихъ принимать только подъ мѵропомазаніе, отмѣнивъ такимъ образомъ завѣщанный предками обычай и сдѣлавъ, очевидно, отступленіе отъ своихъ первоначальныхъ понятій о степени мнимаго паденія церкви Россійской. Однакоже и противъ этого рѣшенія нашлись возражатели, находившіе, что и повтореніе мѵропомазанія надъ приходящимъ отъ церкви священникомъ требуетъ вторичнаго поставленія въ священство, съ сохраненіемъ же сей послѣдней тайны не согласуетъ. Поэтому нѣкоторые предлагали совершать мѵропомазаніе надъ приходящими іереями тѣмъ же страннымъ способомъ, какъ прежде совершали крещеніе, то-есть облекши присоединяемаго въ полное священническое облаченіе; другіе же, болѣе разумные, находили возможнымъ въ пріятіи бѣгствующихъ священниковъ ограничиться однимъ проклятіемъ ересей, то-есть принимать ихъ третьимъ чиномъ[1]).

И такъ, въ обществѣ старообрядцевъ, не дерзнувшихъ подобно безпоповцамъ отвергнуть безусловную необходимость священства въ церкви Христовой и, за неимѣніемъ епископа, рѣшившихся удовлетворять сей нуждѣ посредствомъ бѣгствующихъ отъ Великороссійской церкви іереевъ, вскорѣ же послѣ такого рѣшенія возникло много недоумѣній и разногласій по самому главному вопросу — вопросу о чинопріятіи сихъ бѣгствующихъ іереевъ,—и разногласія эти ясно свидѣтель-

---

[1]) А. Іоан. *Ист. изв. о раск.* ч. III, стр. 9—12; IV, 42.

ствуютъ, что сами раскольники сознавали неудовлетворительность принятаго ими рѣшенія, невозможность безъ явнаго себѣ противорѣчія замѣнить своихъ «древлеправославныхъ» священниковъ приходящими отъ церкви Великороссійской, въ этой послѣдней получившими рукоположеніе въ священныя степени. Притомъ же, очень скоро пришлось имъ убѣдиться, что бѣгствовали отъ Великороссійской церкви большею частію священники недостойные этого имени, подлежавшіе и подвергшіеся суду за разныя преступленія, даже лишенные сана, — вообще люди порочной жизни, попиравшіе и совѣсть, и вѣру, и святыню таинствъ. Пороки и безчинія бѣглыхъ поповъ, въ первое время особенно соблазнявшіе старообрядцевъ, дѣлали еще болѣе ощутительнымъ для нихъ сознаніе неудовлетворительности принятаго ими способа восполнять недостатокъ «древлеправославнаго» священства «бѣгствующимъ» отъ Великороссійской церкви. Истые ревнители старообрядчества крайне тяготились такимъ «сумнительнымъ» положеніемъ своей глаголемой церкви, видѣли настоятельную нужду какъ-нибудь выдти изъ него и искали къ тому способовъ. Другаго способа имъ не представлялось, какъ пріобрѣсти «древлеправославнаго» епископа, который могъ бы снабжать ихъ законно-поставляемымъ священствомъ. У старообрядцевъ издавна ходили слухи о существованіи въ какихъ-то далекихъ и невѣдомыхъ странахъ именно епископовъ «древлеправославныхъ», не принявшихъ Никоновскихъ новопремѣненій. Были предпринимаемы даже и попытки къ отысканію такихъ епископовъ. Но попытки были безуспѣшны и надежда имѣть «древлеправославныхъ» епископовъ оказалась тщетною. Тогда «ревнители благоустроенія церковнаго (какъ выражается одинъ изъ новыхъ старообрядческихъ историковъ) возымѣли тщаніе снискать себѣ епископа по примѣру принимаемыхъ отъ Великороссійской церкви священниковъ»[1], — то-есть они рѣшились поискать между православными

[1]) *Сказаніе вкратцѣ о учрежденіи нынѣ существующей іерархіи* (рукопись).

епископами такого, который, подобно бѣглымъ попамъ, согласился бы, подъ условіемъ извѣстнаго чинопріятія, поступить въ старообрядчество, и, будучи принятъ въ сущемъ его санѣ, совершалъ бы у нихъ всѣ архіерейскія дѣйства: тогда (разсуждали они) ихъ глаголемая древлеправославная церковь имѣла бы полное трехчинное устройство іерархіи и не терпѣла бы нужды въ священствѣ, — тогда вмѣсто принимаемыхъ по нуждѣ «лжеименныхъ» іереевъ они получали бы отъ своихъ епископовъ (хотя первый изъ нихъ и самъ тоже былъ бы принятъ отъ ереси) своихъ, по древнему чину поставленныхъ и ими самими излюбленныхъ, священниковъ [1]).

2. Первая попытка раскольниковъ пріобрѣсти епископа.

Мысль объ исканіи бѣгствующаго отъ православной церкви архіерея первоначально возникла у старообрядцевъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они пользовались большей свободой и безопасностью, а потому имѣли и больше возможности спокойно обсуждать свое положеніе, равно какъ заняться устроеніемъ своихъ «церковно-іерархическихъ дѣлъ». Такими сравнительно безопасными для старообрядцевъ мѣстами жительства въ первыя времена существованія раскола служили украйныя страны, лежавшія за тогдашними границами россійскаго государства, и особенно за такъ называемыми рубежами польскимъ и литовскимъ, куда во множествѣ стекались старообрядцы. Здѣсть-то, и преимущественно на Вѣткѣ, сдѣлавшейся подъ покровительствомъ пана Халецкаго и самого польскаго короля [2])

---

[1]) Подобнымъ образомъ и Алексѣевъ, авторъ *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ,* объясняетъ рѣшимость старообрядцевъ искать себѣ архіерея отъ церкви православной: „восхотѣша народи изъ сего новопріятія (бѣглыхъ поповъ) извинути въ древнія рукоположенныхъ обычаи: иначе же не возмогоша извинути, токмо да посвященъ имъ будетъ како-либо отъ новыхъ епископъ, и сей по древнимъ да хиротонисаетъ имъ іереевъ“ *(Лѣт. Рус. Лит.* т. IV, отд. 3, стр. 63—64).

[2]) *„Отъ короля польскаго* (писали вѣтковскіе отцы въ прошеніи, поданномъ Константинопольскому патріарху въ 1730 г.) и листъ

средоточіемъ поповщины, старообрядцы рѣшились первоначально принимать, за оскудѣніемъ «древлеправославныхъ» священниковъ, приходящихъ отъ Великороссійской церкви поповъ; здѣсь возникли и разногласія по вопросу о чиноприятіи бѣгствующаго священства; здѣсь выражалось громко и недовольство этимъ «чужеименнымъ, своевольнымъ» священствомъ; здѣсь же, наконецъ, сдѣланы и первые опыты исканія отъ православной церкви приходящихъ епископовъ [1]).

Первыя, извѣстныя намъ по точнымъ историческимъ указаніямъ, попытки со стороны раскольниковъ пріобрѣсти епископа по примѣру бѣгствующихъ іереевъ были сдѣланы въ 1730 году [2]). Дѣло начали вѣтковскіе старообрядцы вмѣстѣ съ стародубцами Дьяконова согласія. По зрѣломъ размышленіи, а можетъ быть и послѣ надлежащихъ справокъ, найдено было, что къ россійскимъ епископамъ съ такимъ дѣломъ обращаться неудобно; съ большей вѣроятностью успѣха они разсчитывали на Яcскаго митрополита Антонія, который, какъ

намъ данъ во обители нашей и прочимъ скитамъ и всякаго чина людямъ нашимъ увольный, еже намъ... вѣру нашу невозбранно содержати, *которыя ради свободности нашихъ людей по всей Польшѣ населишася премногое число*".

1) См. Алексѣева *Ист. о бѣгств. свящ.*; А. Іоаннова *Истор. изв.*

2) Что и ранѣе этого года старообрядцы имѣли по крайней мѣрѣ *мысль* о пріобрѣтеніи епископа и *обсуждали* между собою способы къ ея осуществленію, на это можно находить указаніе въ слѣдующихъ словахъ Алексѣева: „вдавшеся общерадѣтельствомъ въ исканіе се и не обрѣтоша къ сему удобства, точію въ Волохской земли, въ нейже удободоступна себѣ Ясскаго митрополита обрѣтоша". Итакъ, по свидѣтельству Алексѣева, старообрядцы, и прежде начатія дѣла у Ясскаго митрополита въ 1730 году, уже „имѣли радѣніе" объ отысканіи епископа, наводили справки, гдѣ удобно было бы отыскать его, и удобства этого въ другихъ мѣстахъ (конечно въ Россіи), кромѣ Волохской земли, не обрѣтоша; но такъ какъ ни объ одной, сколько-нибудь *рѣшительной* попыткѣ пріобрѣсти архіерея ранѣе 1730 года не упоминаетъ и Алексѣевъ, тщательно собиравшій и передавшій свѣдѣнія о бѣгствующемъ священствѣ, то сдѣланный въ упомянутомъ году опытъ и можно считать дѣйствительно первымъ въ этомъ родѣ.

имъ было извѣстно, не чуждался старообрядцевъ, жившихъ въ Молдавіи, и особенно въ Яссахъ[1]). Чрезъ этихъ послѣдникъ вѣтковскіе и стародубскіе раскольники дѣйствительно рѣшились войти въ сношеніе съ митрополитомъ Антоніемъ по дѣлу о епископѣ. Достойно замѣчанія, что въ этотъ первый разъ старообрядцы хлопотали не о томъ, чтобы склонить къ переходу въ ихъ общество кого-либо изъ наличныхъ православныхъ епископовъ, но желали, чтобы Антоній поставилъ новаго епископа нарочито для нихъ и изъ собственной ихъ среды, котораго, однакоже, какъ само собою понятно, они подвергли бы потомъ установленному чинопріятію.

Митрополитъ Антоній, безъ сомнѣнія, мало знакомый съ расколомъ, не проникая въ замыслы раскольниковъ, соглашался исполнить ихъ желаніе. Получивъ объ этомъ увѣдомленіе, вѣтковскій игуменъ Власій, отъ имени всѣхъ иноковъ и «многихъ тысящь народа», подалъ въ 1730 году «просительный листъ» митрополиту о поставленіи для нихъ епископа; затѣмъ отправленъ былъ въ Яссы для рукоположенія и избранный на епископство казначей Покровскаго Вѣтковскаго монастыря инокъ Павелъ. Прошеніе было поддержано владѣтелемъ Вѣтки — паномъ Халецкимъ и самимъ молдавскимъ господаремъ, которому также поданъ былъ просительный листъ. Но такъ какъ митрополитъ Антоній почему-то медлилъ рѣшеніемъ дѣла, то въ слѣдующемъ 1731 году, 5-го Мая, вѣтковцы подали новое прошеніе прибывшему тогда въ Яссы Константинопольскому патріарху Паисію 2-му, на рѣшеніе котораго представилъ ихъ дѣло и самъ митрополитъ Антоній[2]). Всячески увѣряя въ своей преданности и «вѣр-

[1]) Въ *Ист. о бѣгств. свящ.* Алексѣева, современника описываемому теперь событію, говорится, что въ 1730 г. митрополитомъ Молдовлахійскимъ былъ именно Антоній. Къ сожалѣнію въ другомъ, современномъ же и притомъ офиціальномъ документѣ, относящемся къ настоящему дѣлу о поставленіи епископа для раскольниковъ (прошеніи, поданномъ патріарху Константинопольскому), митрополитъ Молдовлахійскій не названъ по имени.

[2]) Митрополитъ Молдовлахійскій состоялъ въ іерархической зависимости отъ Константинопольскаго патріарха.

ности вселенскимъ патріаршимъ престоламъ", вѣтковцы умоляли Паисія „даровать имъ святителя и возобновить ихъ божественнымъ священноначальствомъ", т. е. выражали готовность и желаніе принять епископа отъ руки греческаго архипастыря[1]). Патріархъ Паисій выразилъ согласіе исполнить ихъ просьбу, если только поставленный для нихъ епископъ дастъ клятвенное обѣщаніе во всемъ послѣдовать ученію православной церкви, т. е. подъ условіемъ отреченія отъ раскола[2]). Принять это условіе вѣтковцы не нашли возможнымъ, и дѣло по сему прекратилось. Такимъ образомъ первое покушеніе старообрядцевъ пріобрѣсти епископа по примѣру бѣгствующихъ іереевъ кончилось ничѣмъ[3]).

3. Лжеепископы Епифаній, Аѳиногенъ и Анѳимъ.

Первая неудача только сильнѣе пробудила въ старообрядцахъ желаніе пріобрѣсти своего собственнаго епископа; они становятся теперь даже гораздо менѣе взыскательны и разборчивы относительно способовъ пріобрѣтенія и личныхъ качествъ искомаго епископа, нежели какъ были въ своихъ сно-

---

[1]) Современный списокъ этого прошенія въ 1866 году отысканъ въ Яссахъ старообрядческими епископами, и копію съ него, засвидѣтельствованную подписями сихъ послѣднихъ, обязательно сообщилъ намъ бывшій старообрядческій іеродіаконъ о. Ипполитъ. Значеніе этого документа для исторіи раскола мы раскрыли въ статьѣ, напечатанной въ 1-й кн. *Душеполезнаго Чтенія* за 1870 годъ; тамъ же приведенъ вполнѣ и самый текстъ прошенія.

[2]) *Ист. о бѣгств. свящ.*, стр. 64. Ср. А. Іоан. *Полн. Ист. изв.* ч. III, стр. 18.

[3]) Около того же времени, когда вѣтковцы хлопотали о поставленіи въ епископы казначея — инока Павла, явился и изъ среды безпоповцевъ ревностный искатель архіерейства — Михаилъ Ивановъ Вышатинъ, выгорѣцкій житель. Павелъ Любопытный говоритъ о Вышатинѣ, что этотъ „ученый мужъ, вѣдущій греческій и латинскій языки, былъ *убѣжденъ отъ старѣйшихъ своея церкви* (братьевъ Денисовыхъ) *долговременно странствовать* въ Палестинѣ и тамъ искать Христовой хиротоніи" (*Словарь старовѣрческой церкви.* См. статью о Вышатинѣ). Онъ, конечно, искалъ въ Палестинѣ и на пути туда епископа „древлеправославнаго", и въ этомъ безплодномъ исканіи кончилъ жизнь.

шеніяхъ съ Молдовлахійскимъ митрополитомъ и Цареградскимъ патріархомъ. Спустя два года послѣ ясской неудачи у нихъ дѣйствительно явился епископъ — знаменитый въ исторіи раскола Епифаній [1]). Онъ былъ поставленъ въ епископы для

---

[1]) Подробнѣйшій разсказъ объ Епифаніи, также объ Аѳиногенѣ и Анѳимѣ, можно найти въ сочиненіи г. Мельникова: „Историческіе очерки поповщины" (Москва. 1864 г.). Авторъ пользовался оффиціальными документами; но тѣмъ не менѣе разсказъ его, во многихъ мѣстахъ, нельзя признать достовѣрнымъ: часто свои догадки, а иногда и вымыслы, онъ выдаетъ за дѣйствительную исторію. Извѣстія о раскольническихъ лжеепископахъ сообщаетъ Алексѣевъ въ своей *Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ*. Кромѣ того свѣдѣнія объ Епифаніи, Аѳиногенѣ и Анѳимѣ мы заимствуемъ изъ одного раскольническаго сборника, составленнаго изъ разныхъ и разновременно писанныхъ статей, между которыми находятся и три слѣдующія весьма замѣчательныя, доселѣ нигдѣ намъ не встрѣчавшіяся и никѣмъ изъ историковъ раскола не упоминаемыя: 1) *Сказаніе о епископѣ вѣтковскомъ Епифаніи Реуцкомъ, гдѣ родися и отъ коего рода,* 2) *о епископѣ Амвросимѣ, иже на Волыни бысть,* 3) *о архимандритѣ Анѳимѣ.* Свѣдѣнія, излагаемыя въ этихъ статьяхъ, въ общемъ согласны съ тѣми, какія извѣстны изъ оффиціальныхъ и другихъ несомнѣнныхъ источниковъ; но вмѣстѣ представляютъ и не мало новаго. Особенное значеніе сообщаетъ имъ то обстоятельство, что авторъ *Сказаній* былъ современникъ Епифанія, Аѳиногена и Анѳима, имѣлъ объ нихъ, равно какъ о лицахъ, принимавшихъ участіе въ ихъ исторіи, точныя свѣдѣнія, Анѳима же зналъ лично, былъ его постриженникомъ и писалъ еще при его жизни, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ: „и видя себе обличена (Анѳимъ), остави свой монастырь и церковь (въ Боровицахъ) и всѣхъ старцовъ... и убѣжа на Донъ, и *доднесь тамо. Мы же, убогіе, пострижены отъ него, осталися* и пришли на Вѣтку, и судили намъ, что не дѣйствительно быти постриженіе его; мы же и сняли съ себя и стали простыми и доднесь, а иные и донынѣ въ томъ пребываютъ". Авторъ сначала принадлежалъ къ поповщинской сектѣ; но ближе познакомясь съ вѣтковскою и иными поповщинскими церквами („ибо, говоритъ, на какомъ онѣ основаніи уфундованы, о семъ мы убозіи, самовидѣвшіи и при таковомъ дѣлѣ трудившіися, свидѣтели есмы въ правду"), и видя соблазны, причиненные этимъ церквамъ Епифаніемъ, Аѳиногеномъ и Анѳимомъ, перешелъ, какъ можно догадываться, въ безпоповство и потому въ своихъ сказаніяхъ очень рѣзко отзывается и объ архіереяхъ и о попахъ раскольническихъ.

города Чигирина Молдовлахійскимъ митрополитомъ Георгіемъ [1]); но поставленіе это канонической правильности не имѣло и дѣйствительнымъ признано быть не могло, ибо получено было незаконнымъ путемъ и при условіяхъ, составляющихъ рѣшительное препятствіе къ полученію епископскаго сана. Епифаній, по фамиліи Реуцкій, человѣкъ темнаго происхожденія [2]), поселившись въ Кіевѣ и постригшись здѣсь въ монахи, умѣлъ вкрасться въ расположеніе Кіевскаго архіепископа, сдѣлался его келейникомъ, былъ посвященъ въ іеромонахи и, по нѣкоторымъ сказаніямъ, даже нѣсколько времени управлялъ, въ званіи игумена, Козелецкимъ Георгіевскимъ монастыремъ [3]).

Но тѣмъ не менѣе заподозрѣть его въ намѣренномъ искаженіи фактовъ нѣтъ никакого основанія; притомъ же онъ ссылается на свидѣтелей (наприм. говоря объ Епифаніи — на двоюроднаго брата его изъ Могилева старца Вареоломея Добрынскаго, на вѣтковскаго попа Ивана Васильева, на князя Шаховскаго), и самъ клятвою подтверждаетъ справедливость своихъ разсказовъ: „не буди ми лгати на правду“,— говоритъ онъ въ *сказаніи* о Епифаніи; еще: „сіе писахъ вамъ (о попахъ) не по страсти и не по какой зависти діавольской, но по сущей правдѣ, ибо мы при такихъ случаяхъ были, много и трудилися при нѣкоторыхъ ложныхъ попахъ... А ежели мнится вашей любви вся сія ложно, что мы убозіи написали, то буди сему дѣлу свидѣтель Богъ, не лжемъ“. *Сказанія* свои авторъ писалъ въ Москвѣ („здѣ на Москвѣ“). Какъ замѣчательный и доселѣ неизвѣстный матеріалъ для исторіи бѣглопоповства, всѣ эти *Сказанія* объ архіереяхъ и попахъ раскольническихъ напечатаны вполнѣ въ *прилож.* къ 1-му т. „Исторіи Бѣлокриницкой іерархіи“.

[1]) Такъ у г. Мельникова и у Ив. Алексѣева въ *Исторіи о бѣгств. свящ.*

[2]) Въ *Сказаніи о епископѣ Епифаніи Реуцкомъ* повѣствуется: „рожденіе его бѣ близъ мѣстечка Полоннова, въ Польшѣ, а отъ рода жидовска и отъ жены нѣкія нечистыя жидовки, хуждша и послѣдняго рода и нищенскаго житія. И по шести лѣтѣхъ рожденія своего изъ Польши вышелъ и близъ Чернигова города жительство имѣлъ и ту *обливаніемъ* крещенъ, и потомъ пріиде въ Кіевъ“.

[3]) Въ *Сказаніи* говорится, что по прибытіи въ Кіевъ, Епифаній „постриженіе тамо пріятъ монашеское, и былъ у архіерея келейникомъ, и поставленъ въ дьяконы и потомъ въ попы, и послѣжде посланъ игуменомъ въ монастырь, который имѣется во градѣ Чер-

Здѣсь онъ учинилъ преступленія, за которыя духовнымъ судомъ лишенъ былъ священническаго сана и до преданія суду гражданскому содержался подъ карауломъ[1]). Убѣжавъ изъ подъ стражи, послѣ скитаній по разнымъ мѣстамъ, Епифаній опять явился въ Кіевѣ и по благосклонности архіепископа допущенъ къ занятіямъ въ его канцеляріи[2]). Пользуясь этимъ своимъ положеніемъ въ архіерейскомъ домѣ, онъ укралъ здѣсь принадлежавшія Кіевскому архіепископу печати и составилъ на имя Ясскаго митрополита Георгія подложныя письма — одно отъ Кіевскаго владыки, которымъ этотъ послѣдній якобы просилъ Молдовлахійскаго митрополита поставить его — Епифанія, въ санъ епископа, другое — отъ чигиринскихъ гражданъ, якобы желавшихъ имѣть его епископомъ именно своего города; посредствомъ этихъ подложныхъ документовъ, скрѣпленныхъ крадеными печатями, равно какъ при помощи немалыхъ подарковъ, онъ дѣйствительно успѣлъ склонить митрополита Георгія къ совершенію надъ нимъ епископскаго поставленія[3]). Спустя немного времени Епифаній

ниговѣ (надобно полагать, что рѣчь идетъ о Козелецкомъ монастырѣ: ср. Андр. Іоаннова *Ист. извѣстіе* ч. III, стр. 191), и тамо былъ игуменомъ въ томъ монастырѣ нѣколико лѣтъ". Въ дѣлѣ Анатолія Мелеса Епифаній называется также *игуменомъ Козельскимъ* (Рус. Архивъ, 1870 г. № 4).

1) *Сказаніе:* „И будучи во игуменствѣ, впаде въ неискусенъ умъ, и у нѣкоей тогда тамо бывшей полковницы въ то время была племянница дѣвица, и прельстилъ онъ ее Епифаній, и жилъ съ нею скверно, и отъ него родила та дѣвица дѣтище — мужескъ полъ. И о семъ оная полковница увѣдала и на него, Епифанія, за безчестіе племянницы своей просила въ Синодъ, и по челобитью ея взяли ево въ Синодъ, и растригли ево и сидѣлъ подъ карауломъ долгое время".

2) „Учини его архіерей Кіева съ прочими у себе быть и ходилъ за духовными дѣлами" (*Тамъ же*). У Алексѣева: „имѣ отъ митрополита Кіевскаго не малую милость, почему (*вмѣсто игуменства*) припущенъ былъ къ приказныхъ дѣлъ отправленію" (стр. 64). Изъ этихъ словъ Алексѣева можно догадываться, что и ему извѣстно было о прежнемъ игуменствѣ Епифанія.

3) Андр. Іоаннова *Ист. извѣстіе*, III. 19—20. У Алексѣева: „и увѣрився, укралъ изъ секрета съ письма архіерейскую печать

былъ взятъ русскимъ правительствомъ и преданъ суду. Св. Синодъ, не признавъ его за епископа, такъ какъ онъ обманомъ и деньгами восхитилъ этотъ санъ, постановилъ лишить его даже и монашескаго званія; а гражданское правительство, „ради коронованія втораго императора“ [1]), смягчая слѣдующее Епифанію наказаніе, рѣшило сослать его на постоянное жительство въ Соловецкій монастырь, при чемъ, ради того же событія, было возвращено ему Синодомъ и монашеское званіе. Изъ Соловецкаго монастыря Епифаній бѣжалъ и хотѣлъ пробраться за границу; но опять былъ пойманъ, лишенъ монашества, высѣченъ плетьми и приговоренъ къ ссылкѣ. Тогда-то вѣтковскіе раскольники, чрезъ посредство своихъ московскихъ одновѣрцевъ слѣдившіе за ходомъ дѣла объ Епифаніи и вступившіе съ нимъ въ переговоры, рѣшились залучить его къ себѣ въ архіереи: когда Епифанія повели въ ссылку, раскольники отбили его у конвойныхъ солдатъ [2]), доставили на Вѣтку и приняли въ качествѣ дѣйствительнаго епископа [3]).

Львовскаго и Галицкаго“ (стр. 64). Въ *Сказаніи* полнѣе: „И Божьею волею помре архіепископъ Кіевскій, и потомъ оный Епифаній, вымысливши зло нѣкое, и по днѣхъ нѣкіихъ упоилъ хмѣльнымъ питіемъ келейника архіерейскаго, и взявши ключи у піянаго и вынелъ изъ крыны три печати, отъ которыхъ архіерейство преподается по епархіямъ. И взявши оныя три печати кіевскую, галицкую и львовскую, и самъ написавши указъ за подписаніемъ, окрадши руки ложно, и къ Ясскому епископу доступилъ, дабы поставилъ его, Епифанія, въ Кіевъ епископомъ. И то умысливши, первое восхитилъ на себе чинъ іеромонашеской и пойде съ чиномъ и указомъ въ Яссы... И тако тѣмъ обольсти епископа Ясскаго, еще же и казны далъ за поставленіе много“.

[1]) Такъ въ *Сказаніи*.

[2]) Вотъ кто именно участвовали въ этомъ дѣлѣ, по свидѣтельству *Сказанія:* „и тогда согласяся Ѳедоръ Козминъ да Герасимъ Козминъ калужане, и москвичи Потапъ Матвѣевъ и Власъ старецъ и съ прочими москвичи, того Епифанія на дорогѣ у караульныхъ отбили, и Егоръ Иконникъ привезъ его, Епифанія, за границу къ Ивану Иванову, прозваньемъ Работниченку, а отъ него взялъ себѣ Лаврентій въ пустыню и въ келіи училъ его благочестію“ (т. е. старообрядчеству).

[3]) Какимъ чиномъ былъ принятъ Епифаній, объ этомъ положи-

Итакъ первый обрѣтенный. раскольниками архіерей въ сущности былъ не кто иной, какъ выкраденный ими колодникъ, когда-то обманомъ и куплею получившій архіерейское поставленіе, за разныя преступленія лишенный даже священническаго и монашескаго званія и подвергнутый позорной, площадной казни. Впрочемъ и сами старообрядцы скоро возымѣли сомнѣніе насчетъ пріобрѣтеннаго ими епископа. Подлинную исторію того, какъ Епифаній получилъ епископскій санъ, что̀ было съ нимъ прежде и послѣ этого событія, знали немногіе изъ старообрядцевъ; сомнѣніе возбудилъ Епифаній, по сказанію однихъ, собственно тѣмъ, что не скрывалъ своего нерасположенія къ старообрядчеству [1]), а по сказанію другихъ, старообрядцы усомнились главнымъ образомъ относительно его крещенія, — стали подозрѣвать, не крещенъ ли онъ чрезъ обливаніе [2]). При такой подозрительности и недовѣрчивости, взаимныя отношенія между старообрядцами и ихъ первымъ епископомъ сдѣлались крайне натянуты, и когда Епифаній вскорѣ потомъ снова былъ взятъ русскимъ правительствомъ, старообрядцы даже были довольны, что ему пришлось недолго

тельныхъ извѣстій не имѣется. Алексѣевъ пишетъ: „*безъ всякаго испытанія* на архіерейское дѣйство опредѣленъ“ (стр. 65); въ *Очеркахъ поповщины,* на основаніи исторіи Іоны Курносаго, сказано только, что Епифаній „торжественно принятъ въ старообрядство“, и что „черный попъ Іовъ привелъ Епифанія *къ исправѣ*“, — но къ какой исправѣ, т. е. по второму, или третьему чину, опредѣленно не говорится (стр. 121, 123—124); въ *Сказаніи* говорится только, что Лаврентій, въ келіи у котораго Епифаній учился благочестію, „*христіаниномъ нарекъ его* (Это выраженіе можно считать равносильнымъ выраженію: *подвергъ исправѣ;* но по какому чину, — неизвѣстно), и потомъ на Вѣтку представилъ о немъ Павлу казначею и всему народу, и по нѣкоемъ времени *повелѣша ему* на Вѣткѣ въ церкви служити и вся дѣйства правити; онъ же Епифаній нача вся правити, и поповъ поставляти и вся дѣйствовати“.

[1]) Ив. Алексѣевъ: „обрѣтенъ бысть новыхъ догматовъ человѣкъ, откуда вѣтковцы, чувство пріемше, за епископа его не почтоша“ стр. 65).

[2]) Іона Курн. см. *Очерки поповщ.* стр. 120—135. Въ *Сказаніи* и прямо говорится, что онъ „крещенъ обливаніемъ“.

архіерействовать на Вѣткѣ[1]). Тѣмъ не мѣнѣе однакоже въ теченіе семи, или восьми мѣсяцевъ своего архіерействованія у старообрядцевъ Епифаній успѣлъ поставить имъ немало поповъ и дьяконовъ[2]); и хотя вслѣдствіе возникшихъ объ немъ сомнѣній и споровъ старообрядцы отбирали у посвященныхъ имъ поповъ ставленныя грамоты, все таки поповъ епифаніева постановленія у раскольниковъ осталось довольно по разнымъ мѣстамъ[3]); явились даже защитники и приверженцы Епифанія, образовавшіе особую секту, извѣстную въ исторіи раскола подъ именемъ Епифановщины.

Спустя какихъ нибудь пятнадцать лѣтъ по удаленіи Епифанія изъ Вѣтки, не смотря на данный старообрадцамъ урокъ быть разборчивѣе и осторожнѣе въ пріобрѣтеніи архіерея, у нихъ

---

[1]) Въ августѣ 1734 г. Епифаній принятъ въ старообрядчество, а въ апрѣлѣ 1735 года, во время такъ называемой первой „Вѣтковской выгонки“ взятъ и отправленъ въ Кіевъ. По свидѣтельству *Сказанія,* недовольство Епифаніемъ возникло на Вѣткѣ при самомъ его тамъ появленіи, такъ что казначей Павелъ „къ присягѣ ему велѣлъ всѣхъ пригоняти нуждею, а которые не принимали Епифанія за епископа, тѣхъ людей повелѣша нуждею подъ колокольну сажать и мучити, якоже и папежницы творятъ. И сему дѣлу самовидцы жителіе вѣтковскіе, люди тогда ту бывшіе. *И бысть тогда о семъ веліе въ людехъ смятеніе* и смущеніе, печаль и скорбь не мала“. Особенно вооружился противъ Епифанія, по тому же *Сказанію,* „бывшій на Вѣткѣ при церкви попъ ихъ Иванъ Васильевъ“.

[2]) По свидѣтельству *Сказанія,* Епифаній поставилъ на Вѣткѣ двѣнадцать поповъ. Здѣсь же повѣствуется: „Егда оной Епифаній поповъ поставилъ и оные попы начаша крестити и вся священнодѣйствовати, и отъ нихъ надъ крещенными и причащаемыми духовными дѣтьми что явися тогда, яко ужаса достойно сказати! Тогда бѣсновалися всѣ, яко видѣвшимъ ужасатися. И ни единъ отъ ставленниковъ его цѣлъ сохранился, дабы не бѣсновалися. Тогда людіе мнози отвратишася, инудѣ бѣжаша, и видѣти тогда въ народѣ смятеніе великое и смущеніе, а исправляющаго ни единаго тогда“.

[3]) Ив. Алексѣевъ: „отъ ставленныхъ имъ (Епифаніемъ) грамоты начаша вѣтковцы отбирати; увидѣвъ же то, прочіи попы отбѣгоша съ грамотами въ разныя мѣста, и донынѣ (т. е. 1755 г., когда Алексѣевъ писалъ исторію), въ великой чести священная дѣйствуютъ“ (стр. 65).

явились еще два епископа: знаменитая двоица сія были — Аѳиногенъ и Анѳимъ.

Изъ Воскресенскаго монастыря, именуемаго Новой Іерусалимъ, въ сороковыхъ годахъ XVII-го столѣтія бѣжалъ черный дьяконъ Амвросій[1]). Назвавшись священноинокомъ Аѳиногеномъ, онъ отправился искать счастья и наживы къ раскольникамъ, и именно въ Стародубье, замѣнившее Вѣтку послѣ перваго ея разоренія. Здѣсь приняли его въ старообрядчество и допустили къ отправленію священническихъ требъ. Примѣтивъ, что желаніе завѣстись своимъ епископомъ послѣ недавней неудачи нисколько не охладѣло у раскольниковъ, онъ, какъ человѣкъ въ высшей степени ловкій, задумалъ воспользоваться такими благопріятными для него обстоятельствами. Сначала осторожно, съ большими опасеніями, сталъ онъ распространять слухи о своемъ мнимомъ епископствѣ. Когда слухи эти произвели желаемое дѣйствіе, онъ, уже ничѣмъ не стѣсняясь, выдалъ себя за епископа и сочинилъ цѣлую сказку о своемъ посвященіи въ епископскій санъ для нахожденія при сосланномъ императорѣ Иванѣ Антоновичѣ[2]). Правда, между старообрядцами нашлись и люди осторожные, какъ видно, незабывшіе урокъ Епифанія, — стали наводить, гдѣ слѣдовало, нужныя справки о новопоявившемся епископѣ; но пока наводились справки, Аѳиногенъ успѣлъ наставить раскольникамъ и поповъ и дьяконовъ[3]). Въ качествѣ епископа жилъ онъ преимущественно

---

[1]) Іеродіакономъ Амвросія называютъ и Алексѣевъ (стр. 65), и А. Іоанновъ (IV, 18), и Іона Курносый (*Очерки попов.*, стр. 180); кромѣ того у Андрея Іоаннова говорится, что онъ былъ ключаремъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ *Сказаніи* — что былъ здѣсь намѣстникомъ.

[2]) *Очерки попов.*, стр. 170. Въ *Сказаніи* также онъ названъ „ложнымъ царскимъ духовникомъ“. Амвросій называлъ себя еще епископомъ Лукою. Въ *Сказаніи* говорится: „три имя себѣ стяжалъ — первое имя ему бысть Амвросій, второе именова себе Анѳиногеномъ епискупомъ и духовникомъ великаго князя, а на антимисахъ подписывался Лукой епископомъ“.

[3]) По свидѣтельству *Сказанія* Аѳиногенъ „поставилъ въ Польшѣ и на Волынѣ шесть поповъ“.

въ раскольническихъ селеніяхъ по берегамъ Днѣстра и Буга (здѣсь главнымъ его мѣстопребываніемъ было селеніе Борское), также въ Молдавіи, у здѣшнихъ старообрядцевъ: вездѣ принимали Аѳиногена съ полнымъ довѣріемъ, какъ епископа, и дѣйствовать по архіерейски никто ему не препятствовалъ. Когда же, послѣ надлежащихъ справокъ, обманъ обнаружился и слухи о самозванствѣ Аѳиногена начали распространяться по раскольническимъ селеніямъ, онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и бѣжалъ за польскую границу: здѣсь, въ городѣ Каменцѣ, принялъ католичество, записался въ военную службу, женился и на добытыя самозваннымъ архіерействомъ раскольническія деньги сталъ жить настоящимъ паномъ. Это послѣднее превращеніе Аѳиногена изъ раскольническихъ епископовъ въ польскіе жолнеры совершилось въ началѣ 1753 года.

Съ соблазнительной исторіей Аѳиногена имѣетъ тѣсную связь исторія и третьяго раскольническаго епископа — Анѳима. Это былъ чернецъ пожилыхъ уже лѣтъ, человѣкъ быстраго ума и довольно начитанный, но въ высшей степени своенравный, упрямый и надменный. Гордость и сгубила его, сдѣлала „посмѣшищемъ для всѣхъ“. Сначала, къ общему удивленію знавшихъ его старообрядцевъ, Анѳимъ назвался попомъ и сталъ отправлять священническія службы въ имъ самимъ построенной и освященной церкви, въ четырехъ верстахъ отъ Вѣтки („между Гомлею и Вѣткою, при Сожѣ рѣкѣ“, по словамъ Алексѣева), въ мѣстечкѣ Боровицахъ, гдѣ основалъ онъ жительство, прибѣжавъ изъ Москвы съ однимъ купеческимъ семействомъ и какой-то слабоумной богатой барыней, которыхъ умѣлъ забрать въ свои руки[1]). Не довольствуясь тѣмъ, что выдалъ себя

---

[1]) Вотъ что говоритъ Алексѣевъ, какъ видно по всему, знавшій Анѳима лично: „любоначальствомъ ослѣпъ, нача себе глаголати попа, о чемъ до того свѣдущіи его ни въ мысли имяху“ (*Ист. о бѣгст. свящ.*, стр. 65). Въ *Сказаніи* Анѳимъ также называется простымъ чернецомъ. Здѣсь сообщаются слѣдующія извѣстія о его жизни до пріѣзда на Сожу: „Сей Анѳимъ, простый старецъ воронежскаго монастыря Каменскаго (Кременскаго; ср. *Очер.*

попомъ, онъ задумалъ еще, по примѣру Аѳиногена и при его содѣйствіи, сдѣлаться епископомъ. Для поставленія въ епископы онъ нарочно ѣздилъ къ Аѳиногену: тотъ поставилъ его на первый разъ только въ архимандриты. Въ этомъ званіи Анѳимъ, нисколько не стѣсняясь, началъ дѣйствовать по-архіерейски, и даже поставлялъ священниковъ; но все-таки онъ видѣлъ нужду, порядка ради, получить архіерейское поставленіе, за которымъ и обратился еще разъ къ Аѳиногену. Этотъ послѣдній не отказался поставить Анѳима и въ архіереи; но озабоченный распространившимися тогда слухами о его собственномъ самозванствѣ, не нашелъ возможнымъ ни самъ пріѣхать для этого къ Анѳиму, ни его пригласить къ себѣ, потому что не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопребыванія. Условились, чтобы поставленіе совершено было заочно: въ назначенный день, именно въ великій четвертокъ, 11 апрѣля 1753 года, тотъ и другой должны были служить литургію, и въ обычное время Анѳимъ долженъ былъ возложить на себя архіерейскія облаченія, а Аѳиногенъ — прочесть молитвы на поставленіе епископа. Анѳимъ исполнилъ условіе въ точности, — въ опредѣленное время, за торжественной службой, при большомъ стеченіи народа, облекся въ архіерейскія одежды и затѣмъ продолжалъ литургію по архіерейскому Служебнику; а что касается Аѳиногена, то въ это время онъ былъ уже католикомъ и записался на службу въ польскія войска: если онъ вспомнилъ тогда объ Анѳимѣ, облекавшемся въ чинъ архіерейства, то безъ сомнѣнія только затѣмъ, чтобы поглу-

---

попов., стр. 190), и невѣдомо какихъ ради дѣлъ взятъ былъ въ Москву и держался въ Синодѣ тригодищное время. И изъ Синоду тайно бѣжалъ и укрывался въ Москвѣ у такихъ же людей, подобныхъ ему, и *назывался попомъ чернымъ*... Еще обольстилъ домъ пивоваровъ, Михайла Константинова, что на Олховцѣ, и дочерь его прельсти, еще же и боярыню, и съ ними казны много себѣ получилъ и сманилъ ихъ съ собою за границу, и на Вѣтку чернымъ попомъ пріѣхалъ, и вселился на Боровицахъ, въ разстояніи отъ Вѣтки за четыре версты, и тамъ построилъ церковь и самъ освятилъ ту церковь, а антиминсъ въ ту его новоустроенную церковь невѣдомо гдѣ онъ взялъ, о томъ не извѣстно".

миться и надъ Аноимомъ и надъ всѣми раскольниками... Надъ Аноимомъ стали смѣяться и сами раскольники, когда огласилась исторія его мнимаго рукоположенія; а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе серіозные, размышляя объ Аноимѣ и вообще о томъ, что̀ дѣлается въ старообрядчествѣ, пришли въ изумленіе и страхъ: „многихъ смѣхъ на себе привлаче, — пишетъ объ Аноимѣ раскольническій историкъ, — разумнымъ же страхъ, яко тако скорыми ногами къ подложному епископу притече" [1]). Досада и стыдъ принудили Аноима бѣжать съ береговъ Сожи, гдѣ, неподалеку отъ Вѣтки и Стародубья, хотѣлъ онъ утвердить свою епископскую каѳедру. Стопы свои онъ направилъ за рѣку Днѣстръ и дальше — въ предѣлы Молдавіи и нынѣшней Буковины, въ Добруджу и за Кубань, — все съ тою цѣлію, чтобы основаться гдѣ-нибудь въ званіи старообрядческаго епископа. Въ то же время, чувствуя нужду исправить какъ-нибудь свое странное, столько смѣху надѣлавшее, посвященіе въ епископы, онъ обращался къ нѣсколькимъ православнымъ архипастырямъ — Мисаилу Радоуцкому, проживавшему въ Драгомирнскомъ монастырѣ, Іакову Ясскому, Даніилу Браиловскому, — просилъ у нихъ или „навершенія" прежнему поставленію, или новаго рукоположенія. Хотя и трудно повѣрить, чтобы могъ онъ достигнуть этой цѣли, но самъ онъ утверждалъ, что одинъ изъ упомянутыхъ архіереевъ, именно Даніилъ Браиловскій, будто бы дѣйствительно рукоположилъ его, даже назвалъ „епископомъ Кубанскимъ и Хотинскія Раи", а впослѣдствіи „архіепископомъ всего православія". Въ разныхъ мѣстахъ, то въ Добруджѣ, то на Кубани, раскольники дѣйствительно принимали его въ качествѣ епископа и дозволяли ему ставить поповъ, доколѣ, заподозривъ въ обманѣ, не изгоняли съ безчестіемъ. Такъ странствовалъ онъ изъ мѣста въ мѣсто нѣсколько лѣтъ, пока свою бурную, исполненную приключеній, жизнь не кончилъ бѣдственно: раскольники бросили Аноима въ Днѣстръ съ камнемъ на шеѣ.

Такимъ образомъ въ половинѣ XVIII столѣтія, вскорѣ

---

[1]) Алекс. *Ист. о бѣгств. свящ.*, стр. 66.

одинъ за другимъ, явились у раскольниковъ три епископа. Всѣ они поставляли поповъ, вообще совершали архіерейскія дѣйствія, и были привѣтствованы старообрядцами какъ первоначальники столь желаемой ими, собственной, самостоятельной іерархіи; но сами же старообрядцы весьма скоро убѣждались горькимъ опытомъ въ непригодности, въ самозванствѣ каждаго изъ этихъ епископовъ, а двухъ послѣднихъ признали даже позоромъ для старообрядчества, такъ что и самую память объ нихъ желали бы изгладить изъ своихъ лѣтописей [1]).

4. Хлопоты раскольниковъ о пріобрѣтеніи епископа, происходившія въ царствованіе Екатерины II.

Неудачные опыты не охладили въ раскольникахъ желанія завестись собственной іерархіей: они продолжали, какъ и прежде, искать епископовъ; только при этомъ соблюдали уже гораздо больше разборчивости и осторожности относительно личныхъ качествъ и самыхъ способовъ пріобрѣтенія искомыхъ епископовъ.

Эти исканія особенно усилились у раскольниковъ въ царствованіе императрицы Екатерины II, когда въ гражданскомъ, общественномъ и религіозномъ положеніи старообрядцевъ послѣдовала значительная перемѣна къ лучшему. По вступленіи на престолъ, Екатерина предоставила старообрядцамъ права, какихъ они доселѣ никогда не имѣли, — права, во многомъ уравнявшія ихъ съ прочими гражданами государства; немалую также предоставила имъ свободу въ исповѣданіи ихъ вѣры, въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ.

---

[1]) Такъ напр. *Сказаніе вкратцѣ* совсѣмъ не упоминаетъ объ Аѳиногенѣ и Анѳимѣ, какъ будто ихъ и не бывало, а говоритъ объ одномъ только Епифаніи. На собраніи же старообрядцевъ поповщинскаго и безпоповщинскаго согласія, происходившемъ около 1765 года, не было рѣчи даже о Епифаніи, — упомянутъ одинъ только Павелъ, епископъ Коломенскій, „за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвый“ и „преемниковъ по себѣ никого не оставившій“ (Андр. Іоан. *Извѣст. о раск.* ч. II, стр. 70).

Этимъ улучшеніемъ общаго положенія старообрядцевъ она желала особенно привлечь обратно въ Россію находившихся за границей раскольниковъ. И перемѣна правительственныхъ отношеній къ расколу дѣйствительно не осталась безъ послѣдствій: пограничныя мѣста, доселѣ служившія какъ бы центрами старообрядчества, откуда исходили церковныя и иныя узаконенія, имѣвшія обязательную силу для всего почти старообрядческаго міра, въ царствованіе Екатерины II утратили свое прежнее значеніе, и напротивъ внутри государства, частію на старыхъ мѣстахъ, частію на новыхъ, образовались сильныя по своимъ матеріальнымъ средствамъ и религіозному значенію старообрядческія общины, къ которымъ начали тяготѣть всѣ прочія, подчинившія себя ихъ вліянію, — таковы Стародубье въ южной половинѣ Россіи, Иргизъ — въ восточной, и особенно Москва, которая сдѣлалась какъ бы средоточіемъ раскола. Рѣшеніе церковныхъ старообрядческихъ вопросовъ, происходившее доселѣ главнымъ образомъ за литовскимъ рубежомъ, производится теперь здѣсь, во внутреннихъ предѣлахъ Россіи, въ мѣстахъ сдѣлавшихся центральными для старообрядческихъ населеній, и преимущественно въ Москвѣ: здѣсь же теперь и для рѣшенія вопросовъ о пріобрѣтеніи епископства, вообще объ устройствѣ іерархическихъ дѣлъ у старообрядцевъ, открываются совѣщанія, собираются многолюдные соборы, о какихъ прежде не смѣли и помыслить старообрядцы.

Въ первые же годы царствованія Екатерины II по вопросу о пріобрѣтеніи епископа происходило въ Москвѣ у старообрядцевъ замѣчательное совѣщаніе, въ которомъ участвовали не только поповцы московскіе и стародубскіе, но и раскольники главныхъ безпоповщинскихъ согласій — Поморскаго и Ѳедосѣевскаго[1]). Главною цѣлью этого собранія представи-

[1]) Въ запискѣ неизвѣстнаго автора о исканіи епископа старообрядцами, напечатанной у А. Іоаннова, сказано, что настоящее совѣщаніе происходило именно въ 1765 году (ч. IV, стр. 80); самъ же А. Іоанновъ, сообщая подробности этого совѣщанія, не означилъ въ точности года, когда оно происходило, а сказалъ только „въ началѣ царствованія императрицы Екатерины Алексѣевны вторыя“ (ч. II, стр. 69).

телей столь различныхъ и враждебныхъ между собою толковъ было взаимное обсужденіе способовъ, какими можно было бы достигнуть прекращенія прискорбныхъ и гибельныхъ для старообрядчества раздоровъ и раздѣленій на секты, возстановить въ немъ единство и подобающее „древлеправославной" церкви устройство. Всѣ согласны были, что единственнымъ къ тому средствомъ служило бы пріобрѣтеніе „древлеправославнаго" епископа, при которомъ ихъ глаголемая церковь во всемъ согласовала бы древней, до лѣтъ Никона патріарха въ неповрежденномъ православіи и благочестіи пребывавшей. Но какимъ способомъ пріобрѣсти „древлеправославнаго" епископа? Старообрядцы поповскаго согласія, въ виду благоснисходительности правительства къ раскольникамъ, предлагали обратиться къ „великороссійскимъ архипастырямъ" для поставленія въ епископы избраннаго общимъ совѣтомъ старообрядцевъ кандидата, котораго приняли бы потомъ по извѣстному чину; на такую мѣру не соглашались и не могли согласиться безпоповцы, уже окончательно рѣшившіе вопросъ объ отношеніи къ церкви Грекороссійской и въ силу этого рѣшенія признавшіе незаконнымъ принятіе даже бѣгствующихъ отъ церкви священниковъ, — и имъ-то, безъ сомнѣнія, принадлежала мысль: нужды ради, которая „всѣхъ средствъ, какія ведутъ къ точному исполненію всего въ законѣ, хранить и исполнять не обязана, но свободна", сдѣлать премѣненіе закону, прибѣгнуть къ чрезвычайному способу поставленія епископа, на который однакоже имѣлся бы въ святоотеческихъ подобіяхъ образецъ[1]). Именно предло-

---

[1]) У А. Іоаннова (ч. II, стр. 70—72) приводятся отмѣченные вносными знаками отрывки, какъ надобно полагать, современной записки какого-то старообрядца объ этомъ раскольническомъ совѣщаніи. Въ этой запискѣ приведены весьма замѣчательныя слова, принадлежащія, какъ мы полагаемъ, кому-либо изъ представителей безпоповства, въ которыхъ прямо указано въ чемъ состоятъ „нуждныя" обстоятельства старообрядцевъ: „Цѣлое миновало столѣтіе, какъ *православная церковь постепеннаго священства лишилась, и мы остаемся безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей.* Въ смут-

жили поставить избранное лицо, на основаніи бывшаго въ древлерусской церкви святоподобія[1]), главою св. Златоуста, а потомъ, когда это было признано неудобнымъ, — рукою митрополита Іоны, или другого изъ почивающихъ въ Москвѣ святителей, каковое посвященіе, какъ они разсуждали, уже несумнительно было бы древлеправославнымъ[2]). Предложеніе

ное Никоново время, хотя и остался Павелъ епископъ, за древнее благочестіе изгнаніе претерпѣвшій; но *преемникомъ по себѣ никого намъ не оставилъ*. Также при жизни его и послѣ, хотя и обрѣтались кое-гдѣ православные древніе *священники*, но и *тѣ вси*, Богу тако опредѣлившу, *преидоша въ вѣчные кровы*. Мы же, хотя послѣдователи и ученики ихъ, но руковозложенія и освященія къ служенію въ Божіей церкви таинствъ *ни единъ изъ насъ ничего не имѣетъ;* и потому мы въ крайней нуждѣ и расточеніи находимся; нужда же" и проч. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго замѣчанія, во-первыхъ, то, что единственнымъ старообрядческимъ епископомъ признается Павелъ Коломенскій, — ни объ одномъ изъ недавнихъ самозванныхъ епископовъ нѣтъ и помину; во-вторыхъ — то откровенное признаніе, что старообрядцы съ давнихъ лѣтъ остаются „безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей". Если отъ недавно бывшихъ самозванныхъ епископовъ могли отказаться и сами поповцы, находившіеся на совѣщаніи, то никакъ уже не могли они, столько времени пробавляясь бѣгствующимъ священствомъ, говорить, что цѣлое столѣтіе остаются безъ спасительныхъ таинствъ и безъ пастырей. Вотъ почему приведенныя выше слова и самую мысль о поставленіи епископа чрезвычайнымъ способомъ, на основаніи нуждныхъ обстоятельствъ, мы приписываемъ безпоповщинскимъ членамъ совѣщанія. Что касается ученія о „нуждныхъ обстоятельствахъ", то въ старообрядчествѣ и тогда уже оно было не новостью, даже въ примѣненіи къ вопросу о поставленіи епископа: Аѳимъ просилъ заочнаго поставленія у Аѳиногена также на основаніи чрезвычайнаго примѣра — какъ Ѳедимъ поставилъ св. Григорія Чудотворца; впослѣдствіи, какъ увидимъ, учредители Бѣлокриницкой іерархіи развили это ученіе съ особенной полнотой, составили цѣлую теорію руководства „нуждными обстоятельствами".

[1]) „По примѣру Климента митрополита кіевскаго, освященнаго главою Климента папы римскаго, взятою отъ мощей россійскими архіереями" (Іоан. ч. II, стр. 71).

[2]) У А. Іоаннова, въ упомянутой запискѣ, говорится именно о рукѣ святителя Іоны (ч. II, стр. 71); а въ напечатанной у него же за-

это сначала принято было въ совѣщаніи какъ мудрое, рѣшающее всѣ затрудненія; но, по размышленіи болѣе зрѣломъ, отвергнуто, какъ неудобоисполнимое и съ существомъ дѣла не вполнѣ сообразное. Этимъ и кончилось совѣщаніе[1]).

Когда такимъ образомъ осталась безуспѣшною эта новая попытка къ учрежденію самостоятельной старообрядческой іерархіи, предпринятая по взаимному согласію раскольниковъ различныхъ сектъ: тогда поморскіе и ѳедосѣевскіе учители навсегда уже отказались отъ мысли о возстановленіи „древлеправославной“ іерархіи, отъ исканія архіерейства; поповцы, напротивъ, съ прежнимъ и даже большимъ усердіемъ продолжали это исканіе, твердо держась при томъ своей прежней мысли о пріобрѣтеніи епископа отъ церкви православной по примѣру бѣгствующихъ священниковъ. Вскорѣ же послѣ описаннаго совѣщанія обратились они съ просьбою о поставленіи епископа къ находившемуся въ Москвѣ, бывшему грузинскому, архіепископу Аѳанасію: Аѳанасій, конечно, не вполнѣ понимавшій значеніе этой просьбы, отказался исполнить ее на томъ только основаніи, что, состоя подъ вѣдѣніемъ Св. Синода и не имѣя своей каѳедры, дѣйствовать самостоятельно не можетъ; онъ посовѣтовалъ старообрядцамъ отправиться въ Грузію, гдѣ, какъ увѣрялъ онъ, желаніе ихъ удобно можетъ быть достигнуто. Старообрядцы не оставили безъ вниманія этотъ совѣтъ, дѣйствительно отправили за Кавказъ избранныхъ людей просить епископа отъ грузинскихъ архипастырей; но посланные принуждены были возвратиться назадъ, не доѣхавъ до Грузіи, такъ какъ сообщеніе съ Кавказомъ по причинѣ открывшихся военныхъ дѣйствій было прервано[2]). По-

---

пискѣ другого старообрядца сказано, что „вознамѣрились поставить мощами св. Филиппа митрополита“ (ч. IV, стр. 80).

[1]) Подробности см. у А. Іоаннова (ч. II, стр. 69—73), также у пр. Макарія въ *Ист. раск.* (стр. 388).

[2]) Извѣстія о сношеніяхъ раскольниковъ съ архіепископомъ грузинскимъ Аѳанасіемъ и о посольствѣ въ Грузію, равно какъ о послѣдующихъ сношеніяхъ съ другими православными архіереями, сообщаются только въ запискѣ неизвѣстнаго автора, напечатанной

томъ жившіе за Днѣпромъ поповцы дѣлали попытку склонить крымскаго митрополита къ поставленію для нихъ епископа; но митрополитъ, очевидно, разумѣя ихъ просьбу, какъ просьбу объ учрежденіи за Днѣпромъ новой православной епископіи, не нашелъ возможнымъ исполнить оную безъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ патріарха Константинопольскаго, — высшей церковной власти, отъ которой и самъ стоялъ въ зависимости. Такимъ образомъ и отсюда раскольники возвратились ни съ чѣмъ. Есть извѣстіе, что около того же времени старообрядцы дѣлали приглашенія поступить къ нимъ въ епископы нѣкоторымъ изъ русскихъ архипастырей, и въ томъ числѣ святителю Воронежскому Тихону, который, какъ видно, и въ старообрядческихъ обществахъ возбуждалъ благоговѣніе своею святою жизнію[1]). Само собою разумѣется, что у русскихъ архипастырей предложенія раскольниковъ имѣли еще менѣе успѣха, нежели у незнакомыхъ съ расколомъ иноземныхъ православныхъ архіереевъ. Между тѣмъ случились въ Москвѣ,

---

у А. Іоаннова (ч. IV. стр. 78—81) и частію въ сочиненіи инока Виталія: *О церкви и раскольникахъ*.

[1]) Въ приведенной у А. Іоаннова запискѣ неизвѣстнаго автора который одинъ только и говоритъ о сношеніяхъ раскольниковъ съ святителемъ Тихономъ, не указано съ точностью, когда именно это было и гдѣ жилъ тогда святитель; но такъ какъ въ запискѣ примѣтно вообще соблюденіе хронологическаго порядка, а извѣстіе о сношеніяхъ раскольниковъ съ св. Тихономъ помѣщено вслѣдъ за извѣстіемъ о неудачной попыткѣ старообрядцевъ проѣхать въ Грузію, сдѣланной въ 1767 или 1768 г., то и можно предполагать, что сношенія эти происходили вскорѣ послѣ указанныхъ годовъ, быть можетъ именно вслѣдъ за тѣмъ, какъ святитель Тихонъ удалился на покой (въ декабрѣ 1767 года) и жилъ еще въ Толшескомъ монастырѣ, который первоначально избралъ себѣ пріютомъ. Предположеніе это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что тогдашній настоятель Толшескаго монастыря былъ привержень къ расколу и могъ поэтому быть соучастникомъ и посредникомъ раскольниковъ въ сношеніяхъ съ святителемъ: то между прочимъ обстоятельство, что настоятель оказался приверженцемъ раскола, и побудило святителя Тихона переселиться изъ Толшескаго монастыря въ Задонскъ (См. соч. *Тихонъ еп. Воронеж. и Елец.* 1884 г. стр. 19).

у здѣшнихъ поповцевъ, событія которыя, не имѣя повидимому тѣсной связи съ занимавшимъ старообрядцевъ дѣломъ объ исканіи архіерейства, оказали однакоже на судьбу этого дѣла рѣшительное вліяніе.

5. Перемазанскій соборъ въ Москвѣ и его значеніе въ отношеніи къ вопросу о раскольническомъ архіерействѣ.

Безплодныя исканія архіереевъ, а равно и пріобрѣтеніе такихъ, какъ Епифаній, Аѳиногенъ, Анѳимъ, само собою разумѣется, не избавили раскольниковъ отъ необходимости имѣть бѣгствующихъ отъ Великороссійской церкви іереевъ,– и бѣглые попы у нихъ дѣйствительно имѣлись постоянно, хотя и были пріобрѣтаемы съ немалымъ трудомъ и съ явнымъ отвращеніемъ отъ этихъ „чужеименныхъ" пастырей. Съ воцаренія императрицы Екатерины II-й открылся и для бѣглыхъ поповъ болѣе свободный доступъ къ раскольникамъ. Особенно стремились они въ тѣ, образовавшіяся во внутреннихъ предѣлахъ имперіи, богатыя старообрядческія общины, гдѣ внѣшнее довольство и матеріальныя выгоды служили для нихъ сильной приманкой. Такимъ вожделѣннымъ пріютомъ для бѣгствующаго священства явилось въ Москвѣ, вскорѣ же послѣ своего учрежденія въ 1771 году быстро возраставшее и богатѣвшее, Рогожское Кладбище. Здѣсь-то одинъ изъ бѣглыхъ поповъ, Василій Стефановъ[1]), успѣвшій пріобрѣсти себѣ великій почетъ у московскихъ поповцевъ, проповѣдуя, что приходящихъ отъ Великороссійской церкви мірянъ и священнаго чина, на основаніи якобы древнихъ примѣровъ, надлежитъ принимать непремѣнно вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе („перемазывать" по выраженію поповцевъ), задумалъ ради вящшаго укорененія этого обычая, а болѣе изъ своихъ личныхъ расчетовъ, устроить на Кладбищѣ вареніе мѵра, такъ какъ по сознанію самихъ старообрядцевъ древняго, іосифовскихъ вре-

[1]) По свидѣтельству А. Іоаннова (ч. IV, стр. 38) этотъ попъ Василій бѣглый господскій человѣкъ; едва ли даже имѣлъ онъ и священный санъ.

менъ, мvра у нихъ тогда уже не имѣлось и перемазывать было нечѣмъ. Святотатственное дѣйствіе это было совершено на Рогожскомъ Кладбищѣ въ 1777 году.

Такимъ образомъ въ Москвѣ, не думая долго, рѣшили для всего старообрядчества доселѣ остававшійся не рѣшеннымъ окончательно вопросъ о чинопріятіи бѣгствующихъ отъ Великороссійской церкви священниковъ, признавъ за несомнѣнное, что они должны быть принимаемы по второму чину. Но и теперь, какъ прежде, рѣшеніе этого вопроса вызвало у старообрядцевъ горячіе споры, которые и въ отношеніи къ исканію архіерейства имѣли послѣдствія очень важныя.

Наиболѣе сильными противниками перемазанства явились старообрядцы Дьяконова согласія, у которыхъ издавна принято было правиломъ — принимать приходящихъ отъ Великороссійской церкви духовныхъ и мірянъ по третьему чину. Притомъ же въ рогожскомъ ученіи о перемазанствѣ они видѣли рѣшительное препятствіе къ принятію отъ Великороссійской церкви епископовъ, о чемъ они старались ревностнѣе всѣхъ прочихъ старообрядцевъ. Дьяконовцы объявили, что введенное рогожскими учителями принятіе бѣгствующихъ священниковъ вторымъ чиномъ, подъ мvропомазаніе, противно церковнымъ правиламъ и, какъ незаконное, должно быть оставлено, — что принятіе должно быть совершаемо, согласно правиламъ, по третьему чину. На возраженія Дьяконовцевъ рогожцы отвѣчали дерзкимъ требованіемъ — безпрекословно подчиниться принятому у нихъ ученію. Между тѣми и другими начались препирательства. Со стороны Дьяконовцевъ главнымъ дѣятелемъ явился стародубскаго Покровскаго монастыря инокъ Никодимъ, успѣвшій показать себя горячимъ приверженцемъ мысли о пріобрѣтеніи епископа отъ церкви православной на московскомъ совѣщаніи 1765 года и принимавшій личное участіе въ совершенной съ сею цѣлію неудачной поѣздкѣ въ Грузію. Споры Дьяконовцевъ съ защитниками перемазанства обратили на себя вниманіе всего старообрядчества и грозили ему новымъ раздѣленіемъ. Чтобы положить имъ конецъ и предотвратить такой печальный ис-

ходъ ихъ, признали необходимымъ подвергнуть вопросъ о чинопріятіи бѣгствующаго священства общесоборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ концѣ 1779 г. и въ началѣ 1780 дѣйствительно происходили съ этою цѣлію многочисленныя и многолюдныя собранія московскихъ и разныхъ мѣстъ старообрядцевъ, нарочно для сего пріѣхавшихъ въ Москву. Здѣсь инокъ Никодимъ побѣдоносно состязался съ рогожскими учителями, во всей очевидности раскрылъ несостоятельность защищаемаго ими обычая — подвергать мѵропомазанію священниковъ, *принимаемыхъ* отъ церкви *въ сущемъ ихъ санѣ*, доказалъ неопровержимыми доводами, что отъ подлежащихъ мѵропомазанію еретиковъ втораго чина приходящія священныя лица въ сущемъ ихъ санѣ принимаемы быть не могутъ, но паки поставляются въ свои саны, и потому приходящіе къ старообрядцамъ отъ Великороссійской церкви священники, какъ не лишаемые принадлежащихъ имъ сановъ и не требующіе новаго поставленія, должны быть принимаемы по образцу еретиковъ не втораго, а третьяго чина, т.-е. чрезъ одно проклятіе ересей[1]). Но ни краснорѣчіе Никодима, ни сила его доказательствъ, какъ извѣстно, не вразумили рогожскихъ ревнителей перемазанства, уже гордыхъ своимъ богатствомъ и значеніемъ въ старообрядчествѣ, „искавшихъ, по выраженію Никодима, не правды и разсмотрѣнія, но побѣды и одолѣнія“: желаемое общесоборное мирное рѣшеніе вопроса о чинопріятіи бѣгствующихъ іереевъ не состоялось; напротивъ случилось именно то, чего не желали, — совершенное отдѣленіе Дьяконовцевъ, оставшихся при своемъ мнѣніи, отъ сторонниковъ Рогожскаго Кладбища, которые въ свою очередь упорно держались обычая „перемазывать“ бѣглыхъ поповъ и получили съ этого времени названіе „перемазанцевъ“,—они составили огромное большинство въ поповщинѣ[2]).

---

[1]) См. изданное нами подлинное „Сказаніе о московскомъ поповщинскомъ соборѣ 1779—1780 гг.“.

[2]) Обширному, почти повсюдному распространенію перемазанства между поповцами особенно много содѣйствовало то обстоятельство, что ученіе это было принято на Иргизѣ, который имѣлъ дозволеніе

Тѣ и другіе пошли теперь совершенно различными путями.

Дьяконовцы, послѣ отдѣленія отъ перемазанцевъ, еще съ большимъ усердіемъ стали искать сближенія съ церковію чрезъ пріобрѣтеніе отъ оной епископовъ. Послѣ новой неудачной попытки получить епископа тѣми же способами, какіе были употребляемы прежде[1]), они рѣшились искать священства законнымъ порядкомъ отъ Россійскаго Святѣйшаго Синода. Главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ въ этомъ предпріятіи былъ тотъ же инокъ Никодимъ и предпріятіе его, какъ извѣстно, кончилось учрежденіемъ Единовѣрія. Единовѣріе, открывая чтителямъ такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ законную возможность имѣть для отправленія всѣхъ церковныхъ службъ по напечатаннымъ до Никонова патріаршества богослужебнымъ книгамъ священниковъ, поставленнымъ православными епископами и состоящихъ въ іерархической отъ сихъ послѣднихъ зависимости, то есть, и при соблюденіи своихъ особыхъ обрядовъ, быть членами истинной церкви, имѣющей полную, въ трехъ чинахъ, и законно устроенную іерархію, послужило для Никодима и всѣхъ подобныхъ ему искреннихъ искателей архіерейства прямымъ исходомъ изъ этихъ почти столѣтнихъ безплодныхъ исканій. Для всѣхъ старообрядцевъ, болѣе или менѣе ясно сознающихъ лживость чужеименнаго

отъ правительства пользоваться бѣглыми попами и вслѣдствіе этого пріобрѣлъ большое значеніе для всего старообрядчества: здѣсь въ 1782 и 1783 годахъ также происходили соборы, утвердившіе принятіе бѣглыхъ поповъ подъ муропомазаніе (*Русск. Вѣст.* т. LI, стр. 14). Кромѣ того въ оффиціальныхъ актахъ упоминается о такихъ же постановленіяхъ, сдѣланныхъ всѣми иргизскими монастырями въ 1792 и 1805 годахъ (*Собр. постановленій по части раскола,* стр. 136).

[1]) Здѣсь мы разумѣемъ слѣдующее событіе, время котораго обозначено у инока Виталія въ его сочиненіи *о церкви и раскольникахъ:* въ 1781 году, по совѣту Никодима, отправленъ былъ для поставленія въ епископы стародубскій бѣглый іеромонахъ Іосифъ къ находившемуся въ мѣстечкѣ Немировѣ греческому митрополиту Евсевію, котораго однакоже въ Немировѣ онъ не засталъ.

бѣгствующаго священства, ищущихъ законной, правильно устроенной іерархіи, но вмѣстѣ желающихъ сохранить и свои такъ называемые старые обряды, Единовѣріе дѣйствительно сдѣлалось вожделѣннымъ средствомъ удовлетворенія ихъ завѣтныхъ желаній. Вотъ почему со времени его учрежденія мы уже не видимъ попытокъ къ пріобрѣтенію своего собственнаго епископа въ той, не зараженной раскольническимъ фанатизмомъ и невѣжествомъ, такъ сказать, лучшей половинѣ старообрядчества, представителями которой были старообрядцы Дьяконова согласія: для нихъ вопросъ объ архіерействѣ, о правильно устроенной іерархіи, рѣшенъ былъ учрежденіемъ Единовѣрія, — и на такое его рѣшеніе не мало повліяли именно споры Дьяконовцевъ съ защитниками перемазанства[1]).

Съ своей стороны и раскольники, принявшіе ученіе перемазанцевъ, со времени этихъ споровъ, можно сказать, также покончили съ вопросомъ о епископствѣ, объ особой раскольнической іерархіи, устранивъ его, какъ уже излишній теперь. Если въ началѣ мысль о пріобрѣтеніи епископовъ и самое исканіе архіерейства были вызваны разными сомнѣніями и недоумѣніями относительно чинопріятія бѣгствующихъ священниковъ, то теперь, когда на Рогожскомъ Кладбищѣ такъ отважно порѣшили со всѣми на этотъ счетъ недоумѣніями, провозгласивъ перемазанство всеобдержнымъ обычаемъ пріятія бѣгствующихъ іереевъ, очевидно, уничтоженъ былъ самый поводъ къ исканію архіерейства: не питая болѣе никакихъ сомнѣній относительно бѣглыхъ поповъ, принимаемыхъ вторымъ чиномъ, большинство раскольниковъ удовлетворялось ими вполнѣ и не видѣло никакой надобности же-

---

[1]) Явившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ средѣ самихъ единовѣрцевъ мысль о самостоятельныхъ единовѣрческихъ епископахъ не можетъ служить опроверженіемъ сейчасъ сказаннаго нами, такъ какъ мысль эта принадлежала небольшой партіи, состоявшей изъ людей, очевидно, не имѣющихъ правильнаго понятія о Единовѣріи, и болѣе тяготѣвшихъ къ расколу, нежели къ церкви.

лать своихъ собственныхъ епископовъ, хлопотать объ учрежденіи своей собственной іерархіи. И съ этого времени, въ теченіе полустолѣтія, въ этой многочисленнѣйшей половинѣ старообрядцевъ поповщинскаго согласія мы также не видимъ попытокъ къ пріобрѣтенію архіерейства; бѣглопоповство же, напротивъ, въ теченіе этого полустолѣтія достигло небывалаго дотолѣ процвѣтанія: способъ пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ организовался въ цѣлую систему, образовались центры, откуда бѣглые попы, какъ бы получая своего рода посвященіе, расходились по разнымъ мѣстамъ, гдѣ раскольники имѣли въ нихъ нужду, и между этими центрами первенствующее значеніе пріобрѣлъ Иргизъ [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что явленіе это своимъ существованіемъ весьма много обязано было и той свободѣ, какою вообще пользовались раскольники при Екатеринѣ II-й и Александрѣ I-мъ, въ частности же тому снисходительному воззрѣнію на самихъ бѣглыхъ раскольническихъ поповъ, котораго держалось въ это время правительство и крайнимъ выраженіемъ котораго были Высочайше утвержденныя 26 марта 1822 г. правила, предоставлявшія бѣглымъ попамъ, если только не было за ними уголовныхъ преступленій, право безпрепятственнаго пребыванія и отправленія службы у раскольниковъ во всѣхъ мѣстахъ, съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобы они „для порядка вели метрики“ и представляли метрическія вѣдомости гражданскому начальству [2]).

Итакъ, со времени знаменитыхъ споровъ между старообрядцами Дьяконова согласія и такъ называемыми Перемазанцами исканій архіерейства въ старообрядчествѣ уже не было въ теченіе цѣлаго полустолѣтія: наиболѣе искренніе искатели правильно устроенной іерархіи нашли себѣ удовлетвореніе

---

[1]) По словамъ г. Мельникова, раскольническихъ поповъ, вышедшихъ съ Иргиза въ началѣ XIX столѣтія, по разнымъ мѣстамъ проживало у раскольниковъ болѣе 200 человѣкъ (*Р. Вѣст.* т. LI, стр. 17).

[2]) *Собр. пост. по части раск.* стр. 53.

въ Единовѣріи; большинство же раскольниковъ, рѣшивъ себѣ, хотя и съ явнымъ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, вопросъ о чинопріятіи бѣглыхъ поповъ, умѣло вполнѣ примириться съ этимъ такъ называемымъ „бѣгствующимъ“ священствомъ, — и такъ какъ вслѣдствіе предоставленной имъ свободы и при помощи своихъ богатыхъ матеріальныхъ средствъ недостатка въ бѣглыхъ попахъ они никогда не имѣли, то мысль о пріобрѣтеніи своего собственнаго епископа была оставлена ими окончательно. Тогда только снова возникаетъ въ средѣ ихъ эта прежняя мысль, когда строгія мѣры правительства положили конецъ свободному доступу къ нимъ бѣглыхъ поповъ, когда началось и почувствовалось „оскудѣніе бѣгствующаго священства“, какъ нѣкогда „оскудѣніе священства древлеправославнаго“.

6. Мѣры, принятыя императоромъ Николаемъ I-мъ къ уничтоженію бѣглопоповства, и ихъ вліяніе на старообрядчество.

Быстрое распространеніе бѣглопоповства, особенно послѣ изданія указа 26 Марта 1822 года, равно какъ вообще широкое развитіе раскола вслѣдствіе злоупотребленій раскольниковъ предоставленною имъ религіозною свободою, обратили на себя особенное вниманіе императора Николая Павловича и внушили ему заботу о принятіи необходимыхъ мѣръ къ искорененію такихъ, по его искреннему убѣждѣнію, оскорбительныхъ для православной церкви и нетерпимыхъ въ благоустроенномъ государствѣ явленій. Въ теченіи первыхъ десяти съ небольшимъ лѣтъ его царствованія были изданы имъ одно за другимъ многочисленныя распоряженія и узаконенія, направленныя къ постепенному сокращенію полученныхъ раскольниками въ прежнія времена разнаго рода вольностей и льготъ,— узаконенія, въ общей своей совокупности выражавшія именно твердое и неуклонное намѣреніе императора положить конецъ если не самому существованію, то покрайней мѣрѣ процвѣтанію и дальнѣйшему распространенію раскола, въ частности же — прекратить „прискорбное для православной церкви“ бѣглопоповство.

Первымъ стѣснительнымъ для раскольническихъ бѣглыхъ поповъ распоряженіемъ императора Николая было воспрещеніе имъ разъѣзжать изъ одного мѣста въ другое. По возбужденному пермскимъ гражданскимъ губернаторомъ вопросу, „могутъ ли старообрядческіе священники отлучаться отъ своихъ мѣстъ для исправленія требъ въ другія губерніи“, Комитетъ министровъ 10 Мая 1827 года мнѣніемъ положилъ: „переходы раскольническимъ священникамъ для исправленія требъ изъ уѣзда въ уѣздъ, а тѣмъ болѣе изъ губерніи въ губернію, *рѣшительно воспретить*, въ случаѣ же переѣздовъ ихъ, если не будутъ имѣть надлежащихъ видовъ, поступать съ ними, какъ съ бродягами“. 24 числа того же мѣсяца, утверждая это мнѣніе, императоръ Николай собственноручно сдѣлалъ слѣдующую, многозначительную въ отношеніи къ дальнѣйшимъ дѣламъ подобнаго рода, надпись: *весьма справедливо*[1]). Въ томъ же 1827 году, 8-го Ноября, состоялось Высочайшее опредѣленіе о попахъ Рогожскаго Кладбища, чтобы находившихся тамъ до этого времени „оставить въ покоѣ“, но отселѣ „*новыхъ отнюдь не принимать*“[2]). Это распоряженіе было тѣмъ важнѣе и тѣмъ чувствительнѣе для раскольниковъ, что касалось одного изъ главныхъ центровъ поповщины и внушало опасеніе новыхъ въ томъ же смыслѣ распоряженій, которыя дѣйствительно и не замедлили послѣдовать относительно раскольническихъ поповъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, — именно Петербурга и Пермской губерніи[3]). Затѣмъ распоряженіе это повелѣно было примѣнить и ко всѣмъ старообрядческимъ обществамъ въ Россіи: 31 Января 1832 г.

---

1) *Собр. пост. по части раск.* стр. 73—74.

2) Тамъ же стр. 77. Относительно Рогожскаго Кладбища въ 1834 году, января 4-го, состоялось еще Высочайшее повелѣніе: „не дозволять ни по какому случаю въ Москвѣ оставаться пріѣзжающимъ изъ другихъ мѣстъ, такъ называемымъ раскольничьимъ, или бѣглымъ попамъ, а еще менѣе допускать имъ исправленіе требъ и временное пребываніе на Рогожскомъ Кладбищѣ“ (тамъ же стр. 102—103).

3) Распоряженіе относительно Пермской губерніи состоялось также въ 1827 г. (см. Варадинова *Ист. Мин. Внут. Дѣлъ*, т. VIII, стр. 209).

именно состоялось Высочайшее утвержденіе сдѣланнаго секретнымъ комитетомъ постановленія — „распространить на всѣ губерніи послѣдовавшее Высочайшее повелѣніе для С.-Петербурга, Москвы и Пермской губерніи, чтобы вновь не позволять появляться бѣглымъ попамъ у раскольниковъ, но прежнихъ оставить въ покоѣ, какъ живущихъ на мѣстахъ“ [1]). Въ 1836 году, Января 17-го, распоряженіе это еще разъ, и съ особенной силой, подтверждено было относительно Иргизскихъ монастырей, занимавшихся попреимуществу добываніемъ и доставленіемъ въ разныя мѣста бѣглыхъ поповъ: повелѣно было „обязать старшинъ, или, какъ раскольники ихъ называютъ, настоятелей Иргизскихъ монастырей подписками впредь не принимать въ сіи монастыри на исправу бѣглыхъ поповъ, такъ какъ сіе противно и церковнымъ и гражданскимъ законамъ, съ тѣмъ что ежели кто осмѣлится сдѣлать такую исправу, то допустившіе сіе старшины, а равно совершившіе и принявшіе оную попы будутъ преданы суду, какъ распространители ересей“. Вообще принятіе бѣглыхъ поповъ раскольниками подъ исправу было объявлено дѣломъ „сколь постыднымъ для нихъ, столь же прискорбнымъ для православной церкви“ [2]).

Въ своей постепенности и въ своей общей совокупности, всѣ эти направленныя противъ бѣглопоповства распоряженія и узаконенія, при болѣе или менѣе точномъ и строгомъ ихъ приложеніи, должны были привести къ той именно цѣли, какую правительство и имѣло въ виду, — къ такъ называемому у раскольниковъ „конечному оскудѣнію бѣгствующаго священства“, или, говоря проще, къ совершенному прекращенію „прискорбнаго для православной церкви“ бѣглопоповства. И никто не понималъ это лучше самихъ раскольниковъ. Правда, они умѣли, а теперь и еще больше научились, безнаказанно уклоняться отъ исполненія разныхъ правительственныхъ распоряженій: имѣя возможность и будучи готовы во всякое время какою бы то ни было цѣною купить благосклонную снисхо-

---

[1]) *Собр. пост. по части раск.* стр. 90.

[2]) Тамъ же стр. 137.

дительность ближайшихъ исполнителей этихъ распоряженій, они успѣвали парализовать всякую мѣру правительства, направленную противъ раскола, какъ бы разумно ни была она придумана. И строгія постановленія относительно бѣгствующаго священства они умѣли обходить до извѣстной степени: не смотря на всѣ строгости, бѣглые попы, только уже соблюдаемые въ тайнѣ, являлись у нихъ и теперь. Но все же нельзя было не видѣть, что постановленія эти, угрожавшія въ близкомъ будущемъ, съ постепеннымъ вымираніемъ наличныхъ дозволенныхъ поповъ, окончательнымъ прекращеніемъ этого „дозволеннаго" священства, нанесли роковой ударъ бѣглопоповству вообще. Тайные, съ величайшими предосторожностями съ мѣста на мѣсто переѣзжавшіе попы не могли вполнѣ замѣнить дозволенныхъ. Кромѣ того, что ихъ пріобрѣтеніе, препровожденіе съ мѣста на мѣсто и охраненіе во время отправленія ими своихъ обязанностей сопряжены были съ большими расходами и угрожали постоянной опасностью, личныя качества этихъ, такъ называемыхъ „проѣзжихъ" поповъ внушали сомнѣніе и отвращеніе даже невзыскательнымъ на этотъ счетъ раскольникамъ: всѣ они предавались безобразному пьянству и распутству; а такъ какъ относительно ихъ уже нельзя было раскольникамъ собирать такія точныя справки, какія дѣлались о прежнихъ „дозволенныхъ" попахъ, то между ними нерѣдко оказывались запрещенные, лишенные сана, даже самозванцы, никогда не бывавшіе священниками; явились наконецъ промышленники, торговавшіе поповствомъ и попами. Все это очень скоро дало почувствовать старообрядцамъ дѣйствительную силу и важность постепенно издававшихся правительственныхъ распоряженій противъ бѣглопоповства: въ виду той настойчивости, съ какою слѣдовали одно за другимъ эти распоряженія, они ясно поняли, что ихъ „бѣгствующему священству" дѣйствительно угрожаетъ опасность „конечнаго оскудѣнія". Необходимо было придумать для отвращенія этой опасности какія-либо болѣе вѣрныя средства, нежели пріобрѣтеніе и содержаніе тайныхъ поповъ подъ негласнымъ покровительствомъ продажныхъ чиновниковъ.

7. Неудачныя попытки раскольниковъ возстановить дозволенный указомъ 1822 г. способъ пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ.

Болѣе вѣрнаго и удобнаго средства отвратить угрожающее „оскудѣніе священства“ старообрядцы не находили, какъ просить Верховную власть о возвращеніи къ прежнимъ порядкамъ, о возстановленіи въ полной силѣ и дѣйствіи изданныхъ въ 1822 году правилъ относительно священниковъ, уходящихъ отъ православной церкви въ расколъ. И дѣйствительно просьбы такого рода были во множествѣ подаваемы отъ разныхъ раскольническихъ обществъ высшимъ правительственнымъ лицамъ и даже на Высочайшее имя. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ московскимъ поповцамъ, прихожанамъ Рогожскаго Кладбища, которыхъ, какъ выше сказано, прежде другихъ старообрядцевъ коснулись новыя, стѣснительныя для ихъ духовенства мѣропріятія. Какъ только послѣдовало воспрещеніе принимать новыхъ поповъ на Рогожское Кладбище, въ томъ же 1827 году, главные по своему богатству и вліянію члены московскаго старообрядческаго общества, отъ имени всѣхъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища „возымѣли смѣлость, — какъ сами они впослѣдствіи писали, — повергнуть къ стопамъ великаго государя императора всеподданническое прошеніе“, въ которомъ, изложивъ подробно, какимъ „бѣдственнымъ положеніемъ въ дѣлѣ спасенія“ угрожаетъ имъ лишеніе возможности получать „законнымъ порядкомъ“ священниковъ отъ Великороссійской церкви, какія отсюда могутъ проистекать „затрудненія и недоумѣнія“ для самого правительства по дѣламъ о старообрядцахъ, „умоляли благость Его Императорскаго Величества о дозволеніи имъ по прежнему, на основаніи дарованныхъ въ 26 день Марта 1822 года правилъ, принимать приходящихъ къ нимъ священниковъ и діаконовъ“. Болѣе трехъ лѣтъ напрасно ожидали они отвѣта на эту просьбу. Между тѣмъ воспретительный указъ о недопущеніи новыхъ бѣглыхъ поповъ на Рогожское Кладбище, приведенный въ дѣйствіе, успѣлъ уже отозваться весьма невыгодными послѣдствіями

для московскихъ старообрядцевъ, такъ что въ 1831 году они рѣшились сдѣлать косвенное напоминаніе о поданной ими просьбѣ. Но теперь, послѣ перваго и недавняго неудачнаго опыта, они уже не „осмѣлились“ обращаться непосредственно къ Государю и просить именно о возстановленіи правилъ 1822 года, а подали просьбу на имя тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Новосильцева, и притомъ о дозволеніи только временнаго, частнаго отступленія отъ изданнаго въ 1827 году указа: они именно просили „о принятіи вновь на убылое мѣсто одного уволеннаго отъ своего начальства заштатнаго священника, изъявившаго согласіе *имѣть жительсво* при московскомъ старообрядческомъ Рогожскомъ Кладбищѣ и *отправлять богослуженіе и христіанскія таинства по древлепечатнымъ книгамъ*“. Прошеніе это было представлено министромъ на Высочайшее воззрѣніе. Императоръ Николай, обративъ вниманіе на употребленныя въ немъ, очевидно съ намѣреніемъ, неопредѣленныя выраженія о тѣхъ обязанностяхъ, какія долженъ исполнять просимый священникъ на Рогожскомъ Кладбищѣ, велѣлъ истребовать у подателей просьбы объясненіе, не желаютъ ли они принять этого священника, „какъ правильно уволеннаго духовнымъ начальствомъ, на правилахъ единовѣрческихъ церквей“. Взять у просителей это объясненіе предписано было тогдашнему московскому генералъ-губернатору князю Голицину, который для этого и пригласилъ ихъ къ себѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же 1831 года. Никакъ не ожидавшіе предложенія принять Единовѣріе, — предложенія, которое, по ихъ понятіямъ, было равносильно совершенному отказу на ихъ просьбу, — московскіе старообрядцы отвѣтили, что „на правилахъ единовѣрческихъ церквей принять просимаго ими священника не желаютъ, и впредь принимать на таковыхъ правилахъ священниковъ по совѣсти своей изъявить согласіе не могутъ“ [1]). Такимъ образомъ и вторая

---

[1]) О подачѣ обоихъ прошеній и объ ихъ содержаніи говорятъ сами Рогожскіе попечители въ новомъ своемъ прошеніи, поданномъ кн. Голицыну въ 1832 году: оно напечатано у Мельникова (см. *Руск. Вѣст.* т. LXV, стр. 40—46).

просьба московскихъ старообрядцевъ о возстановленіи прежняго порядка въ принятіи бѣглыхъ поповъ потерпѣла неудачу. Однакоже оставить окончательно всякія попытки въ этомъ родѣ они все еще не хотѣли, такъ какъ затрудненія въ пріобрѣтеніи священниковъ, успѣвшія обнаружиться и по другимъ мѣстамъ, настоятельно требовали какого-либо выхода изъ нихъ.

Для совѣщанія и разсужденія о средствахъ къ отвращенію этихъ затрудненій, въ началѣ 1832 года, памятнаго распространеніемъ на всѣ старообрядческія общества воспретительнаго указа о бѣглыхъ попахъ, съѣхались въ Москву значительнѣйшіе представители старообрядчества изъ разныхъ мѣстъ, — изъ Стародубья, съ Вѣтки, съ Иргиза, Керженца, изъ поволжскихъ и другихъ городовъ. Все это были люди, имѣвшіе значеніе и вліяніе въ своихъ обществахъ; но между ними особенно выдавался по уму, начитанности и предпріимчивому характеру молодыхъ еще лѣтъ старообрядцевъ Афоній Кочуевъ, пріѣхавшій съ Иргиза съ настоятелемъ Верхнепреображенскаго монастыря — Силуаномъ. Совѣщанія происходили на Рогожскомъ Кладбищѣ, въ такъ называемой конторѣ. Кромѣ пріѣхавшихъ иногородныхъ депутатовъ на нихъ присутствовали изъ прихожанъ Кладбища только самые значительные по своему богатству и общественному положенію, также по своему вліянію на старообрядцевъ. Здѣсь, по настоянію болѣе осторожныхъ членовъ собранія, было между прочимъ рѣшено сдѣлать еще разъ попытку просить правительство о возстановленіи правилъ 1822 года, — присудили именно, чтобы московскіе старообрядцы, не утруждая болѣе непосредственными просьбами ни государя, ни министра, подали прошеніе о ходатайствѣ за нихъ предъ Верховною властію своему ближайшему начальнику — московскому генералъ-губернатору, и чтобы въ то же время къ участію въ этомъ дѣлѣ привлечь и петербургскихъ старообрядцевъ, которые съ своей стороны должны были ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ за все вообще старообрядчество.

Прошеніе отъ московскаго старообрядческаго общества

на имя князя Голицына, составленное Кочуевымъ, было подано князю въ Маѣ 1832 года, — и, какъ слѣдовало ожидать, было оставлено правительствомъ безъ всякаго вниманія. Между тѣмъ отправилась изъ Москвы въ Петербургъ депутація, состоявшая изъ нѣсколькихъ вліятельныхъ старообрядцевъ, въ числѣ которыхъ находился и Кочуевъ, для приглашенія петербуржцевъ къ участію въ общихъ заботахъ о пріисканіи мѣръ для отклоненія угрожающихъ старообрядчеству бѣдствій. Во главѣ петербургскихъ старообрядцевъ поповскаго согласія въ это время стоялъ купецъ Сергѣй Громовъ, извѣстный своимъ богатствомъ и имѣвшій близкія связи со многими высшими сановниками: на это богатство и особенно на эти его связи всего больше и разсчитывали старообрядцы. Московское прошеніе о возстановленіи правилъ 1822 года Громовъ готовъ былъ охотно поддержать подачей такого же содержанія просьбы на Высочайшее имя отъ лица всѣхъ россійскихъ старообрядцевъ; но, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, онъ призналъ нужнымъ предварительно справиться чрезъ свѣдующихъ людей, можно ли сколько нибудь расчитывать въ настоящемъ случаѣ, что просьба будетъ принята Государемъ благосклонно. Онъ рѣшилъ именно объясниться и посовѣтоваться о своемъ дѣлѣ съ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ особѣ императора лицъ — тогдашнимъ шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, вниманіемъ и благосконностью котораго имѣлъ счастіе пользоваться. Вполнѣ знакомый съ характеромъ и образомъ дѣйствій императора Николая, непоколебимо твердаго въ своихъ законодательныхъ распоряженіяхъ, графъ Бенкендорфъ рѣшительно отсовѣтовалъ Громову безпокоить Государя просьбою объ отмѣнѣ изданныхъ имъ мѣропріятій противъ бѣглаго раскольническаго священства, такъ какъ просьба эта не можетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха [1]. Громовъ и послѣдовалъ его совѣту.

[1]) Объ этомъ совѣщаніи Громова съ гр. Бенкендорфомъ согласно свидѣтельствуютъ Геронтій (въ *Жизнеописаніи Павла*), Аркадій Славскій (въ показаніи 17 іюля 1854 г.), Онуфрій (въ *Запискѣ объ учрежденіи іерархіи*).

Такимъ образомъ всѣ попытки раскольниковъ возстановить дѣйствіе указа 1822 года о дозволенныхъ попахъ, сдѣланныя въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ его отмѣны, остались безъ успѣха и достаточно показали имъ, что та же участь должна ожидать и дальнѣйшія въ этомъ родѣ попытки. Однакоже ходатайства о дозволеніи принимать священниковъ отъ Великороссійской церкви были предпринимаемы старообрядцами расличныхъ обществъ и въ послѣдующее время. Въ видахъ удобнѣйшаго достиженія своей цѣли нѣкоторые изъ этихъ просителей предлагали оградить способъ пріятія священниковъ разными законными формальностями, вообще подчинить его строгому надзору правительства. Въ 1838 году прошеніе съ проектомъ подобнаго рода было подано екатеринбургскими старообрядцами: они предлагали именно, что будутъ избирать священниковъ только достойныхъ, о избранныхъ ими будутъ сообщать немедленно гражданскому начальству и тѣхъ, которые окажутся неблагонадежными, будутъ чрезъ тоже начальство возвращать въ вѣдѣніе мѣстныхъ архіереевъ для святительскаго суда надъ ними. Проектъ сей, имѣвшій видъ благонамѣренности, вызвалъ со стороны духовнаго правительства весьма сильныя и справедливыя возраженія, изложенныя въ особой запискѣ, содержавшей разборъ проекта. Неопровержимыми доводами было доказано, что раскольники въ своемъ проектѣ требуютъ себѣ права „безпримѣрнаго", съ благоустройствомъ управленія несовмѣстнаго, что „если предлаемыя ими правила о священникахъ сравнить съ извѣстными правилами 1822 года, то окажется, что они требуютъ не только того же, но и гораздо большаго: ибо прежде поступающихъ отъ церкви въ расколъ брали они украдкою и правительство какъ бы не примѣчало сего; а теперь они хотятъ тѣхъ же священниковъ брать открыто и формально, и сему беззаконію священниковъ дать видъ законности"... „Прискорбно видѣть, — говорилось въ заключеніе записки, – какъ дерзновенно разсчитываютъ раскольни на *непроницательность* начальства... Они вставили въ свои правила неискреннюю статью, что свѣтскій начальникъ можетъ дать

духовному начальству свѣдѣніе о раскольническихъ метрикахъ и о священникахъ къ нимъ поступающихъ и отъ нихъ выбывающихъ, и думаютъ, что обманутъ симъ призракомъ сближенія, тогда какъ они не уступаютъ духовному начальству ни суда, ни надзора надъ ихъ священниками, ни даже права призвать и спросить ихъ священника, о чемъ можетъ быть нужно по дѣламъ»[1]). Такимъ образомъ поданный екатеринбургскими старообрядцами проектъ правилъ о принятіи священниковъ отъ православной церкви, отличавшійся повидимому благонамѣреннымъ стремленіемъ сблизить старообрядцевъ съ церковію, былъ разоблаченъ, какъ имѣвшій въ сущности одну сокровенную цѣль — предотварить угрожающее старообрядчеству конечное «оскудѣніе бѣгствующаго священства», и представившимъ его лицамъ было рѣшительно отказано въ ихъ просьбѣ, съ воспрещеніемъ и впредь начинать какія-либо ходатайства по раскольническимъ дѣламъ.

8. Замыслы раскольниковъ объ учрежденіи собственной архіерейской каѳедры, какъ единственномъ средствѣ избѣжать конечнаго «оскудѣнія священства».

Въ то время, когда оренбургскіе старообрядцы потерпѣли неудачу съ своимъ проектомъ, бывшимъ въ сущности новой попыткой достигнуть возстановленія правилъ 1822 года, явились предпріимчивые люди, замыслившіе инымъ, по ихъ мнѣнію, болѣе вѣрнымъ и прочнымъ способомъ обезпечить старообрядчеству безпрепятственное полученіе священства, — возникла опять давно оставленная мысль объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры, и было уже приступлено къ ея осуществленію.

Когда именно возникла эта мысль и кто первый ее высказалъ, съ точностью опредѣлить нельзя; но то не подлежитъ сомнѣнію, что она вызвана была опасеніемъ неизбѣжно предстоящаго старообрядцамъ «оскудѣнія» бѣгствующихъ священ-

[1]) Эта весьма замѣчательная записка, составленная митр. Филаретомъ, напечатана въ у Мѣльникова (*Рус. Вѣст.*, т. LI, стр. 73—77).

никовъ и утвердившеюся послѣ первыхъ неудачныхъ опытовъ увѣренностью, что предотвратить эту опасность возстановлеліемъ прежняго порядка, узаконеннаго правилами 1822 года, нѣтъ никакой надежды. Сами старообрядцы не отвергаютъ того, что эти именно побужденія вызвали ихъ на сей разъ къ заботамъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры[1]). Итакъ, у новыхъ искателей архіерейства уже не было тѣхъ, если можно такъ выразиться, чистыхъ побужденій, какими руководились ихъ предшественники сто лѣтъ тому назадъ. Теперь къ исканію архіерейства побуждало не сознаніе недостаточности церковно-іерархическаго устройства старообрядческихъ обществъ, лишенныхъ епископства, не сознаніе существенной необходимости архіерейскаго чина въ истинной церкви Христовой, которая не можетъ существовать при однихъ только священникахъ, къ тому же еще бѣгствующихъ отъ своего епископа: теперь искать архіерейства побуждала только крайняя трудность пріобрѣтать этихъ бѣглыхъ поповъ, которыми вполнѣ довольствовались старообрядцы, какъ нельзя болѣе справедливо называемые посему *поповцами*; теперь епископъ нуженъ былъ не какъ существенно необходимый членъ церкви Христовой, безъ котораго она не можетъ и существовать, а единственно какъ лицо, могущее снабжать старообрядцевъ попами. Не будь теперь тѣхъ строгихъ распоряженій противъ бѣглыхъ поповъ, которыя одно за другимъ издавалъ императоръ Николай, не угрожай поповцамъ «оскудѣніе бѣгствующаго священства», или удайся имъ хотя одна изъ ихъ попытокъ возстановить дѣйствіе правилъ 1822 года: они бы не стали и помышлять объ учрежденіи старообрядческихъ архіерейскихъ каѳедръ, какъ не имѣли о томъ по-

---

[1]) Объ этомъ говоритъ самъ инокъ Павелъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ (напр. въ *Рекурсѣ*). Геронтій, въ своихъ запискахъ, мысль о пріобрѣтеніи епископа ставитъ также въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что „Богъ ожесточилъ сердце великаго государя царя Николая Павловича“ противу старообрядцевъ и что послѣдовало „конечное прекращеніе“ у нихъ священства (*Памятн. и Жизнеопис. Павла*).

мышленія въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ при Екатеринѣ II-й и Александрѣ I-мъ. Поэтому напрасны позднѣйшія умилительныя разглагольствія учредителей и защитниковъ старообрядческой іерархіи о стапятидесятилѣтнемъ вдовствѣ ихъ церкви (которымъ старообрядцы въ теченіе полувѣка отнюдь не тяготились), о неизреченныхъ дѣйствіяхъ Божія промышленія, прекратившихъ сіе вдовство дарованіемъ старообрядческой церкви жениха-епископа, и проч. и проч. Несомнѣнная историческая дѣйствительность показываетъ, что вовсе не здѣсь, не въ этомъ якобы сознаваемомъ и оплакиваемомъ старообрядцами вдовствѣ ихъ церкви истинная причина, вызвавшая существованіе нынѣшнихъ раскольническихъ архіереевъ, а въ созданной отвнѣ необходимости во что̀ бы ни стало измѣнить свое прежнее положеніе съ одними бѣгствующими іереями, пріобрѣтеніе которыхъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ и въ близкомъ будущемъ угрожало еще большими затрудненіями.

Нельзя допустить, чтобы мысль объ учрежденіи нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи своимъ происхожденіемъ была обязана исключительно одному какому-либо лицу. Она была прямымъ послѣдствіемъ того положенія, въ какое поставлено было старообрядчество стѣснительными для него распоряженіями правительства и естественнымъ образомъ должна была возникнуть у многихъ внимательныхъ къ этому положенію старообрядцевъ. Тревожныя извѣстія о «настатіи гонительныхъ временъ», о близкомъ и неизбѣжномъ «скудѣніи священства» очень скоро распространились во всемъ старообрядческомъ мірѣ, по всѣмъ старообрядческимъ общинамъ, и, само собою разумѣется, повсюду вызвали много разнаго рода толковъ, предположеній, замысловъ о томъ, какъ избыть гоненія: естественно приходили на память прежнія гонительныя времена, когда предки уходили отъ гоненія во иныя страны, за границу Россіи, гдѣ въ безопасности можно пользоваться священствомъ; вспоминались и старые толки о томъ, что будто бы въ тѣхъ, иныхъ странахъ имѣются даже «древлеправославные» епископы. Удаленіе въ эти страны, отысканіе этого древлеправославнаго священства для людей, горячо пре-

данныхъ расколу и не слишкомъ связанныхъ житейскими заботами, представлялось и теперь наилучшимъ средствомъ избѣгнуть ожидаемыхъ золъ, отвратить бѣдственное оскудѣніе священства. И вотъ дѣйствительно въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ являются у старообрядцевъ предпріимчивые люди, идущіе отыскивать за границей якобы имѣющихся тамъ епископовъ древняго, дониконовскаго благочестія [1]). Такимъ образомъ, прежде нежели образовался въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ чертахъ замыселъ объ учрежденіи за границей старообрядческой архіерейской каѳедры, толки о заграничныхъ «древлеправославныхъ епископахъ» и стремленіе найти ихъ, какъ первоначальная основа этого замысла, явились подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ у многихъ старообрядцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣхъ мѣстахъ, которыя служили средоточіями старообрядчества, толковали объ этомъ съ бо́льшей обстоятельностью, даже строили планы относительно пріобрѣтенія собственныхъ архіереевъ.

---

[1]) Весьма замѣчательныя и любопытныя извѣстія о подобныхъ предпріятіяхъ сообщаются въ показаніи одного изъ „странствователей" — инока Ираклія. Будучи настоятелемъ Куреневскаго монастыря (Подольской губерніи), *по слухамъ*, что въ Турціи есть старообрядческіе епископы, онъ, какъ можно догадываться, около 1828—29 года, вмѣстѣ съ инокомъ Игнатіемъ, „рѣшился идти отыскивать этихъ епископовъ". Добравшись до некрасовскихъ селеній, въ Славѣ они „встрѣтили другихъ иноковъ, пріѣхавшихъ изъ Молдавіи *съ одинаковымъ намѣреніемъ*, — имена ихъ были: Евфросинъ, Дороѳей, Павелъ (не Бѣлокриницкій), Аркадій, Виталій, Іоасафъ и другіе, всего 16 человѣкъ". Всѣ они были русскіе выходцы (Аркадій, по фамиліи Лысый, впослѣдствіи сдѣлался архіепископомъ Славскимъ). Чрезъ Константинополь они пробрались въ Майносъ и разспрашивали у здѣшнихъ некрасовцевъ объ епископахъ: некрасовцы „увѣряли, что нѣтъ нигдѣ, что они всю Турцію прошли насквозь, а нигдѣ не слыхали"; отсюда странники прошли за Бейрутъ до Египта, и здѣсь „убѣдились, что *записки и свѣдѣнія, которыя распространены у старообрядцевъ*, есть вымыселъ". Потомъ они совершили и еще нѣсколько безплодныхъ странствованій, изъ которыхъ возвратились только четверо — самъ Ираклій, Павелъ, Дороѳей и Аркадій, — остальные всѣ умерли (см. *Чт. въ общ. ист. и древн.* 1871 г. ч. IV, отд. V, стр. 182—185).

Однимъ изъ такихъ средоточій и притомъ наиболѣе заинтересованнымъ въ судьбѣ бѣгствующаго священства, а въ началѣ тридцатыхъ годовъ и наиболѣе угрожаемымъ правительственными карами, былъ Иргизъ. Здѣсь то, въ Верхнепреображенскомъ монастырѣ, у настоятеля Силуана, въ кругу его приближенныхъ, между которыми видное мѣсто занималъ Кочуевъ, дѣйствительно, обсуждали тщательно вопросъ о пріобрѣтеніи архіерейства, и Кочуевъ предлагалъ даже нѣкоторые планы относительно устройства старообрядческой архіерейской каѳедры. Объ нихъ секретнымъ образомъ сообщили въ Москву наиболѣе вліятельнымъ членамъ здѣшняго старообрядческаго общества, между которыми занималъ тогда особенно видное мѣсто купецъ Ѳедоръ Рахмановъ, весьма богатый, но довольно ограниченный и крайне тщеславный человѣкъ: ему, равно какъ его родичамъ и пріятелямъ, иргизскіе планы пришлись по душѣ. На рогожскихъ собраніяхъ 1832 года, которыя, какъ сказано выше, были составлены вообще для обсужденія способовъ къ отстраненію угрожающаго старообрядчеству «оскудѣнія священства», была предложена на общее разсмотрѣніе и мысль о пріобрѣтеніи епископа. Самъ Кочуевъ, присутствовавшій здѣсь въ числѣ иргизскихъ депутатовъ, изложилъ твои соображенія о томъ, какъ мысль эта можетъ быть приведена въ исполненіе. Рахмановъ и его сторонники старались поддержать Кочуева; но люди болѣе разсудительные и осторожные находили учрежденіе архіерейской каѳедры предпріятіемъ слишкомъ смѣлымъ, неудобоисполнимымъ, и для самихъ старообрядцевъ не вполнѣ удобнымъ. Главнымъ противникомъ мысли о старообрядческихъ епископахъ явился тогда купецъ Николай Царскій: онъ считалъ болѣе вѣрнымъ и удобнымъ дѣломъ снова ходатайствовать предъ правительствомъ о возстановленіи правилъ 1822 года, и его мнѣніе поддержали нѣкоторые другіе изъ значительныхъ прихожанъ Рогожскаго Кладбища. Въ заключеніе всѣхъ совѣщаній рѣшено было воспользоваться планами той и другой стороны,— хлопотать о возстановленіи прежняго порядка въ пріобрѣтеніи священниковъ, а въ то же время, на всякій случай, прі-

искивать и способы къ устроенію архіерейской каѳедры; но къ участію въ томъ и другомъ дѣлѣ признали нужнымъ пригласить непремѣнно петербургское общество, особенно главу этого общеслва — Сергѣя Громова, съ каковою цѣлію и снарядили въ Петербургъ депутацію. Депутація, въ которой участвовали самые горячіе ревнители мысли о раскольническихъ епископахъ — Рахмановъ и Кочуевъ, подробно изложила Громову обсуждавшіеся на рогожскихъ собраніяхъ планы. Мы уже видѣли, что Громовъ не отказался принять участіе въ хлопотахъ о возстановленіи правилъ 1822 года, но послѣ объясненій съ графомъ Бенкендорфомъ призналъ ихъ безполезными и нашелъ необходимымъ вовсе оставить. Что касается другого предпріятія — учрежденія раскольнической архіерейской каѳедры, оно также не было отвергнуто Громовымъ, и, какъ надобно полагать, въ объясненіяхъ съ Бенкендорфомъ, онъ осторожно завелъ рѣчь и объ этомъ предпріятіи. Бенкендорфъ не возражалъ противъ него, — онъ даже высказался въ смыслѣ совершенно благопріятномъ для учрежденія особой раскольнической іерархіи, находя, что старообрядцы избавились бы тогда отъ необходимости брать тайкомъ священниковъ отъ православоой церкви, чего правительство никогда не потерпитъ, между тѣмъ какъ гораздо снисходительнѣе, можетъ быть, отнесется къ попамъ, поставляемымъ собственными раскольническими епископами[1]). Это замѣчаніе лица, столь близкаго къ особѣ императора, имѣло для Громова весьма большую важность: мысль о пріобрѣтеніи епископа, объ учрежденіи самостоятельной раскольнической іерархіи, теперь заняла его сильно, и онъ серіозно началъ помышлять о приведеніи этой мысли въ исполненіе.

Но чѣмъ важнѣе было дѣло, тѣмъ большей, по мнѣнію Громова, требовало оно осторожности, тѣмъ осмотрительнѣе

---

[1]) Старообрядцы близко знавшіе дѣло и достойные довѣрія, Геронтій, Онуфрій, Аркадій Славскій, въ своихъ запискахъ и показаніяхъ рѣшительно утверждаютъ, что мысль объ учрежденіи раскольнической архіерейской каѳедры подана Громову графомъ Бенкендорфомъ.

и искуснѣе нужно было вести его. А между тѣмъ личное знакомство съ Рахмановымъ, главою московскихъ ревнителей старообрядческаго архіерейства, убѣдило Громова, что этотъ ограниченный и болтливый человѣкъ, при своемъ мелкомъ самолюбіи, скорѣе способенъ испортить дѣло, нежели помочь ему: Громовъ призналъ нужнымъ поэтому благовиднымъ образомъ устранить Рахманова на нѣкоторое время отъ участія въ замыслахъ о пріобрѣтеніи епископа. Посовѣтовавшись съ нѣкоторыми довѣренными лицами и съ самимъ Кочуевымъ, на благоразуміе котораго вполнѣ полагался, Громовъ дѣйствительно объявилъ Рахманову, что учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры считаетъ слишкомъ смѣлымъ, опаснымъ, вообще неудобоисполнимымъ предпріятіемъ, что участія въ немъ принять не можетъ, да и московскимъ старообрядцамъ совѣтуетъ его оставить. Самъ же съ этого времени усердно занялся пріисканіемъ людей, на которыхъ съ полнымъ къ нимъ довѣріемъ можно было бы возложить порученіе — отправиться въ странствіе для пріобрѣтенія потребнаго старообрядцамъ епископа. Что касается вопроса, гдѣ и какъ устроить пребываніе будущаго владыки старообрящевъ, то въ этомъ отношеніи у Громова и тогдашнихъ довѣренныхъ людей его не было еще условлено ничего рѣшительнаго, не было составлено какихъ-либо точно опредѣленныхъ плановъ. Указаній на этотъ счетъ ожидали отъ времени и обстоятельствъ; теперь главная забота была объ одномъ — обрѣсти епископа и именно изъ «древлеправославныхъ», такъ какъ ходившимъ между старообрядцами толкамъ о существованіи такихъ епископовъ и они вмѣстѣ съ другими вѣрили.

Прошелъ не одинъ годъ, пока явился человѣкъ, по мнѣнію Громова, вполнѣ способный послужить общему дѣлу, обладавшій всѣми качествами, потребными для совершенія такого подвига, какъ исканіе «древлеправославнаго» епископства и учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры: это былъ Петръ Васильевъ Великодворскій, впослѣдствіи стяжавшій себѣ великую извѣстность въ старообрядческомъ мірѣ подъ именемъ инока Павла Бѣлокриницкаго.

9. Жизнь Петра Великодворскаго до поступленія въ Лаврентьевъ монастырь и особенности его характера.

Петръ Васильевъ Великодворскій[2]) былъ урожденецъ валдайской подгородной слободы, заселенной по преимуществу ямщиками и извѣстной подъ названіемъ Зимогорскаго яма. Отецъ его, старообрядецъ, служилъ здѣсь писаремъ въ волостномъ правленіи: Петръ былъ старшимъ изъ пяти сыновей. Онъ родился въ 1808-мъ году. Мальчикъ одаренъ былъ отъ природы замѣчательными способностями — рано выучился грамотѣ и научился отъ отца искусству писать четко, свободно и красиво, которое впослѣдствіи оказалось для него весьма полезнымъ. Особенно примѣчательными его качествами были — страстная любовь къ чтенію книгъ духовнаго содержанія, разумѣется, изъ того тѣснаго круга церковно-богословской литературы, который по преимуществу излюбленъ раскольниками, и воспитанная подъ вліяніемъ этого чтенія наклонность къ религіозной мечтательности и аскетической жизни. Стремленіе къ иночеству обнаружилось въ немъ очень рано. 12-ти лѣтъ, наслушавшись разсказовъ о раскольническихъ обителяхъ, онъ задумалъ уйти на жительство въ стародубскіе монастыри; но отецъ принялъ своевременно надлежащія мѣры къ возвращенію его домой. Первая неудача не охладила однако его желанія посвятить себя иноческой жизни; онъ только отложилъ на время, до болѣе удобныхъ обстоятельствъ, его осуществленіе и попрежнему сталъ усердно заниматься чтеніемъ уважаемыхъ старообрядцами отеческихъ и иныхъ писаній.

---

[1]) Свѣдѣнія объ инокѣ Павлѣ заимствуются главнымъ образомъ у Геронтія, изъ его собственноручной записки о жизни Павла. Относительно фактической стороны разсказъ Геронтія, какъ одного изъ ближайшихъ друзей Павла, знакомаго со всѣми болѣе или менѣе важными обстоятельствами его жизни, не внушаетъ никакого сомнѣнія. Извѣстія о Павлѣ мы заимствуемъ также изъ записокъ другого близкаго ему человѣка — о. Онуфрія.

Въ 1825 году случилось въ семействѣ Великодворскихъ событіе, которое должно было на долгое время отвлечь Петра Васильева отъ сродныхъ ему занятій и отъ исполненія его желанія — принять иночество: умеръ его отецъ и на него, какъ старшаго изъ братьевъ, пали заботы о содержаніи семейства, находившагося въ нуждѣ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ и домъ ихъ истребленъ былъ пожаромъ [1]). Скоро нашлись однакоже благотворители семейству покойнаго зимогорскаго писаря. Одна зимогорская жительница-старообрядка, удалившаяся въ монастырь, отдала Петру Васильеву въ полную собственность свой домъ. Потомъ зимогорское общество приняло его на мѣсто отца въ должность волостного писаря, и такимъ образомъ онъ получилъ возможность безбѣдно содержать семью. Между тѣмъ ему угрожала новая бѣда. Въ 1828 году, по случаю войны съ турками, былъ объявленъ рекрутскій наборъ и на семью Великодворскихъ палъ жребій поставить рекрута. Горе для семьи предстояло большое: приходилось потерять главнаго кормильца, который къ тому же не имѣлъ ни малѣйшаго призванія къ военной службѣ. Въ эту тревожную для Петра Васильева пору, нежданно-негаданно, безъ всякихъ съ его стороны исканій, одинъ молодой человѣкъ изъ жителей того же Зимогорскаго яма сдѣлалъ ему предложеніе идти за него охотникомъ въ рекруты, при чемъ однако же просилъ въ вознагражденіе, для обезпеченія собственной семьи, двѣ тысячи рублей, по тогдашнему на ассигнаціи. Это была для бѣднаго человѣка слишкомъ большая сумма; но Петръ Васильевъ не колеблясь принялъ предложеніе. Члены зимогорскаго волостного правленія немедленно собрали для него по подпискѣ довольно значительную сумму для уплаты охотнику, а потомъ и остальныя деньги онъ успѣлъ найти безъ затрудненія. Такимъ образомъ Петръ Великодворскій счастливо избавился и отъ новой грозившей ему бѣды.

---

[1]) Василій Великодворскій былъ подверженъ пьянственной слабости, отъ того и состоянія никакого не нажилъ: объ этомъ самъ Павелъ, съ большимъ сокрушеніемъ, нерѣдко говаривалъ о. Онуфрію.

И во всемъ этомъ онъ видѣлъ не что-либо случайно устроившееся, или вообще проявленіе Божія къ людямъ милосердія; напротивъ, какъ человѣкъ склонный къ религіозной мечтательности, онъ усматривалъ здѣсь нѣчто необыкновенное, видѣлъ чрезвычайное дѣйствіе особеннаго надъ нимъ покровительства свыше, и именно устроенное великимъ святителемъ и чудотворцемъ Николаю. Святителя Николу онъ съ юныхъ лѣтъ считалъ своимъ особеннымъ покровителемъ и помощникомъ. На него возлагалъ онъ всю надежду и въ то время, когда остался сиротой, и въ то, когда грозила опасность идти на военную службу. Теперь, когда эти надежды оправдались такимъ очевиднымъ для него образомъ, онъ убѣдился окончательно, что состоитъ подъ чрезвычайнымъ покровительствомъ святителя, и вообще началъ считать себя постлвленнымъ въ какія-то особенно близкія къ нему отношенія. Дни памяти святителя онъ съ этого времени началъ праздновать съ нарочитой торжественностью.

Подъ вліяніемъ этой мечтательной вѣры въ непосредственное руководство высшаго, небеснаго покровителя образовались и утвердились въ характерѣ Павла—рѣдкая предпріимчивость и неменѣе рѣдкая настойчивость въ осуществленіи предпріятій. Питая увѣренность, что всѣ его дѣйствія совершаются подъ особымъ высшимъ руководствомъ, онъ смѣло берется за самыя несбыточныя и опасныя препріятія, твердо и неуклонно идетъ къ предположенной цѣли. Въ послѣдующей дѣятельности инока Павла эти стороны его характера выступятъ особенно ярко; но и будучи волостнымъ писаремъ Петромъ Великодворскимъ онъ успѣлъ показать ихъ довольно ясно. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія особенно предпринятое имъ исканіе клада, имѣвшее притомъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу его.

Въ одно время явились къ Петру Васильеву два знакомые старообрядца съ предложеніемъ — отправиться вмѣстѣ для отъисканія клада, съ давнихъ лѣтъ будто бы хранящагося въ какомъ-то имъ извѣстномъ помѣщичьемъ имѣніи: кладъ, по ихъ разсказамъ, состоялъ изъ разныхъ драгоцѣнностей и

нѣсколькихъ бочекъ золота, а главное — тутъ же будто бы находилась какая то чудотворная икона Богоматери съ неугасимо-горящею предъ нею съ незапамятныхъ временъ лампадою. Кладъ, по ихъ мнѣнію, могъ быть доступенъ только строгимъ блюстителямъ «древлеправославной» вѣры, почему они и рѣшились предложить участіе въ отысканіи его Петру Васильеву, какъ извѣстному своей горячей преданносью старообрядчеству. Тогда дѣйствительно ходили между старообрядцами слухи о такихъ кладахъ, и Петръ Васильевъ легко далъ вѣру страннымъ разсказамъ своихъ знакомцевъ. Притомъ же, мечтая объ особомъ надъ нимъ покровительствѣ святителя Николы, онъ готовъ былъ думать, что и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть не кто другой, какъ именно онъ предъизбранъ свыше совершить подвигъ открытія великой святыни, издавна сохраняемой Промысломъ Божіимъ на прославленіе старообрядчества въ такія гонительныя времена. Чтобы вполнѣ увѣриться въ этомъ и дѣйствовать уже съ полной рѣшительностью, онъ задумалъ особымъ способомъ узнать — угодно ли такое его предпріятіе святителю Николѣ. Своимъ знакомцамъ онъ сказалъ, что дастъ отвѣтъ черезъ недѣлю, — и недѣлю эту, вмѣстѣ съ семействомъ, провелъ въ постѣ и молитвѣ. Въ первый же день онъ приготовилъ два жребія съ надписью предполагаемыхъ отвѣтовъ святителя Николы, — на одномъ былъ написанъ отвѣтъ благословляющій на предпріятіе, на другомъ возбраняющій, — и положилъ ихъ на всю недѣлю въ кіотъ, предъ иконой святителя, а въ послѣдній день обѣтной недѣли, во время всенощнаго бдѣнія, по великомъ славословіи, предъ тропаремъ Николѣ Чудотворцу, предложилъ своей матери взять и подать ему одинъ изъ жребіевъ: поданный матерію жребій былъ съ отвѣтомъ благословляющимъ на предпріятіе. Теперь для Петра Васильева вопросъ казался рѣшеннымъ твердо и непреложно... Получивъ такое, въ его глазахъ, несомнѣнное увѣреніе, что будто бы самъ святитель Никола благословляетъ его на исканіе завѣтныхъ сокровищъ, онъ уже безъ всякаго колебанія весь отдается этому

дѣлу, въ полномъ убѣжденіи, что никакія препятствія и трудности не помѣшаютъ ему достигнуть того, на что̀ есть воля и благословеніе его небеснаго руководителя и заступника.

Въ условленное время, вмѣстѣ съ товарищами, Петръ Васильевъ отправился въ то помѣстье, гдѣ, по ихъ мнѣнію, хранился драгоцѣнный кладъ. Какъ и слѣдовало ожидать, помѣщикъ встрѣтилъ очень непривѣтливо и прогналъ странныхъ искателей клада. Эта неудача для вдохновеннаго предводителя кладоискателей не представлялась особенно важною; въ несомнѣнной увѣренности, что дѣйствуетъ подъ покровительствомъ святителя Николы, онъ рѣшился обратиться съ просьбой о помощи въ столь важномъ, по его мнѣнію, дѣлѣ къ самому императору Николаю Павловичу. Сочинивъ прошеніе, Петръ Васильевъ съ товарищами отправился въ Петербургъ для подачи его лично Государю; но здѣсь, когда они искали къ этому случая, выжидая, гдѣ можно встрѣтить императора, были задержаны полиціей, какъ люли подозрительные. Подъ арестомъ ихъ содержали не долго; но и выпустивъ на свободу, безъ надзора не оставили. Дѣло такимъ образомъ вовсе не ладилось: дойти до Государя не было никакой возможности, да и жить въ Петербургѣ было затруднительно. Въ виду разныхъ неудачъ и затрудненій Петръ Васильевъ началъ упадать нѣсколько духомъ. Особенно тяжелы были возникавшіе невольно сомнѣнія. Дѣло, предпринятое по благословенію его высшаго руководителя и покровителя, оказывается неудобоисполнимымъ, — нужно отказаться отъ него: что̀ же, не заблуждался ли онъ, полагаясь на благословеніе святителя Николы? не мечта ли и вся его увѣренность, что онъ находится подъ особеннымъ высшимъ покровительствомъ? Между тѣмъ настало 6-е Декабря — праздникъ святителя и чудотворца Николая. Наканунѣ этого дня, который онъ всегда праздновалъ съ особенной торжественностью въ своемъ семействѣ, тяжелые вопросы и думы овладѣли имъ еще сильнѣе, и ночью, когда, въ крайнемъ изнеможеніи физическихъ силъ, онъ забылся наконецъ тонкимъ сномъ, ему

представилось видѣніе, служившее, какъ ему казалось, отвѣтомъ на мучившіе его вопросы и сомнѣнія, — явился въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, съ Евангеліемъ въ лѣвой рукѣ, самъ святитель Никола, и указывая десницею на свой омофоръ, сказалъ ему: „зри на мя и виждь, — якоже азъ есмь, тако все есть“. Видѣніе повторилось, и опять святитель сказалъ: „якоже азъ есмь, аминь глаголю тебѣ, тако все есть“. Въ сильномъ волненіи Петръ Васильевичъ всталъ, разбудилъ товарищей, передалъ имъ случившееся, и тогда же записалъ день и часъ явленія[1]). Всѣ его думы и сомнѣнія были разрѣшены для него этимъ сновидѣніемъ: отселѣ ничто уже не могло поколебать его убѣжденія, что онъ имѣетъ будтобы особое предназначеніе свыше и дѣйствуетъ по непосредственному указанію святителя Николы[2]). Сначала, разумѣется, сновидѣніе истолковано было примѣнительно съ исканію клада, и именно въ томъ смыслѣ, что сокровища существуютъ несомнѣнно и будутъ непремѣнно обрѣтены, почему и слѣдуетъ неослабно продолжать начатыя хлопоты. Раздумывая, какъ продолжать ихъ, онъ рѣшился обратиться за совѣтомъ и помощію къ Громову, какъ главѣ и покровителю

---

[1]) О видѣніи этомъ подробное повѣствованіе находится у Геронтія. Впослѣдствіи Павелъ написалъ икону Святителя въ томъ самомъ видѣ, какъ было явленіе; икона была имъ поставлена и находится донынѣ въ Покровской церкви Бѣлокриницкаго монастыря. О сновидѣніи Павла и написанной имъ иконѣ, согласно съ Геронтіемъ, разсказываетъ и о. Онуфрій.

[2]) Укорененію въ Павлѣ этой увѣренности, что онъ будто бы особенный избранникъ Божій, способствовали потомъ и новыя подобнаго рода сновидѣнія, которыя въ свою очередь находили себѣ почву въ его самообольщенности. Вообще, онъ сдѣлался впослѣдствіи замѣчательнымъ сновидцемъ, такъ что въ этомъ отношеніи немного уступалъ знаменитѣйшему раскольническому сновидцу и зрителю разныхъ нелѣпыхъ видѣній — протопопу Аввакуму. Сны свои, по его мнѣнію знаменательные, Павелъ имѣлъ привычку описывать во всей подробности. Записки эти, вмѣстѣ съ другими бумагами, онъ передалъ, умирая, о. Онуфрію, а этотъ послѣдній предалъ ихъ сожженію, ревнуя о Павловой славѣ, которая, какъ понималъ онъ, могла бы сильно пострадать, если бы его странныя видѣнія сдѣлались извѣстными.

петербургскихъ старообрядцевъ. На Громова Петръ Васильевъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ такъ вдохновенно говорилъ о неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ, чудеснымъ образомъ сохранившихъ дивную святыню на прославленіе „древлеотеческія вѣры“ до нынѣшняго, гонительнаго для оной времени, что его собесѣдникъ, тогда именно очень занятый тяжкимъ положеніемъ старообрядчества, невольно увлекся его рѣчами и изъявилъ готовность помочь ему въ его дѣлѣ. Планъ его Громовъ одобрилъ, — нашелъ, что дѣйствовать нужно съ соизволенія Государя, дабы такимъ образомъ впослѣдствіи, когда обрѣтена будетъ дивная святыня, этимъ самымъ обратить на старообрядцевъ монаршее благоволеніе. А какъ подать прошеніе на Высочайшее имя, объ этомъ онъ опять обратился за совѣтомъ къ своему милостивцу — графу Бенкендорфу, и лично представилъ ему кладоискателей. Бенкендорфъ, разумѣется, отвѣтилъ, что съ такой странной просьбой обращаться къ Государю невозможно; однакоже, снисходя къ мольбамъ кладоискателей, далъ имъ нѣчто въ родѣ рекомендательнаго письма, съ которымъ они и отправились опять въ имѣніе, гдѣ якобы находился кладъ. Помѣщикъ на этотъ разъ, благодаря, какъ видно, представленному ими документу, принялъ ихъ, и на предложенныхъ ими выгодныхъ условіяхъ согласился допустить до исканія клада; но, понимая всю несбыточность ихъ затѣи, потребовалъ себѣ въ видѣ залога, въ обезпеченіе обѣщанныхъ ему выгодъ, двѣ тысячи рублей, съ тѣмъ, что онѣ должны поступить въ его собственность, если клада не будетъ отыскано. Петръ Васильевъ, совершенно увѣренный въ успѣхѣ предпріятія, нимало не колеблясь, написалъ отъ своего имени вексель въ 2000 рублей и отослалъ въ Петербургъ къ Сергѣю Громову, прося его доставить указанную сумму: Громовъ выслалъ деньги немедленно. Получивъ деньги, помѣщикъ дозволилъ кладоискателямъ приступить къ открытію клада. Искали они усердно и, разумѣется, ничего не отыскали.

Теперь, казалось бы, для Петра Васильева предстояла опять трудная нравственная борьба съ сомнѣніями и недоумѣніями.

Предсказанное въ чудесномъ видѣніи не исполнилось: что же, — не было ли это видѣніе только дѣйствіемъ разгоряченнаго воображенія (чѣмъ оно дѣйствительно и было)? не мечта ли и всѣ его помыслы о своемъ высокомъ призваніи, о чрезвычайномъ посланничествѣ? Но вѣра его въ несомнѣнную дѣйствительность видѣнія была такъ крѣпка, что подобнаго рода сомнѣній онъ не допускалъ уже. Неудачный конецъ дѣла о исканіи клада только привелъ его къ другимъ, весьма важнымъ для дальнѣйшаго направленія его жизни, соображеніямъ и выводамъ: „явленіе святителя Николы и слова, при этомъ сказанныя (разсуждалъ онъ), выше всякаго сомнѣнія; видно только, что неправильно понятъ мною смыслъ его словъ, — видно, что они относятся вовсе не къ исканію клада, а къ чему-то другому, для меня еще не ясному, не вполнѣ открытому, но непремѣнно имѣющему совершиться, и въ чемъ я долженъ буду принять ближайшее участіе своими трудами и подвигами“. Такъ объяснялъ онъ теперь свое сновидѣніе, — и отпустивъ товарищей, самъ рѣшился послѣдовать своему давнему желанію—посвятить себя иноческой жизни. Онъ отправился въ стародубскіе монастыри, чтобы, тамъ, въ уединеніи и тишинѣ, ожидать „усмотрѣнія Божіихъ о немъ судебъ“, тоесть указанія на предназначенное ему, будто бы, великое дѣло.

10. Пребываніе Петра Васильева въ Лаврентьевомъ монастырѣ.

Мѣстомъ жительства Петръ Васильевъ избралъ собственно Лаврентьевъ монастырь; но отсюда нерѣдко посѣщалъ и другія старообрядческія обители въ Стародубьѣ. Пребываніе въ этихъ монастыряхъ имѣло для него немалую важность: здѣсь онъ познакомился со многими уважаемыми въ старообрядчествѣ лицами, которыя впослѣдствіи сдѣлались его близкими друзьями и пріобрѣли, можно сказать, историческую извѣстность; здѣсь, въ кругу этихъ лицъ, онъ гораздо глубже вошелъ въ современные интересы старообрядчества, нежели сколько занятъ былъ ими живя на родинѣ; здѣсь

окончательно сложился въ немъ и тотъ характеръ самоотверженнаго дѣятеля на пользу старообрядчества, съ какимъ является онъ, какъ учредитель Бѣлокриницкой іерархіи.

Настоятелемъ Лаврентьева монастыря въ то время, когда жилъ тамъ Петръ Васильевъ, былъ инокъ Аркадій, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный. Онъ былъ родомъ изъ посада Клинцовъ; въ мірѣ звался Андрей Родіоновъ Шапошниковъ. Аркадій пользовался въ своемъ кругу большой извѣстностью, какъ замѣчательный старообрядческій начетчикъ. Великій ревнитель раскола и строгій блюститель всѣхъ уставленныхъ расколомъ обрядовыхъ условій жизни, онъ въ этомъ отношеніи былъ строгъ и къ другимъ, — вообще отличался твердымъ и настойчивымъ характеромъ. Гордый, самолюбивый, склонный къ любостяжательности, онъ умѣлъ однакоже скрывать эти пороки подъ маской внѣшняго подвижничества и фарисейскаго смиренія· Самая наружность его была изъ такихъ, что обращала на себя особенное вниманіе старообрядцевъ,—онъ имѣлъ замѣчательно длинную бороду, такъ что попросту, въ бесѣдахъ между собою, старообрядцы обыкновенно звали его Аркадіемъ бородатымъ. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ женился, — и (о чемъ впослѣдствіи имѣлъ причины горько сожалѣть) женился на вдовѣ, имѣвшей дѣтей отъ перваго брака; но въ супружествѣ жилъ недолго: неизвѣстно почему, — вслѣдствіе ли семейныхъ непріятностей, по влеченію ли къ монашеской жизни, или по другимъ какимъ причинамъ, только спустя немного времени послѣ женитьбы онъ оставилъ жену и принялъ иночество въ Лаврентьевомъ монастырѣ. Здѣсь онъ скоро пріобрѣлъ вліяніе на игумена и братію; а не задолго до пріѣзда въ монастырь Петра Васильева самъ былъ избранъ въ игумены, на мѣсто отказавшагося отъ должноси — Михаила.

Въ братствѣ Лаврентьева монастыря было тогда нѣсколько „старцевъ", пользовавшихся въ старообрядчествѣ уваженіемъ. Таковъ былъ особенно инокъ Евфросинъ, сотоварищъ Аркадія, вмѣстѣ съ нимъ пришедшій въ монастырь. Онъ славился какъ человѣкъ многосвѣдующій въ писаніи, — даже самъ

Аркадій называлъ его „великимъ книгчіемъ“; при большой дѣйствительно начитанности, онъ обладалъ еще превосходной памятью, такъ что могъ наизусть приводить мѣста и цѣлыя страницы изъ старопечатныхъ книгъ, характера былъ малосообщительнаго, любилъ уединеніе и жилъ „полузатворникомъ“. Не малымъ почетомъ въ монастырѣ пользовался также инокъ Іоасафъ, прежде бывшій елисаветградскій купецъ Морозовъ, обладавшій значительными средствами и много жертвовавшій на монастырскія потребности. Слѣдуетъ упомянуть еще объ Алипіѣ и Онуфріѣ. Алипій, бывшій мѣщанинъ города Калуги Абрамъ Ивановъ Вепринцевъ, жилъ въ Лаврентьевомъ монастырѣ съ 1815 года безвыходно до самаго закрытія монастыря [1]); былъ человѣкъ кроткаго нрава и доброй жизни, но никакими особенными талантами не отличался, — даже и грамотѣ былъ не очень гораздъ. Инокъ Онуфрій, въ мірѣ Андрей Ѳаддеевъ Парусовъ, родился и крещенъ въ церкви православной; но потомъ расположеніе къ старообрядчеству и любовь къ уединенной иноческой жизни побудили его уйти съ родины (изъ Ярославской губерніи) въ старообрядческіе стародубскіе монастыри, о которыхъ много наслышался отъ знакомыхъ раскольниковъ. Это случилось на 19 году его жизни, — въ то время, когда здѣсь жилъ уже Петръ Васильевъ [2]). Сначала Онуфрій поселился въ Покровскомъ монастырѣ, потомъ перешелъ на жительство въ Лаврентьевъ, гдѣ и пострижен въ иноки. За разсудительность, открытый и прямой характеръ, добросердечіе и безукоризненную жизнь онъ постоянно пользовался любовію и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его старообрядцевъ.

---

[1]) Такъ говорится въ собственномъ его показаніи на допросѣ 1854 г.; то же повторилъ онъ въ суздальскомъ Спасоевѳиміевомъ монастырѣ на вопросъ архим. Амвросія (архивъ Спасск. мон.).

[2]) Записка о. Онуфрія, поданная въ 1865 году московскому митрополиту Филарету. Здѣсь онъ именно говоритъ, что съ Павломъ „встрѣтился и познакомился первый разъ, когда тотъ жилъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ бѣльцомъ Петромъ Васильевымъ“ (См. *Брат. Сл.* 1884 г., т. II, стр. 322—323).

Петръ Васильевъ принятъ былъ весьма внимательно въ Лаврентьевомъ монастырѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ особенно сблизился съ Аркадіемъ и Евфросиномъ: у нихъ искалъ наученія въ иночествѣ; съ ними проводилъ время въ бесѣдахъ отъ писанія; отъ нихъ бралъ книги для келейнаго чтенія. Впрочемъ бесѣды съ Лаврентьевскими „книгчіями" происходили не объ однихъ только догматическихъ вопросахъ и правилахъ иноческой жизни: въ Лаврентьевомъ монастырѣ, какъ и въ другихъ раскольническихъ обителяхъ, тогда сильно заняты были современнымъ положеніемъ бѣглопоповства, все больше и больше стѣсняемаго правительствомъ: ожидали, что рано или поздно и для лаврентьевскихъ иноковъ настанетъ очередь испытать на себѣ карательную руку внѣшнихъ властей. Что же дѣлать? какъ поступить, если кара постигнетъ и ихъ обитель? — вотъ о чемъ нерѣдко велись бесѣды въ обществѣ Аркадія и Евфросина. Здѣсь, на этихъ бесѣдахъ, самую даже мысль о подчиненіи господствующей церкви отвергали съ негодованіемъ, и въ случаѣ крайности считали необходимымъ бѣжать за границу къ тамошнимъ „христіанамъ". Что же касается общаго положенія старообрядчества въ Россіи и особенно угрожающаго ему „оскудѣнія священства", то, безъ сомнѣнія, и здѣсь были толки о исканіи и пріобрѣтеніи епископа, какъ вѣрнѣйшемъ способѣ отстранить это бѣдствіе. Игуменъ Аркадій, человѣкъ не склонный къ увлеченіямъ и мечтательности, самъ лично не питалъ расположенія къ исканію епископства, почитая это дѣло несбыточнымъ и по своей новости даже небезопаснымъ для старообрядчества; но другіе лаврентьевскіе иноки очень увлекались надеждою имѣть старообрядческихъ епископовъ, тѣмъ болѣе, что въ это самое время нѣкоторыя изъ знакомыхъ имъ лицъ, постриженники и бывшіе обитатели ихъ монастыря, предприняли уже трудныя странствія для отысканія „древлеправославныхъ" епископовъ [1]).

---

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ, выше исчисленныхъ нами, странствователей, какъ наприм. самъ Ираклій и Аркадій Лысый, дѣйствительно принадлежали нѣкогда къ Лаврентьевскому братству.

Съ юныхъ лѣтъ будучи ревнителемъ старообрядчества, Петръ Васильевъ принималъ живѣйшее участіе въ этихъ бесѣдахъ; скорби и заботы о печальныхъ судьбахъ, ожидающихъ именуемую „древлеправославную“ церковь, глубоко западали въ его сердце; онъ распалялся желаніемъ помочь ей, отклонить какимъ-либо способомъ предстоящее ей бѣдствіе. Пріобрѣтеніе собственныхъ епископовъ, учрежденіе самостоятельной раскольнической іерархіи, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ къ тому средствъ, было ему совершенно по мысли, вполнѣ согласовалось съ его предпріимчивымъ и рѣшительнымъ характеромъ; самые подвиги искателей древлеправославнаго архіерейства, прежнихъ и современныхъ, соединенные съ опасностями и всякаго рода трудностями, сильно увлекали его воображеніе, пробуждали стремленіе подражать имъ. Надобно полагать, что тогда уже возникли въ умѣ его предположенія — не здѣсь ли, не въ этихъ ли подвигахъ на пользу гонимаго „древлеправославія“ заключается его предназначеніе, его особое, высшее призваніе? не къ нимъ ли относится и непонятое имъ прежде многознаменательное сновидѣніе? Случайныя обстоятельства скоро превратили эти его предположенія въ несомнѣнную для него увѣренность.

11. Петръ Васильевъ рѣшается посвятить себя исканію архіерея для старообрядцевъ.

Мы видѣли, какое впечатлѣніе Петръ Васильевъ произвелъ на Громова, явившись къ нему въ качествѣ искателя великихъ сокровищъ, якобы сохраняемыхъ промысломъ Божіимъ на прославленіе старообрядчества. Громовъ тогда же увидѣлъ, что это именно человѣкъ, способный осуществить сохраняемые въ тайнѣ замыслы объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры. Онъ не препятствовалъ, какъ мы видѣли, странной попыткѣ Петра Васильева добыть драгоцѣнный кладъ, въ существованіе котораго и самъ повидимому возымѣлъ вѣру подъ вліяніемъ увлекательныхъ рѣчей его; но въ случаѣ неуспѣха этой затѣи рѣшился употребить предпріимчи-

ваго кладоискателя на исканіе другого сокровища, тоже якобы соблюдаемаго къ прославленію старообрядчества, — на исканіе „древлеправославныхъ епископовъ“. Узнавши, чѣмъ кончилась странная исторія о кладѣ и куда направилъ стопы свои Петръ Васильевъ послѣ неудачи, Громовъ, дѣйствительно, послалъ ему въ Лаврентьевъ монастырь письмо съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ намѣренъ былъ лично объяснить ему дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры и сдѣлать предложеніе о принятіи на себя трудовъ по осуществленію этого дѣла. Не зная цѣли приглашенія и не желая разставаться съ тишиною монастырской жизни, Петръ Васильевъ, подъ предлогомъ нездоровья, отказался ѣхать въ Петербургъ. Громовъ повторилъ приглашаніе, а потомъ нарочно отправилъ въ Лаврентьевъ монастырь довѣреннаго человѣка объяснить ему, съ соблюденіемъ надлежащей осторожности, всю сущность замышляемаго дѣла и сдѣлать предложеніе — отправиться въ странствіе для отысканія необходимо нужнаго старообрядцамъ епископа, при чемъ однакоже предупредить, что все предпріятіе онъ долженъ до времени хранить въ глубокой тайнѣ, и только избрать себѣ въ повѣренные и сотрудники кого-либо изъ надежныхъ, извѣстныхъ ему иноковъ [1]).

Полученныя изъ Петербурга, отъ главы здѣшнихъ старообрядцевъ, секретныя извѣщенія и предложенія Петръ Васильевъ принялъ какъ свыше посланное и давно ожидаемое указаніе предназначенныхъ ему подвиговъ на пользу гонимаго старообрядчества. Теперь этотъ самообольщенный ревнитель раскола считалъ уже неподлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ свыше предназначенъ именно для того, чтобы послужить „древлеправославной церкви“ пріобрѣтеніемъ для нея епископовъ, необходимо нужныхъ въ предотвращеніе угрожающаго ей оскудѣнія священства, что именно къ этому подвигу промыслъ готовилъ его съ юныхъ лѣтъ и что къ нему же

---

[1]) По словамъ о. Онуфрія, это былъ Кочуевъ; не являясь лично въ Лаврентьевъ монастырь, онъ вызвалъ Петра Васильева въ Гомель и тамъ велъ съ нимъ секретно бесѣды о порученіи Громова.

относилось то чудесное явленіе святителя Николы, смыслъ котораго онъ понялъ сначала такъ превратно: ибо (разсуждалъ онъ теперь) „не о сокровищахъ искомыхъ говорилъ ему съ увѣреніемъ святитель, но о существѣ святительскаго дѣйства“, — о томъ, что епископство, исканію котораго онъ долженъ отнынѣ посвятить всего себя, несомнѣнно существуетъ и будетъ обрѣтено, — „якоже онъ святитель Христовъ Никола есть, такъ и оно есть“ [1]). Нимало не колеблясь, съ полнымъ самоотверженіемъ и совершенной увѣренностью въ успѣхѣ, рѣшился онъ идти на дѣло, къ которому считалъ себя призваннымъ свыше.

Извѣстивъ Громова, что принимаетъ его предложеніе, Петръ Васильевъ занялся необходимыми приготовленіями къ предстоящимъ странствіямъ. Согласно наставленію Громова онъ хранилъ дѣло въ секретѣ, не сообщилъ о немъ никому изъ лаврентьевскихъ иноковъ, и только занялся избраніемъ вполнѣ надежнаго товарища, съ которымъ могъ бы откровенно объясниться о дѣлѣ, общимъ совѣтомъ составить и обсудить планъ предпріятія, раздѣлить потомъ и всѣ труды по приведенію этого плана въ исполненіе. Онъ остановилъ вниманіе на трехъ лицахъ: на игуменѣ лаврентьевскомъ Аркадіѣ, на лаврентьевскомъ же инокѣ Евфросинѣ и еще на инокѣ Серковскаго монастыря Геронтіѣ; а кому изъ нихъ отдать предпочтеніе, это, уже по принятому имъ въ подобныхъ обстоятельствахъ обычаю, онъ призналъ необходимымъ предоставить рѣшенію жребія, чтобы такимъ образомъ получить наставника и соотрудника также якобы свыше предуказаннаго. Сотворивъ молитву, онъ вынулъ одинъ изъ нарочито приготовленныхъ жребіевъ, — это былъ жребій инока Геронтія.

Геронтій, въ мірѣ Герасимъ Исаевъ Колпаковъ, крестьянинъ

---

[1]) Геронтій именно пишетъ о Павлѣ, что когда началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры, „*тогда* онъ помяну глаголы Святителя Христова Николы, яже ему глагола, и вѣрова словесемъ святительскаго дѣйства неугасимой благодати, якоже Святитель Христовъ Никола есть, тако все и донынѣ есть“ (*Жизнеописаніе Павла*).

сельца Ермолова (Москов. губ. Серпух. у.), былъ только пятью годами старше Петра Васильева (род. въ 1803 году). Девятнадцати лѣтъ онъ ушелъ въ Бессарабію, въ находившійся тамъ уединенный монастырь, извѣстный подъ именемъ Серковскаго[1]), и тамъ черезъ три года постриженъ въ иноки. Пользуясь довѣріемъ настоятеля и монастырскаго братства, молодой инокъ, по ихъ порученію, неоднократно ѣздилъ во внутреннія губерніи, и до Петербурга, для сбора подаяній на монастырь. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, именно около 1830 года, онъ первый разъ познакомился съ Петромъ Васильевымъ, посѣтивъ его, какъ уже извѣстнаго старообрядческаго начетчика, въ зимогорскомъ его домѣ. Съ тѣхъ поръ между ними завязалась тѣсная пріязнь: поэтому-то Петръ Васильевъ и избралъ Геронтія въ число трехъ лицъ, предназначенныхъ быть его сотрудниками въ исканіи архіерейства. Когда жребій палъ именно на Геронтія, Петръ Васильевъ нашелъ себя въ немаломъ затрудненіи, не зная, какъ объясниться съ Геронтіемъ по настоящему дѣлу, ибо отдѣленъ былъ отъ него огромнымъ пространствомъ и не видѣлъ возможности ни самъ къ нему ѣхать, ни войти съ нимъ въ письменныя сношенія. Случилось же, что спустя нѣсколько времени самъ Геронтій неожиданно пріѣхалъ въ стародубскіе монастыри и нашелъ его здѣсь, — обстоятельство, которое было принято обоими за особенное устроеніе промысла Божія. Немедленно же Петръ Васильевъ изложилъ Геронтію весь ходъ дѣла о предпринимаемомъ исканіи архіерейства и всѣ тѣ обстоятельства изъ своей жизни, въ которыхъ мечтались ему явные слѣды Провидѣнія, якобы указующаго ему высшее предназначеніе — послужить старообрядчеству возстановленіемъ „древлеправо-

---

[1]) Монастырь этотъ находился въ Оргѣевскомъ уѣздѣ Бессарабской области; „какъ служившій по своему положенію близь границы постояннымъ пристанищемъ для бродягъ“, онъ взятъ у раскольниковъ и переданъ въ духовное вѣдомство въ 1846 году,— въ то именно время, когда правительству сдѣлались извѣстны подвиги Геронтія по устройству за границей раскольнической архіерейской каѳедры (Варадин. *Ист. мин. Внутр. дѣлъ,* ч. VIII, стр. 452).

славнаго“ епископства, и въ заключеніе сталъ просить Геронтія, чтобы принялъ участіе въ этомъ подвигѣ, который и ему — Геронтію якобы очевиднымъ же образомъ предуказуется свыше посредствомъ жребія и столь неожиданнаго прибытія его въ Лаврентьевъ монастырь. На Геронтія эта бесѣда произвела глубокое впечатлѣніе, и онъ далъ Петру Васильеву крѣпкое слово — дѣлить съ нимъ всѣ труды и подвиги на пользу „древлеправославной церкви“. Съ этого времени Геронтій дѣйствительно становится его ближайшимъ, неизмѣннымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ по дѣлу объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры.

12. Первая, неудачная попытка Павла и Геронтія пробраться за границу. Отъѣздъ и прибытіе въ Буковину.

Совѣщанія двухъ друзей прежде всего посвящены были вопросу о томъ, какъ и въ какія страны направить имъ стопы свои. Совѣтъ Громова — хранить дѣло въ секретѣ они признали нужнымъ исполнить въ точности: условились никому даже изъ близкихъ людей не сообщать о своихъ намѣреніяхъ и предпріятіяхъ, въ отклоненіе же всякихъ подозрѣній, не спѣша объѣхать сначала, подъ предлогомъ богомолья, стародубскіе монастыри и потомъ уже отправиться въ дальнѣйшій путь. Куда же отправиться? — вопросъ этотъ рѣшить было труднѣе и въ рѣшеніи его приходилось руководствоваться распространенными у старообрядцевъ сказаніями о странахъ, гдѣ будто бы существуютъ епископы и священство древняго поставленія. Между этими странами первое мѣсто въ старообрядческихъ разсказахъ занимали Персія, Грузія и иныя мѣста по предгоріямъ Арарата, гдѣ якобы съ давнихъ поръ укрываются христіане, неизмѣнно содержащіе старую вѣру, и при нихъ не пріявшіе никоновскихъ новопремѣненій епископы. Затѣмъ слѣдовали разныя страны въ азіатской и европейской Турціи — за Ливаномъ, въ Сиріи, въ Египтѣ. Петръ Васильевъ и Геронтій рѣшились поэтому прежде всего направить путь свой къ границамъ Персіи, а оттуда, если не обрящутъ искомаго, пуститься и въ дальнѣйшія страны,

до Палестины и Египта. Для руководства въ этихъ странствіяхъ у нихъ имѣлись географическія карты и книги, нарочно присланныя Громовымъ изъ Петербурга.

Согласно принятому плану, Петръ Васильевъ и Геронтій, простившись съ Аркадіемъ, Евфросиномъ и прочимъ лаврентьевскимъ братствомъ, отправились на богомолье въ прочіе стародубскія обители. Жили по нѣскольку времени въ Пахоміевомъ монастырѣ, въ Свѣцковскомъ и въ Покровскомъ. Здѣсь 1-го марта 1836 года, совершенно было постриженіе Петра Васильева въ иноки: постригалъ Покровскаго монастыря священноинокъ Епифаній и при постриженіи изъ Петра нарекъ его Павломъ; при этомъ Геронтій принялъ на себя обязанность евангельскаго отца новопостриженному. „И того же числа (по словамъ самого Геронтія), *никому* кромѣ духовнаго своего отца священноинока Епифанія *невѣдомо*, пустились въ предлежащей свой нуть“ [1]).

Съ этого времени и начинаются странствія, труды и подвиги, предпринятые ради пріобрѣтенія потребныхъ старообрядчеству епископовъ двумя знаменитыми у старообрядцевъ друзьями — Павломъ и Геронтіемъ.

Существовали уже извѣстные, давно проложенные пути, которыми наши раскольники пробирались за границу. Они лежатъ по близости тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся турецкія, молдавскія и буковинскія раскольничьи селенія. Перейдя въ томъ, или другомъ мѣстѣ, такъ называемую „сухую“ границу, новые бѣглецы обыкновенно находили себѣ пріютъ въ этихъ заграничныхъ раскольническихъ селеніяхъ. Тѣми же путями шли за границу и странники, отправлявшіеся отъискивать „древлеправославныхъ“ епископовъ: побывши у „своихъ христіанъ“, они обыкновенно направляли путь въ Константинополь и отсюда уже начинали свои странствія по разнымъ мѣстамъ востока. Но Павелъ и Геронтій, познакомясь съ географіями и географическими картами, избрали другой, по ихъ мнѣнію, болѣе прямой и удобный путь къ предѣламъ

---

[1]) *Жизнеопис. Павла.*

Персіи, служившимъ первоначальною цѣлію ихъ путешествія. Они проѣхали сначала въ Таганрогъ и отсюда Азовскимъ и Чернымъ морями доплыли до береговъ Мингреліи. Благополучно добрались они до Кутайса; но здѣсь, къ великому ихъ огорченію, положенъ былъ конецъ ихъ дальнѣйшему пути къ „предгоріямъ Арарата“,—и причиною такой неудачи была ихъ самонадѣянность, внушенная мечтательною вѣрою въ высшее надъ ними покровительство. Подъ вліяніемъ этой самонадѣянности, они счисали излишнимъ заботиться о какихъ либо предосторожностяхъ и рѣшились путешествовать въ своихъ иноческихъ одѣяніяхъ, — въ тѣхъ особаго покроя полукруглыхъ камилавкахъ съ вѣнчиками и въ манатейкахъ, которыя старообрядческій инокъ, по уставу, не долженъ никогда снимать. Этимъ невиданнымъ одѣяніемъ они обратили на себя вниманіе кутайсской полиціи, были задержаны и отправлены въ Тифлисъ для личныхъ объясненій съ тогдашнимъ главнокомандующимъ на Кавказѣ барономъ Розеномъ. По отобраніи отъ Павла и Геронтія точныхъ показаній о всемъ, касающемся ихъ личности, также о цѣли ихъ путешествія, главнокомандующій приказалъ для повѣрки ихъ показаній навести, гдѣ слѣдуетъ, нужныя справки, а до тѣхъ поръ содержать ихъ въ тифлисскомъ тюремномъ замкѣ. Здѣсь просидѣли они болѣе трехъ мѣсяцевъ. По полученіи же необходимыхъ справокъ, баронъ Розенъ, причисливъ Павла и Геронтія къ разряду праздношатающихся, отдалъ приказаніе о водвореніи ихъ на мѣста жительства. Ихъ отправили по назначенію, подъ охраной воинской стражи, чрезъ кавказскія горы на Владикавказъ и Ставрополь. Въ Новочеркасскѣ Геронтій и Павелъ должны были разстаться: одному лежалъ путь въ Бессарабію, другому - къ новогородскимъ предѣламъ. Это было уже въ январѣ 1837 года[1]).

Первая неудача, испытанная на поприщѣ исканія „древле-

---

[1]) Неудачное путешествіе въ Грузію довольно подробно описано Геронтіемъ въ *Жизнеопис. Павла;* согласно съ его разсказомъ передаетъ главныя обстоятельства этого путешествія и о. Онуфрій въ своихъ *Запискахъ*.

православныхъ епископовъ", послужила для инока Павла нѣкоторымъ урокомъ. Онъ нимало не утратилъ прежней мечтательной вѣры въ свое мнимо-высшее предназначеніе и проистекающей отсюда смѣлости и предпріимчивости; но вразумленный опытомъ, пришелъ къ заключенію, что въ отношеніи ко „внѣшнимъ" и вообще къ лицамъ не посвященнымъ въ его тайну, позволительно и даже слѣдуетъ употреблять кривые пути и дѣйствія, въ то же время нимало будтобы не измѣняя характеру чрезвычайнаго избранника Божія. И онъ дѣйствительно пріобрѣлъ искусство мирить въ своемъ сознаніи совершенно непримиримыя понятія — ложь и обманъ съ ревностью по вѣрѣ и служеніемъ Богу, положивъ въ основу дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства, — правило, которому впослѣдствіи далъ самое широкое приложеніе.

Надобно полагать, что еще во время заключенія въ Тифлисѣ и на пути оттуда было условлено между двумя друзьями не оставлять начатаго дѣла и, посовѣтовавшись съ петербургскимъ покровителемъ, въ удобное время снова отправиться на поиски „древлеправославныхъ" епископовъ, только уже съ соблюденіемъ необходимыхъ предосторожностей. И когда Павлу представилась возможность безопасно отлучиться съ родины, онъ отправился въ Петербургъ для личныхъ совѣщаній съ Громовымъ. Громовъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ смущаться первой неудачей, въ которой много виноваты притомъ сами же путешественники, поступавшіе слишкомъ самонадѣянно, и что въ виду постоянно возрастающихъ строгостей относительно старообрядчества, которыя грозятъ ему бóльшими и бóльшими затрудненіями въ пріобрѣтеніи священниковъ, необходимо нужно начатое дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры продолжать безотлагательно. Онъ убѣдилъ инока Павла, не теряя времени, ѣхать къ Геронтію въ Серковскій монастырь и оттуда, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, отправиться за границу болѣе безопаснымъ, давно знакомымъ для старообрядцевъ путемъ, на каковое странствіе вручилъ ему потребную и нескудную сумму денегъ, съ обѣ-

щаніемъ въ случаѣ надобности не щадить никакихъ издержекъ на осуществленіе предпріятія. Павелъ и съ своей стороны не видѣлъ надобности еще откладывать дѣло, — немедленно поѣхалъ къ Геронтію въ Серковскій монастырь. Здѣсь они окончательно составили планъ новаго путешествія, — именно рѣшили направить путь сначала въ Буковину, чрезъ такъ называемую у раскольниковъ „сухую" австрійскую границу, по общимъ отзывамъ наиболѣе безопасную отъ надзора пограничной стражи, въ Буковинѣ, чрезъ посредство здѣшнихъ раскольниковъ, выправить австрійскіе паспорты и затѣмъ, подъ видомъ австрійскихъ подданныхъ, чрезъ Молдавію и Турцію, отправиться въ дальнѣйшія странствія по Востоку и „во вся края вселенныя" [1]).

Ранней весной 1839 года Павелъ и Геронтій выѣхали изъ Серковскаго монастыря. Они старались соблюсти во время этого втораго путешествія всевозможную осторожность, дабы своимъ странствіемъ не возбудить какихъ-нибудь толковъ и подозрѣній. Подъѣзжая къ границѣ, въ раскольническомъ селеніи Грубномъ (Подольской губ.) они взяли провожатаго, хорошо знающаго мѣста, удобныя для проѣзда, — нѣкоего Василія Рябицкаго. Рябицкій, человѣкъ искусный въ своемъ дѣлѣ, безъ всякихъ приключеній провелъ ихъ чрезъ границу и даже проводилъ ихъ до главнаго раскольническаго селенія въ Буковинѣ, называемаго Бѣлою Криницею. Это селеніе и существовавшій тамъ небольшой старообрядческій монастырь, гдѣ Павелъ и Геронтій остановились на время, вскорѣ сдѣлались, неожиданно для нихъ самихъ, главнымъ мѣстомъ ихъ дѣятельности по устроенію старообрядческой архіерейской каѳедры и получили громкую извѣстность въ исторіи раскола.

13. Первыя раскольническія поселенія въ Буковинѣ.

Главнымъ и древнѣйшимъ изъ селеній, находящихся въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ нынѣшней Буковинѣ, гдѣ поселились нѣкоторые старообрядцы, бѣжавшіе изъ Россіи еще

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія.

въ правленіе Софіи и Петра, было селеніе Миттока-Драгомирна, принадлежавшее Драгомирнскому монастырю и болѣе извѣстное у раскольниковъ подъ именемъ Соколинцевъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ за границей (въ Молдавіи, въ Пруссіи), раскольники получили названіе *Липованъ:* это есть, какъ надобно полагать, испорченное названіе *Филиппонъ*, принадлежавшее собственно раскольникамъ Филиппова согласія, которые, можетъ-быть, прежде другихъ старообрядцевъ пришли туда изъ Россіи [1]). Несмотря на это названіе, буковинскіе Липоване всѣ почти принадлежали къ вѣтковскому согласію и находились въ сношеніяхъ съ Вѣткой.

Положеніе первыхъ липованскихъ семействъ въ Австріи было сначала незавидно: они не только не имѣли какихъ-либо особенныхъ правъ и преимуществъ въ сравненіи съ прочими жителями Буковины, но даже стѣснены были въ свободномъ отправленіи богослуженія и церковныхъ требъ по своему обряду, такъ что находившійся у нихъ бѣглый священникъ изъ Молдавіи принужденъ былъ уйти назадъ [2]). Но съ 1783 года, благодаря счастливому случаю, въ положеніи австрійскихъ

---

[1]) У буковинскихъ Липованъ есть мнѣніе, что названіе это происходитъ отъ селенія Липовцы, гдѣ также изстари жили нѣкоторые изъ старообрядцевъ. Сначала, говорятъ, они получили, по мѣсту ихъ жительства, названіе *Липовцевъ:* это названіе и искажено потомъ въ названіе *Липованъ* (Зап. о. Филарета). Но такого объясненія правильнымъ признать нельзя уже и потому только, что названіе *Липованъ* не могло бы распространиться на прочихъ заграничныхъ раскольниковъ, если бы оно происходило отъ незначительнаго селенія, гдѣ жили двѣ-три раскольническія семьи; напротивъ гораздо вѣроятнѣе, что первые раскольники, поселившіеся въ Молдавіи и Буковинѣ, были послѣдователи Филиппова толка—Филиппоны, и что названіе это искажено въ названіе Липованъ, и усвоялось потомъ всѣмъ приходившимъ сюда раскольникамъ, хотя они были и не Филиппова толка. Отъ Филиппоновъ производилъ названіе Липованъ и инокъ Павелъ: объ этомъ онъ рѣшительно говоритъ въ „промеморіи“, поданной графу Инцаги въ 1844 г. *(Бѣлокр. арх.)*.

[2]) Объ отъѣздѣ его изъ Буковины обратно въ Молдавію есть извѣстіе въ одномъ изъ офиціальныхъ нѣмецкихъ документовъ (тамъ же).

липованъ послѣдовала перемѣна къ лучшему, и самое число раскольниковъ въ Буковинѣ увеличилось въ значительной степени. Вотъ какъ описываютъ этотъ достопамятный для нихъ случай сами буковинскіе старообрядцы по сохранившимся у нихъ устнымъ преданіямъ. Однажды нѣсколько старообрядцевъ изъ числа живущихъ при устьяхъ Дуная, въ такъ называемой Добруджѣ, занимаясь ловлей рыбы, увидѣли, что какого-то, на ихъ взглядъ, странно одѣтаго, но, какъ могли они примѣтить, благороднаго господина преслѣдуютъ разбойники и совсѣмъ почти настигли. Рыболовы бросились къ нему на помощь и успѣли его спасти. Тогда этотъ господинъ предложилъ имъ просить какой угодно награды за оказанную ему услугу. Старообрядцы отвѣчали, что никакой награды не желаютъ,—что, освободивъ его, они только исполнили долгъ христіанскаго закона. Послѣ новыхъ напрасныхъ убѣжденій принять какое-нибудь вознагражденіе, незнакомецъ сказалъ имъ, что онъ изъ города Вѣны, лицо, близкое къ австрійскому императору, и спросилъ, не пожелаютъ ли они по крайней мѣрѣ о чемъ-нибудь попросить самого императора, предъ которымъ былъ бы готовъ за нихъ ходатайствовать. Изъ этихъ словъ, да и по самому его „обхожденію“, рыболовы поняли, что это долженъ быть „чиновникъ высокаго сана“, и потому его покровительство при случаѣ можетъ быть очень полезно: они отвѣтили, что о предложеніи его скажутъ своимъ обществамъ. Незнакомецъ далъ имъ записку съ означеніемъ своего имени и наставленіемъ, какъ поступить, если представится въ немъ надобность [1]. Быть можетъ въ этомъ разсказѣ частныя обстоятельства событія переданы не совсѣмъ вѣрно; но самый фактъ, что придунайскіе раскольники оказали важную услугу одному изъ приближенныхъ лицъ австрійскаго императора и что въ бла-

---

[1]) Такъ излагаетъ эту исторію, „по устному повѣствованію старѣйшинъ“, инокъ Павелъ въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря* (гл. II, § I. а). Онъ же разсказываетъ ее въ другомъ своемъ сочиненіи, *Церковной исторіи,* но менѣе подробно.

годарность за такую услугу имъ была обѣщана сильная протекція, — этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, подтверждаемыхъ достовѣрными оффиціальными извѣстіями.

Предложеніе австрійскаго сановника добруджинскіе рыболовы не преминули сообщить своимъ односельчанамъ, какъ только возвратились съ рыбной ловли, а тѣ общимъ совѣтомъ рѣшили — просить австрійскаго императора о дозволеніи переселиться на свободное жительство въ австрійскіе предѣлы „съ наблюденіемъ въ точности древлегреческаго христіанскаго закона и совершенной вольности своему духовенству". Въ такомъ смыслѣ они составали прошеніе, выбрали изъ своей среды двухъ депутатовъ, Александра Алексѣева и Никифора Иларіонова, и послали ихъ съ прошеніемъ въ Вѣну. Здѣсь посланные отыскали спасеннаго вельможу и по его ходатайству получили отъ императора согласіе на ихъ просьбу [1]). 9-го октяаря 1783 года собственноручно подписана Іосифомъ II грамота слѣдующаго содержанія:

„Мы, Іосифъ вторый, Божіею милостію избранный императоръ римскій и пр.

„Такъ какъ въ нашъ столичный городъ Вѣну пришли отъ живущихъ при Черномъ морѣ старовѣрческихъ обществъ (altgläubigen Gemeinden) два депутата, по имени Александръ Алексѣевъ и Никифоръ Иларіоновъ, и по порученію сихъ обществъ обратились къ намъ съ просьбою, чтобъ имъ позволено было переселиться въ наши земли съ ихъ семействами и имуществомъ:

„то мы, находясь въ увѣренности, что помянутыя общества, по прибытіи на будущія мѣста ихъ жительства въ нашихъ земляхъ, во всемъ (in allen Stücken) будутъ поступать такъ же, какъ и прочіе наши вѣрные подданные, посредствомъ настоящей утвержденной нами грамоты (Patents) даемъ

---

[1]) *Уставъ Бѣлокр. мон.* Въ *Исторіи* инока Павла говорится, что и самую мысль о переселеніи въ Австрію подалъ Липованамъ тотъ же спасенный ими австрійскій вельможа (стр. 170).

вышеозначеннымъ депутатамъ и чрезъ нихъ имѣющимъ переселиться обществамъ слѣдующее увѣреніе:

„1) Дозволяемъ мы совершенно свободное отправленіе религіозныхъ дѣйствій (freie Religions-Exercitium) имъ, всѣмъ ихъ дѣтямъ и потомкамъ (Kindeskindern), вмѣстѣ съ ихъ духовенствомъ.

„2) Оставляемъ мы ихъ и ихъ дѣтей совершенно свободными отъ всякихъ сборовъ и податей въ продолженіе 20 лѣтъ со времени ихъ поселенія.

„3) Предоставляемъ мы имъ освобожденіе отъ военной службы (Militärstande).

„4) По истеченіи 20 лѣтъ мы имъ назначимъ подати, соотвѣтственно ихъ имуществамъ и какія платятъ прочіе наши подданные одинаковаго съ ними состоянія“ [1]).

По смыслу этой императорской грамоты, изложенныя въ ней права и привилегіи принадлежали собственно тѣмъ обществамъ жившихъ при Черномъ морѣ старообрядцевъ, отъ которыхъ были присланы въ Вѣну депутаты. При Черномъ морѣ, или, точнѣе, на мѣстѣ впаденія Дуная въ Черное море, въ такъ называемой Добруджѣ, и тогда уже были поселенія казаковъ-раскольниковъ изъ дружины Некрасова, извѣстныхъ подъ именемъ Некрасовцевъ, или Игнатъ-казаковъ. Можно бы поэтому предполагать, что и депутаты, ѣздившіе въ Вѣну, принадлежали къ некрасовскимъ обществамъ. Но представляется невѣроятнымъ, чтобы Некрасовцы, положеніе которыхъ подъ властію султана было хорошо обезпечено, рѣшились искать счастія въ новомъ переселеніи подъ господство нѣмецкаго государя: въ Турціи они пользовались и свободой въ исповѣданіи своей „старой вѣры“, и кромѣ того еще своимъ собственнымъ казацкимъ судомъ, равно какъ многими другими правами; а хлопотать о полномъ освобожденіи отъ военной службы было даже не въ характерѣ Некрасовцевъ, которые и въ до-

---

[1]) Грамота писана на пергаментѣ, въ два столбца, — на одномъ по-нѣмецки, на другомъ — по-русски. Оба текста приведены въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря* (гл. II, 1.); русскій напечатанъ также въ *Церковной исторіи* инока Павла (стр. 171—174).

говорѣ съ турецкимъ правительствомъ условіемъ съ своей стороны поставили — во время войны снаряжать изъ молодыхъ людей казацкое войско на службу султану. Есть, наконецъ, нѣкоторыя положительныя данныя утверждать, что придунайскія старообрядческія общества, хлопотавшія о переселеніи въ австрійскую имперію, были не изъ числа некрасовскихъ. Однимъ изъ депутатовъ, ѣздившихъ въ Вѣну, названъ въ императорской грамотѣ Никифоръ Иларіоновъ; а во главѣ переселившихся потомъ въ Буковину дунайскихъ старообрядцевъ, ихъ предводителемъ и старшиною, оффиціально признанъ былъ Иларіонъ Петровичъ (Petrowitz). Но Иларіонъ Петровичъ, по прозванью Коровьи-ножки, и Никифоръ Иларіоновъ — личности не безъизвѣстныя въ исторіи раскола: они признаются основателями такъ-называемой секты чернобольцевъ. По существующимъ, очень скуднымъ впрочемъ, извѣстіямъ объ этой сектѣ [1]), стародубскіе жители Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ (вѣтковскій выходецъ) отдѣлились отъ старообрядцевъ (слобожанъ), которыхъ заподозрили въ ереси и развращеніи нравовъ за ихъ близкія сношенія съ православными, установившіяся послѣ второй вѣтковской „выгонки", когда въ Стародубье пересилились главные представители вѣтковскаго согласія; самъ же Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ проповѣдывали ученіе, носившее безпоповскій отпечатокъ, — такъ между прочимъ они отвергали молитву за царей по той формѣ, какая разослана была отъ правительства въ Стародубскія слободы, не дозволяли поступленія въ военную службу и вообще отправленія какихъ бы то ни было государственныхъ должностей, воспрещали принимать присягу и имѣть паспорты, записываться въ метрики, проповѣдывали близкое наступленіе кончины міра, и т. п. Бѣглопоповства въ сущности они не отвергали; но къ самимъ бѣглымъ попамъ, со времени паденія Вѣтки и заподо-

---

[1]) Свѣдѣнія о Чернобольцахъ находятся у Андрея Іоаннова (*Полн. истор. изв.* IV, стр. 61—64) и у игумена Пареенія въ *Книгѣ о промыслѣ* (стр. 193).

зрѣннаго ими развращенія слободъ, относились съ крайнимъ пренебреженіемъ и смотрѣли на нихъ подозрительно. Сохранилось преданіе, что самъ Иларіонъ Коровьи-ножки присвоилъ себѣ какую-то высшую духовную власть, такъ что нѣкоторые почитали его за епископа [1]). Отдѣлившись отъ слобожанъ, Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ со своими учениками ушли изъ Стародубья за тогдашнюю польскую границу. въ мѣстечко Черноболь, принадлежавшее пану Хаткевичу: здѣсь они устроили часовню и монастырь. Это было около 1775 года [2]). Въ Черноболѣ имъ пришлось пожить недолго, и вѣроятно изъ страха предъ русскимъ правительствомъ, распоряжавшимся тогда судьбами Польши, они переселились во владѣнія турецкаго султана, къ устьямъ Дуная, гдѣ основали общество, отдѣльное отъ Некрасовцевъ [3]). Изъ этого общества и были тѣ рыболовы, которымъ удалось спасти отъ погибели австрійскаго сановника, и ему-то собственно предоставлены были грамотой Іосифа II указанныя выше права и преимущества.

Еще не успѣли придунайскіе старообрядцы воспользоваться данною имъ грамотою австрійскаго императора, какъ и жившіе въ Буковинѣ старообрядцы обратились къ правительству съ просьбою, чтобъ изложенныя въ сей грамотѣ привилегіи были и имъ предоставлены, потому что они держатся одного за-

---

1) *Кн. о пром.* стр. 198—199.

2) У Андрея Іоаннова сказано, что они „въ 1775 году *выдумали* свою секту“. Такъ точно опредѣлить время, когда „выдумана“ какая либо секта, разумѣется, нельзя, и авторъ, конечно, разумѣетъ здѣсь время, когда Чернобольцы рѣшились отдѣлиться отъ слобожанъ, оставить Стародубье.

3) О переселеніи Чернобольцевъ въ Добруджу Андрей Іоанновъ совсѣмъ не упоминаетъ; но ему уже было извѣстно, что Иларіонъ Петровъ „ушелся въ нѣмецкую землю, гдѣ поселился въ нѣкоторой слободѣ“. Это писалъ Андрей Іоанновъ спустя не болѣе 10 лѣтъ по переселеніи Иларіона въ Буковину (первое изд. *Истор. извѣстія* было въ 1793 году). А игуменъ Паѳеній положительно говоритъ, что Иларіонъ Петровичъ со своими единомысленными удалился (изъ Черноболя) въ Турцію на Дунай, *но съ Некрасовцами не соединился* а построилъ свою деревню на Георгіевскомъ гирлѣ, и стали они заниматься рыболовствомъ на устьяхъ Дуная“ (стр. 194).

кона съ получившими грамоту придунайскими старообрядцами, при чемъ поставили правительству на видъ, что распространеніе этихъ привилегій на всѣхъ живущихъ въ Австріи старообрядцевъ будетъ имѣть вліяніе и на сосѣднихъ молдавскихъ Липованъ, побудитъ и ихъ также искать австрійскаго подданства. Правительство не нашло никакихъ препятствій къ удовлетворенію этой просьбы, тѣмъ болѣе, что умноженіе народонаселенія посредствомъ новыхъ выходцевъ изъ Молдавіи вполнѣ согласовалось съ его желаніями. Не прошло и мѣсяца со времени полученія депутатами придунайскихъ старообрядцевъ императорской грамоты, какъ послѣдовало „отъ всевысочайшихъ мѣстъ“ распоряженіе: объявить Липованамъ, что имъ также предоставляется право имѣть одного попа „ихъ націи“ для безпрепятственнаго и свободнаго „въ цѣломъ буковинскомъ дистриктѣ совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“ [1]).

14. Бѣлая-Криница и Бѣлокриницкій монастырь: ихъ основаніе и первоначальная исторія.

Переселеніе старообрядцевъ съ Чернаго моря послѣдовало въ теченіе зимы 1783 года: переселилось десять семействъ, и кромѣ того пять иноковъ (Kaluger) и трое „бурлаковъ или холостыхъ молодцевъ“ (Purlaken, oder ledige Bursche) [2]).

Подъ руководствомъ Иларіона Петровича, своего „старѣйшины“, эти переселенцы явились первоначально въ Сучавскій округъ, и именно въ самый городъ Сучаву. Мѣстный директоръ немедленно распорядился, чтобы они, до тѣхъ поръ, пока выберутъ мѣсто для заведенія новаго, особаго селенія, размѣстились на жительство по окрестнымъ деревнямъ. Но старообрядцы объявили, что къ пріисканію мѣста для жительства они могутъ приступить не ранѣе весны, когда

---

[1]) Грамота изъ Черновицкаго Област. Прав., отъ 31 Окт. 1783 г. (*Бѣлокр. арх.*).

[2]) То-есть безсемейныхъ, бобылей. „Бурлакъ (южн.) — холостой, одинокій, бездомокъ, шатунъ, побродяга“ (Даля, *Толк. слов.*).

прибудутъ къ нимъ еще нѣсколько семействъ, которыя должны принять участіе въ этомъ общемъ ихъ дѣлѣ; зиму же просили дозволенія прожить въ городѣ, такъ какъ здѣсь, живя всѣ въ одномъ мѣстѣ, могутъ найти себѣ пропитаніе гораздо легче, нежели разошедшись по деревнямъ, что̀ и было имъ дозволено. Итакъ, первую зиму по пріѣздѣ изъ Турціи они прожили въ городѣ Сучавѣ. Весной же, въ исходѣ апрѣля 1784 года, приступили къ осмотру удобныхъ для ихъ поселенія мѣстъ. Изъ всѣхъ такихъ мѣстъ они отдали предпочтеніе урочищу Варница, находившемуся въ сосѣдствѣ съ селеніемъ Климоуцы (въ верстѣ разстоянія). Варница представляла дѣйствительно весьма привольное и удобное для поселенія мѣсто, расположенное неподалеку отъ городовъ Радоуца и Серета[1]), въ обширной долинѣ, среди предгорій Карпатъ, удобной для хлѣбопашества и садоводства; отличительную принадлежность Варницы составлялъ обильный источникъ, или ключъ, вода котораго, вслѣдствіе особенностей почвы[2]), имѣла бѣлый цвѣтъ, отъ чего и самое это урочище получило названіе *Фонтина-Альба* (Fontina-Alba), или, на мѣстномъ нарѣчіи, *Бѣлая-Криница*. Такъ какъ по справкѣ оказалось, что это урочище не занято никѣмъ изъ буковинскихъ жителей, то и послѣдовало распоряженіе правительства — отдать его во владѣніе Липованамъ. Сюда въ непродолжительномъ времени и переселились всѣ прибывшія съ Иларіономъ Петровымъ отъ Чернаго моря раскольническія семейства. И такимъ образомъ на урочищѣ Варница образовалось раскольническое селеніе Бѣлая-Криница[3]).

Въ Бѣлой-Криницѣ, при поселившихся здѣсь липованскихъ семействахъ, пріютились на первое время и прибывшіе съ этими семействами иноки. Когда же потомъ явился съ Дуная ихъ игуменъ Симеонъ, тогда Бѣлокриницкіе Липоване стали

---

[1]) Отъ Радоуца въ 15, а отъ Серета въ 10 верстахъ.

[2]) Почва здѣсь попреимуществу известковая.

[3]) Сосѣднее съ Бѣлой-Криницей селеніе Климоуцы также заселилось раскольниками, которые наполовину безпоповцы.

хлопотать объ устроеніи монастыря. Игуменъ началъ дѣло законнымъ порядкомъ. На основаніи императорской грамоты, предоставляющей Липованамъ и ихъ духовенству полную свободу религіи, онъ подалъ, куда слѣдовало, отъ имени всѣхъ Липованъ, просьбу о дозволеніи построить монастырь для липованскихъ иноковъ и, вѣроятно, о предоставленіи въ ихъ собственность нужной для монастыря земли. Вопреки ожиданіямъ игумена и всѣхъ Липованъ эта просьба потерпѣла совершенную неудачу. Не задолго передъ этимъ послѣдовало распоряженіе императора Іосифа II объ уничтоженіи существовавшихъ въ Австріи монастырей: устроеніе новаго, который не имѣлъ къ тому же ни благотворительнаго, ни воспитательнаго назначенія, было поэтому совершенно не согласно съ видами правительства, и на просьбу игумена данъ былъ отвѣтъ, что монастырь, какой желательно устроить Липованамъ, имѣлъ бы характеръ „страннаго духовнаго института, чуждаго всякихъ житейскихъ упражненій, назначеннаго только для созерцательной жизни", и что права на учрежденіе такого страннаго института высочайшая грамота вовсе не даетъ Липованамъ. Дѣло доходило до высшихъ инстанцій, и наконецъ двумя опредѣленіями „надворнаго военнаго суда" (Hofkriegsraths), оот 9-го іюня и 10-го іюля 1784 года, въ просьбѣ объ устроеніи монастыря Липованамъ рѣшительно отказано [1]). Для Липованъ это рѣшеніе дѣла было сколько прискорбно, столько и неожиданно. Съ своей точки зрѣнія они совершенно справедливо находили противорѣчіе въ распоряженіяхъ правительства, которое дозволило ихъ инокамъ свободно переселяться въ Австрію, и въ то же время не дозволяетъ имъ устроить монастырь, какъ будто инокамъ можно жить, не имѣя монастыря. Они пожалѣли теперь даже о томъ, зачѣмъ обращались къ правительству за особымъ дозволеніемъ на построеніе монастыря, когда могли бы это сдѣлать, на осно-

---

[1]) Объ этихъ опредѣленіяхъ Hofkriegsrath'а упоминается въ губернскомъ предписаніи Крайзамту отъ 21 марта 1842, за № 11.613 (*Бѣлокр. арх.*).

ваніи высочайше дарованныхъ имъ привилегій, и безъ сношенія съ правительствомъ. Но такъ какъ дѣло было уже испорчено, то рѣшили поправить его тѣмъ хорошо знакомымъ для старообрядцевъ способомъ, къ какому обыкновенно прибѣгали они при подобныхъ случаяхъ въ Россійской имперіи, — именно, рѣшили построить скитъ, или небольшой монастырь тайнымъ образомъ, безъ вѣдома правительства, хотя и подъ защитой ближайшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, на благосклонность которыхъ имѣли основаніе разсчитывать. Неподалеку отъ селенія Бѣлой-Криницы, въ урочищѣ Тернавка, на полянѣ, окруженной большимъ буковымъ лѣсомъ, поставили обширную деревянную избу, въ одинъ этажъ, раздѣленную на нѣсколько помѣщеній, гдѣ находились и часовня, и трапеза, и монашескія кельи: здѣсь и поселился игуменъ Симеонъ со своимъ небольшимъ братствомъ [1]). Около пяти лѣтъ монастырекъ этотъ существовалъ довольно спокойно; мѣстное начальство, которому былъ онъ извѣстенъ, безпокоить липованскихъ калугеровъ не находило ни пользы, ни надобности [2]). Но въ 1791 году о тайно построенномъ липованскомъ монастырѣ случайнымъ образомъ дошло до свѣдѣнія высшаго правительства, и его существованію положенъ былъ конецъ.

Уединенное среди лѣса мѣстоположеніе монастырскаго дома имѣло ту невыгоду, что дѣлало его беззащитнымъ отъ грабителей, которые дѣйствительно нападали на монастырь неоднократно. Одно изъ такихъ нападеній кончилось даже

---

[1]) Въ *Уставѣ* говорится, что мѣсто, гдѣ былъ основанъ монастырь, имѣло разстоянія отъ Бѣлой-Криницы только четверть мили. Изъ донесенія Радоуцкой Директоріи въ Крайзамтъ, отъ 31 іюля 1791 г., видно, что въ 1786 году монастырекъ въ лѣсу существовалъ уже: значитъ къ построенію его Липоване приступили не позднѣе 1785 г., то-есть вскорѣ послѣ отказа, полученнаго изъ Hofkriegsrath'а *(Бѣлокр. арх.).*

[2]) Радоуцкая Директорія, въ упомянутомъ выше донесеніи въ Крайзамтъ, отъ 31 іюля 1791 г., не только не отвергаетъ того, что имѣла свѣдѣніе о липованскомъ монастырѣ, но и замѣчаетъ еще, что существованіе монастыря полагала извѣстнымъ даже самому Крайзамту.

смертоубійствомъ. Это прискорбное для Липованъ событіе случилось ночью съ 28-го на 29-е іюня 1791 года[1]). Въ Радоуцкую Директорію Липоване подали объявленіе о случившемся, и просили защиты отъ грабителей. Директорія донесла объ этомъ Крайзамту, который съ своей стороны сдѣлалъ строгое предписаніе о разысканіи грабителей, объ учрежденіи и правильномъ содержаніи ночной стражи въ селеніи, вообще о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предупрежденію на будущее время подобныхъ несчастныхъ случаевъ. Но въ то же время Крайзамтъ возбудилъ вопросъ и о самомъ липованскомъ монастырѣ: отъ Директоріи потребована справка, что̀ это за монастырь и когда основался. Началось дѣло, по которому Крайзамтъ постановилъ и представилъ въ „губернію" свое мнѣніе, чтобы найденный въ лѣсу монастырь уничтожить, а иноковъ, не воспрещая строго самаго ихъ существованія у Липованъ, перевести на жительство въ Бѣлую-Криницу, съ тѣмъ однакоже, чтобы здѣсь они построили себѣ домы, каждый отдѣльно, и какъ всѣ прочіе жители занимались сельскимъ хозяйствомъ, платя равныя съ другими общественныя новинности[2]). Въ „губерніи" это мнѣніе Крайзамта было принято, и 24-го августа 1791 года послѣдовало распоряженіе привести его въ исполненіе[3]).

Итакъ, секретно построенный въ лѣсу липованскій Бѣлокриницкій монастырь существовалъ не болѣе пяти лѣтъ: по распоряженію правительства онъ былъ уничтоженъ, какъ незаконное учрежденіе. Для Липованъ это распоряженіе правительства было весьма прискорбно, какъ оффиціальное и во второй уже разъ издаваемое запрещеніе — имѣть свой, надлежащимъ образомъ устроенный монастырь съ иноческимъ обще-

---

[1]) Извлеченія изъ дѣла объ уничтоженіи монастыря въ лѣсу (*Бѣлокр. арх.*). Въ официальномъ документѣ не упоминается о смертоубійствѣ; но Павелъ, въ *Уставѣ Бѣл. мон.* и въ *Исторіи* (стр. 175) говоритъ, что „одинъ изъ иноковъ до смерти убитъ былъ злодѣями".

[2]) Представленіе Крайзамта въ губернію, отъ 8 авг. 1791, № 2.600 (*Бѣлокр. арх.*).

[3]) Предпис. изъ губерніи въ Крайзамтъ, № 19.832 (*Тамъ же*).

житіемъ, — какъ постановленіе, отрицающее у нихъ самое право завести такого рода религіозное учрежденіе. Послѣ этого, казалось, нечего было и помышлять имъ о новомъ устроеніи монастыря и монастырскаго общежитія; однакоже они сдѣлали и еще попытку устроить монастырь, опять секретнымъ образомъ, только не въ лѣсу уже, а въ самомъ селеніи, воспользовавшись тѣмъ, что правительство дозволяло инокамъ имѣть жительство въ Бѣлой-Криницѣ. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является опять Иларіонъ Петровичъ Коровьиножки. Какъ бы принимая на себя отвѣтственность за дальнѣйшее существованіе монастыря, онъ отвелъ для него мѣсто на своемъ собственномъ участкѣ земли[1]). Монастырское строеніе со всѣми его принадлежностями онъ перенесъ изъ тернавицкаго лѣса и поставилъ въ нѣкоторомъ уединеніи сзади своего дома, среди разведеннаго имъ большаго сада, а къ своему дому, выходившему на улицу, сдѣлалъ пристройку собственно для жительства иноковъ: сюда и перешли они вмѣстѣ съ игуменомъ Симеономъ. Впрочемъ жили нѣкоторые и въ саду, въ старомъ монастырскомъ строеніи, куда обыкновенно всѣ собирались на молитву. Умирая, Иларіонъ завѣщалъ и землю и все свое недвижимое имущество въ собственность инокамъ, — и это завѣщаніе, спустя три года послѣ его смерти, было признано ближайшими мѣстными властями въ полной его

---

[1]) Вотъ что говорится объ этомъ въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря*: „Иноки вынуждены были перенестись съ того мѣста (изъ лѣсу), съ монастырскимъ заведеніемъ и со всѣми его принадлежностями, какъ-то: древле-печатными книгами, иконами, колоколами, всею церковною утварію и прочимъ имуществомъ, въ самое село Бѣлую-Криницу, гдѣ они и приняты были тогдашнимъ жителемъ, старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ, въ свое покровительство и защиту, и водворились своимъ монастыремъ на собственномъ его грунтѣ". Нѣсколько короче то же самое повторено въ *Церковной Исторіи* (стр. 175). О томъ, что происходило дѣло о противузаконномъ построеніи монастыря въ лѣсу, что существованіе монастыря было воспрещено правительствомъ и что въ Бѣлой-Криницѣ онъ устроенъ также противозаконно, — о всемъ этомъ Павелъ, разумѣется, умолчалъ.

силѣ[1]). Такимъ образомъ, несмотря на прямое и двукратное запрещеніе отъ высшаго правительства, Липоване успѣли противозаконнымъ образомъ устроить монастырь среди самаго селенія Бѣлой-Криницы и даже отчасти обезпечить его существованіе.

15. Общественный и религіозный бытъ буковинскихъ Липованъ.

Къ тому времени, когда у австрійскихъ Липованъ началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры, именно спустя около шестидесяти лѣтъ по приходѣ въ Буковину первыхъ липованскихъ семействъ съ Чернаго моря, населеніе Бѣлой-Криницы, также Климоуцъ и Соколинцевъ, естественнымъ путемъ нарожденія, особенно же посредствомъ принятія новыхъ выходцевъ, привлекаемыхъ привилегированнымъ положеніемъ австрійскихъ раскольниковъ, достигло весьма значительной цифры. Въ общемъ числѣ жителей каждаго изъ трехъ липованскихъ селеній, пришельцы, бѣжавшіе изъ Россіи, составляли вообще очень значительный процентъ. Иногда приходили они цѣлыми семьями, а чаще по одиночкѣ, и преимущественно мужчины. Большею частію это были бѣглые солдаты и вообще разныя подозрительныя лица, подлежавшія суду, или наказанію по законамъ; но бывали и такіе между ними, которыхъ приводила за границу дѣйствительно ревность по „старой вѣрѣ“, гонимой, какъ они говорили, русскимъ правительствомъ. Въ числѣ этихъ бѣглецовъ являлись нерѣдко и православные,

---

[1]) „Въ 1818 году, грунтъ, на которомъ водворились иноки, дарованъ *монастырю* по духовному завѣщанію Петровича въ вѣчное владѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ домъ и все прочее имущество безъ остатку, о чемъ удостовѣряетъ декретъ думеніи Кочукмаре, за № 1594, основывающійся на судебномъ рѣшеніи к. к. буковинскаго форумнобиліума, 5-го февраля 1821 года, № 247“ *(Уставъ Бѣлокр. мон.)*. Указанныхъ здѣсь документовъ не имѣется между бумагами Бѣлокриницкаго архива; но не можетъ быть сомнѣнія, что завѣщаніе было сдѣлано не на имя *монастыря,* существованіе котораго законнымъ порядкомъ признано не было, а на имя жившихъ при домѣ Иларіона иноковъ.

которые, разумѣется, дѣлались потомъ раскольниками поповщинскаго, или безпоповщинскаго согласія, смотря по тому, въ какомъ липованскомъ обществѣ находили себѣ пристанище — у поповцевъ, или у безпоповцевъ. Бѣглецовъ Липоване вообще принимали охотно, такъ какъ видѣли въ нихъ своихъ „единовѣрныхъ христіанъ“, а отчасти и потому, что получали отъ нихъ немалую выгоду, пріобрѣтая новыя рабочія руки, которыми пользовались до тѣхъ поръ, пока пришельцы не заводились собственнымъ хозяйствомъ [1]). Правительству, при такъ называемыхъ конскрипціяхъ, этихъ бѣглецовъ выдавали обыкновенно за природныхъ Липованъ, если только нельзя было укрыть ихъ отъ конскрипціи, — называли „непотами“ (племянниками), какими-нибудь круглыми сиротами, оставшимися послѣ родныхъ; самымъ же употребительнымъ въ этихъ случаяхъ сноcобомъ служило зачисленіе ихъ иа мѣсто умершихъ Липованъ: уловка, которой не могло не знать мѣстное начальство, но на которую однакоже оно смотрѣло сквозь пальцы. Дѣло это облегчалось еще и установившимся порядкомъ сношеній ближайшаго гражданскаго начальства (мандаторіата) съ липованскими обществами. Общества избирали изъ своей среды лицо въ званіе „дворника“; мандаторъ утверждалъ избраннаго и вручалъ ему, какъ символъ власти, общественную печать и трость: чрезъ этого „дворника“ мандаторъ и велъ обыкновенно всѣ сношенія по дѣламъ Липованъ, такъ

---

[1]) Въ Бѣлой-Криницѣ сохранилось преданіе, что обширный садъ Иларіона Коровьи-Ножки, гдѣ нынѣ монастырь, обработанъ и насаженъ бѣглыми русскими раскольниками, которыхъ онъ первый началъ принимать. Кто приходилъ съ паспортомъ, у тѣхъ, въ силу чернобольскаго ученія, паспорты Иларіонъ истреблялъ (Слыш. отъ о. Онуфрія). „На моей памяти (пишетъ о. Филаретъ въ своихъ замѣткахъ) у однихъ моихъ родителей (въ Климоуцахъ) перебывало бѣглыхъ до 20 человѣкъ, и они обыкновенно служили у насъ въ работникахъ. Если кто прибѣжитъ прямо изъ-подъ аммуниціи, стриженный и бритый, такихъ обыкновенно скрывали — лѣтомъ въ клунѣ (сарай, куда складываютъ снятый съ поля хлѣбъ), а зимой въ банѣ, пока обростутъ бородой и станутъ похожи на Липованъ“.

что его свидѣтельства, подкрѣпленнаго свидѣтельствомъ одного или двухъ липованскихъ стариковъ, было достаточно для удостовѣренія въ принадлежности извѣстнаго лица къ числу природныхъ буковинскихъ Липованъ. Но принимая бѣглыхъ раскольниковъ въ сожительство съ собою и полное обладаніе всѣми принадлежащими имъ привилегіями, Липоване все-таки не смѣшивали себя съ этими бѣглецами, а иногда, по крайней мѣрѣ на словахъ, давали имъ понять, что они не по закону, а только по милости пользуются правами природныхъ Липованъ. Причиною, которая держала коренныхъ Липованъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ пришлыхъ, было то, что эти послѣдніе вообще не отличались хорошей нравственностью, тогда какъ природные Липоване довольно строго соблюдаютъ добрые нравы предковъ[1]. Въ Бѣлой-Криницѣ семейства бѣглыхъ раскольниковъ селились большею частію отдѣльно отъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей, — тамъ есть даже особая улица, заселенная бѣглыми, которая и зовется „Бѣжнаркой", или „Бѣжнаревкой"[2]. Въ тридцатыхъ годахъ, когда относительно раскольниковъ у насъ приняты были строгія мѣры, число бѣглыхъ въ липованскихъ селеніяхъ особенно увеличилось. Они образовали даже новые, небольшіе раскольническіе поселки; таковы: Мехидра у селенія Бергометъ на Серетѣ и Лукавецъ.

Въ Бѣлой-Криницѣ существовала деревянная, довольно просторная церковь во имя безсребренниковъ Космы и Даміана, устроенная около 1835 года. Освящалъ ее бѣглый

---

[1]) Между бѣглыми изъ Россіи, какъ и слѣдовало ожидать, бывали такія отчаянныя головы, что Липованамъ приходилось выгонять ихъ изъ своихъ обществъ, — большею частію ихъ выпроваживали въ Молдавію.

[2]) Бѣжнарка заселена была собственно семействами раскольниковъ бѣжавшихъ изъ елисаветградскихъ военныхъ поселеній, и именно изъ уланской колоніи Красный-Яръ (часть ихъ поселилась также и въ Климоуцахъ): туземные бѣлокриницкіе Липоване, при ссорахъ, и доселѣ дразнятъ бѣжнарскихъ жителей „уланами" (Изъ замѣт. о. Филарета).

іеромонахъ Ириней [1]); антиминсъ же для нея былъ пріобрѣтенъ у одного бродяги-инока, промышлявшаго продажей раскольникамъ подобнаго рода священныхъ предметовъ, разумѣется, фальшивыхъ, своего собственнаго приготовленія (такихъ промышленниковъ существовало тогда не малое количество между раскольниками): антиминсъ, купленный для бѣлокриницкой церкви, былъ также фальшивый, въ чемъ сознался впослѣдствіи самъ продавецъ церковному ктитору, который во избѣжаніе соблазна хранилъ уже объ этомъ подлогѣ глубокое молчаніе все время, пока существовала деревянная церковь [2]). Она стояла въ самой серединѣ селенія, у того мѣста, гдѣ находится знаменитый колодезь, или „бѣлая криница", давшая названіе селенію. Бѣлокриницкая церковь третья по времени изъ всѣхъ существующихъ за границей старообрядческихъ церквей [3]). Она считалась общею приходскою церковію и для прочихъ липованскихъ селеній въ Буковинѣ, которыя однакоже имѣли и свои собственныя часовни, куда собирался народъ для общественной молитвы.

---

[1]) См. *Кн. о промыслѣ,* стр. 201. Ириней былъ бѣглый іеромонахъ Саровской пустыни.

[2]) Въ 1861 году, когда началась перестройка этой церкви, бывшій ктиторъ, тогда уже митрополитъ Бѣлокриницкій Кириллъ, разсказалъ исторію антиминса о. Филарету, своему тогдашнему архидіакону, и на вопросъ послѣдняго, почему онъ не позаботился исправить такую великую погрѣшность пріобрѣтеніемъ настоящаго антиминса, Кириллъ отвѣчалъ: „Нельзя этого сдѣлать, — тогда бы нужно сызнова святить церковь; а станешь святить, — спросятъ: зачѣмъ? Солгать нельзя; а сказать правду опасно, — всѣ соблазнились бы, и Богъ знаетъ что бы вышло! Вотъ теперь положимъ настоящій". Т. о. около 30 лѣтъ служба отправлялась въ Бѣлокриницкой приходской церкви на фальшивомъ антиминсѣ (Изъ замѣт. о. Филарета). По словамъ о. Онуфрія такой же антиминсъ и у того же бродяги-инока пріобрѣтенъ былъ добруджинскими раскольниками для Сарыкейской церкви; но Аркадій Славскій, какъ только узналъ объ этомъ, немедленно замѣнилъ его новымъ, совершивъ секретно освященіе церкви.

[3]) Прежде Бѣлокриницкой построены церкви въ Мануиловкѣ и въ Яссахъ.

Въ Климоуцахъ кромѣ того существовала безпоповщинская часовня.

Имѣя церковь и часовни, пользуясь свободой въ отправленіи богослуженія, бѣлокриницкіе и прочихъ селеній Липоване испытывали затрудненіе только въ пріобрѣтеніи поповъ для исправленія необходимыхъ церковныхъ требъ. Поповъ они получали обыкновенно изъ Россіи, и пріобрѣтеніе ихъ уже по этому самому представляло много неудобнаго. Притомъ же у Липованъ сохранилось отчасти старое чернобольское подозрѣніе относительно бѣглыхъ поповъ. А сами бѣглые попы, къ которымъ имъ приходилось обращаться, своимъ поведеніемъ нимало не содѣйсвовали прекращенію этихъ подозрѣній. Поэтому, если являлись въ липованскихъ селеніяхъ бѣглые священники, то обыкновенно жили не долго: или сами уходили отъ Липованъ, или прогоняли ихъ Липоване. Вообще же эти послѣдніе обращались къ бѣглымъ попамъ только ради крайней нужды, для исправленія требъ, которыхъ простолюдину совершать не подобаетъ; а для отправленія службъ церковныхъ, для общественнаго богослуженія прибѣгали къ нимъ рѣдко: здѣсь гораздо больше значенія имѣли у липованъ такъ-называемые „дьяки", или церковные настоятели. Дьякъ былъ лицо почетное въ липованскомъ обществѣ, а по дѣламъ церковнымъ — главный авторитетъ. Въ то время, когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры, настоятелемъ при Бѣлокриницкой церкви былъ давній бѣлокриницкій житель, но уроженецъ молдавскій, Кипріанъ Тимоѳеевъ, вступившій въ эту должность еще при жизни Иларіона,—человѣкъ не далекаго ума и не свѣдующій въ Писаніи, но имѣвшій, какъ выражаются старообрядцы, довольно твердую грамоту, хорошо знакомый съ церковнымъ уставомъ и, что̀ въ Липованахъ большое достоинство, человѣкъ трезвой жизни; только замѣчалась въ немъ и тогда уже наклонность къ любостяжанію, — иногда онъ позволялъ себѣ принудительные поборы за исправленіе церковныхъ требъ, за что̀ даже лишенъ былъ на нѣкоторое время дьяковской должности.

Австрійское правительство въ своихъ дѣйствіяхъ относительно Липованъ не нарушало данныхъ имъ грамотою Іосифа II привилегій, и никакихъ поводовъ жаловаться на правительство Липоване не имѣли. Единственнымъ исключеніемъ было упомянутое выше дѣло объ уничтоженіи монастыря, принятое ими за нарушеніе ихъ привилегій. Но въ началѣ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія возникло новое дѣло, которое Липоване опять, безъ всякаго основанія, старались представить посягательствомъ на ихъ законныя права, нарушеніемъ „высочайшей привилегіи", какъ называютъ они обыкновенно самую грамоту Іосифа II. По смыслу существовавшаго у Чернобольцевъ ученія, веденіе метрическихъ записей о родившихся, вступившихъ въ бракъ и умершихъ, почиталось у Липованъ дѣломъ противнымъ ихъ религіи. Поэтому, въ силу предоставленной имъ религіозной свободы, они почли себя съ самаго водворенія въ Буковинѣ необязанными къ веденію метрикъ. Здѣсь, конечно, они имѣли въ виду и то, чтобы обезпечить себѣ возможность безпрепятственнаго принятія въ свои общества, подъ именемъ природныхъ Липованъ, всѣхъ приходящихъ раскольниковъ, — отнять у правительства ближайшее средство контролировать ихъ въ этомъ отношеніи, по оффиціальнымъ записямъ опредѣлять, кто природный Липованъ, кто пришлый изъ-за границы. Въ первое время, когда число Липованъ было незначительно и когда правительство заботилось о привлеченіи ихъ въ Австрію разными льготами, не было обращаемо вниманіе на это ихъ уклоненіе отъ общепринятаго въ имперіи порядка. Но впослѣдствіи, когда липованскія селенія стали многолюдны и когда оказалось, что, благодаря именно отсутствію правильныхъ записей, по которымъ можно было бы съ точностію предѣлять дѣйствительное ихъ населеніе, къ Липованамъ приходятъ во множествѣ изъ разныхъ мѣстъ раскольники крайне сомнительной репутаціи, правительство нашло нужнымъ потребовать, чтобы, по примѣру всѣхъ прочихъ австрійскихъ подданныхъ, Липоване вели точныя записи о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ. Исполнить это требованіе Липоване отказались, и именно

на томъ основаніи, что якобы оно противорѣчитъ дарованной имъ „высочайшею привилегіею“ религіозной свободѣ. Имъ было объяснено, что „провожденіе книгъ, въ которыхъ записываются всѣ рожденные, вѣнчанные и умершіе, есть не болѣе какъ политическій законъ, который съ религіей и службой Божіей ничего общаго не имѣетъ, а служитъ къ тому только, чтобы получать вѣрныя извѣстія о числѣ народа и имѣть возможность дѣлать необходимыя для правительства справки. Липоване не вразумлялись. Дѣло восходило на разсмотрѣніе областнаго управленія Галиціи, откуда послѣдовало, 14-го Августа 1838 года, распоряженіе: обязать Липованъ къ непремѣнному учрежденію и правильному веденію метрикъ. Не смотря ни на что, Липоване твердо держались своего первоначальнаго рѣшенія. По сему случаю назначена была въ липованскія селенія слѣдственная коммиссія. Въ то время, когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, дѣло о метрикахъ еще не было кончено и, какъ далѣе увидимъ, было постановлено даже въ тѣсную связь съ самымъ дѣломъ объ учрежденіи каѳедры.

16. Состояніе бѣлокриницкаго монастыря предъ водвореніемъ здѣсь Павла и Геронтія.

Бѣлокриницкій монастырь по смерти своего благодѣтеля — Иларіона Петровича Коровьи-ножки продолжалъ безпрепятственно существовать на предоставленной ему, по духовному завѣщанію Иларіона, усадьбѣ. Усадьба давала монастырю нѣкоторое, впрочемъ весьма скудное, матеріальное обезпеченіе; но главнымъ образомъ, онъ существовалъ на подаянія отъ Липованъ: каждую субботу кто-либо изъ иноковъ отправлялся по селенію за сборомъ милостыни на недѣльное прокормленіе братства. Число братства было всегда ничтожно, рѣдко болѣе десяти человѣкъ. Обыкновенно это былъ пришлый изъ-за границы народъ, а изъ природныхъ Липованъ, — и это достойно примѣчанія, — въ монахи не поступалъ почти никто; притомъ же и пришлые монахи рѣдко оставались здѣсь на постоянное жительство. Составъ бѣлокриницкаго братства

поэтому постоянно измѣнялся, хотя иноки носили большею частію одни и тѣже имена, переходившія какъ бы по наслѣдству отъ одного къ другому. Вообще, Бѣлокриницкій монастырь былъ не что иное, какъ временный пріютъ для бѣглыхъ раскольническихъ монаховъ. Жили они обыкновенно въ иларіоновомъ домѣ, а также и въ старомъ монастырскомъ строеніи, перенесенномъ изъ Тернавицкаго лѣса, которое служило вмѣстѣ и монастырскимъ молитвеннымъ домомъ.

Около 1830 года въ устройствѣ монастыря послѣдовала нѣкоторая перемѣна. Въ это время изъ числа жившихъ въ Бѣлой-Криницѣ бѣглыхъ раскольническихъ „старцевъ" рѣзко выдѣлялись два молодые инока — Паисій и Алимпій. Паисій, происхожденіе котораго въ точности неизвѣстно, былъ старше Алимпія и раньше его поселился въ Бѣлой-Криницѣ: здѣсь, въ иларіоновомъ домѣ, жилъ онъ нѣсколько лѣтъ; здѣсь же, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, постриженъ былъ и въ иночество. Умный, и тогда уже довольно начитанный, бойкій на словахъ, дѣятельный и предпріимчивый, онъ пріобрѣлъ вліяніе среди Липованъ и при ихъ содѣйствіи занялся приведеніемъ монастыря въ болѣе приличный для обители видъ: въ глубинѣ сада, близь стараго монастырскаго строенія, поставили новую небольшую часовню, съ колокольней, а вокругъ нея вновь построили нѣсколько хатокъ (мазанокъ), назначенныхъ подъ монашескія кельи. Такимъ образомъ монастырь сдѣлался болѣе удаленнымъ отъ селенія и получилъ обыкновенный видъ всѣхъ раскольническихъ монастырей [1]). Вскорѣ

---

[1]) Паисій — впослѣдствіи извѣстный игуменъ Парѳеній, бывшій настоятель Гуслицкаго монастыря. Въ *Книгѣ о промыслѣ* онъ самъ пишетъ, что ему „довелось въ Бѣлой-Криницѣ довольно лѣтъ жить и устраивать монастырь, который и привелъ въ порядокъ; церкви же въ семъ монастырѣ не было, а выстроили только новую часовню посреди сада" (стр. 37). „Мы начали строить монастырь на другомъ концѣ сада, подалѣе отъ домовъ" (стр. 200). См. также *Странствіе и путешествіе*, ч. 1-я, стр. 20. Здѣсь же, на стр. 21: „и проживалъ азъ въ Буковинѣ довольно лѣтъ, въ теченіе которыхъ и постриженъ былъ въ иночество однимъ іеромонахомъ, пріѣхавшимъ изъ Россіи" (т. е. бѣглымъ).

послѣ этого въ Бѣлую-Криницу пришелъ и инокъ Алимпій[1]). Онъ былъ родомъ изъ полтавской губерніи, мѣщанинъ посада Крылова, Аѳанасій Звѣревъ[2]); иночество принялъ въ Серковскомъ монастырѣ: отсюда потомъ и бѣжалъ за границу. Это былъ весьма ловкій, отважный и смѣлый человѣкъ, горячо преданный расколу. Онъ сошелся съ Паисіемъ, — вмѣстѣ съ нимъ жилъ, вмѣстѣ пускался въ разныя странствія и весьма сочувствовалъ его заботамъ объ устройствѣ Бѣлокриницкаго монастыря[3]). Но такъ какъ Паисія, по собственнымъ словамъ его, здѣсь „отяготили мірскіе соблазны", то онъ изъ монастыря удалился „въ пустыньку", на пасѣку пріятеля своего Ивана Тихонова, который жилъ по сосѣдству съ монастыремъ[4]); а въ 1833 году Паисій навсегда ушелъ изъ Бѣлой-Криницы[5]). Ушелъ потомъ и Алимпій, но, какъ увидимъ, не навсегда.

Всего пять лѣтъ прошло по отъѣздѣ Паисія, какъ въ Бѣлокриницкій монастырь явились Павелъ и Геронтій. Тогда всего братства въ монастырѣ было человѣкъ десять — иноковъ и бѣльцовъ; настоятельствовалъ незадолго предъ тѣмъ явившійся изъ Молдавіи инокъ Іоилъ, подобно всѣмъ бѣлокриницкимъ старцамъ бѣглый изъ Россіи (тульскій уроженецъ): онъ былъ человѣкъ не старыхъ еще лѣтъ, не безъ способности къ управленію и довольно честолюбивый, но не

---

[1]) Правильнѣе слѣдовало бы писать *Олимпій;* но такъ какъ знаменитая особа, о которой идетъ здѣсь рѣчь, и сама постоянно подписывалась *Алимпіемъ,* и во всемъ старообрядческомъ мірѣ извѣстна подъ этимъ именемъ, то и мы удерживаемъ то же его начертаніе.

[2]) За границею онъ принялъ фамилію: Милорадовъ. См. *Расколъ, какъ орудіе партій,* стр. 24, прим.

[3]) „Въ мою бытность пришелъ къ намъ молодой монахъ, именемъ Алимпій, съ которымъ мнѣ самому довелось довольно время пожить и даже мѣсяца два странствовать въ Галицію, Львовъ и Броды" (*Кн. о пром.* стр. 37).

[4]) Его домъ и левада прилегали къ монастырскому саду съ южной стороны.

[5]) *Странствіе и путеш.* 1, 21. *Кн. о пром.* стр. 37.

отличавшійся дальновидностью и нимало не свѣдущій въ Писаніи, за то вполнѣ преданный липованскимъ понятіямъ о религіи.

Пріѣздъ Павла и Геронтія былъ событіемъ великой важности для Бѣлокриницкаго монастыря: подъ ихъ руководствомъ начинаются тамъ дѣла, о какихъ не могли и помыслить въ простотѣ своей бѣлокриницкіе старцы, и спустя какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ ничтожный, никому почти не извѣстный липованскій монастырь получаетъ важное значеніе для всего старообрядческаго міра, пріобрѣтаетъ извѣстность въ исторіи.

17. Хлопоты Павла и Геронтія о полученіи паспортовъ для путешествія на Востокъ.

Мы уже говорили, что Павелъ и Геронтій пріѣхали въ Бѣлую-Криницу собственно за тѣмъ, чтобы здѣсь пріобрѣсти австрійскіе паспорты для путешествія на Востокъ. Поживъ немного въ монастырѣ, заручившись расположеніемъ настоятеля и братства, они и стали хлопотать о паспортѣ. Порядокъ добыванія паспортовъ для бѣглыхъ раскольниковъ былъ уже установленъ и хорошо извѣстенъ въ Бѣлой-Криницѣ: для этого нужно было, чтобы главныя, почетнѣйшія лица липованской „громады", въ томъ числѣ дворникъ и дьякъ, засвидѣтельствовали въ Думеніи, что желающій получить паспортъ есть природный ихъ Липованъ и что онъ имѣетъ надобность съѣздить туда и туда; Думенія, за ихъ поручительствомъ, выдавала отъ себя свидѣтельство, что такой-то есть дѣйствительно австрійскій подданный; свидѣтельство Думеніи представлялось въ Крайзамтъ (въ Черновцахъ); затѣмъ отправлялось въ губернію (во Львовъ), откуда наконецъ и выдавался паспортъ. Павлу и Геронтію нужно было такимъ образомъ прежде всего задобрить въ свою пользу почетнѣйшихъ людей Бѣлокриницкой липованской „громады". Дворникомъ былъ тогда Иванъ Тихоновъ, ближайшій сосѣдъ монастыря, дьякомъ — Кипріанъ Тимоѳеевъ, а самымъ почетнымъ и уважаемымъ въ

селеніи старикомъ — Иванъ Григорьевъ Поляковъ, или Полякъ: Павелъ и Геронтій, рекомендованные Іоилемъ, скоро сошлись съ главами липованскаго общества, и тѣ не отказались помочь имъ въ пріобрѣтеніи паспортовъ для предположеннаго путешествія. Теперь нужно было, по принятому обычаю, Павла и Геронтія зачислить на имя какихъ-нибудь умершихъ Липованъ: и вотъ Павелъ называется Аѳанасіемъ, сыномъ бывшаго боташанскаго купца Василья Ѳедотова, а Геронтій — сыномъ нѣкоего умершаго бѣлокриницкаго жителя Левона Бѣлаго [1]). Дворникъ, дьякъ и старикъ Иванъ Поляковъ поручились въ Думеніи, что эти Ѳедотовъ и Левоновъ ихъ природные Липоване, и объяснивъ, что они имѣютъ намѣреніе сходить въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню, просили дать имъ свидѣтельство на полученіе паспорта срокомъ на одинъ годъ. Думенія, знакомая съ обычаями Липованъ, не затруднилась выдать свидѣтельство, съ которымъ новопроизведенные Липоване и поѣхали въ городъ Черновцы, совсѣмъ распростившись съ бѣлокриницкою братіей, такъ какъ прямо изъ Черновцевъ намѣрены были отправиться во Львовъ за паспортомъ и оттуда въ дальнѣйшій путь.

Итакъ, свои заграничные подвиги ради основанія „древлеправославной“ старообрядческой іерархіи, въ силу того правила, что цѣль оправдываетъ средства, Павелъ и Геронтій начали обманомъ, — первымъ ихъ шагомъ здѣсь было самозванство. На этотъ разъ однакоже обманъ не удался. Одинъ изъ бѣлокриницкихъ жителей, молодой Липованъ Дей Парамоновъ, почему-то сдѣлалъ въ Крайзамтѣ доносъ на Павла съ Геронтіемъ, что они совсѣмъ не Липоване, а бѣглые изъ Россіи калугеры. И вотъ, когда новонареченные Ѳедотовъ и Левоновъ явились въ Черновцы для предъявленія выданнаго имъ въ Думеніи свидѣтельства, имъ объявили, что

---

[1]) Такъ показалъ о себѣ инокъ Павелъ и слѣдственной коммиссіи 1844 года (проток. 17 февр. *Бѣлокр. арх.)*; а за Геронтіемъ навсегда осталась фамилія Левоновъ, — на допросахъ въ 1847 году онъ показалъ, что происходитъ отъ Левона, именуемаго Бѣлымъ *(Чт. общ. ист. и др.* 1871 г. т. IV, отд. V, стр. 146).

не вѣрятъ этому свидѣтельству, и посовѣтовали скорѣе убираться назадъ въ монастырь, если не желаютъ, чтобы съ ними поступлено было, какъ съ бѣглыми изъ-за границы.

Крайне огорченные на первыхъ же порахъ встрѣтившейся неудачей, Павелъ и Геронтій поѣхали обратно въ Бѣлокриницкій монастырь, гдѣ ихъ никакъ не ожидали. Эта неудача была тѣмъ непріятнѣе, что отняла у нихъ всякую надежду на полученіе австрійскаго заграничнаго паспорта, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени. А между тѣмъ отказаться отъ предположенной поѣздки они уже теперь никакъ не хотѣли. Послѣ многихъ и долгихъ размышленій, они рѣшились осень и зиму прожить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, — выждать, не измѣнятся ли обстоятельства и само время не укажетъ ли выхода изъ настоящихъ затрудненій. Ожиданія эти оказались не напрасными. Осень и зима 1839 года, проведенныя Павломъ и Геронтіемъ въ Бѣлой-Криницѣ, — время весьма замѣчательное въ исторіи Бѣлокриницкаго священства: въ это время Павелъ успѣлъ совершенно ознакомиться съ бытомъ Липованъ, упрочить свое положеніе и въ монастырѣ и въ обществѣ бѣлокриницкомъ, — овладѣть общимъ расположеніемъ и довѣріемъ; тогда же составилъ онъ въ главныхъ чертахъ и тотъ планъ относительно учрежденія законно-дозволенной и признанной правительствомъ старообрядческой архіерейской каѳедры, на осуществленіе котораго положилъ потомъ всѣ свои силы.

18. Замыселъ объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

Планъ учрежденія старообрядческой архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ основанъ былъ на знаменитой „привилегіи“ Іосифа II.

Теперь только, изъ бесѣдъ съ Липованами, Павель узналъ о существованіи „привилегіи“. Прочитавъ ее, онъ нашелъ, что въ первомъ ея пунктѣ, которымъ предоставлялась липованамъ и *ихъ духовенству* полная свобода въ отправленіи религіи, содер-

жится такое верховною властію утвержденное постановленіе, какого нигдѣ и никогда старообрядцы не имѣли. Онъ сейчасъ же понялъ, что на основаніи этого постановленія можно завести у Липованъ старообрядческую іерархію во всей ея полнотѣ, если только умѣючи взяться за дѣло, — что здѣсь-то, среди Липованъ, можетъ найти себѣ безопасное, огражденное закономъ существованіе „древлеправославный" епископъ, если будетъ найденъ, — здѣсь онъ безпрепятственно можетъ поставлять для всего старообрядчества и діаконовъ, и священниковъ, и въ случаѣ надобности самихъ даже епископовъ. Тогда-то въ предпріимчивой головѣ Павла возникла мысль и, по совѣщаніи съ Геронтіемъ, составились начальные планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ, съ утвержденія австрійскаго правительства, старообрядческой архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

Кромѣ Геронтія, Павелъ началъ посвящать въ свои планы нѣкоторыхъ бѣлокриницкихъ „старцевъ". Тогда уже прибылъ въ Бѣлую-Криницу инокъ Онуфрій [1]). Павелъ нашелъ въ Онуфріѣ одного изъ самыхъ горячихъ и преданныхъ почитателей: ему-то первому послѣ Геронтія сообщилъ онъ о своихъ планахъ.

Затѣмъ осторожно повелъ рѣчь объ нихъ и съ настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ, котораго также успѣлъ расположить въ пользу своихъ плановъ.

Теперь нужно было объясниться съ Липованами, такъ какъ безъ ихъ участія и безъ согласія съ ихъ стороны дѣло не могло быть и начато. Прежде этого однакоже Павелъ почелъ нужнымъ посовѣтоваться съ однимъ изъ знакомыхъ черновицкихъ чиновниковъ, нѣкіимъ паномъ Атанасевичемъ, можно ли на основаніи „привилегіи" начать дѣло о дозволеніи австрійскимъ старообрядцамъ имѣть своего собственнаго епископа, и если можно, то какъ дѣло начать и повести. Атанасевичъ далъ совѣтъ начинать, и указалъ для этого обыкновенный спо-

---

1) Записка, поданная о. Онуфріемъ митрополиту Филарету въ 1865 году. См. *Брат. Сл.* 1884 г. т. II, стр. 223.

собѣ: отъ имени липованскихъ обществъ подать прошеніе въ Крайзамтъ съ точнымъ изложеніемъ оснований и условій, на которыхъ Липованамъ желательно имѣть епископа. Никакихъ причинъ опасаться отказа онъ не предвидѣлъ. Хотя правительство, какъ ему было извѣстно, весьма недовольно Липованами за ихъ упорное сопротивленіе введенію метрикъ, о чемъ существовало еще неконченное дѣло, но это обстоятельство, по его мнѣнію, можно было обратить даже въ пользу предпріятія, если бы только Липоване обязались, вслѣдъ за учрежденіемъ у нихъ архіерейской каѳедры, ввести въ употребленіе столь желаемыя правительствомъ метрики. Инокъ Павелъ со своей стороны вполнѣ согласенъ былъ съ этимъ замѣчаніемъ, онъ находилъ даже, что между тѣмъ и другимъ дѣломъ имѣется тѣсная связь, — что при существующихъ набѣглыхъ попахъ, которые притомъ мѣняются такъ часто, Липованамъ, если бы они даже и хотѣли этого, неудобно установить правильный порядокъ въ веденіи метрическихъ записей, и, напротивъ, порядокъ этотъ весьма легко можетъ быть установленъ съ учрежденіемъ у Липованъ архіерейской каѳедры, когда у нихъ явятся постоянные, для нихъ поставленные священники и никакого недостатка въ священствѣ они терпѣть уже не будутъ. Посему онъ выразилъ съ своей стороны готовность соединить оба эти дѣла и обѣщалъ переговорить объ этомъ предметѣ съ Липованами[1]).

Объясненія съ Липованами ведены были весьма осторожно и искусно. Павелъ считалъ необходимыхъ заручиться собственно согласіемъ старѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ лицъ въ липованскомъ обществѣ, заводилъ съ ними бесѣды о всеобщемъ оскудѣніи священства у старообрядцевъ, въ яркихъ чертахъ изображалъ имъ проистекающія отсюда крайнія и ужасныя затрудненія въ исполненіи самонужнѣйшихъ христіанскихъ требъ, объяснялъ, что единственное средство из-

---

[1]) О томъ, что дѣло о метрикахъ предполагалось поставить въ связи съ дѣломъ объ архіерейской каѳедрѣ, говорится и въ показаніяхъ Геронтія (*Чт. въ Общ. ист. и др.* 1871 г., кн. 4, отд. V, стр. 140—147).

бѣгнуть сихъ затрудненій заключается въ пріобрѣтеніи собственнаго древлеправославнаго епископа, который могъ бы снабдѣвать старообрядцевъ истиннымъ священствомъ, сообщилъ имъ, что объ этомъ ревнители древлеотеческаго благочестія имѣютъ теперь великое попеченіе, и что онъ съ Геронтіемъ, по порученію сихъ ревнителей, затѣмъ и прибылъ изъ россійскихъ предѣловъ, чтобы искать потребнаго старообрядцамъ епископа. Все это липованскіе старшины слушали со вниманіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Но когда Павелъ, разъяснивъ имъ важность и значеніе «привилегіи», сталъ излагать свои планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ старообрядческой архіерейской каѳедры именно у нихъ, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ: на первый разъ это дѣло показалось имъ и несбыточнымъ, и опаснымъ. Они указывали и на то, что потребуется много хлопотъ, много будетъ всякихъ спросовъ и переспросовъ отъ правительства, выражали опасенія, какъ бы епископъ не подчинилъ ихъ какому-нибудь рабству, поставили на видъ, что и содержаніе его потребуетъ не малыхъ средствъ, — а они люди небогатые. Возраженія эти Павелъ предвидѣлъ, и разрѣшилъ безъ затрудненія. Всѣ хлопоты предъ правительствомъ онъ бралъ на себя и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ: отъ липованскаго общества просилъ только — чтобы заявило предъ правительствомъ о крайней нуждѣ и непремѣнномъ желаніи имѣть своего епископа, и чтобы выдало монастырскимъ уполномоченнымъ формальную довѣренность на веденіе дѣла объ учрежденіи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры. О томъ же, чтобы древлеправославный епископъ могъ учинить какое-либо стѣсненіе старовѣрческимъ обществамъ, говорилъ Павелъ, и помышлять непростительно. Наконецъ, относительно средствъ на содержаніе будущаго епископа онъ открылъ Липованамъ, что на сей предметъ имѣетъ несумнительныя обѣщанія отъ первѣйшихъ по богатству старообрядцевъ россійскихъ; обществу же бѣлокриницкому не только не придется понести по сему случаю какіе-либо расходы, но пребываніе «епископа всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ» еще доставитъ Бѣлой-Криницѣ славу и

матеріальныя выгоды. Такого рода бесѣдами инокъ Павелъ мало-по-малу успѣлъ внушить липованскимъ старѣйшинамъ готовность содѣйствовать, чѣмъ могутъ съ своей стороны, учрежденію въ Бѣлой Криницѣ „древлеправославнаго" архіерейства; но какъ только въ своихъ бесѣдахъ касался онъ дѣла о метрикахъ, видѣлъ совершаемую невозможность побѣдить закоренѣлое къ нимъ отвращеніе Липованъ, такъ что призналъ за лучшее до времени не заводить и рѣчи объ этомъ предметѣ, чтобы какъ не повредить главному дѣлу.

19. Первое, поданное правительству, прошеніе объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ.

Достаточно увѣрившись, что со стороны липованскаго общества не будетъ препятствій учрежденію въ Бѣлой-Криницѣ старообрядческой архіерейской каѳедры, Павелъ и Геронтій рѣшились приступить къ начатію дѣла. Павелъ занялся составленіемъ прошенія въ Крайзамтъ. Сущность прошенія онъ изложилъ въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: уполномоченные отъ липованскихъ въ Буковинѣ обществъ иноки Бѣлокриницкаго монастыря 1) просятъ кесарокоролевское правительство дозволить имъ, на основаніи высочайше дарованной въ 1783 году привилегіи (съ которой прилагалась копія), привезти изъ-за границы своего, независимаго отъ другихъ религій, епископа, для восполненія претерпѣваемой Липованами крайней и гибельными послѣдствіями грозящей нужды въ священствѣ и для безпрепятственнаго отправленія всѣхъ принадлежащихъ епископскому сану дѣйствій; 2) просятъ, чтобы жительство будущему епископу дозволено было имѣть въ монастырѣ, состоящемъ при селеніи Бѣлая-Криница; 3) обязуются съ своей стороны никакихъ будущему епископу вспоможеній отъ правительства не просить, а содержать его на полной своей отчетности. Пригласили липованскихъ старшинъ обсудить это прошеніе и затѣмъ дать окончательно свое согласіе на формальное начатіе дѣла. Ни противъ содержанія, ни противъ подачи прошенія липованскіе старшины не сдѣлали никакихъ возраженій; напомнили только Павлу и Геронтію, что всѣ хло-

поты предъ правительствомъ они должны, согласно обѣщанію, принять на себя. Для окончательной редакціи прошенія и для перевода на нѣмецкій языкъ Павелъ опять обратился къ Атанасевичу. Атанасевичъ одобрилъ прошеніе; онъ замѣтилъ только, что непремѣнно бы слѣдовало упомянуть въ немъ о согласіи Липованъ на введеніе у нихъ метрическихъ записей въ томъ случаѣ, если имъ дозволено будетъ имѣть своего епископа. Павелъ съ сокрушеніемъ сердца объяснилъ ему, что это, дѣйствительно важное, „упущеніе“ сдѣлано по крайней нуждѣ, такъ какъ предубѣжденіе Липованъ противъ „метрики“ оказалось слишкомъ сильно, и самое благоразуміе требовало сдѣлать имъ на первый разъ уступку, не вносить въ прошеніе пунктъ о метрикахъ; но тѣмъ не менѣе онъ старался увѣрить Атанасевича, что впослѣдствіи, съ учрежденіемъ у Липованъ правильнаго іерархическаго порядка, непремѣнно введены будутъ въ употребленіе и метрики, даже просилъ его словесно передать кому слѣдуетъ, что податели прошенія за это ручаются. Окончательно исправленное прошеніе было наконецъ подписано Бѣлокриницкаго монастыря настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ съ прочею братіей, и 14-го (26-го) февраля 1840 года, подано въ Буковинскій крайзамтъ [1]).

Итакъ, Павелъ и Геронтій, неожиданно оставшись зимовать въ Бѣлой-Криницѣ, также нечаянно напали на мысль о предпріятіи чрезвычайной важности для всего старообрядческаго міра, — на мысль объ учрежденіи здѣсь, въ Бѣлой-Криницѣ, на законномъ основаніи, старообрядческой архіерейской каѳедры, — и въ теченіе зимы настолько сами освоились съ этою

---

[1]) Это именно число указанно въ „Рекурсѣ“, поданномъ императору Фердинанду въ 1843 году (*Бѣлокр. арх.*). Между тѣмъ въ *Уставѣ* говорится, что прошеніе подано въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое показаніе представляется болѣе точнымъ. Всѣ изложенныя нами подробности событій, съ пріѣзда Павла и Геронтія въ Бѣлокриницкій монастырь до подачи прошенія, основаны частію на запискахъ, частію на устныхъ разсказахъ отца Онуфрія, которыя вполнѣ подтверждаются и отдѣльными замѣтками, встрѣчаемыми въ оффиціальныхъ документахъ, также въ запискахъ и письмахъ другихъ участниковъ дѣла.

мыслію, настолько и другихъ расположили въ ея пользу, что нашли возможность сдѣлать рѣшительный шагъ къ ея осуществленію.

Подавъ прошеніе, они были увѣрены, что со стороны правительства отказа не послѣдуетъ и что въ томъ же 1840 году, снабженные правильными видами, они отправятся въ давно желаемое путешествіе отыскивать „древлеправославнаго епископа" на приготовленную уже и законно утвержденную каѳедру. Но здѣсь-то именно и встрѣтились затрудненія, съ которыми пришлось имъ бороться цѣлыхъ четыре года всевозможными позволенными и непозволенными средствами.

20. Слѣдственная коммиссія, назначенная въ Бѣлокриницкій монастырь по случаю подачи прошенія.

Черновицкій Крайзамтъ не нашелъ никакихъ препятствій дать надлежащее движеніе просьбѣ бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи въ ихъ монастырѣ самостоятельной архіерейской каѳедры для Липованъ. Напротивъ, черновицкое начальство нашло, что примѣръ прочихъ существующихъ въ Австріи иновѣрцевъ и представленная въ копіи грамота Іосифа II составляютъ вполнѣ достаточное основаніе для такой просьбы; а словесное заявленіе Павла, что Липоване, съ учрежденіемъ у нихъ правильной іерархіи, не замедлятъ ввести въ употребленіе и метрическія записи, было принято съ такимъ довѣріемъ, что въ виду столь важнаго результата Крайзамтъ призналъ нужнымъ поддержать бѣлокриницкую просьбу даже своимъ ходатайствомъ за нее предъ высшимъ правительствомъ. Но въ просьбѣ, поданной Павломъ и Геронтіемъ, имѣлись пункты, относительно которыхъ Крайзамтъ считалъ необходимымъ сдѣлать предварительно оффиціальное дознаніе, чтобы дать потомъ надлежащее движеніе дѣлу: 1) желаніе имѣть своего епископа выражено въ прошеніи отъ имени всѣхъ Липованъ: нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли общества липованскія имѣютъ такое желаніе; 2) для жительства будущему епископу предназначенъ липованскій монастырь,

находящійся при селеніи Бѣлая-Криница: нужно было собрать точныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ, когда онъ устроился и на какихъ основаніяхъ существуетъ теперь; 3) содержаніе будущему епископу монастырь обязуется доставлять изъ собственныхъ средствъ: нужно было удостовѣриться, дѣйствительно ли имѣетъ монастырь достаточныя средства, чтобы могъ прилично содержать епископа; наконецъ 4) находили нужнымъ развѣдать о томъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ положиться на обѣщаніе Павла, что метрики безпрепятственно будутъ приняты Липованами, когда они получатъ правильно устроенную іерархію. Для собранія точныхъ свѣдѣній по всѣмъ этимъ пунктамъ, Крайзамтъ, въ исходѣ апрѣля 1840 года, нарочно отправилъ въ Бѣлую-Криницу коммиссара Шаловскаго.

Эта первая „коммиссія“ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры произвела очень непріятное впечатлѣніе на бѣлокриницкихъ Липованъ, и требовалось все искусство Павла, чтобы ихъ успокоить. И сами не мало озабоченные пріѣздомъ коммиссара, Павелъ и Геронтій старались однако увѣрить Липованъ, что эта „коммиссія“ есть обыкновенная формальность, безъ которой невозможно обойтись, и что затѣмъ уже липованскому обществу нечего опасаться какихъ-либо новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ они вошли въ ближайшія сношенія черновицкимъ коммиссаромъ, и тотъ согласился, за приличное вознагражденіе, исполнить свое порученіе только ради формы. Липованскіе старшины, по настоянію Павла, не отказались подтвердить предъ нимъ, что просьба о епископѣ подана съ согласія всей липованской громады и что епископа имъ желательно пріобрѣсти. Относительно изслѣдованія о средствахъ на содержаніе будущаго епископа онъ ограничился тѣмъ, что принялъ, составленное Павломъ, исчисленіе разныхъ „грунтовъ“ и угодій, якобы принадлежащихъ монастырю и дающихъ не малый доходъ, также сдѣланныхъ будто бы монастырю нѣкоторыми лицами разныхъ денежныхъ вкладовъ, хотя на самомъ дѣлѣ этихъ доходовъ и вкладовъ монастырь вовсе не имѣлъ: это былъ со стороны Павла и Геронтія наглый обманъ, къ которому не затруднились они прибѣгнуть при

самыхъ первыхъ сношеніяхъ съ правительствомъ по дѣлу о возстановленіи „древлеправославнаго епископства". Гораздо труднѣе было Павлу и Геронтію дать объясненіе комиссару по двумъ остальнымъ пунктамъ. Вопросъ о монастырѣ имѣлъ ту весьма щекотливую сторону, что приходилось вызвать изъ забвенія прежнія дѣла, въ силу которыхъ монастырь подвергнутъ былъ двукратному запрещенію отъ правительства. Инокъ Павелъ, успѣвшій познакомиться съ прошлымъ Бѣлокриницкаго монастыря, хорошо понималъ, какою опасностію грозили нынѣшнему его существованію, а вмѣстѣ и самому дѣлу объ учрежденіи въ немъ архіерейской каѳедры, эти состоявшіяся въ прежнее время правительственныя рѣшенія. Устранить столь опасное по своимъ послѣдствіямъ затрудненіе, достигнуть того, чтобы прежнія правительственныя распоряженія относительно липованскаго монастыря оставались, какъ было доселѣ, въ забвеніи, или въ противномъ случаѣ были признаны неосновательными и недѣйствительными, — это сдѣлалось теперь одною изъ главныхъ заботъ инока Павла. Въ показаніи коммиссару онъ старался по возможности избѣжать всего, что могло бы вести къ напоминанію о прежней исторіи монастыря, и ограничился общимъ отвѣтомъ, что монастырь съ давнихъ поръ существуетъ на грунтѣ, отданномъ и завѣщанномъ въ его владѣніе старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ Коровьи-ножки, въ настоящее время имѣетъ столько-то иноковъ и находится въ положеніи благоустроенномъ. По вопросу же о метрикахъ и теперь ничего нельзя было сдѣлать съ бѣлокриницкими Липованами: дать согласіе на принятіе метрикъ по учрежденіи архіерейской каѳедры они и теперь отказались; но Павелъ съ своей стороны, чтобы не испортить дѣло на первыхъ же порахъ, далъ коммиссару показаніе, что одно только неимѣніе правильно устроенной іерархіи было причиной, почему доселѣ употребленіе метрикъ не принято у Липованъ, и что съ учрежденіемъ архіерейской каѳедры устранится главное и единственное къ тому препятствіе. Свое, формально данное, показаніе Павелъ просилъ однакоже, въ видахъ успокоенія Липованъ, сохранить въ тайнѣ.

Протоколъ этой первой слѣдственной коммиссіи подписанъ былъ 30 Апрѣля 1840 года[1]).

Крайзамтъ нашелъ собранныя коммиссаромъ показанія достаточными, по крайней мѣрѣ на первый разъ, чтобы дать поданной липованскими иноками просьбѣ дальнѣйшее движеніе. 29 Іюня изъ Крайзамта было отправлено во Львовъ, къ губернскому начальству, представленіе въ смыслѣ благопріятномъ для просителей, съ приложеніемъ подлиннаго ихъ прошенія и составленныхъ Шаловскимъ протоколовъ.

21. Сочиненіе „Устава Бѣлокриницкаго монастыря".

Дѣлая представленіе губернскому начальству о дозволеніи Липованамъ имѣть своего епископа въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, Крайзамтъ не могъ не примѣтить, что въ его представленіи, а также и въ протоколахъ коммиссара, есть пунктъ весьма слабо разъясненный, — именно пунктъ о самомъ Бѣлокриницкомъ монастырѣ. Не было сомнѣнія, что изъ губерніи потребуютъ объ немъ гораздо болѣе полныхъ и точныхъ свѣдѣній: поэтому, для успѣшнаго веденія начатаго липованскими иноками дѣла о епископѣ, въ интересѣ самихъ просителей, Крайзамтъ нашелъ нужнымъ потребовать отъ нихъ подробнаго изложенія исторіи монастыря, его назначенія, принятыхъ въ немъ правилъ общежитія, – всѣхъ вообще свѣдѣній о внѣшнемъ и внутреннемъ его устройствѣ, съ точнымъ изложеніемъ и самаго вѣроученія липованъ. Это изложеніе требовалось потому, что правительство, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній о липованской вѣрѣ, не дѣлало строгаго различія между Липованами и австрійскими подданными православной грековосточной религіи, а потому и учрежденіе особой липованской іерархіи могло признать ненужнымъ при существованіи въ австрійскихъ предѣлахъ іерархіи пра-

---

1) Это число указано въ губернскомъ рѣшеніи по настоящему дѣлу, отъ 16 октября 1842 года (*Бѣлокр. арх.*).

вославной. 20-го іюня[1]) послѣдовало изъ Крайзамта предписаніе въ Бѣлокриницкій монастырь — сдѣлать и представить полное изложеніе монастырскаго устава „съ подробнымъ описаніемъ иноческаго житія и всѣхъ догматовъ вѣры старовѣрческой религіи" [2]).

Понимая важность и необходимость сдѣланнаго монастырю благосклоннымъ черновицкимъ начальствомъ порученія, Павелъ немедленно приступилъ къ его исполненію. Составленіе монастырскаго устава само по себѣ не представляло для него особенной трудности, — правила монашеской жизни были хорошо ему извѣстны. Но уставъ, который надлежало составить, назначался не для того собственно, чтобы служить руководствомъ для монастырскихъ властей и монастырскаго братства; важнѣйшимъ его назначеніемъ, по требованію обстоятельствъ, было — служить предъ правительствомъ своего рода апологіей липованскаго монастыря, оправданіемъ его существованія, и документальнымъ основаніемъ для разъясненія и желаемаго рѣшенія вопроса объ учрежденіи въ монастырѣ архіерейской старообрядческой каѳедры. Имѣя въ виду именно такое назначеніе устава, инокъ Павелъ считалъ необходимымъ 1) и въ самомъ изложеніи правилъ иноческаго общежитія заботиться не столько объ ихъ удобоприложимости, сколько о томъ, чтобы они въ своей совокупности могли дать правительству самое выгодное понятіе о томъ учрежденіи, которое оно считаетъ какимъ-то страннымъ, непозволительнымъ духовнымъ институтомъ; 2) тщательно собрать историческія свѣдѣнія о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и изложить ихъ въ такомъ видѣ, чтобы законное существованіе монастыря представлялось не подлежащимъ сомнѣнію; 3) обстоятельно изложить всѣ основанія на которыхъ должно утверждаться желаемое учрежденіе архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ мона-

---

1) Такъ сказано въ *Рекурсѣ*.

2) Предисл. къ *Уставу*. Геронтій на допросѣ: „Мѣстное начальство, принявъ наше прошеніе, потребовало отъ насъ показать имъ нашу религію".

стырѣ, — исчислить всѣ права и обязанности будущаго епископа и его преемниковъ. Все это уже дѣлало трудъ составленія устава весьма не легкимъ: требовалось много терпѣнія, усидчивости, и много искусства, чтобы составить его какъ слѣдуетъ. Павелъ доказалъ, что въ достаточной степени обладалъ и тѣмъ и другимъ. Со всѣмъ усердіемъ занялся онъ собираніемъ матеріаловъ для устава, — особенно для исторіи Бѣлокриницкаго монастыря: разспрашивалъ старожиловъ, современниковъ Иларіона Коровьи ножки, о заселеніи Бѣлой-Криницы, объ основаніи монастыря и постигшихъ его злоключеніяхъ въ первое время существованія, дѣлалъ подъ руководствомъ и при помощи Атанасевича справки въ присутственныхъ мѣстахъ, выписки изъ дѣлъ и правительственныхъ рѣшеній относительно монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, совѣщался и съ своими ближайшими совѣтниками.

Когда уставъ былъ сочиненъ, Павелъ озаботился пріисканіемъ переводчика, который могъ бы вѣрно передать понѣмецки смыслъ подлинника. Отыскать его было не легко; однакоже послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, найденъ былъ человѣкъ, на котораго можно было вполнѣ положиться, — нѣкто Тарновецкій, служившій консисторскимъ чиновникомъ у Буковинскаго православнаго епископа Евгенія Гакмана[1]). Тарновецкій успѣшно повелъ дѣло, не затрудняясь ни славянскимъ, ни нѣмецкимъ текстомъ. Впрочемъ для необходимыхъ объясненій въ томъ случаѣ, еслибы славянскій текстъ показался ему гдѣ-либо неудобовразумительнымъ, инокъ Павелъ самъ переѣхалъ въ Черновцы и поселился у него въ домѣ.

Между тѣмъ Павелъ занимался здѣсь и другимъ важнымъ дѣломъ, котораго требовалъ Крайзамтъ, — изложеніемъ старо-

---

[1]) Что уставъ переведенъ былъ съ русскаго языка на нѣмецкій дѣйствительно консисторскимъ чиновникомъ Тарновецкимъ, это, кромѣ свидѣтельствъ о. Онуфрія и другихъ, несомнѣнно подтверждается слѣдующей собственноручной подписью Тарновецкаго на подлинной книгѣ Устава, подъ нѣмецкимъ текстомъ: Uebersetzt aus dem Slawisch-moskowitischen ins Deutsche. And. Tarnowiecky, Consistorial-Kanzlist.

обрядческаго вѣроученія. Книги нужныя для справокъ онъ получалъ изъ Бѣлой-Криницы; тамъ же дѣлались по его указанію разныя справки и выписки изъ книгъ, которыхъ не имѣлъ онъ подъ руками: эти порученія обыкновенно исполнялъ инокъ Онуфрій, которому приходилось такимъ образомъ нѣсколько разъ путешествовать къ Павлу въ Черновцы. Составивъ изложеніе старообрядческаго вѣроученія, или, по его выраженію, „догматовъ вѣры старовѣрской религіи", Павелъ присоединилъ его къ Уставу, въ которомъ это изложеніе составляетъ первую часть, или главу.

Лѣтомъ 1841 года все дѣло приведено было къ концу: Уставъ, переведенный по-нѣмецки и вновь пересмотрѣнный, былъ тщательно переписанъ на листахъ большаго формата, въ два столбца (на одномъ русскій текстъ, на другомъ нѣмецкій), и составилъ цѣлую довольно объемистую книгу [1]).

---

[1]) Подлинная книга Устава, переплетенная въ зеленый сафьянъ, прошнурованная и скрѣпленная монастырской печатью, состоитъ изъ 121 стр., что и указано на концѣ книги въ слѣдующей подписи на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: „Всего по сей книгѣ писанныхъ страницъ значится щетомъ сто тридцать одна вкупѣ съ предисловіемъ и каталогомъ". Русскій текстъ отъ начала до конца переписанъ собственноручно инокомъ Павломъ съ величайшимъ тщаніемъ, и хотя не слишкомъ красиво, но чрезвычайно чисто и четко, какъ и слѣдовало ожидать отъ бывшаго зимогорскаго волостнаго писаря. Нѣмецкій же текстъ переписанъ Фишеромъ, нѣмцемъ-каллиграфомъ. На концѣ книги приложенъ листъ рисунковъ, представляющихъ, весьма неискусно впрочемъ, раскольническихъ священно-инока и діакона въ полныхъ облаченіяхъ, схимниковъ и иноковъ въ торжественныхъ, соборныхъ и вседневныхъ одѣяніяхъ; здѣсь же помѣщены изображенія „благословящія и молящія руки", и просфоры съ круглой печатью. Этотъ подлинникъ Устава находится нынѣ въ Хлудовской библіотекѣ (См. *Опис. ркп. библіотеки А. И. Хлудова*, № 326), которая, какъ извѣстно, завѣщана А. И. Хлудовымъ Никольскому единовѣрческому монастырю, гдѣ каждый желающій и можетъ видѣть этотъ подлинникъ Устава. Онъ вполнѣ напечатанъ въ прилож. къ *Ист. Бѣлокр. іерархіи* (стр. 13—90); а теперь, въ приложеніи, печатаемъ только первую его главу, какъ содержащую въ себѣ еретическое ученіе Павла, доселѣ защищаемое его почитателями, хотя и обличенное самими раскольническими властями.

22. Содержаніе и характеръ Бѣлокриницкаго „Устава".

„Уставъ Бѣлокриницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря" раздѣляется на семь главъ, или частей.

Первая глава посвящена собственно изложенію догматическаго ученія старообрядцевъ, или старообрядческой Богословіи. Инокъ Павелъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ своей Богословіи основался преимущественно на уважаемыхъ старообрядцами древлепечатныхъ книгахъ; но, увлекаемый своей постоянной наклонностью любомудрствовать, онъ здѣсь высказалъ сужденія „не согласующія православному ученію" и впослѣдствіи самими старообрядцами, нѣсколько отрезвившимися отъ поклоненія его авторитету, признанныя за ересь[1]). Достаточно привести для примѣра слѣдующее мѣсто въ его Богословіи: „Достоитъ разумѣвати, яко Богъ, сый свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть: *точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя Единосущное во умѣ Слово, Сына Своего, Егоже*, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго, *въ первомъ изреченіи: „да будутъ вѣцы" нетлѣнно родилъ*, сирѣчь во исхожденіи соприсносущнымъ Духомъ своимъ Святымъ отъ сердца отрыгнулъ". Здѣсь, какъ замѣтили и сами старообрядцы, инокъ Павелъ выразилъ мысли явно еретическія: рожденіе Сына и исхожденіе Духа призналъ подвременными, совершившимися якобы тогда, когда Богъ Отецъ разрѣшилъ молчаніе, въ которомъ (по ученію Павла) пребывалъ до сотворенія дѣлъ своихъ. Достойно также замѣчанія, что въ статьѣ „о Пресвятой Дѣвѣ Маріи" инокъ Павелъ повторилъ еще первыми расколоучителями высказанное[2]) мнѣніе о непорочномъ ея зачатіи: „только сія едина, отъ родовъ предызбранная и отъ пророкъ

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь, состоявшееся въ Москвѣ 17 авг. 1863 года, постановленіе раскольническихъ духовныхъ властей о догматическихъ погрѣшностяхъ въ сочиненіяхъ Павла, и главнымъ образомъ въ Уставѣ (См. объ этомъ „постановленіи" у о. Фил. въ „Разборѣ отвѣтомъ на 8 вопросовъ", изд. 2 стр. 199 и слѣд.).

[2]) Челобит. Никиты. *Мат. для ист. раск.* т. IV, стр. 39 и слѣд.

пронареченная, Содѣтеля всего міра Мати, не только *отнюдь первородныя скверны бысть непричастна*, но даже вся яко небо чиста и добра зѣло пребысть".

Въ первой же главѣ, послѣ догматовъ вѣры, говорится о „догматахъ церкви", къ числу которыхъ отнесены: а) Чинъ божественной литургіи, въ которомъ догматическая важность усвоена и тому, „чтобы на святой проскомидіи *непремѣнно* имѣть седмь просфоръ, именуемыхъ великія", и чтобы на нихъ печать была непремѣнно круглая „съ трисоставнымъ крестомъ Христовымъ". б) „Непремѣнное содержаніе креста Христова тричастнаго, или трисоставнаго, именуемаго также и четверочастнымъ", при чемъ о крестѣ „двучастномъ", или четвероконечномъ, замѣчено, что онъ „имѣетъ отъ тричастнаго веліе различіе, — тако, яко образъ отъ истины, или паче отъ образа сѣнь: понеже *двучастный крестъ есть ветхаго завѣта начертаніе*[1]). Сей двучастный крестъ у насъ пріемлется во употребленіе на священныхъ одеждахъ, *еюже священникъ первѣе осѣняетъ*[2]) и потомъ цѣлуетъ". в) „Двуперстное сложеніе руки, непремѣнно употребляемое священниками на благословеніе и христіанами на крестное огражденіе", при чемъ о троеперстномъ сложеніи руки замѣчено, что будто бы „тремя первыми вкупѣ сложенными персты, образующими только едино таинство Святыя Троицы, крестное знаменіе на себѣ изображати сходственно есть ереси Севировой и прочихъ, которые божество на крестѣ страдавше злѣ мудрствоваху", и что будто бы изобразить „оба таинства (Св. Троицы и воплощенія Бога-Слова) тремя первыми персты не вмѣстимо". Впослѣд-

---

[1]) Это выраженіе было признано за „погрѣшительное, противное православному исповѣданію" самими старообрядческими властями, въ состоявшемся 17 авг. 1863 г. постановленіи.

[2]) Крестъ четвероконечный осѣняется знаменіемъ того же четвероконечнаго креста! Въ отстраненіе этой несообразности въ *Окружномъ Посланіи*, изданномъ 24 февр. 1862 г., и замѣчено: „осѣняетъ (священникъ) вещь, не крестъ освящая, но вещь благословляя".

ствіи сами старообрядческія власти признали и эти мнѣнія, заимствованныя Павломъ изъ Поморскихъ Отвѣтовъ, не только неосновательными, но и „злочестивыми“ [1]).

Изложеніе своей Богословіи Павелъ заключаетъ слѣдующими словами: „Совокупно рещи, сохраняется у насъ неизмѣнно то самое вѣры догматствованіе и все церковное чиноположеніе и богослуженіе, еже, прежде нежели западная церковь отъ восточной раздѣлилася, вселенскими соборы утвержденное, святымъ же и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ Кіевскимъ въ 6496 году отъ Грекъ во всей цѣлости принятое, и которое существовало въ Россіи *всеобдержно и неизмѣнно* даже до перемѣнъ церковныхъ книгъ бывшимъ Московскимъ патріархомъ Никономъ 7163 года“.

Во второй главѣ Устава излагается 1) краткая исторія Бѣлокриницкаго монастыря. Соотвѣтственно цѣли, какая имѣлась въ виду при составленіи этой исторіи и вообще при составленіи Устава, инокъ Павелъ весьма тщательно и искусно обошелъ здѣсь всѣ тѣ обстоятельства, которыми совершенно ясно обличалось противозаконное существованіе монастыря. Оставивъ безъ упоминанія всѣ извѣстныя ему правительственныя постановленія, коими воспрещено было и устройство и дальнѣйшее его существованіе, онъ приводитъ только декреты двухъ низшихъ судебныхъ инстанцій объ утвержденіи завѣщанія, составленнаго въ пользу монастыря Иларіономъ Коровьи-ножки: эти два документа, указанные съ точнымъ обозначеніемъ нумеровъ, должны были служить доказательствомъ, что будто бы само правительство признало монастырь законно существующимъ, когда составленное въ его пользу завѣщаніе не усомнилось утвердить въ полной силѣ. Здѣсь инокъ Павелъ употребилъ и еще хитрость, сказавъ, что Иларіоново завѣщаніе сдѣлано въ пользу монастыря, тогда какъ оно сдѣлано было на имя „калугеровъ“,

---

[1]) См. переписку Пафнутія Коломенскаго съ Семеномъ Семеновымъ и Иларіономъ Егоровымъ, составителемъ Окружнаго Посланія: *Брат. Сл.* 1885 г. т. II, стр. 50—51, 100—103.

съ дозволенія правительства жившихъ въ Бѣлой-Криницѣ, въ Иларіоновомъ домѣ, а не на имя монастыря, который, какъ „институтъ“, рѣшительно запрещенъ былъ правительствомъ.

2) Здѣсь помѣщена статья „о монастырскихъ грунтахъ и доходахъ“. Павлу нужно было показать правительству, что монастырь будто бы имѣетъ потребныя для содержанія будущаго епископа средства отъ своихъ недвижимыхъ имуществъ: поэтому онъ и дѣлаетъ исчисленіе „монастырскихъ грунтовъ и доходовъ“, выдумывая совсѣмъ не существующее и безъ зазрѣнія совѣсти преувеличивая то, что монастырь дѣйствительно имѣлъ. Для примѣра достаточно указать, что въ числѣ источниковъ дохода упоминаются принадлежащіе монастырю „два рыбные пруда“, по словамъ хорошо знающихъ Бѣлую-Криницу, имѣющіе только подобіе прудовъ и изобилующіе вовсе не рыбой. А между тѣмъ Павелъ говоритъ въ Уставѣ, что „съ рыбныхъ двухъ прудовъ удовлетворяется монастырь рыбою *во всякое время сколько потребно*“.

Съ *третьей главы* начинается изложеніе собственно монастырскаго Устава. Здѣсь говорится 1) „о времени божественнаго послѣдованія службы“, то-есть когда начинается и сколько продолжается каждая изъ службъ, составляющихъ кругъ суточнаго богослуженія, также великопостнаго и праздничнаго, и 2) о монастырскомъ управленіи.

Важна особенно эта послѣдняя статья. Въ видахъ сохраненія на будущее время строгаго порядка въ монастырѣ, предназначенномъ быть епископіею старообрядчества, инокъ Павелъ со всею точностію опредѣлилъ составъ монастырскаго управленія и частныя обязанности каждаго изъ должностныхъ лицъ. Главное управленіе по монастырскимъ дѣламъ сосредоточено въ „Духовномъ Совѣтѣ“, который подъ предсѣдательствомъ настоятеля долженъ состоять „изъ достойнѣйшихъ четырехъ иноковъ“, по соборному избранію въ сію должность; „а по усмотрѣнію настоятеля и важности дѣла случаемъ приглашаются и болѣе, изъ числа достойныхъ иноковъ, по потребѣ же бываетъ и письмоводитель“. Высшія же распо-

8*

ряженія по дѣламъ особенной важности производитъ „общебратскій соборъ“, гдѣ „имѣетъ волю подавать голосъ всякій, отъ перваго и до послѣдняго“. Затѣмъ подробно исчисляются права и обязанности настоятеля и каждаго изъ монастырскихъ должностныхъ старцевъ, а равно и всѣхъ лицъ составляющихъ братство монастыря, — именно: казначея, священноинока, іеродіакона, уставщика церковнаго, головщика, ризничаго, соборнаго старца надзирательнаго за благочиніемъ, письмоводителя, эконома, келаря, инока совершенно постриженнаго и схимника, наконецъ трудниковъ и послушниковъ.

Далѣе заслуживаетъ вниманія *шестая глава:* „о принятіи приходящихъ въ монастырское общежительство и о обѣтѣ иноческомъ“. Изложенныя здѣсь правила относительно приходящихъ въ монастырь отличаются строгостью. Такъ первое изъ этихъ правилъ гласитъ: „аще желающій поступить въ наше монастырское общежительство будетъ человѣкъ незнакомый и по разспросѣ настоятелемъ *не будетъ имѣть надлежащаго письменнаго вида,* тогда дается ему въ путь укрой хлѣба и отпускается изъ монастыря съ миромъ“. Правило это назначалось единственно для отклоненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ Бѣлокриницкой братіи, а вовсе не для практическаго употребленія, и въ дѣйствительности не только не было никогда примѣняемо, но и нарушалось постоянно.

Въ послѣдней, *седьмой главѣ,* говорится „о страннопріимствѣ и гостепріимствѣ“. Она составлена также съ очевиднымъ намѣреніемъ оградить монастырь отъ справедливаго подозрѣнія въ укрывательствѣ приходящихъ изъ-за границы бѣглыхъ раскольниковъ и вмѣстѣ обезпечить ему возможность оправданія на тотъ случай, если бы кто-нибудь изъ такихъ бѣглецовъ дѣйствительно былъ найденъ въ монастырѣ. Таково именно назначеніе перваго правила „о страннопріимствѣ“: „по долгу христіанскому и обычаю монастырскому, всякъ изъ числа нашихъ старовѣровъ *путешествующій, или по случаю въ монастырь приходящій,* инокъ или міранинъ, удовлетворяется вопервыхъ пищею, а потомъ, аще кто пожелаетъ,

упокоевается и ночлегомъ во общепріемницѣ, и воставши заутра отходитъ куда намѣренъ". Понятно, что монастырь, принимая каждаго приходящаго раскольника, по силѣ этого правила, въ нужномъ случаѣ всегда могъ сказать въ свое оправданіе, что странникъ „обнощевалъ" только въ обители и „отошелъ", или „отходитъ куда намѣренъ". Что же касается „инославной религіи" странниковъ, то Уставъ предписываетъ удовлетворять ихъ только пищею, но отнюдь не позволять таковымъ „ночевать внутри монастыря". Подобныя же правила положены и относительно гостепріимства. Но здѣсь, по требованію обстоятельствъ, сдѣланы слѣдующія исключенія для знатныхъ посѣтителей: а) „если кто случаемъ отъ знаменитыхъ лицъ прибудетъ, таковый пріемлется особо въ настоятельскую келію и, чѣмъ Богъ послалъ, гостепріимнѣ привѣтствуется"; б) „аще ли пожелаетъ взойти въ нашу церковь, то, съ вѣдома настоятеля, кромѣ службы позволяется ему; аще ли же пожелаетъ смотрѣть нашего церковнаго обряда и во время богослуженія послушать чтенія и пѣнія, то довлѣло бы таковому, съ позволенія настоятеля, на особь для сего случая возвышенно устроенномъ мѣстѣ стоять, яко же бѣ древле владиміровымъ посламъ въ Царѣ-градѣ; а по неустроенію таковаго особаго мѣста, позволяется случайности ради желающему стать и внутрь церкви, сзади крылоса, откуда бы онъ могъ точію смотрѣть и слушать, а не молиться вкупѣ". Затѣмъ излагаются правила, которымъ вообще должны слѣдовать бѣлокриницкіе иноки „относительно случающагося съ людьми инославныхъ религій обхожденія", — правила, строго воспрещающія имъ сообщаться съ инославными въ ястіи и питіи, наипаче же въ моленіи. Впрочемъ и изъ этихъ строгихъ правилъ, на всякій случай, и именно для тѣхъ, кому ради пользы „христіанства" придется жить внѣ монастыря, сдѣланы изъятія: „аще кто сообщится съ иновѣрными только въ ястіи и питіи, а не склоненіемъ къ чужой вѣрѣ согласовательными словами, то таковому за ересь не вмѣняется, но точію за грѣхъ небреженія причитается. Для того, возвратясь таковый во обитель, да не замедлитъ по

долгу очистить свою совѣсть христіанскимъ смиреніемъ и испрошеніемъ прощенія отъ Бога и отъ настоятеля по обычаю".

Здѣсь и кончается собственно такъ-называемый „Уставъ Бѣлокриницкаго монастыря". Но къ нему инокъ Павелъ присоединилъ, какъ необходимое его заключеніе, хотя внѣ счета главъ, особую статью подъ заглавіемъ: „Предметъ о водвореніи у насъ своего епископа для необходимо нужнаго устроенія духовныхъ порядковъ". Статья эта, очевидно, имѣла особенную важность. Въ ней прежде всего изложены, указанныя и въ поданной Крайзамту просьбѣ, основанія; почему буковинскимъ старообрядцамъ необходимо имѣть своего епископа. Здѣсь не безъ намѣренія было поставлено Павломъ на видъ больше всего, претерпѣваемое Липованами отъ скудости священства, крайнее затрудненіе въ отправленіи христіанскихъ требъ—крещенія, вѣнчанія и погребенія: это говорилось, очевидно, съ тою цѣлію, чтобы показать правительству, что при настоящемъ положеніи дѣла отъ Липованъ никакъ нельзя требовать аккуратнаго веденія записей о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, и что оно возможно только съ учрежденіемъ у нихъ правильной іерархіи. Упомянувъ затѣмъ, что бѣлокриницкіе иноки, „осмѣлились, по силѣ всевысочайшей привилегіи, еще въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1840 года, подать къ гражданскому правительству (о дарованіи епископа Липованамъ) покорнѣйшее прошеніе, и твердо надѣются, что сіе теплѣйшее ихъ желаніе безъ препятствія исполнится, понеже всемилостивѣйшее правительство Австрійской имперіи не только всѣмъ христіанскимъ религіямъ таковыя прошенія исполняетъ, но даже и евреямъ свободное содержаніе ихъ раввиновъ не возбраняетъ", инокъ Павелъ излагаетъ далѣе права и обязанности будущаго липованскаго епископа, изъ которыхъ заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія:

а) „Святителю священнодѣйствовать во всемъ неизмѣнно по нашему старогреческому закону и наблюдать въ точности весь обычай, у насъ содержимый, древняго христіанскаго благочинія, *якоже въ монастырскомъ Уставѣ изъяснено*".

б) „Онъ долженъ будетъ для всякаго нечаяннаго случая,

какъ-то: скорой своей смерти, или чего иного непредвидимаго, одного изъ *нашихъ достойнѣйшихъ духовныхъ лицъ,* съ согласія общаго собора, *въ наслѣдство своего святительскаго престола неотлагательно посвятить*... Однакожъ доколѣ дѣйствительный святитель въ жизни существовать будетъ, до того времени въ наслѣдство его посвященный святитель да не дерзнетъ, по 8-му правилу перваго вселенскаго собора, безъ благословенія дѣйствительнаго, ничего святительскаго совершать".

в) „Егда же, паче чаянія, за нашимъ дѣйствительнымъ святителемъ послѣдуетъ какой-либо нетерпимый соблазнъ (чего Боже храни!), или начнетъ вводить что̀ противное нашей религіи закону: тогда наслѣдникъ его и прочіе духовные члены должны будутъ вступиться и отнюдь не допускать распространиться церковиому раздору. Собравшись же *въ совѣтъ,* да разсмотрятъ дѣло, какъ предъ престоломъ Божія правосудія, безпристрастно. И ежели свидѣтельствованіе на святителя истиною окажется, тогда должно будетъ прежде изъ совѣта *единому, или двумъ* членамъ къ нему келейно дойти и о тихомъ прекращеніи соблазна сынолѣпно и убѣдительно ему доложить. Аще ли тѣмъ не исправится, то надлежитъ изъ совѣта вторично послать къ нему нарочитыхъ *двухъ, или трехъ* членовъ *съ писаніемъ.* Аще ли же и то безуспѣшно явится, тогда будетъ *общій соборъ,* который бы ему о томъ рѣшительное предложеніе учинилъ. И если онъ къ исправленію своему согласится, то да пріимется терпѣніе; буде же и собору противнымъ отзовется, тогда да учинится соборный приговоръ съ достовѣрнымъ доказательствомъ... То-есть *полнымъ соборомъ* отъ всего завѣдыванія и совокупнаго съ нами богомоленія навсегда устранить, однакожъ да будетъ на томъ же нашемъ пропитаніи. Если же, паче чаянія, подпадетъ святитель въ преступленіе гражданскаго закона, о томъ вѣдаютъ сами руководящіеся закономъ, что̀ и какъ въ таковыхъ случаяхъ поступать съ нимъ подобаетъ".

г) „По смерти же дѣйствительнаго святителя, или въ случаѣ совершеннаго удаленія его отъ престола, наслѣдникъ

его имѣетъ право вступить въ полное онаго дѣйствіе *съ донесеніемъ его императорскому величеству*, съ тѣмъ обаче, да и сей въ наслѣдство свое прежде всего произведетъ чинно другаго, соборнѣ избраннаго, во святителя, по тому же образу, какъ выше означено".

Въ обязанность будущему епископу постановлено между прочимъ заведеніе при монастырѣ училища „для обученія старовѣрческаго юношества". Здѣсь инокъ Павелъ, изложивъ свои мысли о потребномъ для старообрядцевъ образованіи, говоритъ въ заключеніе: „непремѣнно требуютъ юноши, дабы съ самыхъ младыхъ лѣтъ первѣе всего вкоренять въ сердца ихъ добрые нравы, и были бы они справедливѣйшими въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, какъ то: въ вѣрности и приверженности къ своему государю, въ повиновеніи судебнымъ законамъ и властямъ [1]), въ душевномъ расположеніи къ духовнымъ отцамъ, въ совершенномъ послушаніи къ своимъ родителямъ", и пр.

Этотъ параграфъ объ училищѣ внесенъ былъ въ Уставъ вовсе не потому, чтобы дѣйствительно предполагалось устроить школу при Бѣлокриницкомъ монастырѣ, а единственно затѣмъ, чтобы мнимою заботливостью о воспитаніи вѣрныхъ и преданныхъ правительству гражданъ заслужить его благосклонность, столь нужную теперь для желаннаго рѣшенія просьбы о епископѣ. Въ тѣхъ же видахъ инокъ Павелъ написалъ слѣдующее вѣрноподданническое заключеніе всего Устава:

„И такъ да пребудемъ въ мирѣ и тишинѣ, благодарствуя всемогущему Богу и вѣнценосному нашему австрійскому государю царю, успокоивающему наше смиреніе своимъ покровительствомъ, аки орелъ птенцы, подъ державныма крылома своима и ограждающему нашу религію отъ всякихъ опасностей всемилостивѣйшею привилегіею, за что и наша нелестная

---

1) Любопытно, что все это писалъ человѣкъ, ни мало не затруднившійся измѣнить законамъ и властямъ своего отечества и постоянно, даже въ самомъ Уставѣ, обманывавшій своего новаго, австрійскаго, государя и его властей.

любовь и преданность къ своему предобрѣйшему царю доказывается еще и тѣмъ, что сверхъ исполненія каждодневныхъ нашихъ къ Богу молитвъ, по апостольскому и святыхъ отецъ заповѣданію, при совершеніи божественной литургіи приносится у насъ, въ числѣ седми, именуемыхъ великими, особенная просфира о здравіи его величества, всепресвѣтлѣйшаго, самодержавнѣйшаго нашего государя царя, да преблагій Искупитель рода человѣческаго соблюдетъ всемилостивѣйшаго нашего царя въ вожделѣнномъ здравіи на многія лѣта, яко да и мы подъ державою величества его прочее въ мирѣ и тишинѣ поживемъ...“

Кромѣ статьи „о водвореніи епископа“ приложена была къ Уставу и еще статья „о родословныхъ книгахъ“, или „родословіяхъ“. Этимъ библейскимъ названіемъ инокъ Павелъ хотѣлъ замѣнить ненавистное для липованскаго уха слово „метрики“, питая надежду, не удастся ли провести ихъ къ Липованамъ подъ прикрытіемъ новаго имени. А въ самой статьѣ „о родословныхъ книгахъ“ онъ доказывалъ, что употребленіе оныхъ не противно ни религіи, ни церковнымъ уставамъ, и даже освящено примѣромъ самого Спасителя. Но и подъ этимъ прикровеннымъ заглавіемъ статья о метрикахъ не удержалась въ Уставѣ. Когда совсѣмъ уже переписанный Уставъ былъ прочитанъ бѣлокриницкому братству и предложенъ для подписанія, настоятель инокъ Іоиль, совершенно усвоившій себѣ духъ Липованъ, рѣшительно возсталъ противъ статьи „о родословныхъ книгахъ“, и тогда только соглашался подписать Уставъ, когда будетъ исключена изъ него эта блазнительная статья. Его голосъ былъ важенъ потому особенно, что нашелъ бы поддержку во мнѣніи всего липованскаго общества: приходилось поневолѣ подчиниться ему, — и статья „о родословныхъ книгахъ“ была исключена изъ Устава.

6-го іюня 1841 года „Уставъ Бѣлокриницкаго старовѣрскаго общежительнаго монастыря“ подписанъ былъ настоятелемъ и прочими должностными лицами, уже назначенными тогда согласно третьей главѣ Устава: инокъ Геронтій подписался

уставщикомъ, Онуфрій — ризничимъ, а самъ Павелъ — письмоводителемъ; въ числѣ подписавшихся числится и „головщикъ крылоса инокъ Алимпій“, не задолго передъ тѣмъ возвратившійся въ Бѣлую-Криницу.

23. Назначеніе Геронтія въ настоятели Бѣлокриницкаго монастыря.

Вскорѣ послѣ того, какъ Уставъ былъ подписанъ, случилось въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ событіе, которое могло бы кончиться весьма непріятно для учредителей старообрядческаго архіерейства, но благодаря находчивости Павла и Геронтія имѣло весьма счастливый для нихъ исходъ.

Настоятель монастыря Іоилъ, какъ нерѣдко бываетъ у старообрядческихъ иноковъ, имѣлъ жену и дѣтей, съ которыми при постриженіи въ иночество долженъ былъ навсегда разлучиться и однакоже не прерывалъ сношеній. Разъ его жена пріѣхала въ Бѣлую-Криницу. Геронтію и Павлу это показалось блазнительнымъ, — они потребовали, чтобы Іоилъ отослалъ жену обратно въ Молдавію, откуда она пріѣхала. Іоилъ подчинился; но обиды, нанесенной ему пришлыми искателями архіерейства, не забылъ: онъ задумалъ выпроводить ихъ изъ Бѣлой-Криницы и удобный поводъ къ этому нашелъ въ извѣстныхъ ему секретныхъ дѣйствіяхъ Павла относительно вопроса о метрикахъ: обнаруженіемъ этихъ дѣйствій предъ Липованами онъ надѣялся легко вооружить противъ Павла и его сообщниковъ всю липованскую громаду. У него имѣлись достаточно ясныя доказательства: во-первыхъ, статья *о родословныхъ книгахъ*, которую Павелъ внесъ было въ Уставъ и уничтожилъ только по его настоянію; во-вторыхъ, показаніе данное Павломъ коммиссару Шаловскому, равносильное формальному обязательству предъ правительствомъ, непремѣнно достигнуть, чтобы метрики введены были въ употребленіе у Липованъ. Іоилъ дѣйствительно разсказалъ все это липованской громадѣ и совѣтовалъ учинить надъ Павломъ, Геронтіемъ и Алимпіемъ судъ и рас-

праву. Въ одинъ праздничный день, послѣ вечерни, огромная толпа Липованъ, вооруженныхъ дреколіемъ, подошла къ монастырскимъ воротамъ. Понявъ въ чемъ дѣло, Павелъ прежде всего позаботился о томъ, чтобы удержать у себя ключи отъ монастырской часовни, какъ символъ обладанія монастыремъ: отдалъ ихъ одному изъ иноковъ и велѣлъ поскорѣе скрыться въ безопасное мѣсто. Между тѣмъ толпа вошла въ монастырь и вызвала Павла, Геронтія и прочихъ на судъ „за предательство": потребовали ключей отъ монастырской часовни, а виновныхъ приговорили къ изгнанію. Но ключей не оказалось; а приговоренные къ изгнанію не хотѣли подчиниться рѣшенію толпы, не имѣвшей никакого права распоряжаться въ монастырѣ. Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ, Липоване не знали что̀ имъ дѣлать: прибѣгнуть къ насилію они опасались, а уйти ни съ чѣмъ — не хотѣлось. Такъ какъ начало уже смеркаться, то рѣшили отложить судъ до утра, а ночью держать монастырь въ осадномъ положеніи: вокругъ часовни липоване, вооруженные дубинами, составили цѣпь, въ средину которой помѣстили заарестованныхъ — Павла, Геронтія и Алимпія. Участь сихъ послѣднихъ могла бы кончиться весьма непріятно; могли бы разлетѣться въ прахъ и всѣ замыслы объ учрежденіи въ Бѣлой-Криницѣ „древлеправославнаго епископства", еслибъ задремавшіе липованскіе ратники не дали возможности Павлу съ Алимпіемъ пробраться за составленную ими цѣпь. Съ величайшей осторожностью выйдя за монастырь, они побѣжали къ мандатору объявить о случившемся въ Бѣлой-Криницѣ возмущеніи. Само собою разумѣется, что они указали и главнаго виновника и причину всей смуты: какъ ревнители интересовъ правительства, страждующіе за дѣло о метрикахъ, они просили у мандратора законной защиты, обѣщавъ ему и вознагражденіе за желаемое возстановленіе тишины и порядка въ обители. Мандаторъ немедленно собрался ѣхать въ Бѣлую-Криницу. Здѣсь между тѣмъ проснувшіеся стражи до крайности изумлены были, увидѣвъ одного только Геронтія, спокойно сидѣвшаго на своемъ мѣстѣ. Послали за громадой. Явилась толпа Липованъ,—

стали допрашивать Геронтія: гдѣ Павелъ и Алимпій? Геронтій не далъ никакого отвѣта. Его заковали въ кандалы. Въ такомъ положеніи засталъ его мандаторъ. Онъ немедленно приказалъ снять кандалы съ Геронтія и началъ строгій допросъ, кто осмѣлился надѣть ихъ. Липоване перепугались,— стали просить прощенія. Мандаторъ простилъ ихъ; но главный виновникъ возмущенія, инокъ Іоиль, поплатился лишеніемъ настоятельства и долженъ былъ уѣхать въ Молдавію. На мѣсто Іоиля мандаторъ предложилъ бѣлокриницкому братству немедленно избрать новаго настоятеля. При этомъ случаѣ въ первый разъ принятъ къ руководству новый монастырскій Уставъ, хотя не утвержденный еще правительствомъ, но по тому самому, что былъ уже подписанъ бѣлокриницкими старцами, имѣвшій для этихъ послѣднихъ обязательную силу. На основаніи статьи, предоставляющей право „общебратскому собору" смѣнять настоятеля и „изъ среды себя достойнѣйшаго на ту должность паки избирать", тогдашній „общебратскій соборъ", по указанію Павла, единогласно избралъ въ настоятели инока Геронтія[1]). Эта перемѣна, слу-

---

[1]) Въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ Бѣлокр. монастыря* сказано (въ ст. подъ № 3), что избраніе это послѣдовало 4 іюля 1841 г. Геронтій, на допросѣ въ 1847 г., также показалъ, что оно случилось вслѣдъ за подачей Устава: „Съ Божіею помощію доставленъ отъ насъ правительству Уставъ нашего монастыря, и часть отъ Богословіи, исповѣданіе вѣры и догматъ, и предметъ о святителѣ и учрежденіи школы. И въ 1841 году доставлено сіе. *Тогда* братія избрали меня въ настоятели, и мѣстное начальство утвердило" (*Чт. общ. ист. и др.* стр. 147). Изложеніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ избраніе Геронтія, основано на разсказѣ о. Онуфрія. Что мандатору за прекращеніе мятежа и содѣйствіе избранію новаго настоятеля была обѣщана и вручена награда, на это есть указаніе въ одномъ весьма куріозномъ сочиненіи Геронтія, изъ написанныхъ имъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Сочиненіе называется: „Предсмертная грамота превѣчному Божеству". Здѣсь Геронтій представляетъ себя на страшномъ судѣ бесѣдующимъ съ Судіею, и вотъ что̀ между прочимъ слышитъ отъ Судіи: „Не лучше еси предателя моего... Оный убо за тридесять сребреникъ мене богоубійцамъ преда; ты же предмѣстника своего, который любезно въ сожительство къ

чившаяся такъ неожиданно, но, разумѣется, очень желательная, имѣла большую важность для учредителей Бѣлокриницкаго священства: теперь они по праву сдѣлались главными распорядителями въ монастырѣ, предназначаемомъ въ мѣстопребываніе будущему епископу, и здѣсь никто уже не могъ препятствовать осуществленію ихъ плановъ.

24. Первыя распоряженія губернскаго начальства по поводу просьбы объ учрежденіи липованской архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

Въ теченіе года, пока составлялся монастырскій Уставъ, между Крайзамтомъ и губерніей произошелъ обмѣнъ первыхъ оффиціальныхъ объясненій по поводу прошенія Бѣлокриницкихъ иноковъ объ учрежденіи архіерейской каѳедры у Липованъ. Въ губерніи весьма недовѣрчиво и неблагосклонно взглянули на это дѣло. Надобно полагать, что тамъ уже получены были косвеннымъ путемъ вѣрныя свѣдѣнія о затѣянномъ бѣлокриницкими иноками предпріятіи, а также и о самыхъ лицахъ, затѣявшихъ это дѣло. Предписаніемъ отъ 28-го сентября 1840 года губернское начальство потребовало отъ Крайзамта, какъ онъ и опасался, болѣе полныхъ объясненій о Бѣлокриницкомъ монастырѣ и о томъ, на какихъ основаніяхъ Крайзамтъ допустилъ существованіе этого духовнаго института въ Бѣлой-Криницѣ; о привилегіи Іосифа II замѣчено, что она не даетъ Липованамъ никакого права на устроеніе монастыря; веденіе метрическихъ записей, какъ ожидаемое послѣдствіе учрежденія правильной іерархіи у Липованъ, признано также недостаточнымъ основаніемъ для просьбы о липованскомъ епископѣ, такъ кзкъ веденіе метрикъ есть дѣло гражданское, никакой связи съ религіей не имѣющее; наконецъ предписано находящихся въ монастырѣ „тайно пришедшихъ изъ-за границы липованскихъ калугеровъ“, кото-

---

себѣ пріятъ тя, *не за четыре ли десять гульденовъ нѣмецкаго сребра свергнулъ съ престола игуменства,* и онаго изъ общежительнаго монастыря изгналъ“ (Принад. мнѣ рукопись).

рымъ собственно и принадлежитъ затѣя объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, выслать изъ Буковины обратно за границу.

Въ отвѣтъ на это предписаніе губернскаго начальства Крайзамтъ, новыми представленіями отъ 5-го и 19-го декабря, старался отстоять свое мнѣніе, что только съ учрежденіемъ у Липованъ правильной іерархіи можно ожидать въ ихъ обществахъ правильнаго веденія метрическихъ записей; а для нужныхъ объясненій о самомъ монастырѣ, его исторіи и учрежденіяхъ, обѣщалъ представить полный монастырскій Уставъ, приготовляемый по его порученію. Предписаніе же о высылкѣ за границу пришлыхъ калугеровъ Крайзамтъ оставилъ вовсе безъ отвѣта. О Павлѣ съ Геронтіемъ Крайзамту извѣстно было и прежде, что они дѣйствительно „пришли тайно изъ-за границы" и назвались чужими именами; но принявъ отъ нихъ прошеніе, какъ отъ туземныхъ жителей, состоящихъ подъ австрійскимъ подданствомъ, онъ долженъ былъ бы дѣйствовать теперь противъ самого себя, если бы согласно губернскому предписанію распорядился о высылкѣ ихъ, какъ бѣглыхъ иностранцевъ. Вообще, своими первоначальными распоряженіями по поводу просьбы бѣлокривицкихъ иноковъ объ учрежденіи епископской каѳедры у Липованъ Крайзамтъ такъ тѣсно связалъ себя съ этимъ дѣломъ, что поставлялъ уже своимъ долгомъ во что̀ бы ни стало защищать его; замѣчанія губернскаго начальства, чувствительныя для самолюбія черновицкихъ властей, только еще болѣе подстрекали ихъ дѣйствовать въ принятомъ направленіи.

Инокъ Павелъ, жившій тогда въ Черновцахъ, имѣлъ возможность скоро узнать, какъ непріязненно отнеслись въ губерніи къ поданной имъ просьбѣ о епископѣ, и какіе даже, по поводу этой просьбы, возбуждаются опасные для монастыря и для него лично вопросы. Это было новымъ для него огорченіемъ: его замысламъ угрожала серьезная опасность, и съ такой стороны, откуда, повидимому, онъ совсѣмъ не ожидалъ ея. Зато онъ вполнѣ убѣдился теперь, что его не выдастъ „благодѣтельное" черновицкое начальство, что

отселѣ оно будетъ его вѣрнымъ союзникомъ и покровителемъ достаточно сильнымъ, чтобы защитить его дѣло предъ губерніей. Его личныя отношенія къ Крайзамту съ этого времени, дѣйствительно, становятся такъ близки, что онъ получаетъ свободный доступъ въ его канцелярiи и архивы. На составленіе монастырскаго Устава, которымъ онъ тогда занимался, предписаніе, присланное изъ губерніи, также не осталось безъ вліянія: Уставъ получалъ теперь еще больше значенія, такъ какъ и самъ Крайзамтъ между прочимъ ссылался на него, обѣщая доставить въ губернію объясненіе на нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ оттуда замѣчаній. Нужно было поэтому усугубить тщаніе въ составленіи Устава, пересмотрѣть со вниманіемъ особенно тѣ его статьи, которыя должны были служить какъ бы отвѣтомъ на сдѣланныя въ губерніи возраженія по поводу бѣлокриницкой просьбы. И мы видѣли, что эти статьи изложены дѣйствительно съ особеннымъ тщаніемъ и осторожностію, — таковы именно статьи: объ основаніи монастыря, о принятіи иноковъ, о строгомъ за ними наблюденіи, о страннопріимствѣ, объ основаніяхъ, почему Липованамъ необходимо имѣть своего епископа, объ училищѣ, и другія, въ которыхъ составитель заботился не о томъ, чтобы передать истину, а чтобы только умолчаніемъ, или искаженіемъ истины расположить правительство въ пользу монастыря и въ пользу дѣла о липованскомъ епископѣ. Въ іюнѣ 1841 года Уставъ, подписанный, какъ мы уже сказали, должностными монастырскими лицами, представленъ былъ въ Крайзамтъ. Примѣнительно къ его содержанію здѣсь приготовили новое представленіе, и 9-го августа, вмѣстѣ съ Уставомъ, отправили во Львовъ. Въ этомъ новомъ представленіи Крайзамтъ не преминулъ повторить свои прежнія доказательства въ защиту просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ.

---

25. Разборъ Бѣлокриницкаго Устава Буковинскимъ епископомъ Евгеніемъ и послѣдовавшій затѣмъ декретъ относительно просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ.

Новое представленіе Крайзимта не поколебало прежняго мнѣнія губернскихъ властей по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Относительно же присланнаго Крайзамтомъ Бѣлокриницкаго монастырскаго Устава найдено было необходимымъ узнать предварительно мнѣніе православнаго Буковинскаго епископа Евгенія, какъ главнаго въ области начальника по дѣламъ православной церкви, къ которой Липоване считались имѣющими болѣе близкое отношеніе, нежели ко всѣмъ другимъ существующимъ въ имперіи исповѣданіямъ. Епископъ Евгеній Гакманъ, жившій въ Черновцахъ и имѣвшій сношенія съ Липованами, имѣлъ возможность получить точныя свѣдѣнія относительно замысловъ бѣлокриницкихъ калугеровъ объ учрежденіи у Липованъ самостоятельной архіерейской каѳедры, и не могъ смотрѣть на эти замыслы равнодушно, понимая, какимъ вредомъ грозятъ они православію, особенно же при полномъ сочувствіи имъ со стороны черновицкаго гражданскаго начальства, совершенно чуждаго интересамъ православной церкви, если только не враждебно къ ней расположеннаго. Можно догадываться, что въ видахъ противодѣйствія замышленному въ Бѣлой-Криницѣ неправому дѣлу онъ первый сообщилъ въ губернію тѣ свѣдѣнія о „тайно пришедшихъ изъ-за границы калугерахъ“ и объ ихъ замыслахъ, которыми, какъ выше замѣчено, губернское начальство руководилось между прочимъ въ своемъ предписаніи Крайзамту отъ 28-го сентября 1840 года. Теперь, получивъ на разсмотрѣніе монастырскій Уставъ, епископъ Евгеній считалъ своимъ долгомъ войти въ подробное обсужденіе не только изложенныхъ въ немъ религіозныхъ мнѣній и правилъ иноческаго общежитія, но и самаго вопроса объ учрежденіи особой архіерейской каѳедры у Липованъ. Что касается этого послѣдняго вопроса, то домогательства Липованъ нашелъ онъ противными канони-

ческимъ правиламъ православной восточной церкви, и съ тѣмъ вмѣстѣ объяснилъ, что домогательства эти принадлежатъ собственно нѣсколькимъ монахамъ, прибывшимъ изъ-за границы, и не находятъ себѣ сочувствія даже у большинства Липованъ, между которыми имѣется притомъ не малое количество и такихъ, которые совсѣмъ не принимаютъ священства (безпоповцы) и потому учрежденіе архіерейской каѳедры считаютъ совершенно излишнимъ. Относительно же вѣроученія Липованъ и правилъ иноческаго общежитія отозвался, что они въ существенномъ своемъ содержаніи ничѣмъ почти не разнятся отъ принимаемыхъ православною церковію; все различіе состоитъ только въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ, которыя не даютъ Липованамъ никакого основанія отдѣляться отъ православной церкви, тѣмъ паче искать учрежденія особой, самостоятельной іерархіи[1]).

Получивъ отъ Евгенія отзывъ о Бѣлокриницкомъ Уставѣ, губернское начальство удовлетворилось имъ вполнѣ и вовсе не признало за Уставомъ того значенія, какое усвояли ему въ Черновцахъ; а на послѣднее представленіе Крайзамта отвѣчало новымъ декретомъ, отъ 21-го марта 1842 года[2]). Опредѣливъ со всею точностью, что дѣло касается главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: 1) о правильномъ веденіи метрическихъ книгъ въ липованскихъ селеніяхъ и 2) о дальнѣйшемъ существованіи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, съ пре-

---

[1]) О содержаніи даннаго Евгеніемъ отзыва объ Уставѣ говорятъ Павелъ (въ письмѣ къ благотворителямъ отъ 16 окт. 1843 года, и въ *Рекурсѣ)* и Геронтій (въ своемъ *Памятникѣ* и въ показаніи *Чт. общ. ист. и др.*, стр. 147).

[2]) Между послѣднимъ представленіемъ Крайзамта отъ 9 января 1841 г. и этимъ губернскимъ декретомъ прошло такимъ образомъ болѣе года. Геронтій въ этомъ замедленіи винитъ главнымъ образомъ епископа Евгенія. Въ показаніи своемъ онъ писалъ: „Уставъ нашъ правительствомъ доставленъ на разсмотрѣніе Волохской духовной канцысторіи, которая *разсматривала болѣе года,* однако вреднаго не могла ничего изыскать, а по неблаговоленію ихняго епископа вознамѣрилась воспрепятствовать своимъ докладомъ губерніи“ *(Чт. общ. ист. и др.,* стр. 147).

доставленіемъ права на учрежденіе въ ономъ архіерейской каѳедры, губернское начальство относительно того и другаго постановило: 1) грамота Іосифа II, предоставляющая Липованамъ свободу религіи, не освобождаетъ ихъ отъ веденія метрикъ, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ, и потому относительно метрикъ Крайзамтъ непремѣнно долженъ исполнить состоявшееся 14-го августа 1833 г. опредѣленіе; 2) та же грамота хотя и предоставляетъ Липованамъ свободу въ содержаніи своего собственнаго духовенства, но не даетъ имъ права имѣть въ Бѣлой-Криницѣ особаго рода духовный институтъ, именуемый у нихъ монастыремъ, тѣмъ болѣе, что „въ самопервомъ началѣ ихъ поселенія здѣсь они просили уже о дозволеніи устроить таковый монастырь, но рѣшеніемъ надворнаго военнаго суда, 9-го іюня и 10-го іюля 1784 г., имъ это не дозволено". Эти постановленія свои, въ сущности совершенно согласныя съ изданными прежде, губернія предписывала Крайзамту „объявить старшинамъ липованской вѣры, и старательно наблюдать, чтобы оныя, равно какъ всѣ прочіе общіе законы и правила, были ими въ точности исполняемы". Наконецъ губерское начальство выражаетъ увѣренность, что, согласно прежнему его распоряженію отъ 28-го сентября 1850 года, Крайзамтъ распорядился уже высылкой за границу пришлыхъ калугеровъ, замыслившихъ дѣло о липованскомъ епископѣ [1]).

26. Мѣры противъ губернскаго декрета, принятыя Крайзамтомъ и Бѣлокриницкимъ монастыремъ; „послѣдняя резолюція" губерніи.

Надежда, какую возлагали на пресловутый Уставъ и въ Бѣлой-Криницѣ и въ Черновцахъ, не оправдалась. Благодаря указаніямъ епископа Евгенія, губернскому начальству, которое вообще вело себя въ этомъ дѣлѣ съ полною добросовѣстностію, не трудно было усмотрѣть фальшъ и обманъ, какъ ни искусно они были прикрыты, въ тѣхъ самыхъ статьяхъ Устава, на которыя всего болѣе разсчитывали и Па-

---

[1]) Губ. предп. отъ 21 марта 1841 года, № 11.613 (*Бѣлокр. архивъ*).

велъ и черновицкіе чиновники: губернія осталась при своемъ прежнемъ рѣшеніи по поводу просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ, и только на этотъ разъ выразила его опредѣленнѣе и тверже. Для Павла опять наступило тяжелое время: грозила опасность ниспроверженія всѣхъ его смѣло замышленныхъ плановъ. Но и теперь къ нему явились на помощь черновицкіе союзники и „благодѣтели", не менѣе какъ и онъ самъ, недовольные распоряженіями губернскаго начальства. Хотя распоряженія эти были выражены такъ твердо, что, повидимому, не допускали никакихъ возраженій, Крайзамтъ все-таки не намѣренъ былъ исполнять ихъ и составилъ планъ, какъ достигнуть того, чтобъ они были отмѣнены окончательно.

Въ новомъ представленіи, отъ 3-го іюля 1842 года, Крайзамтъ старался доказать губернскому начальству, что постановленное симъ послѣднимъ, въ 21 день марта, рѣшеніе по дѣлу о липованахъ „почти невозможно" исполнить, такъ какъ имѣются къ тому опытомъ дознанныя „чрезвычайныя препятствія", и потому просилъ объясненія, подлежитъ ли указанное рѣшеніе непремѣнному исполненію, или губернія благоволитъ сдѣлать въ ономъ по требованію обстоятельствъ какія-либо измѣненія, и какія именно. Представленіе свое Крайзамтъ заключилъ слѣдующими словами: *„Теперь дѣло не въ томъ, какъ поступить съ Липованами и ихъ калугерами*, а въ томъ, какъ уничтожить происходящій у нихъ безпорядокъ и довести ихъ до надлежащаго исполненія религіозныхъ требованій, воспитанія юношей и веденія метрическихъ книгъ" [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ губерніи Крайзамтъ не ожидалъ и не могъ ожидать благопріятнаго отвѣта. Изъ всего содержанія и по самому тону донесенія видно, что онъ желалъ только заставить губернію высказаться еще рѣшительнѣе противъ просьбы о липованскомъ епископѣ, чтобы приступить къ осуществленію новаго, уже предначертаннаго плана, посред-

---

[1]) Донес. Крайз. отъ 3 іюня 1842 г., № 6.457 *(Бѣлокр. архивъ)*.

ствомъ коего надѣялся достигнуть отмѣны губернскихъ распоряженій. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы перенести дѣло въ столицу, на рѣшеніе высшихъ инстанцій. Убѣдить къ тому Павла и Геронтія не предстояло никакого труда, такъ какъ они и сами видѣли, что въ губерніи ихъ дѣло совсѣмъ испорчено и что другаго средства поправить его не остается, какъ только искать защиты и суда у верховной власти. Притомъ же были основанія разсчитываютъ. что въ столицѣ примутъ дѣло совсѣмъ иначе, нежели въ губерніи. Губернское начальство (въ этомъ были увѣрены и въ Бѣлой-Криницѣ и въ Черновцахъ) дѣйствовало относительно просьбы старообрядческихъ иноковъ подъ вліяніемъ православнаго буковинскаго епископа и, быть-можетъ, своего собственнаго сочувствія интересамъ православія[1]); въ Вѣнѣ же подобныхъ вліяній никакъ не предполагалось, — напротивъ думали, что если разъяснить тамъ, какъ слѣдуетъ, причину неблагопріятнаго отношенія губернскихъ властей къ дѣлу о старообрядческой архіерейской каѳедрѣ, и если еще поставить на видъ, какой посредствомъ учрежденія этой каѳедры можетъ быть причиненъ значительный ущербъ интересамъ православія, имѣющаго существенное значеніе для сосѣдней великой имперіи, то на успѣхъ просьбы у австрійскаго императорскаго правительства можно смѣло разчитывать.

Для того, чтобы имѣть законное основаніе аппеллировать, Павлу и Геронтію нужно было имѣть въ рукахъ самое рѣшеніе „губерніи", противъ котораго должна быть направлена аппелляція, а равно и другіе документы по ихъ дѣлу, нахо-

---

[1]) Въ *Рекурсѣ* Павелъ и Алимпій писали, что кесарокоролевкая губернія дѣйствовала именно „по нѣкоторому, враждебному для ихъ обряда вліянію"; и въ другомъ мѣстѣ: „мы съ глубочайшею скорбію узнали, что къ изданію тягостнаго высокою губерніею рѣшенія содѣйствовало много мнѣніе, поданное отъ его преосвященства господина буковинскаго греконеуніатскаго (griechisch-nichtuniirt) епископа". О томъ же говорится у Геронтія въ его *Памятникѣ;* и на допросѣ онъ показалъ: „губернія учинила по желанію волохскаго епископа, всѣ наши предпріятія и труды уничтожила своимъ рѣшеніемъ" (*Чт. общ. ист. и др.* стр. 147).

дившіеся въ губерніи. Съ этою цѣлію рѣшено было подать губернскому начальству непосредственно отъ имени монастыря прошеніе о милостивомъ рѣшеніи ихъ дѣла, или же, въ противномъ случаѣ (чтó именно и ожидалось), — о выдачѣ документовъ, необходимыхъ для „рекурсованія" высшимъ властямъ. Павелъ и Геронтій сами отправились во Львовъ, гдѣ и подали, 28 іюня 1842 года, „президенту всей Буковины, Галиціи и Лодомеріи" прошеніе. Они просили милостиво и внимательно разсмотрѣть „ихъ дѣло" и „согласно 1-го пункта всевысочайшей привилегіи, удовлетворить ихъ беззащитныхъ, и монастырь ихъ для вѣчнаго существованія утвердить и имъ здѣсь на оное милостивую резолюцію выдать". „Ежели, писали они въ заключеніе, сіе наше прошеніе губернія не можетъ удовлетворить, то просимъ со всѣми нашими актами и Уставомъ, яко рекурсъ, въ высочайшій департаментъ доставить и намъ милостивую резолюцію здѣсь ожидающимъ вручить" [1]).

16-го октября 1842 года послѣдовали одновременно отвѣты и на послѣднее представленіе Крайзамта и на просьбу Павла и Геронтія. Оба эти документа Павелъ справедливо назвалъ „послѣдними губернскими резолюціями о неутвержденіи монастыря" [2]).

На представленіе Крайзамта, какъ здѣсь и ожидали, послѣдовалъ отвѣтъ, что губернское начальство не находитъ никакихъ основаній къ отмѣнѣ своего прежняго постановленія отъ 21-го марта 1842 года, въ силу котораго Липоване обязуются къ непремѣнному веденію метрикъ, а устроенный ими монастырь подлежитъ уничтоженію.

„Послѣдняя губернская резолюція", полученная бѣлокриницкими просителями, объявляла имъ, что „существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ признается непозволительнымъ, незаконнымъ и нетерпимымъ" (unzulässig, gesetzwidrig und

---

1) Черновой экземпляръ прошенія, писанный Павломъ (*Бѣлокр. архивъ*).

2) Заглавія, собственноручно сдѣланныя Павломъ на копіяхъ того и другаго документа, находящихся въ *Бѣлокр. архивѣ*.

könne nicht geduldet werden) по слѣдующимъ причинамъ: а) „хотя по высочайшей привилегіи и предоставлено поселившимся въ Буковинѣ Липовамъ безпрепятственное отправленіе богослуженія и духовныхъ требъ, также принятіе изъ-за границы попа ихъ націи, но никакого не дано имъ права на заведеніе чуждаго пастырскимъ обязанностямъ, посвященнаго только уединенію и созерцанію (Conteplation), монастырскаго института"; б) „по поводу подобнаго же прошенія, учрежденіе монастыря было уже воспрещено роскриптомъ придворнаго военнаго совѣта (hofkriegsräthlichen Rescripte) отъ 1784 года, и докретомъ высокой губерніи (hohen Landstelle) отъ 24 августа 1791 года"; в) „Липоване сами обязаны вести метрическія записи, такъ какъ онѣ составляютъ чисто политическую и административную мѣру, никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣющую"; г) „монастырь состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ (Laienbruder) и большею частію изъ иностранцевъ" [1]).

Вмѣстѣ съ этою „резолюціей" изъ губерніи присланъ, какъ не нужный болѣе, и монастырскій Уставъ (Klosterstatutenbuch).

27. Приготовленія Павла къ подачѣ рекурса и поѣздкѣ въ Вѣну.

Итакъ съ губерніей были покончены всѣ сношенія по дѣлу о признаніи Бѣлокриницкаго монастыря и объ учрежденіи въономъ архіерейской каѳедры. Теперь уже Павлу ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ позаботиться о составленіи „рекурса" противъ изданнаго губерніей рѣшенія и затѣмъ ѣхать въ Вѣну — искать покровительства и защиты якобы угнетенному старообрядчеству предъ императорскимъ апостолическимъ престоломъ. Но составить „рекурсъ" было не легкое дѣло. За совѣтомъ и помощію Павелъ отправился прежде всего въ Черновцы, къ своимъ „благодѣтелямъ", которые дѣйствительно принялись весьма усердно помогать ему совѣтами и разнаго рода услугами. Всего труднѣе было опро-

[1]) Подлинная копія губернскаго рѣшенія, выданная изъ мандаторіата Гадикъ-Фальвы *(Бѣлокр. архивъ)*.

вергнуть второй пунктъ губернскаго рѣшенія, гдѣ приведены указанія состоявшихся прежде правительственныхъ распоряженій о воспрещеніи и закрытіи Бѣлокриницкаго монастыря. Чтобъ уничтожить силу этого пункта, нужно было, также на отнованіи какихъ-нибудь документовъ, доказать, что существованіе монастыря, напротивъ, допущено правительствомъ, или по крайней мѣрѣ терпѣлось снисходительно. И вотъ начались опять розыски въ архивахъ черновицкаго Крайзамта, — вынуты и пересмотрѣны всѣ дѣла о водвореніи первыхъ Липованъ въ Буковинѣ, о приходѣ липованскихъ калугеровъ, о заведеніи монастыря при селеніи Бѣлая-Криница. Павлу дозволено было сдѣлать точныя копіи съ важнѣйшихъ документовъ и нужныя ему выписки изъ всѣхъ этимъ дѣлъ [1]). Оказалось, что нѣкоторые документы, если умѣючи воспользоваться ими, могутъ быть обращены противъ сдѣланнаго губерніей заключенія; но оказалось также и то, что роковые для монастыря декреты 1784 и 1791 годовъ дѣйствительно существуютъ и опровергнуть ихъ фактитескую важность не представлялось никакой возможности. Тогда Крайзамтъ рѣшился на поступокъ недобросовѣстный и неизвинительный: далъ согласіе Павлу, чтобы въ рекурсѣ было сказано, за ручательствомъ Крайзамта, будто этихъ декретовъ въ архивѣ не оказалось и потому-де подлежитъ сомнѣнію, даже существовали ли они когда-нибудь [2]). Проэктъ рекурса составленъ

---

[1]) Сдѣланныя тогда копіи и выписки сохранились въ находящемся у насъ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* и послужили главнымъ матеріаломъ для изложенной выше первоначальной исторіи буковинскихъ Липованъ и заведеннаго ими монастыря.

[2]) Недобросовѣстность этого, дозволеннаго Крайзамтомъ и дѣйствительно приводимаго въ *Рекурсѣ,* показанія, будто декретовъ 1784 и 1791 гг. не нашлось въ архивѣ, тѣмъ очевиднѣе и непростительнѣе, что Павлу не только были они показаны, но и дозволено было снять съ нихъ копіи, которыя и сохранились въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ*. Есть извѣстіе, что изъ Крайзамта всѣ декреты и другія бумаги, относящіяся къ настоящему дѣлу, были даже совсѣмъ отданы Павлу и этимъ послѣднимъ сожжены; по другимъ же извѣстіямъ, случился пожаръ въ самомъ архивѣ Крайзамта, во время

былъ еще въ въ Черновцахъ; но здѣсь же посовѣтовали Павлу для окончательной его редакціи обратиться въ Вѣнѣ къ болѣе опытнымъ юристамъ, и дали къ нимъ рекомендательныя письма.

Въ Вѣну для подачи рекурса поѣхалъ самъ Павелъ въ сопровожденіи Алимпія. Они снабжены были формальною довѣренностью отъ всего монастырскаго братства, подписанною 3-го марта 1843 года, въ которой говорилось: „мы, нижеподписавшіеся монастырскіе члены, настоятель со всею общежительствующею братіей, поручаемъ совершенное полномочіе двумъ избраннымъ нашимъ честнымъ инокамъ Алимпію Милорадову и Павлу Васильеву [1]), противу объявленыхъ намъ губернскихъ рѣшеній, отъ 21-го марта и 16-го октября 1842 года, которыми прочее существованіе нашего здѣсь въ Бѣлой-Криницѣ до шестидесяти лѣтъ состоящаго монастыря запрещается, куда слѣдуетъ къ надлежащимъ мѣстамъ и даже къ самому его всевысочайшему кесарокоролевскому величеству *рекурсовать* и всеподданнѣйшее просить *какъ существованіе наше монастыря, въ его преимуществахъ, такъ равно и монастырскій нашъ Уставъ на дальнѣйшее къ благочинію руководство наше надлежащимъ порядкомъ подтвердить;* а притомъ, согласно перваго нашего прошенія, поданнаго въ 1840 году первоначально въ кесарокоролевскій Крайзамтъ, ходатайствовать къ прежней, имѣющейся у насъ привилегіи, съ яснымъ словомъ *позволеніе на водвореніе нашему сословію особаго своего святителя, на правилахъ въ монастыр-*

котораго и погибли всѣ документы о липованскомъ монастырѣ, — или по крайней мѣрѣ распространены были слухи о такомъ пожарѣ (см. *Русск. Вѣст.*, т. LXXXIV, стр. 181). Всѣ эти услуги „благодѣтельныхъ“ крайзамтскихъ чиновниковъ, разумѣется, были пріобрѣтены Павломъ за денежныя приношенія, къ которымъ, по свидѣтельству Надеждина, „австрійское чиновничество вообще не нечувствительно“ (*Сбор.* Кельсіева, ч. I, стр. 104).

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ бумагахъ, Алимпій поставленъ прежде Павла (въ томъ же порядкѣ они обыкновенно и подписывались) потому, что онъ имѣлъ передъ Павломъ преимущество старшинства по иночеству, какъ раньше его постриженный.

скомъ нашемъ Уставѣ изображенныхъ". Затѣмъ довѣрители представляютъ своимъ выборнымъ слѣдующее полномочіе: „имѣютъ они, Милорадовъ и Васильевъ, вмѣсто цѣлаго монастыря, полное право, какія надлежать будутъ прошенія, по собственному ихъ усмотрѣнію и разсудку сочинять и за подписомъ ихъ къ надлежащимъ мѣстамъ подавать предъ всякое высокое правительство, и, если надобность укажетъ, даже и предъ самый высокій тронъ его императорскаго кесарокоролевскаго величества челобитно доступать; и что̀ они въ предпомянутыхъ дѣлахъ распорядятъ и учинятъ, всегда за благо признавать и никогда не отвергать, но паче подкрѣплять будемъ" [1]).

28. Содержаніе Рекурса.

Павелъ и Алимпій отправились въ Вѣну въ первыхъ числахъ іюля 1843 года. Здѣсь они прежде всего отыскали рекомендованныхъ имъ черновицкими благопріятелями адвокатовъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, г. Дворачекъ, хорошо образованный юристъ, славянинъ родомъ, свободно объяснявшійся по-русски, сношенія съ которымъ по этому самому были для нихъ всего удобнѣе, отнесся съ особеннымъ участіемъ къ ихъ дѣлу и охотно согласился вести его.

Разспросивъ Павла о всѣхъ подробностяхъ дѣла и разсмотрѣвъ всѣ привезенные имъ документы, Дворачекъ нашелъ, что послѣ состоявшагося въ губерніи рѣшенія, дѣйствительно, ничего болѣе не осталось дѣлать, какъ подать на высочайшее имя „рекурсъ". Правда, по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, онъ не могъ не сознаться, что губернское начальство въ своемъ рѣшеніи опиралось на законныхъ основаніяхъ и что напротивъ притязанія бѣлокриницкихъ просителей и дѣйствія ихъ черновицкихъ благопріятелей во многомъ лишены и законности и правильности; но при всемъ этомъ,

---

[1]) *Сбор О. Онуфрія.*

какъ человѣкъ искусный въ адвокатскихъ хитростяхъ, онъ надѣялся и обнадеживалъ Павла, что дѣло еще не проиграно: нужно только поискуснѣе составить рекурсъ, да еще лицамъ, власть имѣющимъ, указать въ бѣлокриницкомъ препріятіи тѣ стороны, которыя, и по его соображеніямъ, всего скорѣе могли расположить ихъ въ пользу этого предпріятія.

Рекурсъ, составленный въ Черновцахъ, Дворачекъ нашелъ нужнымъ подвергнуть тщательному исправленію. Изъ-подъ его редакціи документъ сей вышелъ наконецъ достойнымъ своего назначенія [1]).

Собственную задачу и существенное содержаніе *Рекурса* составляетъ опроверженіе губернской „резолюціи" по каждому ея пункту.

Главнымъ образомъ вниманіе остановлено впрочемъ на *первомъ* пунктѣ „резолюціи". Доказывается, а) что будто бы здѣсь губернское начальство несправедливо объяснило привилегію Іосифа II въ томъ смыслѣ, что ею вовсе не давалось права буковинскимъ Липованамъ на учрежденіе монастыря; Рекурсъ напротивъ утверждаетъ, что привилегіей Іосифа II именно предоставляется имъ такое право. Въ доказательство этого приведено между прочимъ такое соображеніе: само правительство имѣло точныя свѣдѣнія о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ, и однако же нисколько переселенію ихъ не препятствовало, чего будто бы никакъ не могло случиться, если бы правительство имѣло въ виду воспрепят-

---

[1]) Павелъ писалъ своимъ благотворителямъ изъ Вѣны: „Сочиненный нашъ еще въ Черновцахъ рекурсъ (то-есть аппелляцію) мы здѣсь *по разуму умныхъ людей* еще оный передѣлывали и даже два раза набѣло переписывали, и конечно съ Божіею помощію привели въ порядокъ". Сохранившійся въ *Бѣлокриницкомъ архивѣ* экземпляръ *Рекурса*, которымъ мы пользуемся, есть, какъ надобно полагать, тотъ самый, первый разъ переписанный въ Вѣнѣ, о которомъ упоминается въ письмѣ Павла и съ котораго потомъ переписанъ былъ экземпляръ, поданный императору Фердинанду: онъ писанъ на листахъ большаго формата, красивымъ почеркомъ; на поляхъ и въ текстѣ сдѣланы рукой Дворачка поправки и дополненія. Полный текстъ его напечатанъ въ прилож. къ *Ист. Бѣлокр. іерархіи* подъ № 3.

ствовать учрежденію монастыря у Липованъ (хотя на самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, правительство, не препятствуя липованскимъ инокамъ переходить въ Буковину, однакоже требовало, чтобъ они жили не въ монастырѣ, а на одинаковыхъ съ прочими Липованами правахъ).

б) Доказывается, что будто бы неправильно указано губернскимъ начальствомъ и главное назначеніе липованскаго монастыря: „Единственная цѣль нашего института не есть уединеніе и созерцаніе, какъ сказано въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи; напротивъ, главная цѣль нашего института есть исполненіе богослуженія, религіознаго обученія и пастырской должности" (seelsorgerlichen Berufes). Составителямъ *Рекурса* для ихъ цѣли нужно было доказать, что именно отправленіе пастырской должности составляетъ будто бы главное назначеніе липованскаго монастыря, — и въ доказательство они приводятъ якобы не подлежащее пререканію свидѣтельство, и даже единственное, откуда можно почерпнуть правильное понятіе о монастырѣ, — „приложенный къ Рекурсу монастырскій Уставъ", именно его статью о епископѣ... „А если у насъ, говорится далѣе, въ настоящее время, по той причинѣ, что всѣ старые священники (?!) умерли, существуютъ лишь простые иноки, не имѣющіе высшаго посвященія, то въ этомъ должно видѣть только слѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельстмъ, случайное, противъ нашей воли послѣдовавшее, удобоисправимое затрудненіе, но никакъ не отличительное свойство, принадлежащее къ самой сущности нашего института".

Наконецъ в) противъ замѣчанія губернской „резолюціи", что привилегіей Іосифа II разрѣшено Липованамъ только привезти одного попа изъ-за границы, въ *Рекурсѣ* говорится, что „въ высочайшей привилегіи нельзя найти и слѣдовъ подобнаго ея значенія" и что если бы Липованамъ предоставлено было „довольствоваться однимъ только заграничнымъ священникомъ, то это не было бы совершенною свободой, какъ сказано во всевысочайшей привилегіи, а скорѣе стѣсненіемъ и даже лишеніемъ всякой возможности исправленія нашей ре-

лигіи, потому что и за границей (въ Россіи и Молдавіи) немного священниковъ липованской вѣры". И затѣмъ, сказавъ о притѣсненіяхъ, какія чинитъ русское правительство старообрядческому духовенству, *Рекурсъ* обращается къ главному предмету просьбы бѣлокриницкихъ иноковъ. „Единственное средство навсегда вывести изъ печальнаго положенія наши старовѣрческія общества заключается именно въ томъ, чтобы вмѣсто частаго призыванія духовныхъ изъ-за границы, однажды опредѣлить къ намъ своего святителя на высказанныхъ въ нашемъ бѣлокриницкомъ Уставѣ основаніяхъ. Тогда мы уже не стали бы звать священниковъ изъ нерасположенной къ намъ Россіи, а впослѣдствіи также не нуждались бы и въ святителѣ изъ за границы, потому что, по нашему церковному обряду, въ крайне-нужныхъ обстоятельствахъ нашъ святитель можетъ посвятить себѣ намѣстника. Такимъ образомъ у нашихъ австрійскихъ старовѣровъ явится исправленіе всѣхъ религіозныхъ и духовныхъ требъ".

Здѣсь же сдѣлано нѣсколько замѣчаній противъ Буковинскаго епископа Евгенія:

„Мы съ глубочайшею скорбію узнали, что изданію высокою губерніей тяжкаго для насъ рѣшенія много содѣйствовало мнѣніе, поданное отъ его преосвященства, господина буковинскаго греко-неуніатскаго (griechisch nicht unirten) епископа, который будто бы неблагосклонно отозвался о нашихъ особенностяхъ, нашемъ образованіи и нашихъ способностяхъ".

„Но мы полагаемъ, что это неблагосклонное мнѣніе имѣетъ свое основаніе только въ непріязненности господина епископа, который желаетъ притѣснять нашъ монастырь и воспрепятствовать существованію духовенства нашей націи и нашей религіи, съ тою единственно цѣлію, чтобы принудить насъ либо принять греческую неуніатскую религію, либо переселиться отсюда, дабы такимъ образомъ избавиться въ Буковинѣ отъ того обряда, которому онъ не можетъ благопріятствовать".

Относительно *втораго* пункта резолюціи, въ которомъ сдѣ-

дано было точное указаніе на состоявшіяся въ 1784 и 1791 годахъ правительственныя распоряженія о закрытіи липованскаго монастыря въ Бѣлой-Криницѣ, рекурсъ ограничился краткимъ и уклончивымъ возраженіемъ: „Что высокимъ рескриптомъ придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года *будто бы* запрещено было основаніе нашего монастыря, — это невѣроятно (es ist nicht graubwürdig), потому что тогда старовѣры, имѣя въ рукахъ всевысочайшую привилегію, *не имѣли никакой надобности* просить еще другаго особаго на то разрѣшенія... И еслибы такой рескриптъ существовалъ дѣйствительно, то буковинскій Крайзамтъ не могъ бы дать игумену Симеону, въ 1788 году, позволенія, чтобы пришли въ Буковину еще нѣсколько иноковъ. Въ высокомъ губернскомъ рѣшеніи упоминается кромѣ того, что *якобы* дано было такое же запрещеніе *какимъ-то* губернскимъ декретомъ отъ 1791 года. Но ни этотъ декретъ, ни тотъ рескриптъ придворнаго военнаго совѣта никогда старовѣрческому духовенству доставляемы не были, и при устроеніи нашего старовѣрческаго монастыря препятствій со стороны правительства никогда не дѣлалось. Самъ славный кесаро-королевскій буковинскій Крайзамтъ, на нашу просьбу — сообщить намъ о содержаніи помянутаго высокаго губернскаго декрета отъ 1791 года и рескрипта придворнаго военнаго совѣта отъ 1784 года, отвѣтилъ только, что сихъ актовъ *отыскать не могутъ*". Такимъ образомъ, благодаря обязательности крайзамтскихъ чиновниковъ, бѣлокриницкіе просители не затруднились подвергнуть сомнѣнію даже самое существованіе упомянутыхъ въ губернской резолюціи официальныхъ документовъ, а вмѣстѣ съ этимъ заподозрѣть и самимъ губернскихъ властей какъ бы въ намѣренной ссылкѣ на подложные документы, — вообще отважились на поступокъ очень смѣлый, такъ какъ при строгомъ изслѣдованіи дѣла не трудно было бы доискаться истины. Но, видно, главный редакторъ *Рекурса* имѣлъ основаніе твердо разсчитывать, что такого изслѣдованія столичныя власти не потребуютъ.

Противъ выраженнаго въ *третьемъ* пунктѣ мнѣнія, что

„метрики никакой связи съ религіей и богослуженіемъ не имѣютъ", въ Рекурсѣ не безъ основанія замѣчено, что напротивъ тогда только метрическія книги могутъ имѣть значеніе правильно составленныхъ свидѣтельствъ о родившихся, сочетавшихся бракомъ и умершихъ, когда ихъ будутъ вести лица законно призванныя и обязанныя совершать крещеніе, вѣнчаніе и погребеніе, каковыми могутъ быть единственно священники, и пока не будетъ у Липованъ священниковъ, дотолѣ невозможно установить у нихъ и правильнаго веденія метрикъ.

И на сдѣланное въ *четвертомъ* пунктѣ резолюціи замѣчаніе, что Бѣлокриницкій монастырь „состоитъ изъ непостриженныхъ бѣльцовъ", въ рекурсѣ съ твердостію отвѣчено: „напротивъ, въ монастырѣ нашемъ имѣются только немногіе бѣльцы, препровождающіе время въ искусѣ, остальные же всѣ вообще дѣйствительные иноки, получившіе отъ іеромонаха первое посвященіе, какъ это можно видѣть изъ прилагаемаго Устава. У насъ, правда, въ настоящее время не имѣется іеромонаха; но это зависитъ не отъ характера нашего института, а отъ того, что у насъ нѣтъ архипастыря, или святителя, который одинъ только можетъ въ священныя степени поставлять. И это самое обстоятельство должно служить основаніемъ не къ закрытію монастыря, а скорѣе къ разрѣшенію имѣть намъ святителя, который чрезъ посвященіе нынѣ находящихся у насъ иноковъ могъ бы столь нужный дла Липованъ монастырь сдѣлать и разсадникомъ (Pflanzschule) духовенства." Но въ этомъ же четвертомъ пунктѣ находилось и то замѣчаніе объ иностранцахъ, составляющихъ большинство монастырскихъ жителей въ Бѣлой-Криницѣ, противъ котораго повидимому такъ трудно было сдѣлать возраженіе, ибо весь почти Бѣлокриницкій монастырь состоялъ дѣйствительно изъ бѣглыхъ русскихъ раскольниковъ. Вотъ что̀ однакоже отвѣчено въ Рекурсѣ на это щекотливое замѣчаніе: „Монастырь нашъ не состоитъ изъ иностранцевъ, какъ утверждаетъ высокое губернское рѣшеніе, ибо нынѣ уже *правительственнымъ порядкомъ* (amtlich)

дознано, что почти всѣ иноки Бѣлокриницкаго монастыря либо здѣшніе урожденцы, либо если и пришли изъ-за границы, то все-таки рождены отъ австрійскихъ подданныхъ и потому, согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина. Если же между ними и нашлись бы нѣкоторые иностранцы, то развѣ только изъ Молдавіи; а это не можетъ быть препятствіемъ къ существованію монастыря, тѣмъ болѣе что здѣсь дѣло касается самаго монастыря, а не лицъ". Такимъ образомъ и въ этомъ, весьма осторожно выраженномъ отвѣтѣ ложь прикрыта опять ссылкой на свидѣтельство мѣстнаго управленія.

Въ заключеніе Рекурса говорилось:

„Мы, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ подписавшіеся, полагая, что оправдали необходимость того, о чемъ просимъ, и достаточно показали несостоятельность и несправедливость возбужденнаго противъ насъ со стороны высокой кесаро-королевской губерніи противодѣйствія, повергаемъ къ престолу вашего величества въ оригиналѣ нашъ Уставъ, со всепокорнѣйшею просьбою, чтобы ваше величество благоволили всемилостивѣйше утвердить существованіе нашего монастыря и нашъ монастырскій Уставъ, и разрѣшить намъ пріобрѣтеніе, откуда бы то ни было, по нашему желанію, *за исключеніемъ одной только Россіи*, святителя нашего обряда и нашей націи, подъ тѣмъ условіемъ, что мы содержать его будемъ сами отъ себя и никакого вспомоществованія просить не станемъ, и такимъ образомъ изъ урожденныхъ мѣстныхъ жителей учредить духовенство, котораго преимущественною обязанностію будетъ — вѣчно молить Царя царствующихъ, какъ это мы и теперь дѣлаемъ повседневно, да прославитъ Онъ вашего величества отеческое царствованіе миромъ, тишиною и непрестающимъ благополучіемъ, и да сохранитъ австрійскій скипетръ въ блескѣ и процвѣтаніи нынѣ и на всегдашнія времена"...

26. Представленіе Павла и Алимпія императору Фердинанду и другимъ высокимъ лицамъ.

Какъ ни искусно изложены были въ Рекурсѣ разные доводы въ опроверженіе губернской резолюціи, однакоже не трудно было бы разоблачить всю несостоятельность этихъ доводовъ, еслибы только высшее правительство пожелало надлежащимъ образомъ провѣрить ихъ. И самъ адвокатъ бѣлокриницкихъ просителей, обѣщая привести ихъ дѣло къ успѣшному концу, разсчитывалъ не на доводы изложенные въ рекурсѣ, а главнымъ образомъ на то, что въ дѣлѣ этомъ были стороны, которыя всего скорѣе могли расположить австрійское правительство въ его пользу, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать снисходительнымъ и ко всему сказанному въ Рекурсѣ. Выгодныя стороны заключались именно въ томъ, что предпріятіе бѣлокриницкихъ искателей „древлеправославнаго“ архіерейства съ полной основательностью можно было выставить, какъ дѣло вредное для русскихъ интересовъ, во всякомъ случаѣ грозящее опасными послѣдствіями и крайне непріятное для Россіи, а рѣшеніе губернскихъ властей, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ буковинскаго православнаго епископа, — объяснить ихъ сочувствіемъ православно-русскимъ интересамъ.

Намеки на это были уже сдѣланы и въ самомъ Рекурсѣ,— тамъ, гдѣ говорилось о непріязненныхъ якобы отношеніяхъ епископа Евгенія къ Липованамъ и о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ старообрядцами и ихъ духовенствомъ отъ русскаго правительства. Но въ Рекурсѣ, какъ оффиціальномъ документѣ, неудобно было раскрывать въ подробности, почему бѣлокриницкая затѣя должна быть крайне непріятна для Россіи; для того, чтобы раскрыть въ подробности только намѣченное въ Рекурсѣ, чтобы разъяснить, какими опасностями учрежденіе въ Австріи раскольнической архіерейской каѳедры угрожаетъ интересамъ православія, составляющаго одинъ изъ главныхъ элементовъ силы русскаго народа и русскаго государства, какъ послѣ этого расколъ въ Рос-

сіи долженъ еще больше усилиться въ ущербъ православію и сами русскіе раскольники, и теперь уже недовольные русскимъ правительствомъ, должны будутъ тяготѣть къ Австріи, гдѣ ихъ религія пользуется свободой и покровительствомъ государственной власти, откуда они будутъ снабжаться священствомъ, гдѣ будетъ находиться средоточіе ихъ церковнаго управленія, — чтобы все это надлежащимъ образомъ разъяснить лицамъ, стоящимъ во главѣ правительства и вообще нерасположеннымъ къ Россіи, для этого нужно было представиться имъ лично, имѣть съ ними конфиденціальную бесѣду. И вотъ дѣйствительно Павелъ и Алимпій, руководимые своимъ адвокатомъ, легко получаютъ аудіенціи у самого императора Фердинанда и у высшихъ сановниковъ имперіи, которымъ, при посредствѣ того же г. Дворачка, и могли съ полною откровенностію лично объяснить то, о чемъ неудобно было распространяться въ Рекурсѣ.

1-го (12-го) іюля происходило представленіе императору Фердинанду. Павелъ и Алимпій для большей торжественности облеклись въ соборныя мантіи; одинъ взялъ въ руки возвращенную изъ губерніи книгу монастырскаго *Устава,* другой — тщательно переписсанный на большихъ листахъ Рекурсъ и при немъ точныя копіи полученной отъ Іосифа II привилегіи и того губернскаго рѣшенія, въ опровержені которого составленъ Рекурсъ. Дворачекъ сопровождалъ ихъ въ качествѣ переводчика. Подавъ рекурсъ и прочіе документы, — какъ пишетъ самъ Павелъ, — въ собственныя его, государя императора, руки, они „и словесно, чрезъ толмача, о главныхъ пунктахъ своего дѣла ему объяснились". „Царь принялъ насъ,—продолжаетъ Павелъ,—очень привѣтственно и сказалъ: по надлежащемъ разсмотрѣніи, если будетъ возможно, немедленно удовлетворитъ нашу просьбу" [1]). Послѣ того, бѣлокриницкіе депутаты испросили аудіенцію у наслѣднаго принца, эрцгерцога Франца-Карла. Представленіе происходило 4-го (16-го) іюля. „Подавъ ему также лично наше

---

[1]) Письмо отъ 14 іюля 1843.

прошеніе (разсказываетъ Павелъ), и на словахъ чрезъ нашего толмача объяснились и защиты отъ его высочества просили". „Герцогъ сей, родной братъ царскій (прибавляетъ Павелъ) столь желательно насъ принялъ, даже и благодарилъ, что лично къ нему явились" [1]).

Итакъ, два раскольническіе монаха, бѣжавшіе изъ Россіи, назвавшись буковинскими Липованами, и именно въ качествѣ депутатовъ отъ буковинскаго липованскаго общества, имѣли высокую честь представиться самому австрійскому императору и наслѣднику его императорскаго апостолическаго величества! Событіе, дотолѣ небывалое въ лѣтописяхъ раскола. Впрочемъ для существа дѣла были не столько важны эти ихъ аудіенціи у австрійскаго императора и его наслѣдника, сколько представленія тѣмъ лицамъ изъ стоявшихъ во главѣ правительства, отъ которыхъ всего больше зависѣла судьба ихъ предпріятія.

Большимъ вліяніемъ на дѣла при особѣ императора пользовался тогда его дядя, эрцгерцогъ Лудвигъ. Ему-то особенно, по соображеніямъ адвоката, нужно было разъяснить сущность бѣлокриницкаго предпріятія съ тѣхъ сторонъ, которыя всего лучше могли расположить въ его пользу австрійское правительство. 8-го (20-го) іюля эрцгерцогъ Лудвигъ принималъ депутатовъ вмѣстѣ съ Дворачкомъ. Онъ вошелъ въ самые подробные распросы объ ихъ дѣлѣ, и такъ заинтересованъ былъ предпріятіемъ бѣлокриницкихъ учредителей раскольническаго архіерейства, отнесся къ нему съ такимъ сочувствіемъ, что былъ готовъ немедленно исполнить ихъ просьбу, если бы только не требовалось соблюсти въ теченіи дѣла *формальный порядокъ*, — во всякомъ случаѣ обѣщалъ имъ свое покровительство и защиту.

Другимъ наиболѣе сильнымъ лицомъ, отъ котораго много зависѣла дальнѣйшая судьба предпріятія и на помощь котораго можно было разсчитывать въ дѣлѣ опасномъ для русскихъ интересовъ, былъ министръ внутренимхъ дѣлъ, графъ

---

[1]) Тамъ же.

Коловратъ. Ему депутація представлялась 11-го (23-го) числа: „вручили нужные документы и также на словахъ чрезъ толмача обо всемъ довольно объяснились". Надежда, что министръ съ особеннымъ участіемъ отнесется къ дѣлу, которое должно было причинить непріятность Россіи и ущербъ русскимъ интересамъ, оправдалась вполнѣ: „сія столь важная особа (разсказываетъ Павелъ) кажется больше всѣхъ возымѣлъ ревность къ полному удовлетворенію нашей просьбы, и наконецъ съ пылкостію сказалъ: завтра же буду видѣть его высочество эрцгерцога Лудвига и буду о вашемъ дѣлѣ говорить, и когда возвратится дѣло изъ губерніи, я буду оное видѣть!"[1]) Наконецъ депутаты не забыли представиться и тѣмъ лицамъ, на ближайшее разсмотрѣніе которыхъ должно было поступить ихъ дѣло по полученіи надлежащихъ справокъ изъ губерніи[2]).

30. Высочайшая резолюція на Рекурсъ Бѣлокриницкаго монастыря.

Представленіе императору и высокимъ правительственнымъ лицамъ, ихъ вниманіе и благосклонность, преисполнили душу Павла отраднѣйшими надеждами: дѣло, испорченное губерніей, онъ считалъ теперь если не вполнѣ выиграннымъ, то по крайней мѣрѣ исправленнымъ и выведеннымъ на желаемый путь. Тогда же, подъ свѣжими пріятными впечатлѣніями, онъ писалъ къ своимъ благопріятелямъ: „*Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ!* Воистину, *велій Господь и велія крѣпость Его* и *разуму Его нѣсть числа*... Помогъ намъ испорченное наше дѣло поправить!.. Однако (прибавляетъ онъ далѣе), хотя съ помощію Божіею для общей пользы наши труды и добрѣ теперь снова засѣяны, но не у еще время плоды

---

1) Письмо отъ 14 іюля.

2) Павелъ, тамъ же: „Были мы съ таковыми же краткими прошеніями (извлеченіями изъ Рекурса) у реферейдовъ, которые разсматривать будутъ наше дѣло, но не прежде какъ возвратится изъ губерніи". Есть извѣстіе, что кромѣ названныхъ выше лицъ прошенія были поданы именно: „тайнымъ совѣтникамъ Истлю и Вайсу, министру Инцаги и барону Миниху" (*Сбор.* Кельсіева, ч. I, стр. 156).

жати и не часъ спати, а наипаче недремлемо бдѣти, дабы между прочимъ какой врагъ не насѣялъ бы какихъ недобрыхъ плевелъ“ [1]).

Павелъ очень справедливо замѣтилъ, что для нихъ, искателей „древлеправославнаго“ архіерейства, еще не наступило время жатвы и покоя, что теперь-то напротивъ и надлежитъ имъ „недремлемо бдѣти“. Высокія персоны, которымъ представлялись Павелъ и Алимпій, вполнѣ желали и готовы были удовлетворить ихъ просьбу; но оказалось, что губернія въ основаніи своего рѣшенія относительно Бѣлокриницкаго монастыря имѣла положительный, еще при Іосифѣ II состоявшійся (уже упомянутый нами) законъ, которымъ прежде бывшіе монастыри, даже господствующей религіи, во всей Австрійской имперіи подвергались уничтоженію, а учрежденіе новыхъ строго воспрещалось, за исключеніемъ однакоже тѣхъ, которые могли представить въ обезпеченіе прочнаго на будущее время существованія недвижимую собственность, или достаточный капиталъ, и притомъ еще имѣли своимъ назначеніемъ не упражненіе только въ богомысліи, не провожденіе только иноческой жизни, но приносили какую-нибудь пользу государству, напримѣръ воспитаніемъ юношества, призрѣніемъ бѣдныхъ, уходомъ за больными, или инымъ какимъ способомъ. Называя въ своемъ рѣшеніи Бѣлокриницкій монастырь „институтомъ, посвященнымъ только уединенію и созерцанію“, губернское начальство именно указывало на этотъ законъ императора Іосифа, сохранившій въ имперіи всю силу дѣйствующаго закона, который по этому не могъ быть нарушенъ и столичными властями при всей ихъ готовности рѣшить дѣло о Бѣлокриницкомъ монастырѣ въ пользу просителей: ибо, какъ выразился по сему случаю Павелъ, „законы и царей выше“. Но была возможность по крайней мѣрѣ обойти законъ Іосифа II, подведя Бѣлокриницкій монастырь подъ допущенныя въ этомъ законѣ исключенія: слѣдовало только принять во вниманіе, что и въ *Рекурсѣ* и въ *Уставѣ* главнымъ наз-

---

[1]) Письмо отъ 14-го іюля 1843.

наченіемъ Бѣлокриницкаго монастыря поставлена общественная польза — снабженіе всего липованскаго населенія Буковины законнымъ священствомъ посредствомъ учрежденія въ монастырѣ архіерейской каѳедры, содѣйствіе этимъ самымъ правильному веденію у Липованъ метрическихъ записей, и наконецъ образованіе липованскаго юношества въ предположенномъ къ учрежденію училищѣ, а на содержаніе и монастыря, и епископа, и школы указаны собственныя монастырскія средства, съ обязательствомъ никакихъ вспоможеній отъ правительства не требовать. На это дѣйствительно и обратили вниманіе высокіе покровители бѣлокриницкихъ депутатовъ: рѣшено было по поводу *Рекурса* ограничиться истребованіемъ отъ губерніи точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній главнымъ образомъ о средствахъ, обезпечивающихъ существованіе монастыря, о затрудненіяхъ, претерпѣваемыхъ Липованами въ пріобрѣтеніи священниковъ, о ихъ желаніи имѣть своего епископа, и о томъ, водворится ли при епископѣ порядокъ въ веденіи метрикъ у Липованъ, — вообще такого рода свѣдѣній, на основаніи которыхъ можно было бы признать Бѣлокриницкій монастырь не подлежащимъ уничтоженію въ силу общаго закона о монастыряхъ. Въ первыхъ числахъ августа состоялось именно въ такомъ смыслѣ высочайшее опредѣленіе (сигнатура) на Рекурсѣ.

6-го (18-го) августа 1843 года Рекурсъ препровожденъ былъ подлинникомъ изъ гофъ-канцеляріи въ губернію, съ предписаніемъ сдѣлать требуемыя состоявшеюся на ономъ собственноручною императорскою „сигнатурою" распоряженія, — именно собрать, *чрезъ посредство буковинскаго Крайзамта*, свѣдѣнія о томъ, дѣйствительно ли желаютъ липованскія общества въ Буковинѣ имѣть своего епископа, особенно же о томъ, есть ли у нихъ достаточныя и надежныя средства на всегдашнее содержаніе епископа: „хотя (въ *Уставѣ* и *Рекурсѣ)* показаны незначительныя издержки на содержаніе святителя; но такъ какъ со временемъ могутъ онѣ увеличиваться, то и нужно знать, могутъ ли Липоване обезпечить его содержаніе на всегдашнее время". Кромѣ того гофъ-канцелярія предписала

губерніи собрать, *чрезъ посредство же Крайзамта*, свѣдѣнія относительно веденія метрикъ у Липованъ, и нѣкоторыя другія. Предписывалось наконецъ ускорить производство дѣла и представить оное въ канцелярію не позднѣе 1-го октября[1]). Во исполненіе этого предписанія послано изъ губерніи въ Крайзамтъ, 20-го августа (9-го сентября), распоряженіе, чтобы немедленно симъ послѣднимъ была назначена коммиссія для произведенія въ липованскихъ селеніяхъ слѣдствія по всѣмъ пунктамъ, изложеннымъ въ предписаніи императорской гофъ-канцеляріи.

31. Приготовленія Павла и Геронтія къ принятію слѣдственной Коммиссіи.

Назначеніе новой слѣдственной коммиссіи привело Павла въ большое затрудненіе: предстояли трудныя и опасныя хлопоты. Новая коммиссія казалась тѣмъ страшнѣе, что первоначальное ея назначеніе шло изъ императорской гофъ-канцеляріи, да и самые вопросы, которые поручалось ей изслѣдовать, были крайне затруднительны, особенно вопросъ о наличныхъ средствахъ Бѣлокриницкаго монастыря, достаточны ли онѣ, чтобы навсегда обезпечить существованіе епископа. Легко было расписать въ *Уставѣ* доходы съ разныхъ угодій и садовъ, небывалыхъ рыбныхъ прудовъ, хлѣбныхъ запашекъ и т. п.; коммиссія же, какъ опасался Павелъ, не ограничится одними увѣреніями: нужно будетъ какъ-нибудь прикрыть обманъ, какъ-нибудь доказать, что монастырь нисколько не нуждается въ средствахъ. Но какъ это сдѣлать? — недоумѣвали всѣ, знавшіе тогдашнюю крайнюю скудость монастыря; недоумѣвалъ и самъ Павелъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ благотворителямъ онъ очень откровенно и живо изобразилъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился въ то время. „Что касается для состоянія монастыря нашего, можетъ ли онъ всегда соотвѣтствовать епископскому,

---

[1]) Предписаніе гофъ-канцеляріи отъ 18-го (6-го) августа 1843 года (*Бѣлокр. архивъ*).

вкупѣ и братскому содержанію своею собственностію, то для всей здѣшней окрестности вещь удивленію есть достойна, на что̀ мы только надѣясь такъ дерзаемъ, и кого утруждаемъ! Самого императора! И не только сіе удивляетъ постороннихъ, но ужасаетъ даже нѣкихъ и нашихъ монастырскихъ о Христѣ братій, малодушныхъ сущихъ, такую принимать на себя ужасную обязанность, мысля о себѣ такъ: кто знаетъ, что далѣе будетъ? Ибо собственные наши доходы соотвѣтствовать могутъ только развѣ для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толикаго числа народа. А кольми паче для епископіи и помыслить страшно! Обязательство же дать самому императору, дѣло не маловажное, — какъ говорится, близь царя, близь смерти! Да хотя бы монастырь и дерзнулъ завѣрять императора, что имѣемъ два сада съ фруктовыми деревами, пожертвованные отъ христолюбцевъ собственно монастырю въ вѣчность, съ одного же собираются для продовольствія своего, а съ другаго фрукты отдаются въ продажу, съ коего нынѣ получили 125 левовъ, то-есть по-русски 125 рублей ассигнаціями: но что это значитъ для содержанія всего монастыря, а наипаче епископа? Правительство почтетъ, по ихъ цѣнности, только для одного епископа сію статью, аки комаръ для слона! Развѣ будемъ увеличивать свои статьи и поставлять цѣну какъ бы комара за вола? *Но съ императоромъ худо шутить!* Да это и не шутка. Если скажемъ, что капиталъ денежный имѣемъ, то коммиссія не захочетъ себя одурачить, а потребуетъ видимаго доказательства, или налицо денежную сумму, или на оную какой билетъ, или вексель. А отказаться теперь невозможно: поелику *Рекурсъ* поданъ лично самому императору, *и въ томъ увѣрили царя, что монастырь собственнымъ своимъ коштомъ епископа достать и навсегда содержать можетъ.* Вотъ, по писанному, яко же древле нѣкогда рече Сусанна: *тѣсно ми есть отвсюду!* Окрестность же вся здѣсь и языки съ удивленнымъ взоромъ смотрятъ на сіе наше предпріятіе, аки на какой-либо важный театръ... Итакъ, дѣло до такой точки дошло, что коммиссія, имѣющая быть по именному высо-

чайшему повелѣнію, можетъ рѣшить все наше предпріятіе тѣмъ: или быть монастырю и епископу, или изгладить изъ мыслей и память о епископѣ, а монастырь вовсе уничтожить, если только не покажемъ фундусу, то-есть наличнаго капитала, или какихъ съ достаточными доходами имѣній" [1]).

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Павла и для его сотрудниковъ могло служить то обстоятельство, что непосредственное назначеніе коммиссіи зависѣло все-таки отъ благосклонно расположеннаго къ нимъ Крайзамта, что ближайшимъ образомъ приходилось вѣдаться все-таки съ крайзамтскими чиновниками, съ которыми они уже привыкли обходиться. И, надобно полагать, именно этому благосклонному расположенію Крайзамта они обязаны были вопервыхъ тѣмъ, что, не смотря на предписаніе высшихъ властей о скорѣйшемъ производствѣ дѣла, слѣдственная коммиссія очень долго не являлась въ Бѣлую-Криницу: назначенный крайскоммиссаръ пріѣхалъ уже 15-го (27-го) октября. У Павла съ братіей было такимъ образомъ въ распоряженіи цѣлыхъ два мѣсяца, чтобы приготовиться къ принятію коммиссіи, придумать что̀ можно для поправленія дѣла. Прежде всего просьбами, убѣжденіями, обѣщаніями Павелъ успѣлъ убѣдить липованскихъ старшинъ, чтобы они, ради собственнаго спокойствія, заранѣе, еще до пріѣзда коммиссіи, дали Бѣлокриницкому монастырю письменное свидѣтельство, что предпріятіе иноковъ учредить въ семъ монастырѣ епископскую каѳедру съ нуждами и желаніями липованскихъ громадъ вполнѣ согласно и о дарованіи имъ епископа они всеусердно просятъ правительство [2]).

---

[1]) Письмо къ благотворителямъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря, отъ 16-го октября 1843 года *(Сборн. о. Онуфрія)*. Письмо это подписано настоятелемъ инокомъ Геронтіемъ; но сочинялъ его безъ сомнѣнія Павелъ.

[2]) Павелъ, въ томъ же письмѣ: „Съ двухъ ближайшихъ обществъ просили сельскихъ начальниковъ и коихъ позначительнѣе людей, и убѣдили ихъ согласиться на такомъ условіи, что монастырь на предметъ святителя не потребуетъ отъ нихъ, ни на ходатайство, ни на содержаніе епископское, ни одного грецаря (крейцера), а только бы на спросъ коммиссіи они показали, что дѣйствительно

Гораздо труднѣе было приготовиться къ отвѣту на другой, самый главный вопросъ—о средствахъ, какими монастырь можетъ обезпечить содержаніе епископа. Прежде всего требовалось, очевидно, дать отчетъ о показанныхъ въ монастырскомъ Уставѣ фундаментальныхъ статьяхъ дохода. Что существуютъ въ дѣйствительности кое-какіе грунты и угодья, это еще можно было доказать. Но какъ доказать, что эти „грунты" дѣйствстельно приносятъ монастырю тѣ довольно значительные доходы, какіе расписаны въ монастырскомъ Уставѣ? Только слѣпой могъ не примѣтить, что въ этомъ описаніи, какъ выразился Павелъ, „поставляли комара за вола", и что дѣйствительныхъ монастырскихъ доходовъ съ разныхъ грунтовъ достаточно „развѣ только для одного немудраго крестьянина, а не для монастыря и толикаго числа народа, кольми паче для епископа". Всю надежду въ этомъ отношеніи Павелъ и Геронтій возложили на пріобрѣтеніе извѣстнымъ способомъ благоснисходительности ожидаемаго крайскоммиссара... Однакоже они очень хорошо понимали, что крайскоммиссаръ, при всей къ нимъ благосклонности, въ такомъ только случаѣ можетъ пройти молчаніемъ недостаточность пріобрѣтаемаго отъ грунтовъ дохода и явное несоотвѣтствіе его съ указаннымъ въ монастырскомъ Уставѣ, т.-е. тогда только согласится прикрыть ихъ ложь и не доносить, что они нагло обманули самого императора своимъ Уставомъ, если найдутся въ монастырѣ другія, именно денежныя средства, вполнѣ достаточныя на содержаніе епископа. Поэтому Павелъ и Геронтій считали крайне нужнымъ пріобрѣсти достаточную сумму денегъ

желаютъ имѣть своего епископа и крайне необходимую нужду въ томъ имѣютъ для рукоположенія священниковъ изъ своихъ старовѣровъ, здѣшнихъ уроженцевъ, для исполненія въ обществахъ липованскихъ требъ, а безъ священника быть не могутъ. И Богъ вложилъ имъ въ сердце: паче всякаго нашего чаянія, они въ томъ сдѣлали на монастырь отъ себя довѣренность, на которой сами своеручно подписались и сельскія свои печати приложили. Въ другія же дальнія два селенія нарочно ѣздили отъ монастыря посланные: и тѣ, смотря на первыхъ, то же сдѣлали. Итакъ, съ Божіею помощію, въ первомъ пунктѣ успокоились".

для предъявленія коммиссіи. Откуда же взять ее? Рѣшено было прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, употребленіе которыхъ, по іезуитской логикѣ, Павелъ считалъ вполнѣ дозволительнымъ для такого, какъ онъ, чрезвычайнаго Божія избранника, и для такого дѣла, какъ „возстановленіе древлеправославнаго архіерейства“, — рѣшено прибѣгнуть къ мошенничеству, употребить въ дѣло обманъ и ложь, назвавъ ихъ отъ Бога ниспосланною мудростію: именно придумали просить зажиточныхъ людей изъ липованскихъ обществъ, бѣлокриницкаго и климоуцкаго, не дадутъ ли они монастырю, только на время коммиссіонной ревизіи, свои наличныя деньги, чтобы настоятель могъ ихъ представить коммиссіи, какъ будто бы собственный монастырскій капиталъ, обязавшись клятвою, что всѣ эти деньги немедленно по минованіи надобности будутъ въ совершенной сохранности и съ чувствительнѣйшей благодарностію возвращены владѣльцамъ. А такъ какъ нельзя было ожидать, чтобы сборъ наличныхъ липованскихъ капиталовъ могъ быть значителенъ, то вмѣстѣ съ этимъ Павелъ и Геронтій придумали еще другую мошенническую уловку—просить нѣкоторыхъ, особенно зажиточныхъ и болѣе расположенныхъ къ нимъ людей между тѣми же Липованами, чтобы дали монастырю заемныя письма, якобы состоятъ ему должными извѣстныя суммы, при чемъ монастырь съ своей стороны, для полнаго ихъ успокоенія и обезпеченія отъ всякой случайности, выдастъ имъ въ то же самое время росписки, что должныя суммы уже уплачены ими сполна: эти фальшивые векселя и могли бы быть представлены коммиссіи въ видѣ принадлежащихъ монастырю денежныхъ документовъ. Всѣ эти безсовѣстныя уловки инокъ Павелъ умѣлъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, представить Липованамъ какъ дѣло богоугодное и душеспасительное, предпріемлемое на пользу „вдовствующія невѣсты, древлеправославныя Христовы церкве“. И такъ какъ предложенія Павла не грозили Липованамъ никакими убытками, то и были приняты довольно охотно, — даже безпоповцы изъ селенія Климоуцъ не отказались снабдить монастырь

своими наличными капиталами[1]). Умиленный такими, почти неожиданными успѣхами своихъ замысловъ—провести и обмануть правительство, Павелъ, вѣрный своему характеру, дѣйствительно находилъ во всемъ этомъ какое-то устроеніе свыше: „воистину Божіимъ промысломъ сіе было (воклицаетъ онъ, описавши плутовство, съ какимъ удалось ему провести коммиссію),—Богъ умудряетъ и самые младенцы, умилостивляетъ и самыхъ чужевѣрцевъ!...“[2]) Векселей по небывалымъ займамъ Липоване выдали монастырю на 10.000 левовъ серебромъ[3]). Кромѣ того Павелъ и Алимпій написали лично отъ себя „завѣщательные акты“ монастырю, по которымъ предоставляли въ полную монастырскую собственность (будто бы) принадлежащіе имъ, небывалые, наслѣдственные капиталы по 5000 левовъ каждый[4]). Такимъ образомъ, кромѣ обѣщанной Липованами наличной суммы, монастырь могъ представить ревизіонной коммиссіи документовъ на 20.000 левовъ серебромъ. Теперь оставалось только сдѣлать подробную опись (инвентарь) монастырскихъ имуществъ и доходовъ, съ приложеніемъ всѣхъ имѣющихся на лицо документовъ, что̀ и было исполнено̀ Павломъ, какъ монастырскимъ письмоводителемъ, со свойственной ему аккуратностью.

Итакъ, медленностію Крайзамта и крайскоммиссара въ монастырѣ умѣли воспользоваться какъ нельзя лучше, — успѣли приготовить все, что̀ только можно было, для отвѣта на главные вопросы, разсмотрѣніемъ которыхъ должна была заняться коммиссія, и довольно спокойно стали ожидать ея прибытія.

---

[1]) Изъ климоуцкихъ безпоповцевъ услугу Бѣлокриницкому монастырю оказалъ въ этомъ случаѣ Михайла Ѳедоровъ, считавшійся очень богатымъ человѣкомъ (См. о немъ въ запискѣ Надеждина. *Сборн.* Кельсіева, ч. I, стр. 94).

[2]) Письмо отъ 16-го октября.

[3]) Векселя эти даны двумя бѣлокриницкими Липованами — Перепелкой и Дѣемъ Парамоновымъ, какъ торговцами болѣе другихъ зажиточными.

[4]) Завѣщательные акты написаны Павломъ и Алимпіемъ 13-го сентября 1843 года.

32. Вторая слѣдственная коммиссія въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

Когда прибылъ наконецъ давно ожидаемый крайскоммиссаръ, баронъ Кане, Геронтій и Павелъ поспѣшили явиться къ нему на поклонъ: благоснисходительность крайскоммисара была пріобрѣтена легко, хотя и дорогою цѣной, принимая въ соображеніе тогдашнюю скудость монастыря[1]). Прежде всего онъ произвелъ осмотръ самаго монастыря, и описаніе найденнаго по осмотру внесъ въ протоколъ. Изъ того, какъ составлено это описаніе, не трудно уже видѣть, что крайскоммиссаръ дѣйствительно согласился оказывать бѣлокриницкой братіи всевозможную снисходительность. Такъ о монастырѣ сказано, что церквовь въ немъ „устроена изъ дерева *въ самомъ лучшемъ состояніи*", что онъ *собственнымъ коштомъ устроенъ и всегда исправлялся*... иноки, кромѣ церковной службы, занимаются разными ремеслами, которыя къ ихъ существованію нужны, одежда ихъ небогатая, такая, *какъ изображена въ ихъ книгѣ Устава;* весь приборъ въ ихъ зданіяхъ также небогатъ и все отъ ихъ трудовъ сдѣланный; они живутъ, употребляя только рыбу, фрукты и горохъ, картофли, фасоль, мамалыгу; никогда не ѣдятъ ни мяса, ни сала, и всегда только постную употребляютъ пищу, а молоко и прочее только изрѣдка позволяется имъ. Прочее провожденіе жизни *описано подробно въ ихъ статутахъ*"[2]). Затѣмъ, по осмотрѣ монастыря, настоятель инокъ Геронтій, при собственной объяснительной запискѣ, представилъ коммиссіи опись монастырскихъ имѣній и капиталовъ, со всѣми отно-

---

[1]) По свидѣтельству о. Онуфрія, барону Кане дано было 500 лев. сер.

[2]) Протоколъ 15-го (27-го) октября 1843 года § 2 (*Бѣлокр. арх.*). Вся тетрадь протоколовъ этой коммиссіи писана рукой Павла и весьма поспѣшно: это или переводъ составленныхъ коммиссіей протоколовъ, или, вѣроятнѣе, составленный для крайскоммиссара самимъ Павломъ черновой списокъ ихъ, съ котораго потомъ уже сдѣланъ былъ нѣмецкій переводъ.

сящимися сюда документами. Порядка ради, коммиссія сдѣлала осмотръ и монастырскихъ грунтовъ съ угодьями, но не упомянула, разумѣется, что нашла ихъ совсѣмъ не такими какъ „изображено въ книгѣ Устава". Между тѣмъ, пока члены коммиссіи занимались этими осмотрами, заранѣе оповѣщенные Липоване, исполняя свое обѣщаніе, собрались въ настоятельскихъ кельяхъ съ своими наличными деньгами, и когда коммиссія должна была приступить къ повѣркѣ монастырскихъ суммъ, вручили ихъ настоятелю, который въ свою очередь передалъ ихъ коммиссару: принесенныхъ липованами денегъ оказалось 6,000 левовъ серебромъ. Коммиссія пересчита ихъ и возвратила Геронтію, а онъ, согласно обѣщанію, вручилъ ихъ немедленно владѣльцамъ, все это время сокровенно сидѣвшихъ въ особой комнатѣ[1]). Точно такъ же коммиссія произвела повѣрку представленныхъ настоятелемъ векселей и нашла ихъ неподлежащими сомнѣнію; было только замѣчено, и то въ видахъ благожеланія монастырю, что было бы лучше и вѣрнѣе отданныя подъ векселя суммы помѣстить въ государственный банкъ, и что правительство, по всей вѣроятности, того потребуетъ. „Члены коммиссіи (писалъ Павелъ на другой же день послѣ этого въ Москву) полагаютъ, что такъ какъ заемные векселя отъ людей изъ числа торговцевъ, нашихъ старовѣровъ, и не имѣютъ въ обезпеченіе никакихъ залоговъ, то сумнительно напередъ, дабы сумма

---

[1]) Письмо Павла отъ 16-го октября 1843 года. Вотъ что́ именно писалъ онъ здѣсь, въ особомъ *Дополненіи*, объ этой плутовской продѣлкѣ: „Кромѣ всякаго чаянія самые безпоповцы, кои имѣютъ наличный свой капиталецъ, принесли до послѣдняго золотника сами въ монастырь *на такой необходимый случай;* и пока производилась коммиссія, они у настоятеля сидѣли въ особой кельи, а какъ потребовали капиталъ, они вручили настоятелю и настоятель показалъ членамъ, и пересчитавши отъ насъ, и паки въ руки имъ отдали, и они съ миромъ отправились въ свое село Климоуцы. *И Слава Богу!* Хотя только духъ перевели! Впрочемъ теперь не остается намъ что иное, какъ только *повергаемся въ неизглаголанную пучину милости и промысла Божія!*"

не ущербла, или вовсе не погибла (которой вовсе не было [1]), въ случаѣ какого упадка заниматѣлей. Уповательно (говорятъ), что на всякій случай императоръ непремѣнно повелитъ всю тую ходящую сумму въ безсумнѣнное обезпеченіе представить въ государственный банкъ" [2]). По осмотрѣ и повѣркѣ имѣній и капиталовъ, якобы принадлежащихъ монастырю, коммиссія составила слѣдующій протоколъ: „На имѣніе и весь монастырскій приборъ вообще Геронтій Леоновъ, настоятель монастыря, инвентаріумъ коммиссіи предложилъ. Сей инвентарь *по всѣмъ пунктамъ повѣрялъ и нашелъ истинно такъ, какъ въ немъ значится*, съ тѣмъ, что *сумму наличныхъ денегъ при коммиссіи самъ коммиссаръ пересчиталъ*" [3]).

Затѣмъ коммиссіи нужно было спросить монастырское братство и липованскія громады, дѣйствительно ли желаютъ они имѣть епископа, какъ о томъ ходатайствуютъ иноки Павелъ и Алимпій, и еще, по порученію Крайзамта, отобрать отъ нихъ показанія относительно сношеній по церковнымъ дѣламъ „съ прочими русскими громадами" и относительно веденія метрикъ. По первому вопросу коммиссія удовольствовалась уже приготовленными письменными удостовѣреніями старшинъ четырехъ липованскихъ селеній, что епископа они дѣйствительно желаютъ имѣть, ибо терпятъ крайнюю нужду въ священствѣ; иноки Бѣлокриницкаго монастыря на допросѣ показали также, что Павелъ и Алимпій подали прошеніе о епископѣ по общему желанію монастырскаго братства, на что̀ и выдана имъ полномочная довѣренность, каковую „не только теперь но и впредь въ полной силѣ братство утверждаетъ" [4]). По двумъ другимъ вопросамъ, настоятель монастыря и „старшіе громады Бѣло-Криницы сельскіе начальники объяснили: что къ исполненію религійныхъ требъ липованскія громады собственнымъ коштомъ привозятъ изъ Россіи, именно изъ Бессарабіи,

---

[1]) Насмѣшливое выраженіе самого Павла.

[2]) *Тамъ же.*

[3]) Протоколъ 15-го (27-го) октября, § 3 *(Бѣлокр. архивъ).*

[4]) *Тамъ же.*

священника, однако здѣсь оставаться долго не можетъ, потому что онъ обыкновенно черезъ границу безъ паспорта тайно къ нимъ приходитъ, ибо Россія на такую отлучку никогда паспорта не даетъ"; что сіи иностранные священники метрическихъ записей не дѣлаютъ, почему въ липованскихъ громадахъ веденія метрикъ не было и нѣтъ; что Липованамъ необходимо имѣть своихъ священниковъ, которыхъ поставлялъ бы имъ собственный ихъ святитель, дабы учредить, согласно предписанію начальства, правильное веденіе метрикъ [1]).

Записавъ всѣ эти показанія въ протоколъ, коммиссія заключила свои занятія. „Всѣ наши желанія (писалъ Павелъ) члены (коммиссіи) приняли со вниманіемъ и обходились съ нами *такъ благочинно и почтенно, чего лучше и не бываетъ!* И съ надеждой насъ оставили ожидать монаршей милости, ибо они заключили въ коммиссіонномъ протоколѣ, что монастырь въ состояніи соотвѣтствовать во всемъ своему прошенію" [2]). Вообще Павелъ, Геронтій и все бѣлокриницкое братство были очень довольны, что такъ ловко провели коммиссію, которая, какъ видно, и сама сквозь пальцы смотрѣла на ихъ наглыя продѣлки.

33. Новое коммиссіонное слѣдствіе въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

Когда слѣдственная коммиссія представила свои протоколы Крайзамту, сей послѣдній не нашелъ въ нихъ ничего сомнительнаго и со всѣми относящимися къ онымъ документами препроводилъ въ губернію. При этомъ съ своей стороны Крайзамтъ доносилъ, что самъ онъ относительно учрежденія архіерейской каѳедры у Липованъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи, находя вопросъ о липованскомъ епископѣ имѣющимъ тѣсную связь съ важнымъ вопросомъ о введеніи у Липованъ правильныхъ метрическихъ записей [3]).

---

[1]) *Тамъ же,* § 6.
[2]) Письмо отъ 16-го октября 1843 года.
[3]) Донесеніе Крайзамта *(Бѣлокр. архивъ).*

Но въ губерніи иначе взглянулы на дѣйствія крайскоммиссара барона Кане; не остались довольны и распоряженіями самого Крайзамта. Что баронъ Кане произвелъ слѣдствіе неполно и небрежно, это губернскому начальству легко было усмотрѣть изъ самыхъ коммиссіонныхъ протоколовъ. Замѣчено во-первыхъ, что крайскоммиссаръ никакъ не долженъ былъ ограничиваться одной только „общей декларацiей", подписанной старшинами липованскихъ громадъ, гдѣ они свидѣтельствуютъ, что съ прошеніемъ монастырскаго братства о дарованіи епископа Липованамъ согласны, не упоминая даже, имѣютъ ли достаточныя средства на постоянное содержаніе монастыря и епископа. Найдено потомъ, что и самыя показанія о монастырскихъ имѣніяхъ и капиталахъ представляютъ много сомнительнаго. Особенно невѣроятнымъ и удивительнымъ показалось, „какъ могли дать монастырю по 5,000 лев. сер., изъ своего отеческаго наслѣдства, иноки Павелъ Васильевъ и Алимпій Милорадовъ, о которыхъ есть офиціальныя свѣдѣнія, что они дѣти простыхъ людей бѣлокриницкой громады, и что отецъ послѣдняго имѣлъ пропитаніе отъ ручнаго заработка". Поэтому изъ губерніи послѣдовало отъ 29-го декабря 1843 (10-го января 1844) года, новое предписаніе Крайзамту, чтобы слѣдствіе въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и липованскихъ селеніяхъ произведено было вновь съ большей полнотой и строгостью, — чтобы въ точности дознано было, какъ велико число Липованъ въ каждомъ селеніи, „какъ значительны ихъ имущества, доходы съ заработковъ и проч., и въ состояніи ли они содержать монастырь и епископа"; также относительео суммы въ 10,000 левовъ серебромъ чтобы сдѣлано было самое тщательное изслѣдованіе, имѣютъ ли и откуда могутъ имѣть ее иноки Павелъ и Алимпій [1]).

Согласно предписанію губерніи, Крайзамтъ, 7-го (26-го) января 1844 г., сдѣлалъ распоряженіе, чтобы тотъ же баронъ Кане

---

[1]) Губернское предписаніе отъ 10-го января 1844 года (29 декабря 1843 г.) (*Бѣлокр. архивъ*).

опять ѣхалъ въ Бѣлую-Криницу для произведенія новаго коммиссіоннаго слѣдствія. Коммиссія эта занималась слѣдствіемъ въ теченіи пяти дней (5—10 февраля) съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Это новое слѣдствіе, несмотря на всю формальную строгость дѣлопроизводства, было уже не такъ страшно для бѣлокриницкаго братства, какъ бывшее передъ нимъ: теперь собственный, личный интересъ долженъ былъ заставить барона-крайскоммиссара, при отобраніи показаній отъ липованскихъ громадъ и монастырскихъ жителей, всячески имъ потворствовать, чтобы не впасть въ противорѣчіе со своими прежними протоколами. Однакоже и эта коммиссія представляла не мало непріятнаго для учредителей старообрядческаго архіерейства: непріятно было и то, что губернское начальство, несмотря на *Рекурсъ,* на императорскую „сигнатуру“ и на всѣ успѣхи Павла и Алимпія въ Вѣнѣ, не хочетъ, какъ теперь оказалось, измѣнить своихъ прежнихъ непріязненныхъ отношеній къ дѣлу о липованскомъ епископѣ; и то, что опять приходилось толковать съ Липованами, которымъ уже очень прискучили коммиссіи; и то, наконецъ, что дѣло вообще затягивалось, что все прибывали новыя и новыя хлопоты. Прибыли хлопоты главнымъ образомъ для Павла: ему предстояло не мало труда, и именно надъ тѣмъ, чтобы заготовить для каждаго липованскаго общества письменные отвѣты по вопроснымъ пунктамъ, — отвѣты, которые должны были войти (и дѣйствительно вошли) въ коммиссіонные протоколы. Заготовленные Павломъ отвѣты примѣчательны собственно тѣмъ, что представляютъ образчикъ самой беззастѣнчивой лжи и рѣдкаго умѣнья „выдавать комарей за воловъ“, по его собственному выраженію[1]).

Въ отвѣтѣ на первый вопросный пунктъ — о средствахъ каждой липованской громады, средства эти расписаны такъ,

---

[1]) Что всѣ показанія (за исключеніемъ можетъ быть одного Алимпіева) суть произведеніе Павла, въ этомъ легко убѣдиться изъ самаго ихъ изложенія, обличающаго именно его руку.

что Липоване оказывались живущими въ полномъ довольствѣ и имѣющими возможность щедро жертвовать на содержаніе монастыря и епископа. Но *хотятъ ли* они жертвовать, и если хотятъ, то *сколько именно?* Таковы были два новые вопросные пункта, на которые слѣдовало отвѣтить. Приготовить отвѣтъ на эти, такъ прямо поставленные вопросы Павлу было не легко. Онъ постоянно увѣрялъ Липованъ, что на содержаніе епископа имъ не придется жертвовать ни единаго крейцера; но сказать откровенно въ показаніи, что на этотъ предметъ они дѣйствительно ничего давать не будутъ, значило бы повредить дѣлу въ глазахъ правительства. А написать, что они обязуются доставлять извѣстную сумму на содержаніе монастыря и епископа, было неудобно въ томъ отношеніи, что такой отвѣтъ прямо противорѣчилъ бы его прежнимъ увѣреніямъ и подписаться подъ нимъ липованскіе депутаты не согласились бы. Павелъ отвѣтилъ такъ, что не было сказано ни да, ни нѣтъ, но вмѣстѣ говорилось и то и другое:

„На вопросъ: хочетъ ли громада обязаться на содержаніе монастыря и священства? мы (старшины) отвѣчаемъ отъ имени громады, что въ теперешнее время таковая обязанность не есть нужна, потому что иноки нашего монастыря, въ прошеніи поданномъ его величеству о учрежденіи святителя, существованіи монастыря и утвержденіи *Устава*, сами обязались содержать святителя и монастырь собственнымъ коштомъ. А что они въ состояніи дѣйствительно своимъ имѣніемъ выполнить оное (обязательство), о семъ явствуетъ изъ актовъ, сдѣланныхъ (прежней) крайзамтской коммиссіей. Но, дабы удовлетворить правительство, мы пріемлемъ на свою обязанность содержаніе духовнаго святителя нашего закона и нашего монастыря, *въ томъ случаѣ, если нужно будетъ,* по нашему состоянію и возможности".

Затѣмъ вотъ что́ отвѣчено на другой вопросъ, — о суммѣ, какую согласны жертвовать бѣлокриницкіе Липоване на содержаніе епископа:

„Братство монастыря, какъ сказано, обязалось содержать собственнымъ коштомъ святителя, по положенію монастыр-

скаго Устава: потому мы полагаемъ, что теперь не нужно количество суммы дѣйствительно обозначать, какъ монастырь еще въ состояніи это выполнить; но правительство тѣмъ должно довольно остаться, что мы всегда готовы давать безъ принужденія что̀ только будетъ нужно. А что мы дѣйствительно въ возможности къ выполненію нашего обѣщанія, доказываетъ обстоятельство нашего имѣнія и промысла".

Послѣдній вопросный пунктъ, касался веденія метрикъ. Отвѣтъ на этотъ щекотливый вопросъ сведенъ былъ къ слѣдующему заключенію: „необходимо нужно дабы его величество желаніе наше о учрежденіи святителя нашего закона удовлетворилъ: тогда бы къ провожденію предписанныхъ метрическихъ книгъ не было никакого препятствія; когда бы имѣли священниковъ нашего закона, тогда бы для каждаго селенія установленный священникъ обязанъ былъ, по предписанію правительства, метрическія книги вести" [1]).

Но верхъ безстыдства въ сплетеніи всякаго рода лжи составляютъ показанія двухъ пресловутыхъ иноковъ Павла и Алимпія о 10,000 левовъ, якобы пожертвованныхъ ими Бѣлокриницкому монастырю. Вотъ какую сказку сочинилъ о себѣ инокъ Павелъ, біографія котораго уже извѣстна читателямъ:

«Я называюся Павелъ Васильевъ, *сынъ Василія Ѳедотова, родился въ Молдавіи, въ Баташанахъ;* около 40 лѣтъ; старо-греческаго закона. *По смерти отца моего, 1818 года, пришелъ въ Буковину, поступилъ въ Бѣлокриницкій монастырь инокомъ, въ которомъ по сіе время живу.* Отецъ мой, покойный Василій Ѳедотовъ (такъ какъ по нашему закону изъ имя отца мое имя происходитъ), родился въ Бѣлой-Криницѣ и былъ здѣшній подданный [2]), и уже болѣе 40 лѣтъ какъ от-

---

[1]) Прот. слѣд. ком. 1844 г. §§ 4—6 *(Бѣлокр. архивъ).*

[2]) Сказать, что отецъ родился въ австрійскихъ владѣніяхъ, Павлу было необходимо для того, чтобы доказать свое право на жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, о чемъ и въ Рекурсѣ сказано было: „если нѣкоторые (бѣлокриницкіе иноки) и пришли изъ-за границы, то все-таки *рождсны отъ австрійскихъ подданныхъ* и потому,

сель перешелъ въ Молдавію, тамъ женился и занимался торговымъ промысломъ, и въ 1818 году померъ. Такихъ, здѣсь рожденныхъ и въ Молдавіи значительною торговлей занимающихся Липовановъ, и теперь есть очень много. О томъ, имѣю ли дѣйствительно имѣніе, прошу спросить здѣшнюю громаду, которая моего покойнаго отца и его имѣніе совершенно знаетъ и можетъ подтвердить, что я дѣйствительно отъ онаго 5,000 левовъ серебромъ въ наслѣдство получилъ, и эту сумму 13-го сентября 1843 года здѣшнему липованскому монастырю подарилъ, будучи членомъ сего монастыря" [1]).

Показаніе Алимпія отличалось еще большей нагластью, — онъ утверждалъ, что отецъ его, Савва Милорадовъ, умершій въ 1837 году въ Бессарабіи, оставилъ ему въ наслѣдство даже 8,500 левовъ серебромъ, на что впрочемъ письменныхъ документовъ у него — Алимпія Милорадова не имѣется; а въ подтвержденіе того, что онъ дѣйствительно получилъ въ наслѣдство деньги, изъ которыхъ пожертвовалъ монастырю 5,000 левовъ, ссылался также на свидѣтельство мѣстныхъ Минованъ [2]).

34. Хлопоты Павла и Алимпія во Львовѣ и въ Вѣнѣ; окончательное рѣшеніе ихъ дѣла.

Всѣ, очевидно лживыя, показанія написанныя Павломъ баронъ Кане принялъ за несомнѣнно достовѣрныя и внесъ въ свои протоколы. Новое коммиссіонное слѣдствіе кончилось такимъ образомъ весьма благопріятно для учредителей старообрядческаго архіерейства въ Бѣлой-Криницѣ. Теперь они ясно видѣли, что повредить имъ губернія не можетъ, что дѣло ихъ съ формальной стороны не представляетъ уже ничего сомнительнаго въ тѣхъ пунктахъ, относительно кото-

---

согласно § 28 гражданскихъ законовъ, владѣютъ правами австрійскаго подданнаго и гражданина".

[1]) Протож. слѣд. ком. 1844, §§ 9 и 10 (*Бѣлокр. архивъ*).

[2]) Тамъ же § 11.

рыхъ, и только ради формы, предписано было изъ Вѣны навести нужныя справки. Поэтому они стали вести себя въ отношеніи къ губерніи съ особенной смѣлостью и самоувѣренностью. Какъ только слѣдственная коммиссія заключила свои занятія и протоколы ея были отосланы во Львовъ, туда же отправились депутаты Бѣлокриницкаго монастыря Павелъ и Алимпій. Они подали „высокославной губерніи" просьбу, чтобы она *„по крайней мѣрѣ теперь* вошла въ надлежащее разсмотрѣніе крайнѣйшихъ духовныхъ нуждъ липованскихъ громадъ и желаніе ихъ (относительно монастыря и епископа) удовлетворила" [1]). Но губернское начальство, на основаніи вѣрныхъ, хотя не оффиціальныхъ свѣдѣній, будучи убѣждено въ фальшивости всего затѣяннаго въ Бѣлой-Криницѣ дѣла и хорошо зная о самозванствѣ самихъ бѣлокриницкихъ депутатовъ, не хотѣло имѣть и сношенія съ этими заграничными выходцами, такъ нагло выдающими себя за природныхъ Липованъ: никакого отвѣта на ихъ просьбу изъ губерніи не послѣдовало.

Между тѣмъ, находясь во Львовѣ, Павелъ и Алимпій успѣли узнать, что дѣло ихъ, со всѣми документами, *Рекурсомъ, Уставомъ* и пр. отправлено губерніею въ гофъ-канцелярію [2]), и потому нашли нужнымъ сами отправиться въ Вѣну. Здѣсь, съ помощію своего адвоката, они составили „промеморію" о своемъ дѣлѣ и подали ее въ императорскую гофъ-канцелярію.

Спустя немного времени послѣ этого, изъ губерніи присланъ былъ въ гофъ-канцелярію новый отзывъ по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ. Губернія наконецъ нашла себя вынужденной сдѣлать уступку, — дала мнѣніе, что просьбу Липованъ о дозволеніи монастыря въ Бѣлой-Криницѣ можно уважить; но вмѣсто просимаго ими епископа полагала достаточнымъ дозволить, чтобы въ монастырѣ имѣлись настоятель и священники. Получивъ извѣстіе объ этомъ губернскомъ опре-

---

[1]) Выписка изъ этого прошенія приведена въ промеморіи, вскорѣ потомъ поданной въ гофъ-канцелярію *(Бѣлокр. архивъ)*.

[2]) Въ промеморіи они писали: „губернія, отправивъ дѣло ко двору, намъ на прошеніе наше *ничего не объявила*".

дѣленіи Павелъ и Алимпій, все еще жившіе въ Вѣнѣ, подали на имя президента императорской гофъ-канцеляріи новую „промеморію". Они объяснили, что настоятелей Бѣлокриницкій монастырь имѣетъ и имѣлъ издавна; но поставлять священниковъ Липованамъ, въ чемъ эти послѣдніе крайне нуждаются, настоятель монастыря не можетъ, ибо право сіе принадлежитъ только однимъ епископамъ. „Почему (писали они дальше) мы въ обязанность себѣ поставляемъ *настаивать,* чтобы намъ для посвященія потребныхъ священниковъ дозволено было имѣть епископа".

Просьбы Павла и Геронтія и теперь очень благосклонно приняты были въ Вѣнѣ ихъ высокими покровителями. И такъ какъ изъ присланныхъ губерніей документовъ оказывалось, что относительно тѣхъ пунктовъ, по которымъ предписано было произвести справки, двѣ слѣдственныя коммиссіи ничего сомнительнаго не нашли, то императорская гофъ-канцелярія постановила, наконецъ, рѣшить дѣло о липованскомъ монастырѣ и епископѣ согласно прошенію бѣлокриницкихъ депутатовъ. 6-го (18) сентября 1844 года императоръ Фердинандъ подписалъ декретъ слѣдующаго содержанія:

„По прошенію липованской громады и старовѣрческихъ иноковъ Бѣлой-Криницы,

„а) всемилостивѣйше дозволяется привезти изъ-за границы одно духовное лицо, именно архипастыря, или епископа, съ тѣмъ, что онъ можетъ преподавать находящимся въ Бѣлой-Криницѣ липованскимъ инокамъ высшее посвященіе и имѣетъ еще поставить себѣ преемника, который также долженъ будетъ поставлять священниковъ, равно какъ избрать и посвятить преемника себѣ. Однакоже имѣющее теперь прибыть изъ-за границы духовное лицо обязуется прежде вступленія въ должность, чрезъ посредство губерніи сообщить гофъ-канцеляріи о своемъ имени, чтобы можно было дипломатическимъ путемъ собрать о немъ свѣдѣнія и удостовѣриться, что никакихъ сомнѣній относительно его не существуетъ.

„А такъ какъ по правиламъ греко-восточнаго обряда высшее

духовенство можетъ быть производимо только изъ монаховъ, то его величество

„б) всемилостивѣйше соизволяетъ дальнѣйшее существованіе издавна находящагося въ Бѣлой-Криницѣ монастыря утвердить[1]).

Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ, который собственно и составляетъ законное (въ отношеніи къ государственной власти) основаніе существующей доселѣ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры, заслуживаютъ особеннаго вниманія два слѣдующія обстоятельства: 1) епископу, котораго дозволено привезти изъ-за границы, императорскимъ декретомъ предоставлялось право рукополагать въ священныя степени собственно *липованскихъ иноковъ, находящихся въ Бѣлой-Криницѣ,* то-есть, по точному смыслу этихъ словъ, не давалось ему права посвящать мірянъ, хотя бы они были Липоване и жили въ Бѣлой-Криницѣ, а также и самыхъ иноковъ, если они по происхожденію не Липоване и живутъ не въ Бѣлой-Криницѣ; 2) о личности епископа, который привезенъ будетъ изъ-за границы, предписывалось собрать дипломатическимъ путемъ свѣдѣнія, не имѣется ли относительно его какихъ-либо сомнѣній, то-есть, въ отправленіе своей должности у Липованъ, по смыслу этой статьи, могъ онъ вступить тогда только, когда, по наведеніи точнымъ справокъ, не окажется никакихъ относительно его сомнѣній. Условія, очевидно, стѣснительныя для бѣлокриницкихъ учредителей архіерейства. Павелъ, безъ сомнѣнія, понималъ это очень хорошо; но хлопотать объ отмѣнѣ этихъ стѣснительныхъ условій уже было невозможно, да и крайней надобности, по его мнѣнію, не представлялось, такъ какъ достигнувъ самаго главнаго, получивъ дозволеніе имѣть епископа въ Бѣлой-Криницѣ, онъ надѣялся, при своей ловкости въ дѣлахъ подобнаго рода, съ остальными затрудненіями справиться легко...

---

[1]) Текстъ императорскаго декрета приведенъ въ увѣдомленіи, выданномъ изъ Крайзамта депутатамъ Бѣлокриницкаго монастыря. *(Бѣлокр. архивъ)*.

О состоявшемся высочайшемъ рѣшеніи по дѣлу о липованскомъ монастырѣ и епископѣ императорская гофъ-канцелярія, указомъ отъ 17-го (29-го) сентября, сообщила для зависящихъ распоряженій губерніи, причемъ съ своей стороны предписывала имѣть въ виду, „что иноки и липованское общество обязались: а) монастырь и епископа содержать на собственныя средства, не требуя отъ правительства никакой помощи, б) собственнымъ коштомъ устроить въ Бѣлой-Криницѣ и содержать сельскую школу“; за исполненіемъ этого послѣдняго обязательства гофъ-канцелярія предписывала губернскому начальству имѣть особый надзоръ. О всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ верховной власти губернія въ свою очередь сообщила буковинскому Крайзамту, а сей послѣдній оффиціально увѣдомилъ депутатовъ Бѣлокриницкаго монастыря, иноковъ Павла Васильева и Алимпія Милорадова, присовокупляя, что имъ поставляется въ обязанность, какъ только найденъ будетъ дозволенный епископъ, донести о немъ чрезъ посредство Крайзамта губерніи съ точнымъ обозначеніемъ, гдѣ епископъ сей въ послѣднее время находился (mit genauer Angabe, wo sich derselbe zuletzt aufhielt), дабы можно было приступить къ дальнѣйшимъ относительно его распоряженіямъ [1]). Тогда же Крайзамтъ препроводилъ въ монастырь и возвращенный изъ Вѣны подлинный экземпляръ Устава, *для храненія* при монастырскихъ актахъ и *для руководства*“ (zur Aufbewahrung in den Kloster-Acten und zur Richtschnur).

Такимъ образомъ четырехлѣтнія, постоянныя, можно сказать, неусыпныя хлопоты Павла и его сотрудниковъ, сопряженныя со столькими трудами, опасностями и страхами, на которыя потрачено столько отваги и смѣлости, сколько лжи и разныхъ обмановъ, наконецъ увѣнчались успѣхомъ. Предпріятіе, къ которому Павелъ считалъ себя призваннымъ свыше,

---

[1]) Изъ губерніи Крайзамту предписаніе дано отъ 22-го сентября (4-го октября) 1844-го года, за № 63.784, а изъ Крайзамта увѣдомленіе въ Бѣлокриницкій монастырь послано 1-го (12-го) ноября за № 19.997.

составившее задачу и интересъ всей его жизни, наполовину осуществилось. Этому успѣху дѣла, какъ показываютъ изложенныя выше обстоятельства, всего болѣе способствовала вражда Австрійскаго правительства къ Россіи и православію: оно желало и надѣялось причинить имъ вредъ чрезъ учрежденіе раскольнической архіерейской каѳедры въ предѣлахъ Австріи. Подъ вліяніемъ этой вражды императорское австрійское правительство снисходительно смотрѣло на явную ложь и наглый обманъ въ словахъ и дѣйствіяхъ бѣлокриницкихъ искателей архіерейства, оказывало покровительство и вниманіе бѣглымъ изъ Россіи раскольническимъ монахамъ, назвавшимся Липованами, и приняло этихъ самозванцевъ подъ свою защиту противъ справедливыхъ возраженій отъ губернскаго начальства, которое одно только и является здѣсь честно и на законномъ основаніи дѣйствующимъ, нерасположеннымъ потворствовать дерзкому обману и незаконному предпріятію, направленному противъ Россіи и православія. Итакъ ложь и обманъ съ одной стороны и ненависть къ Россіи и православію съ другой — вотъ что̀ положено въ первую основу нынѣ существующей у раскольниковъ іерархіи, вотъ чѣмъ достигнутъ первый успѣхъ ея учредителей — дозволеніе отъ австрійскаго правительства открыть раскольническую архіерейскую каѳедру въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, съ утвержденіемъ и дальнѣйшаго существованія этого незаконно устроеннаго Липованами монастыря. Та же ложь и тотъ же обманъ сопровождаютъ и всѣ почти дальнѣйшія дѣйствія учредителей Бѣлокриницкаго священства.

35. Приготовленія инока Павла къ поѣздкѣ въ Россію для совѣщаній съ здѣшними раскольниками по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ.

Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, пока шли хлопоты предъ Австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи устроить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческую архіерейскую каѳедру, Павелъ и Геронтій вели постоянныя сношенія

по этому дѣлу съ вліятельными лицами россійскихъ старообрядческихъ обществъ. Къ великому ихъ огорченію, Громовъ, бывшій главою предпріятія, вскорѣ по отбытіи ихъ за границу умеръ. Но Павелъ и Геронтій смѣло разсчитывали, что умершаго благодѣтеля замѣнятъ его наслѣдники. Особенно же они разсчитывали на московскихъ старообрядцевъ, среди которыхъ, какъ имъ было извѣстно, находилось немало горячихъ поборниковъ старообрядческаго архіерейства. Письменныя сношенія съ Петербургомъ и Москвой совершенно утвердили въ нихъ эту увѣренность. Оставшійся въ живыхъ братъ Сергѣя Громова Ѳедулъ, хотя не отличался особою ревностію по „древнему благочестію",не отказался однакоже помогать Бѣлой-Криницѣ: отъ него присылались подаянія чрезъ брата Павлова — Алексѣя Великодворскаго, состоявшаго на службѣ у Громовыхъ. Московскіе благодѣтели также изъявили готовность помогать „трудящимся на пользу христіанства".

Но одними письменными сношеніями ограничиться было нельзя. Какъ только дѣло объ учрежденіи епископской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ стало принимать серіозный оборотъ, Павелъ и Геронтій нашли нужнымъ лично переговорить объ немъ съ россійскими старообрядцами, о всемъ подробно посовѣтоваться съ ними и условиться.

Въ исходѣ 1841-го года, когда уже нетолько подано было прошеніе о епископѣ, но и представленъ былъ правительству Уставъ со статьей „о водвореніи святителя", самъ Павелъ, въ сопровожденіи Алимпія, отправился въ Москву и Петербургъ.

Къ этому путешествію Павелъ приготовился тщательнымъ обсужденіемъ, на совѣщаніи съ Геронтіемъ и прочею братіей, тѣхъ вопросовъ, о которыхъ надлежало войти въ бесѣду съ россійскими старообрядцами. Такихъ вопросовъ было собственно два — вопросъ о матеріальныхъ средствахъ на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для епископіи устройство, на всегдашнее обезпеченіе будущей архіерейской каѳедры и на прочіе необходимые расходы, другой — о способахъ пріобрѣтенія и условіяхъ пріятія желаемаго епископа.

Особенную трудность представляло рѣшеніе этого втораго вопроса: здѣсь могло возникнуть не мало недоумѣній и разногласій, которыя требовалось предусмотрѣть, обсудить и рѣшить заблаговременно общимъ совѣтомъ. Правда, всѣ затрудненія были бы устранены сами собою, еслибъ удалосьнайти одного изъ тѣхъ, якобы кроющихся гдѣ-то „древлеправославныхъ" епископовъ, никакимъ церковнымъ новинамъ непричастныхъ, въ существованіе которыхъ тогда еще искренно вѣрили нѣкоторые простодушные старообрядцы: о такомъ возстановителѣ старообрядческой іерархіи, разумѣется, никто изъ нихъ и никакихъ „сумнѣній" не имѣлъ бы. Такого именно „древлеправославнаго" епископа и предположено было искать; но, какъ люди разсудительные и искушенные многими странствіями, Павелъ и Геронтій почитали дѣломъ весьма вѣроятнымъ (если только не признавали уже за несомнѣнное), что такихъ епископовъ или не найдется, или даже совсѣмъ не существуетъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ? *Откуда* и *какъ* заимствоваться архіерействомъ, если древлеправославнаго епископа не обрящутъ? Въ этомъ вопросѣ и заключалась всятрудность; его-то рѣшеніе и могло возбудить въ старообрядческихъ обществахъ недоумѣнія и разногласія, а затѣмъ и открытые раздоры, которые были бы роковымъ ударомъ для новоучрежденной іерархіи. Вотъ почему и представлялось Павлу весьма нужнымъ — этотъ именно вопросъ теперь же подвергнуть тщательному обсужденію въ старообрядческихъ обществахъ, теперь же рѣшить общимъ совѣтомъ. Для руководства россійскимъ старообрядцамъ въ обсужденіи столь важнаго вопроса Павелъ изложилъ письменно свои соображенія о томъ, откуда и какъ заимствоваться архіерействомъ, если не найдется древлеправославнаго епископа. Отъ имени всего бѣлокриницкаго братства написалъ онъ посланіе къ московскому старообрядческому обществу [1]), которое

---

[1]) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: „Посланіе Бѣлокриницкаго монастыря, состоящаго въ Буковинѣ Австрійской державы, къ московскимъ старовѣрамъ о предположеніи ихъ найти себѣ архіерея".

намѣренъ былъ представить лично московскимъ и другимъ россійскимъ старообрядцамъ, вмѣстѣ съ спискомъ помѣщенной въ *Уставѣ* статьи: *Предметъ о водвореніи у насъ своего святителя для необходимо нужнаго устроенія церковныхъ порядковъ. Посланіе* должно было служить какъ бы дополненіемъ къ этой статьѣ: его назначеніемъ было, по объясненію самого Павла, показать „въ чемъ состоитъ, сверхъ всего изображеннаго въ Уставѣ, дальнѣйшее монастырское предположеніе о пріобрѣтеніи святителя“. Кромѣ того къ *Посланію* были присоединены еще двѣ статьи, посвященныя рѣшенію нѣкоторыхъ частныхъ, но весьма важныхъ вопросовъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ главному: а) статья подъ заглавіемъ: *Изъясненіе недоумѣній, чрезъ кого и когда на приходящихъ отъ ересей хиротонисанныхъ лицъ приходитъ благодать Духа Святаго*, и б) разсмотрѣніе, *Что есть вседбдержность, и что благословный случай.* Всѣ эти сочиненія, въ общей ихъ совокупности, по мнѣнію Павла, были вполнѣ достаточны, чтобы служить руководствомъ для россійскихъ старообрядцевъ къ надлежащему, или правильнѣе — желаемому самимъ Павломъ, рѣшенію вопроса о качествахъ и чинопріятіи будущаго старообрядческаго епископа.

Въ чемъ же состояла сущность Павловыхъ „соображеній“ по вопросу — *откуда* и *какъ* заимствоваться желаемымъ для старообрядцевъ архіерействомъ? Высказывалось, во-первыхъ, намѣреніе отыскать „православнаго“, по раскольническимъ понятіямъ, архипастыря, т. е. не принявшаго „Никоновскихъ новопремѣненій“, и если таковой обрящется, просить его, чтобъ онъ или самъ прибылъ въ монастырь Бѣлокриницкій *на малое время*, для поставленія въ епископы кого-либо изъ природныхъ старообрядцевъ, подобно тому, какъ Цареградскій патріахъ Іеремія пріѣзжалъ въ Москву поставить изъ природныхъ россіянъ патріарха Іова, или на самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ обрѣтенъ, нарочно поставилъ бы въ епископы для старообрядцевъ кого-либо изъ такихъ же, какъ и самъ, православныхъ, хотя бы и не русскаго языка.

Куда же, по монастырскому предположенію, Бѣлокриниц-

кимъ посламъ надлежало направить стопы, чтобы отыскать такого „древлеправославнаго„ архипастыря? „Главнымъ предметомъ (говорилось въ „Посланіи“), *по достовѣрному отъ путешественниковъ извѣстію, въ полной нашей надеждѣ* предположено направленіе въ Ливанскія горы; а между тѣмъ не оставить, *въ мимошествіи*, собрать обстоятельныя свѣдѣнія и въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ славянскія племена, кои въ древнія вѣка приняли христіанскую вѣру отъ святыхъ учителей Кирилла и Меѳодія, иже обитаютъ около Черной Горы, въ Сербіи, и въ островѣ Корфѣ, гдѣ хранятся мощи святаго Спиридонія Тримифійскаго; аще ли надобность позоветъ, и еще въ какіе-либо края вселенныя, нынѣ намъ ясно не предвидимые, а въ послѣдствіи пути пословъ нашихъ, можетъ быть, смотрѣніемъ Божіимъ могущіе открытися, якоже случися прежде времени не предвѣдѣти и великому во пророцѣхъ Иліи Фезвитянину хранимыхъ Богомъ седми тысящъ мужей, не преклоньшихъ колѣна предъ Вааломъ“.

Дальше слѣдовали соображенія на тотъ, будто бы мало вѣроятный, случай — какъ поступить, если во всѣхъ указанныхъ, извѣстныхъ старообрядцамъ и неизвѣстныхъ еще, краяхъ вселенныя „древлеправославнаго“ архипастыря не обрящется: „если, *паче всякаго чаянія,* посламъ нашимъ въ уповаемыхъ мѣстахъ единовѣрнаго намъ епископа изыскать невозможно будетъ, тогда *сряду же и неопустительно* предполагаемъ принять еще другія мѣры, — заимствоваться искомымъ источникомъ (оставя духовенство неблаговолящей Россіи) отъ иной христіанской религіи, отъ коей *согласно правилъ* достойна будетъ къ принятію хиротонія, то-есть исключая только лишенныхъ трехпогружательнаго крещенія“. Такимъ образомъ, и относительно искомаго епископа наконецъ выражалось тоже самое мнѣніе, какого вообще держались старообрядцы поповщинскаго согласія относительно бѣгствующихъ священниковъ, — что за неимѣніемъ древлеправославнаго можетъ быть принятъ епископъ и отъ сущихъ въ ереси, но въ такой ереси, отъ которой приходящихъ священныхъ лицъ *правила церковныя* дозволяютъ принимать въ сущемъ ихъ санѣ: епи-

скоповъ — епископами, священниковъ — священниками, не требуя для нихъ повторительнаго рукоположенія.

Возраженій противъ такого мнѣнія трудно было ожидать со стороны людей, державшихся бѣглопоповства; но разногласія могли возникнуть по вопросу: какимъ чиномъ нужно будетъ принять не-древлеправославнаго епископа — третьимъ, или вторымъ? Повидимому, рѣшеніе и этого вопроса не должно бы представлять затрудненій, такъ какъ у поповцевъ онъ былъ уже рѣшенъ относительно бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ. Этихъ послѣднихъ, на основаніи примѣра предковъ, положено принимать вторымъ чиномъ, подъ мvропомазаніе: такъ же, очевидно, слѣдуетъ принять и бѣгствующаго епископа. Павелъ очень хорошо понималъ, что это, на примѣрѣ предковъ и на существующемъ обычаѣ основанное, рѣшеніе вопроса было бы дѣйствительно встрѣчено общимъ согласіемъ и сочувствіемъ въ средѣ старообрядцевъ; но онъ имѣлъ основательныя причины желать, чтобы вопросу дано было иное рѣшеніе. Епископа предполагается искать, „кромѣ неблаговолящей Россіи", въ такихъ странахъ, гдѣ о русскомъ старообрядчествѣ не имѣютъ и понятія и всякіе намеки о подчиненіи чинопріятіямъ отъ ереси могутъ быть встрѣчены съ крайнимъ негодованіемъ; да и рѣчь идетъ о епископѣ, а не о какомъ-нибудь бѣгствующемъ, или по-просту бѣгломъ попѣ: въ сношеніяхъ съ такимъ лицомъ вообще потребуется крайняя осторожность и уступчивость, дабы въ противномъ случаѣ не утратить навсегда и самую надежду на пріобрѣтеніе „давно искомаго священнаго источника". Такія и подобныя соображенія побудили Павла, соблюдая всевозможную осторожность, изложить мнѣніе, что искомый не-древлеправославный епископъ долженъ быть изъ числа подлежащихъ пріятію третьимъ чиномъ, и только уже въ томъ случаѣ, если такого епископа не обрящется, можно будетъ принять подлежащаго второму чину, но и сего послѣдняго, на основаніи „смотрительныхъ" правилъ и „благословныхъ случаевъ", удобнѣе все-таки подвергнуть пріятію третьимъ чиномъ, только чрезъ проклятіе

ересей, а не вторымъ, не посредствомъ мνропомазанія. Итакъ онъ старался склонить старообрядцевъ именно къ тому, чтобы принятіе будущаго епископа, по требованію обстоятельствъ, совершить третьимъ чиномъ, къ какой бы ереси оный епископъ ни принадлежалъ, лишь бы только трехпогружательнаго былъ крещенія, — и для этого-то собственно была написана Павломъ упомянутая выше статья: *Что есть всеобдержность и что благословный случай*.

Впослѣдствіи вотъ какъ самъ Павелъ изложилъ „кратко" свое мнѣніе по вопросу о чинопріятіи будущаго епископа: „По нашему разсужденію, въ принятіи епископа (обойдя Россію) въ другихъ заграничныхъ краяхъ, *если за какимъ-либо обстоятельствомъ совершенно благочестиваго невозможно будетъ изобрѣсти*, то безотлагательно надлежитъ заняться отъ инославныхъ религій, отъ такихъ, *кои подлежатъ третьему чину, безъ мνропомазанія;* если же, *паче всякаго ожиданія*, и таковыхъ не обрящемъ, тогда пріимемъ отъ такихъ, кои только не превосходили бы мѣру новшествъ великороссійскихъ, *по второму чину, подъ мνропомазаніе*. Если же отъ сихъ послѣднихъ, иже второму чину подлежащихъ, убѣждаемое къ намъ въ епископы лицо, чтобы его подъ священническое мνропомазаніе принимать, поступить къ намъ не согласится: тогда, *съ общаго православныхъ собора, не по всеобдержности, а только единственно благословнаго ради случая*, невозбранно можно принять его и *по третьему чину, безъ мνропомазанія*. Ибо на всякія дѣйствія имѣются въ божественныхъ книгахъ отъ святаго писанія достовѣрныя засвидѣтельствованія, коимъ мы истинно вѣруемъ: а потому если и дѣйствіе согласно онымъ учинить, безъ сумнѣнія свято быти предпочитаемъ"[1]).

---

[1]) Особое „Предложеніе московскому обществу" (*Сборникъ* о. Онуфрія).

36. Поѣздка Павла и Алимпія въ Москву и Петербургъ въ концѣ 1841 г.

Итакъ Павелъ и Алимпій отправились въ Россію для совѣщанія съ вліятельными лицами здѣшнихъ старообрядческихъ обществъ по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, достаточно приготовившись къ этимъ совѣщаніямъ, запасшись необходимыми для того матеріалами. Въ началѣ 1842 года они пріѣхали въ Москву.

Здѣсь между прихожанами Рогожскаго Кладбища, какъ мы видѣли, еще въ 1832 году образовалась сильная партія, во главѣ которой находились богатые купцы Рахмановы, расположенная въ пользу учрежденія старообрядческой архіерейской каѳедры, рѣшительно заявившая объ этомъ на общемъ собраніи московскихъ и иногородныхъ поповцевъ, бывшемъ тогда на Рогожскомъ Кладбищѣ. Когда въ Москву стали приходить извѣстія о томъ, что̀ Павелъ и Геронтій по порученію Громова затѣяли въ Бѣлой-Криницѣ, московскіе ревнители старообрядческаго архіерейства отнеслись къ этимъ извѣстіямъ съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, а по смерти Громова изъявили готовность принять въ ихъ дѣлѣ и ближайшее участіе, особенно же самый горячій изъ этихъ ревнителей — Ѳедоръ Рахмановъ, по своему тщеславію давно искавшій возможности стать во главѣ подобнаго предпріятія. Поэтому Павла и Алимпія, пріѣхавшихъ съ подробными вѣстями и объясненіями по дѣлу объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, приняли въ Москвѣ очень радушно и внимательно. По случаю ихъ пріѣзда опять происходили на Рогожскомъ Кладбищѣ собранія для разсужденій о неотложной надобности — устроить старообрядческую епископію и для сего воспользоваться начатымъ въ Бѣлой-Криницѣ предпріятіемъ. На собраніи, какъ десять лѣтъ тому назадъ, явились между прихожанами Рогожскаго Кладбища и противники старообрядческаго архіерейства, видѣвшіе въ немъ ненужное и небезопасное нововведеніе. Во главѣ

ихъ стоялъ теперь, пользовавшійся извѣстностью въ московскомъ старообрядческомъ обществѣ, дворникъ изъ Рогожской Иванъ Александровъ Гусевъ. Это былъ человѣкъ довольно начитанный и умный, но до изувѣрства преданный расколу, даже проповѣдывавшій безпоповское ученіе о мысленномъ антихристѣ: онъ потому особенно возставалъ и противъ учрежденія полной старообрядческой іерархіи, съ епископомъ во главѣ, что почиталъ это дѣломъ невозможнымъ во времена антихристова господства. Но возраженія противъ старообрядческаго архіерейства теперь не могли имѣть большой силы, когда уже не только начато было у австрійскаго правительства дѣло объ устроеніи въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры, но, по увѣренію Павла и Алимпія, даже имѣлась надежда на скорое и успѣшное его окончаніе. На рогожскихъ совѣщаніяхъ, согласно желанію Рахмановыхъ, было рѣшено, что учрежденіе старообрядческой архіерейской каѳедры за границей есть дѣло необходимо-нужное, и слѣдуетъ помогать ему всѣми способами. Всѣ предначертанія относительно того, какъ именно устроить каѳедру, изложенныя въ извѣстной статьѣ Устава: „о водвореніи епископа", были одобрены; равнымъ образомъ и соображенія, раскрытыя въ *Посланіи* и добавочныхъ къ нему статьяхъ, были признаны въ главномъ ихъ содержаніи вполнѣ разумными: согласились, что прежде всего надлежитъ позаботиться объ отысканіи епископа изъ „древлеправославныхъ", а въ томъ случаѣ, если по тщательномъ изысканіи таковой не обрящется, можно принять и изъ сущихъ въ ереси. Но какимъ чиномъ надлежитъ принять его?— объ этомъ, какъ и опасался Павелъ, возникли прекословія. Съ его мнѣніемъ, что епископа нужно будетъ принять непремѣнно третьимъ чиномъ, будь онъ даже изъ числа еретиковъ, подлежащихъ второму чину, согласились только весьма немногіе изъ членовъ рогожскаго общества, — только лица довольно свободнаго (для раскольниковъ) образа мыслей и особенные почитатели Павла; въ большинствѣ же рогожскіе учители, какъ достойные потомки ревнителей перемазанства, высказались противъ Павлова предложенія. Основываясь именно на при-

мѣрѣ предковъ, завѣщавшихъ принимать бѣгствующихъ священниковъ (а слѣдственно и епископовъ) подъ мѵропомазаніе, они говорили: „если нынѣ попустится по третьему чину принять епископа, то уничтожится наше древлеблагочестивое, донынѣ неизмѣнно влекущееся священство, и будетъ иное, новое и неблагочестивое". Многіе при этомъ высказывали и то еще мнѣніе, что въ настоящее время еретиковъ третьяго чина уже вовсе и не имѣется, что изъ существующихъ нынѣ инославныхъ религій даже содержащія трехпогружательное крещеніе соотвѣтствуютъ еретикамъ втораго чина, и приходящіе отъ оныхъ могутъ быть принимаемы только подъ мѵропомазаніе. И такимъ образомъ „на совѣтѣ, на которомъ разсматриваемо было о епископѣ предложеніе (какъ свидѣтельствуетъ самъ Павелъ)[1]), члены московскаго благочестиваго общества заключили: если невозможно будетъ отыскать совершенно-благочестиваго епископа, то одно остается средство, что отъ инославныхъ религій, въ коихъ имѣется трехпогружательное крещеніе, можно принять епископа, но *не иначе, какъ только подъ мѵропомазаніе*". Для Павла это противорѣчіе его мнѣнію, оказанное рогожскими богословами, было крайне непріятно, и потому, что этимъ оскорблялось его самолюбіе, такъ какъ онъ былъ человѣкъ увѣренный въ непогрѣшимости своихъ мнѣній и возраженія вообще принималъ не равнодушно, и еще больше потому, что въ этомъ настойчивомъ требованіи „благочестиваго московскаго общества" — совершить надъ будущимъ епископомъ принятіе по второму чину видѣлъ онъ сѣмя не малыхъ затрудненій въ будущемъ, когда нужно будетъ приступить къ дѣйствительному чинопріятію искомаго епископа. Поэтому онъ рѣшился даже сдѣлать попытку измѣнить состоявшееся на рогожскомъ совѣтѣ постановленіе, — составилъ и представилъ письменное противъ него возраженіе, которое, по обычаю раскольниковъ, изложилъ въ формѣ вопросовъ[2]). Здѣсь онъ требовалъ отъ

---

[1]) Въ особомъ „Предложеніи московскому обществу".
[2]) Это и есть упомянутое выше особое „Предложеніе московскому

московскихъ учителей дать ему „не голословное, но отъ божественныхъ писаній отвѣтственное совосписаніе“, почему они находятъ невозможнымъ въ настоящее время пріятіе отъ ереси приходящихъ священныхъ лицъ по третьему чину. Имѣя въ виду особенно выраженную нѣкоторыми странную, по его понятіямъ, мысль, что въ настоящее время есть только еретики перваго и втораго чина, онъ писалъ между прочимъ: „вы полагаете только *безсловесное* отрицаніе, что якобы третьему чину подлежащихъ еретиковъ нынѣ нигдѣ обрѣсти не возможно, тогда какъ никто изъ благоразумныхъ, въ противность всемогущему Божію промыслу, не можетъ отрицать въ пріобрѣтеніи и самаго настояще-благочестиваго епископа, и уже кажется никто не отважится дерзнуть рещи, дабы всюду могъ провидѣть больше пророка Иліи, когда и той въ своемъ Израилѣ не увидалъ седми тысящъ мужей, истинно Богу вѣрующихъ! Или вы по какой другой причинѣ отрицаете нынѣ быти третьему чину подлежащихъ еретиковъ? — въ томъ не оставьте и насъ, Господа ради, вашимъ основательнымъ соотвѣтствіемъ“... Предлагая свои вопросы на рѣшеніе московскимъ учителямъ, Павелъ просилъ ихъ руководиться при этомъ не желаніемъ „точію побѣды одолѣнія“, но стремиться къ тому, чтобы „духомъ кротости и единодушною о Христѣ любовію согласовать съ обѣихъ сторонъ къ единой истинѣ, якоже и обычай есть православнымъ, по трудномъ разслѣдованіи изобрѣтшимъ истину и познавшимъ волю Божію, яко голубямъ лобзатися и присно о Господѣ радоватися“. Отвѣтить на вопросы Павла члены „благочестиваго московскаго общества“ были не въ состояніи; однакоже и принять его мнѣніе по вопросу о чинопріятіи будущаго епископа не изъявили согласія, а признали удобнѣйшимъ дождаться того времени, когда обрѣтено будетъ самое лицо, подлежащее чинопріятію, и тогда, соображаясь съ обстоятельствами, рѣшить вопросъ сей *общесоборнымъ разсужденіемъ*, какъ предлагалъ и самъ Павелъ. Про-

---

обществу“: подъ нимъ подписались и Павелъ и Алимпій. *Сборникъ* о. Онуфрія.

тивъ этого Павелъ не нашелъ нужнымъ дѣлать еще возраженія, въ томъ упованіи, что быть можетъ впослѣдствіи самыя обстоятельства дѣйствительно укажутъ способъ, какъ рѣшить къ общему удовольствію вопросъ, возбудившій теперь недоумѣнія и разногласія.

Относительно же средствъ на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ надлежажее устройство и на обезпеченіе будущей епископіи въ собраніи прихожанъ Рогожскаго Кладбища послѣдовало рѣшеніе, вполнѣ согласное желаніямъ и ожиданіямъ Павла. Еще въ 1832 году, по предложенію Өедора Рахманова, отъ лицъ, сочувствовавшихъ его тогдашнимъ замысламъ о раскольническомъ архіерействѣ, былъ сдѣланъ по подпискѣ денежный сборъ на необходимые расходы по сему дѣлу, и подписная сумма простиралась, какъ говорили, до 2.000.000 руб., по тогдашнему, на ассигнпціи: этотъ капиталъ и рѣшено было теперь, согласно его первоначальному назначенію, употреблять по мѣрѣ надобности на расходы, какихъ потребуютъ учрежденіе архіерейской каөедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, и на обезпеченіе ея существованія въ будущемъ. Кромѣ того Рахмановы, теперь имѣвшіе полное право считать себя стоящими во главѣ предпріятія, изъявили готовность жертвовать для сей цѣли своими собственными капиталами. Вообще же, Павлу и Алимпію было объявлено, что средства на устроеніе и обезпеченіе епископской каөедры будутъ имъ доставлены въ изобиліи. При этомъ они не забыли испросить у московскаго общества пособіе и на первоначальныя хлопоты о епископѣ, также на текущіе необходимые монастырскіе расходы[1]).

Изъ Москвы Павелъ и Алимпій съѣздили въ Петербургъ повидаться и посовѣтоваться съ здѣшними благотворителями. Изъ этихъ благотворителей съ особеннымъ сочувствіемъ от-

[1]) Павелъ писалъ изъ Петербурга къ Геронтію въ Бѣлую-Криницу, отъ 14 апрѣля 1842 года: „по отъѣздѣ нашемъ (изъ Москвы) обѣщались вскорѣ къ намъ въ монастырь послать деньги изъ конторы Рогожскаго Кладбища, и Василій Григорьичъ (Рахмановъ, двоюродный братъ Өедора) принялъ сіе дѣло на себя“.

несся къ ихъ предпріятію богатый купецъ Я. М. Волковъ (пуговочникъ): онъ обѣщался не только жертвовать изъ своихъ капиталовъ на учрежденіе архіерейской каѳедры, но, въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, даже переселиться на жительство въ Бѣлокриницкій монастырь.

37. Поѣздка Геронтія въ Москву и Петербургъ въ концѣ 1844 г.

Возвращаясь изъ Россіи, Павелъ и Алимпій надѣялись скоро получить отъ правительства благопріятный отвѣтъ на просьбу о епископѣ, съ утвержденіемъ, поданнаго въ дополненіе къ просьбѣ, монастырскаго Устава, и затѣмъ приступить къ исканію потребнаго имъ епископа. Читателямъ извѣстно уже, какъ обманулись они въ этой надеждѣ: около трехъ лѣтъ пришлось имъ вести упорную и опасную борьбу противъ губернскаго начальства, признавшаго учрежденіе архіерейской каѳедры у буковинскихъ Липованъ и самое существованіе монастыря въ Бѣлой-Криницѣ незаконными и недозволительными. О ходѣ этой трудной борьбы съ „соперниками“, особенно же о побѣдахъ, какія удавалось надъ ними одерживать, Бѣлокриницкій монастырь неопустительно извѣщалъ московскихъ и петербургскихъ своихъ благотворителей и прочихъ „радѣтелей“ заграничнаго архіерейства, частію посредствомъ посланій[1]), частію чрезъ нарочно посылаемыхъ довѣренныхъ людей. Но вотъ и борьба съ „соперниками“ кончилась полнымъ торжествомъ липованскихъ ходатаевъ: именнымъ императорскимъ декретомъ позволенно имъ привезти изъ-за границы епископа на постоянное жительство въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, съ правомъ поставлять себѣ преемника и посвящать липованскихъ иноковъ въ священныя степени. Пришло время отправиться и въ давно желаемое странствіе для отысканія епископа, а съ этимъ вмѣстѣ явилась надобность потребовать отъ московскихъ и вообще россійскихъ „благотворителей“ обѣщанныя на учрежденіе архіерейской каѳедры матеріальныя средства. Самъ настоятель —

---

[1]) Этими *письмами къ благотворителямъ*, между прочимъ, мы и пользовались въ изложеніи описанныхъ выше событій.

Геронтій рѣшился теперь съѣздить въ Россію, чтобы лично сообщить московскимъ и петербургскимъ старообрядцамъ радостную вѣсть о полученномъ отъ австрійскаго правительства дозволеніи на открытіе въ Бѣлой-Криницѣ старообрядческой архіерейской каѳедры, переговорить о всѣхъ обстоятельствахъ этого дѣла и, главное, получить необходимо нужныя теперь средства на предстоящіе многочисленные расходы.

Геронтій пріѣхалъ въ Москву въ декабрѣ 1844 года. Здѣсь нашелъ онъ дѣла въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ оставили Павелъ и Алимпій около трехъ лѣтъ тому назадъ. Лица, принадлежавшія къ партіи Гусева, попрежнему смотрѣли весьма недовѣрчиво на бѣлокриницкую затѣю, и даже разсказами Геронтія о достигнутыхъ въ Вѣнѣ успѣхахъ вовсе не умилялись; зато и Рахмановы съ своей партіей нимало не охладѣли къ мысли объ учрежденіи заграничной іерархіи, и потому привезенныя Геронтіемъ пріятныя извѣстія были приняты ими съ живѣйшею радостію, и всѣ предложенія Геронтія относительно матеріальнаго обезпеченія будущей архіерейской каѳедры исполнялись ими со всей предупредительностію. Рогожское общество, подъ вліяніемъ Рахмановыхъ, постановило — на содержаніе каѳедры давать не менѣе 24.000 р. въ годъ, по 12.000 въ каждое полугодіе, и кромѣ того обѣщало неограниченный кредитъ на первоначальные расходы по дѣлу объ учрежденіи каѳедры. Здѣсь прежде всего имѣлись въ виду расходы на путешествіе въ разныя страны для отысканія и пріобрѣтенія епископа, также на приведеніе Бѣлокриницкаго монастыря въ устройство, приличное мѣстопребыванію липованскаго епископа. На первое время, согласно предположенію Геронтія, считалось достаточнымъ исправить существующія въ монастырѣ зданія — часовню передѣлать въ церковь, кельи обновить, а для епископа вновь построить небольшое помѣщеніе; но это на первое только время, — а затѣмъ Рахмановы намѣрены были обратить Бѣлокриницкій монастырь въ нѣкое подобіе лавры сообщить ему благолѣпіе, подобающее мѣстопребыванію владыки всѣхъ „древлеправославныхъ христіанъ": три главные

жертвователя изъ этого семейства — Ѳедоръ и Василій Рахмановы и близкая ихъ родственница Марья Симонова предположили построить обширное зданіе для епископскихъ и братскихъ келій, съ большою по срединѣ домовою церковію о трехъ престолахъ, во имя святыхъ *Ѳеодора, Василія и Маріи,* на что ассигновали сумму въ 200.000 р. Во время пребыванія Геронтія въ Москвѣ составленъ былъ даже подробный планъ всего зданія и врученъ Геронтію съ значительной суммой на первоначальныя работы по постройкѣ. Тогда же были выданы ему деньги и на прочіе необходимые расходы. Кромѣ того Геронтій собралъ въ Москвѣ не малое количество разныхъ церковыхъ принадлежностей и утварей, пріобрѣлъ и архіерейскія облаченія. Сбору этихъ пожертвованій для будущей старообрядческой епископіи много содѣйствовала настоятельница одной изъ рогожскихъ обителей, мать Александра, скоро заявившая себя сторонницей заграничной іерархіи[1]). Изъ Москвы Геронтій ѣздилъ также въ Петербургъ, гдѣ видѣлся съ Волковымъ и получилъ отъ него полномочіе строить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ на собстенный его счетъ каменный братскій корпусъ, на который ассигнована имъ сумма въ 10.000 рублей серебромъ. Изъ Петербурга Геронтій заѣзжалъ опять въ Москву, и отсюда уже отправился въ обратный путь съ обильнымъ запасомъ денегъ и разныхъ вещей[2]).

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія.

[2]) Въ показаніи своемъ Геронтій говоритъ, что въ 1844 году отправился въ Россію, и „пробылъ тогда въ Москвѣ мѣсяцовъ до шести; покупалъ иконы и книги, а иныя такъ пожертвованы". (Чт. въ Общ. Ист. и Др., стр. 147—148). О поѣздкѣ Геронтія въ Петербургъ упоминаетъ Ираклій въ своемъ показаніи: „Здѣсь въ Петербургѣ, *въ послѣдній годъ здѣшней моленной* (Громовская моленная закрыта въ силу указа, послѣдовавшаго 21 марта 1844 г.) я опять увидѣлъ Геронтія: онъ говорилъ, что *уже послали* за митрополитомъ; зачѣмъ онъ именно пріѣзжалъ, я не знаю, *но конечно за деньгами*" (Тамъ же, стр. 188).

38. Первая поѣздка Павла и Алимпія на поиски епископа.

Между тѣмъ въ отсутствіе Геронтія, Павелъ и Алимпій получили въ Вѣнѣ заграничные паспорты на путешествіе во всѣ страны для отысканія дозволеннаго правительствомъ епископа въ Бѣлую-Криницу и успѣли даже совершить съ этою цѣлію небольшое странствіе. Это первое ихъ путешествіе служило только предварительнымъ опытомъ, или приготовленіемъ къ главному странствію. По плану инока Павла, какъ мы видѣли, разысканіе древлеправославныхъ епископовъ надлежало произвести главнымъ образомъ въ Ливанскихъ горахъ; „а *между тѣмъ* предполагалось собрать обстоятельныя свѣдѣнія и въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ славянскія племена, кои въ древніе вѣки приняли христіанскую вѣру отъ свв. учителей Кирилла и Меѳодія, иже обитаютъ около Черной Горы, въ Сербіи, и въ островѣ Корфѣ“ [1]). Прежде путешествія въ Ливанскія горы, Павелъ и Алимпій рѣшились именно съѣздить въ славянскія земли, чтобы собрать точныя свѣдѣнія, не обрѣтаются ли въ сихъ земляхъ епископы, соблюдающіе „древнее благочестіе, Никоновскими новопремѣненіями не поврежденное“.

Сначала отправились они въ Славонію, Далмацію и въ Черную Гору. Надежда обрѣсти въ этихъ странахъ епископа, по раскольническимъ понятіямъ, древлеправославнаго, само собою разумѣется, не оправдалась: повсюду они видѣли тѣ же самые обряды, которые якобы введены въ употребленіе только отъ лѣтъ Никона патріарха, что̀ и служило для инока

---

[1]) „Предлож. московскому, старообрядч. обществу“. Тотъ же планъ излагалъ и Алимпій въ одномъ письмѣ своемъ къ Крыловскимъ родственникамъ: „Предстоитъ напередъ обратиться къ тѣмъ племенамъ словенскимъ, обитающимъ около Черной Горы, кои прежде приняли вѣру отъ свв. учителей Кирилла и Меѳодія, и на островѣ Корфу, гдѣ мощи Спиридона Тримифійскаго; нужно видѣть и островъ Кипръ; а главный предметъ — на Бѣлоглавый Ливанъ, т.-е. въ Ливанскія горы, но даже и во всѣ концы свѣта, гдѣ только могли бы отыскать желаемый нами предметъ“ (Пис. отъ 27-го іюня 1842).

Павла несомнѣннымъ доказательствомъ мнимаго поврежденія въ вѣрѣ здѣшнихъ христіанъ, „отъ святыхъ Кирилла и Меѳодія просвѣщеніе пріявшихъ“. Въ Черногоріи они возбудили даже своими розысками подозрѣніе мѣстнаго духовнаго правительства и принуждены были уѣхать оттуда съ особенной поспѣшностью [1]). Уѣхали они въ княжество Сербское, въ Бѣлградъ, гдѣ желали объясниться о своемъ дѣлѣ съ сербскимъ митрополитомъ. Но и сношенія съ сербскимъ митрополитомъ не имѣли успѣха: изъ Бѣлграда они уѣхали скоро, потому что будто бы нашли въ Сербіи поливательное крещеніе. Сербскою страною путешествіе искателей „древлеправославнаго“ архіерейства на этотъ разъ и кончилось [2]). Въ половинѣ апрѣля 1845 г., къ празднику Пасхи, они возвратились въ Бѣлую-Криницу.

39. Заботы о приведеніи Бѣлокриницкаго монастыря въ приличное для епикскопіи устройство.

Когда Павелъ и Алимпій возратились изъ своего странствія по словенскимъ землямъ, Геронтій былъ уже дома и приступилъ къ работамъ по приведенію монастыря въ приличный видъ. Прежде всего онъ озабоченъ былъ устройствомъ церкви, гдѣ могъ бы служить будущій епископъ, хотя въ первое время, такъ какъ въ монастырѣ существовала только небольшая часовня, устроенная еще Паисіемъ (Парѳеніемъ), и ветхая, изъ Тернавицкаго лѣса перенесенная, изба, служившая вмѣсто ча-

---

[1]) Надеждинъ, на основаніи собранныхъ имъ слуховъ, писалъ; „Черногорскій владыка велѣлъ даже будто бы выгнать ихъ (Павла и Алимпія) изъ своихъ владѣній съ нечестію и съ угрозой, что если они появятся опять, то имъ будутъ обрублены уши“ (*Сборн.* Кельсіева ч. I, стр. 108). Игуменъ Парѳеній также увѣряетъ, что „изъ Черногоріи они едва убрались живыми и спаслись бѣгствомъ въ другую сторону“ (?). (*Кн. о Пром.*, стр. 38).

[2]) Зап. о. Онуфрія *(рукоп.)*. Геронтій, въ своемъ *Памятникѣ*, перечисляетъ тѣ же мѣста, посѣщенныя на этотъ разъ Павломъ и Алимпіемъ: „Пустился въ принадлежащій свой путь, первоначально въ Моравію, начавъ любопытство свое отъ предгорія Черной Горы, проѣхавъ Славонію, таже въ Сербію“.

совни въ зимнее время, а вмѣстѣ бывшая и монастырской трапезой. Ту и другую Геронтій старался привести въ сколько-нибудь приличный видъ, — а первую притомъ обратить именно въ церковь. Для этого плоскій потолокъ въ ней былъ замѣненъ сводомъ, надъ которымъ поставили глухой (фальшивый) куполъ, стѣны изнутри заново покрасили, иконостасъ уставили привезенными изъ Москвы иконами, а съ восточной стороны придѣлали для алтаря новую пристройку, также съ куполомъ. Предвидя всѣ затрудненія, какія пришлось бы встрѣтить при освященіи церкви, Геронтій и Павелъ нашли удобнѣйшимъ поставить въ алтарѣ подвижной престолъ съ „древлеосвященнымъ“ антиминсомъ. Такимъ образомъ часовня превращена была въ церковь и стала называться храмомъ Покрова Пресвятыя Богородицы.

Съ заботами о церкви соединялась другая — о пріобрѣтеніи бѣглаго попа, который могъ бы совершать въ ней службу и, что̀ всего важнѣе, могъ бы принять будущаго епископа, если потребуется подвергнуть его чинопріятію. Когда началось дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ не имѣлось ни одного попа и найти его было очень трудно при тогдашнемъ оскудѣніи бѣгствующаго священства. Только въ половинѣ 1844 года, когда явилась уже крайняя нужда имѣть какого бы то ни было священника, Павлу и Геронтію удалось наконецъ пріобрѣсти попа для Бѣлой-Криницы: это былъ священноинокъ Іеронимъ, — лицо, которому принадлежитъ въ исторіи Бѣлокриницкаго священства первостепенное мѣсто, не по личнымъ его качествамъ, весьма непривлекатетьнымъ, и не по какому-нибудь вліянію на ходъ событій въ старообрядчествѣ, къ чему не имѣлъ онъ ни способности, ни возможности, а единственно потому, что онъ былъ, какъ выражаются старообрядцы, „преподателемъ совершительной благодати“ первому раскольническому епископу, а чрезъ него и всѣмъ потомъ бывшимъ и донынѣ существующимъ архіереямъ раскольническимъ и въ Россіи и за границей.

Іеронимъ, въ мірѣ Иванъ Розановъ, по происхожденію мос-

ковскій мѣщанинъ. Монашество онъ принялъ въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Іерусалимъ) и здѣсь служилъ потомъ нѣсколько времени въ санѣ священника, даже проходилъ должность ризничнаго. Изъ Воскресенскаго монастыря онъ переселился въ Одессу и тамъ запутался въ какое-то криминальное дѣло, грозившее ему большими непріятностями. Тогда явился къ нему раскольническій инокъ Паисій, одинъ изъ самыхъ опытныхъ ловителей „бѣгствующаго священства", бродившій по русскимъ монастырямъ и весямъ съ тою именно цѣлію, чтобы высматривать, нѣтъ ли гдѣ священника, котораго можно было бы увлечь въ расколъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Іеронима, Паисій предложилъ ему, во избѣжаніе бѣды, отправиться за границу, къ буковинскимъ старообрядцамъ, гдѣ ожидала его, по словамъ Паисія, полная безопасность и привольная жизнь. Іеронимъ соблазнился этимъ предложеніемъ, отдалъ себя въ распоряженіе Паисія, и тотъ привезъ его прямо въ Бѣлую-Криницу [1]). Это было лѣтомъ 1843 года. Однакоже бѣлокриницкіе Липоване, не смотря на то, что въ священникѣ имѣли крайнюю нужду, принять Іеронима на этотъ разъ не согласились, такъ какъ онъ не имѣлъ при себѣ ни ставленной грамоты, ни иныхъ документовъ, удостовѣряющихъ дѣйствительность его сана, кромѣ одной записки одесскаго братскаго духовника, въ которой говорилось, что „бы-

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія. Свѣдѣнія объ Іеронимѣ, хотя, можетъ быть, не вполнѣ вѣрныя, сообщаются еще въ раскольнической рукописи: *Краткое описаніе объ австрійскихъ христіанѣхъ* (Ркп. М. Д. Академіи). Здѣсь изложенныя сейчасъ обстоятельства изъ жизни Іеронима передаются такъ: „Іеронимъ, природный бывшій московскій купецъ, поступилъ въ Воскресенскій монастырь, именуемый Новый Іерусалимъ, гдѣ и былъ постриженъ въ иночество и поставленъ по степенямъ духовнымъ въ священноинока въ Москвѣ отъ митрополита Филарета. По случаю былъ изъ Адеста архимандритъ въ Новомъ Іерусалимѣ и убѣдилъ его ѣхать съ нимъ въ Адестъ въ монастырь. И по прибытіи въ Адестъ, *познакомились наши христіане съ нимъ,* чрезъ разговоры о вѣрѣ убѣдили его поступить въ наше православіе", и т. д.

вый ризничій Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря, іеромонахъ Іеронимъ исповѣдывался и удостоился въ литургисаніи причаститься Святыхъ Таинъ“ [1]); притомъ же въ Бѣлой-Криницѣ некому было и „переправить“ Іеронима, то-есть совершить надъ нимъ чинопріятіе. Ему предложили отправиться въ Молдавію, въ Мануиловку, гдѣ находился единственный тогда́ для всѣхъ заграничныхъ старообрядцевъ попъ Алексѣй, и въ томъ случаѣ, если попъ Алексѣй исправитъ его надлежащимъ образомъ, обѣщали принять къ себѣ въ Бѣлую-Криницу. Іерониму пришлось такимъ образомъ ѣхать за исправой въ Молдавію, къ мануиловскому попу Алексѣю.

Этотъ попъ Алексѣй — лицо не менѣе значительное въ исторіи Бѣлокриницкаго священства, какъ и самъ Іеронимъ, ибо отъ него Іеронимъ получилъ ту „совершительную благодать“, которую въ свою очередь преподалъ первому липованскому архіерею: попъ Алексѣй долженъ быть названъ поэтому первымъ родоначальникомъ нынѣ существующей у старообрядцевъ іерархіи. Алексѣй Егоровъ Булгаковъ [2]) принадлежалъ къ духовному званію; воспитаніе получилъ въ Курской семинаріи, и по окончаніи курса, какъ самъ выражается, „съ титуломъ воспитанника богословскаго отдѣленія“, то-есть по второму разряду, а не съ званіемъ „студента богословія“, произведенъ въ курской епархіи во священника. Въ 1822 году, учинивъ какое то преступленіе, во избѣжаніе суда и наказанія, онъ ушелъ къ раскольникамъ въ Стародубье [3]), куда бѣжали въ то время многіе подобные ему, потерявшіе совѣсть

---

[1]) Записка эта сохранилась въ *Бѣлокр. арх.* Она выдана Іерониму въ 1841 году, декабря 4-го дня, и подписана братскимъ духовникомъ іеромонахомъ Клеопою.

[2]) Онъ подписывался иногда двумя фамиліями: *Булгаковъ* и *Звѣгинцевъ*. Ниже сообщаемыя свѣдѣнія о немъ заимствуются изъ собственнаго его письма въ Бѣлую-Криницу, къ Сергію и Филарету, писаннаго въ 1862 г. (*Бѣлокр. арх.*), также изъ *Записокъ* о. Онуфрія.

[3]) Въ упомянутомъ письмѣ 1862 года онъ говоритъ о себѣ, что въ „древлеправославной вѣрѣ въ санѣ пресвитера состоитъ сорокъ лѣтъ“: слѣдовательно изъ православной въ глаголемую „древлеправославную“ вѣру онъ перешелъ именно въ 1822 году.

священники, пользуясь изданнымъ тогда указомъ императора Александра I-го — не преслѣдовать такихъ бѣглецовъ. Попъ Алексѣй явился первоначально въ Добрянку: здѣсь раскольники приняли его, по обычаю, вторымъ чиномъ. Изъ Добрянки онъ перешелъ въ посадъ Лужки, гдѣ образовалась около этого самаго времени особая (лужковская) секта, признавшая „дозволенныхъ" поповъ незаконными, и потому принявшая за правило и самихъ раскольническихъ поповъ принимать въ общеніе не иначе, какъ подвергая новой исправѣ [1]). Здѣсь и попъ Алексѣй былъ снова перепpавленъ и вторично произнесъ проклятіе не только на церковь православную, но и на всѣхъ старообрядцевъ, пріемлющихъ отвергаемое лужковцами священство. Изъ Лужковъ наконецъ онъ ушелъ въ Мануиловку, къ молдавскимъ старообрядцамъ, которые не усумнились принять его, хотя вовсе не раздѣляли лужковскимъ мнѣній. Въ сороковыхъ годахъ, при всеобщемъ оскудѣніи священства у старообрядцевъ, Алексѣй остался, какъ мы уже говорили, единственнымъ попомъ у заграничныхъ раскольниковъ и умѣлъ какъ нельзя лучше пользоваться своимъ положеніемъ, извлекая изъ него всевозможныя выгоды; онъ былъ дѣйствительно человѣкъ богатый, имѣлъ собственный домъ и большое хозяйство, — жилъ вообще въ полномъ довольствѣ [2]). Понятно, что онъ

---

[1]) Первый такимъ образомъ принятый лужковцами попъ (Іоаннъ), за неимѣніемъ у нихъ ни единаго священнаго лица, вопреки всѣмъ правиламъ, былъ принятъ въ сущемъ его санѣ мірянами, предъ которыми произносилъ проклятіе ересей. См. *Историч. сказаніе о первоначальномъ раздѣленіи лужковцевъ съ древлеправославною церковію*, приложенное къ „Отвѣтамъ на вопросы лужковцевъ", бывшаго епископа Коломенскаго Пафнутія (рукопись).

[2]) Вотъ что̀ писалъ о немъ въ 1845 году Надеждинъ: „При церкви (въ Мануиловкѣ) находится бѣглый русскій попъ, по имени Алексѣй, человѣкъ лѣтъ уже за 50, съ женой и дѣтьми... Въ теперешнее время Алексѣй единовластительствуетъ во всей Молдавіи, оттого онъ очень богатъ, имѣетъ хорошенькій домикъ, ѣздитъ въ красивой вѣнской коляскѣ четверней, и сыновей своихъ, вывезенныхъ взрослыми (?) изъ Россіи, переженивъ здѣсь, пустилъ въ торговлю на собственные изрядные капиталы" (*Сборн.* Кельс. ч. I, стр. 113—114).

вовсе не хотѣлъ раздѣлять выгоды своего положенія съ кѣмъ бы то ни было съ другимъ, и потому встрѣтилъ Іеронима весьма не привѣтливо, на просьбу — „принять его отъ никоніанскія ереси въ липованскую древлеправославную вѣру“, отвѣчалъ отказомъ. Поставленный въ безвыходное положеніе, злополучный Іеронимъ нѣсколько мѣсяцевъ неотступно, какъ милости, просилъ у него исправы, кланялся, проливалъ слезы, и едва-едва успѣлъ умилостивить непреклоннаго пастыря молдавскихъ раскольниковъ. Впрочемъ Алексѣй, человѣкъ въ высшей степени лукавый, ограждая свои интересы, не иначе согласился совершить чинопріятіе Іеронима, какъ тайно, безъ свидѣтелей, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность отъ него отказаться и вообще держать Іеронима у себя въ зависимости. Это сокровенное чинопріятіе совершилось именно ночью 28-го октября 1843 г., и какъ оно происходило, или въ чемъ состояло, никто не видалъ и не слыхалъ, даже происходило ли дѣйствительно — никто навѣрное знать не могъ. Іеронимъ однакоже сталъ предлагать теперь свои услуги старообрядцамъ, какъ священникъ надлежащимъ образомъ исправленный; но такъ какъ Алексѣй, съ своей стороны, насчетъ его исправы хранилъ молчаніе и давалъ вопрошавшимъ двусмысленные, а иногда и отрицательные отвѣты, то старообрядцы вообще сомнѣвались принимать отъ Іеронима тайны, и только одно раскольническое мѣстечко Дамаска согласилось взять его въ попы. Дошли слухи и до Бѣлой-Криницы, что Іеронимъ священствуетъ въ Молдавіи. Въ маѣ 1844 года, послѣ коммиссій барона Кане, когда бѣлокриницкая братія уже вполнѣ увѣрилась въ благополучномъ исходѣ просьбы объ учрежденіи архіерейской каѳедры и когда въ пріобрѣтеніи священника явилась именно крайняя надобность, рѣшено было

Капиталы, пріобрѣтенные поповствомъ у раскольниковъ, какъ это обыкновенно бываетъ, не пошли однакоже въ прокъ дѣтямъ попа Алексѣя: отъ одного изъ нихъ мы недавно (въ 1885 г.) получили письмо, изъ котораго оказалось, что онъ странствуетъ безъ пріюта среди буковинскихъ липованъ.

отправить вѣрныхъ людей въ Молдавію — навести справки объ Іеронимѣ, и затѣмъ пригласить его на жительство въ Бѣлую-Криницу [1]). Отправлены были ризничій инокъ Онуфрій и почетный бѣлокриницкій житель Дѣй Парамоновъ. Іеронимъ клятвенно увѣрялъ ихъ, что исправленъ какъ должно, и на приглашеніе ѣхать въ Буковину отвѣчалъ полнѣйшимъ согласіемъ. Спросили попа Алексѣя: тотъ говорилъ, что никакой исправы не было, — и какъ ни кланялись, какъ ни умоляли его инокъ Онуфрій съ Дѣемъ Парамоновымъ, чтобы сказалъ сущую правду, стоялъ на одномъ — что Іеронима никогда не перемазывалъ. Бѣлокриницкіе посланцы имѣли однакоже больше вѣры клятвамъ Іеронима, и увезли его съ собою.

Такимъ образомъ въ Бѣлой-Криницѣ явился свой собственный попъ, относительно котораго все же однако оставалось сомнѣніе — исправленъ онъ, или не исправленъ. Чтобы устранить это сомнѣніе, бѣлокриницкія власти продолжали посредствомъ писемъ упрашивать Алексѣя — открыть имъ всю истину о чинопріятіи Іеронима, и тотъ наконецъ письменно же извѣстилъ ихъ, что 28 октября 1843 года дѣйствительно перемазалъ Іеронима. Инокъ Павелъ, безъ сомнѣнія, хорошо понималъ, что тѣ или другія увѣренія человѣка, подобнаго попу Алексѣю, не много значатъ, и что самое чинопріятіе, имъ совершенное, если признать его и несомнѣннымъ, какъ дѣйствіе лица, принадлежавшаго къ нетерпимой у бѣглопоповцевъ лужковской сектѣ, не должно бы имѣть и надлежащей силы; но такъ велика была надобность въ какомъ бы то ни было священникѣ, что и Павелъ и прочая бѣлокриницкая братія были очень довольны письменнымъ удостовѣреніемъ попа Алексѣя. Съ этого времени началъ Іеронимъ отправлять требы во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ Буковины и служить въ сельской бѣлокриницкой церкви. Имъ же совершено и поставленіе подвиж-

---

[1]) Къ этому же времени бѣлокриницкіе иноки успѣли навести справки и въ Москвѣ, по которымъ оказалось, что Іеронимъ дѣйствительно былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ іеромонахомъ.

наго престола въ монастырской часовнѣ, обращенной въ Покровскую церковь [1]).

Кромѣ церкви, Геронтій занимался устройствомъ и другихъ монастырскихъ зданій. Прежде всего построенъ былъ небольшой деревянный домикъ для жительства будущему епископу, по крайней мѣрѣ на первое время; а до пріѣзда его, здѣсь помѣстился самъ настоятель съ инокомъ Павломъ; заложенъ каменный двухъ-этажный корпусъ для братскихъ келій, на волковскія деньги; наконецъ, въ глубинѣ монастырскаго сада, на востокъ отъ Покровской церкви, расчищено было мѣсто для рахмановскихъ палатъ, съ церковію и помѣщеніемъ для епископа и старшей братіи, и постепенно заготовлялись матеріалы для постройки этихъ чертоговъ.

Вотъ чтó сдѣлано было на деньги россійскихъ старообрядцевъ для приведенія Бѣлокрицкаго монастыря въ приличное для липованской епископіи устройство къ лѣту 1845 года, когда Павелъ и Алимпій, отдохнувъ послѣ путешествія въ славянскія страны, собрались въ новое далекое странствіе.

40. Отъѣздъ Павла и Алимпія въ великое странствіе; пребываніе въ Мануиловкѣ и Яссахъ.

Новое, предпринятое теперь странствіе должно было служить рѣшительною попыткой — тѣмъ или инымъ способомъ непремѣнно отыскать и пріобрѣсти епископа для Бѣкокриницкой каѳедры. Крайнимъ предѣломъ его, какъ мы уже знаемъ, служили „бѣлоглавыя“ Ливанскія горы, Египетъ и иныя мѣста, гдѣ, по мнѣнію старообрядцевъ, имѣлись сокровенно обитающіе „древлеправославные“ епископы. Впрочемъ исканіе въ этихъ странахъ „древлеправославнаго“ епископа Павелъ намѣренъ былъ произвести собственно потому, что таково было общее желаніе старообрядцевъ и что самъ онъ обѣщалъ это московскому обществу, также отчасти для успокоенія и

---

[1]) *Записки* о. Онуфрія. Его же: *Вопросы и отвѣты о бѣлокр. іерархіи* (рукоп.).

своей совѣсти; а на самомъ дѣлѣ онъ уже мало вѣрилъ тогда раскольническимъ сказаніямъ о сокровенныхъ епископахъ древняго благочестія, и потому предположилъ во время путешествія на Ливанъ, въ Палестину и Египетъ, заняться преимущественно разысканіемъ—нѣтъ ли между подлежащими чинопріятію втораго, или третьяго рода греко-восточными іерархіями, гдѣ-нибудь такого, который согласился бы на предложеніе сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ. И во все время своего продолжительнаго путешествія онъ дѣйствительно не опускалъ изъ вида этой прямой, ближайшей своей цѣли, начавъ поиски съ сосѣдней съ Буковиною православной митрополіи молдавской.

Изъ Бѣлой-Криницы Павелъ и Алимпій выѣхали 4-го іюля 1845 г. [1]). Сначала остановились въ Мануиловкѣ: здѣсь, въ скиту и въ селеніи, пробыли нѣсколько дней [2]). Мануиловка — главное и самое старое изъ раскольническихъ селеній въ Молдавіи; здѣсь у старообрядцевъ издавна существовала церковь, при которой и находился упомянутый выше попъ Алексѣй. Скиты, мужской и женскій, находятся неподалеку отъ селенія, пріютившись, какъ и самое селеніе, между высокими, поросшими лѣсомъ отрогами Карпатскихъ горъ. Мануиловскіе раскольники уже знали о томъ, чтó затѣвается въ Бѣлой-Криницѣ; знали и то, что затѣя приняла серіозный характеръ, что получено уже отъ правительства разрѣшеніе учредить въ монастырѣ архіерейскую каѳедру, такъ какъ вообще имѣли частыя сношенія съ Бѣлой-Криницей. Впрочемъ мануиловскій настоятель Іоилъ, тотъ самый, что прежде былъ настоятелемъ въ Бѣлой-Криницѣ, по своимъ отношеніямъ къ Геронтію и Павлу, не особенно сочувствовалъ ихъ замысламъ.

---

[1]) Подъ этимъ числомъ въ памятной книжкѣ инока Павла записано: „Сего числа, отдавъ отчетъ отцу (т.-е. настоятелю Геронтію, евангельскому отцу его) за прошлое время путешествій, отправляемся паки въ путь на полуденную страну вселенныя".

[2]) Въ скитъ Мануиловскій Павелъ и Алимпій пріѣхали ночью съ 6-го на 7-е іюля *(Журналъ Павла)*.

Здѣсь же, въ Мануиловскомъ скиту, Павелъ встрѣтился съ своими прежними друзьями, которыхъ такъ давно не видалъ,— съ бывшимъ настоятелемъ Лаврентьева монастыря Аркадіемъ и лаврентьевскимъ же инокомъ Евфросиномъ. Лаврентьевъ монастырь въ это время былъ уже закрытъ по распоряженію правительства, и Аркадій, поживши нѣсколько времени на родинѣ, въ Клинцовскомъ посадѣ, только-что успѣлъ пробраться за границу: въ Мануиловскомъ скиту онъ былъ проѣздомъ, на пути къ Добруджу, въ Славскій скитъ, гдѣ намѣренъ былъ поселиться. Аркадій, какъ было уже сказано, принадлежалъ къ числу тѣхъ старообрядцевъ, которые на учрежденіе архіерейства смотрѣли неблагосклонно. Живя въ Россіи, когда былъ настоятелемъ Лаврентьева монастыря, онъ высказывалъ это прямо; также и теперь онъ выразилъ несочувствіе къ предпріятію Павла. Притомъ же Аркадій, а равно и Евфросинъ, были недовольны Павломъ за то, что, уѣзжая изъ Лаврентьева, онъ скрылъ отъ нихъ — куда и зачѣмъ отправился съ Геронтіемъ. Такимъ образомъ Павлу пришлось въ Мануиловскомъ монастырѣ имѣть нѣкоторыя пререканія съ прежними друзьями[1]). Но перемѣна обстоятельствъ однакоже не осталась безъ вліянія и на этихъ послѣднихъ: видѣвъ бóльшее и бóльшее оскудѣніе бѣгствующаго священства въ Россіи, убѣдившись въ сочувствіи старообрядческихъ обществъ къ учрежденію собственнаго архіерейства, узнавъ, наконецъ, какіе успѣхи въ этомъ отношеніи достигнуты Павломъ, и самъ Аркадій не нашелъ удобнымъ осуждать его рѣшительно. Что же касается самихъ молдавскихъ раскольниковъ, то извѣстіе объ учрежденіи старообрядческаго архіерейства у нихъ принято было съ большою радостію[2]).

---

[1]) Въ „Журналѣ“, подъ 11-мъ числомъ іюля, Павелъ записалъ слѣдующій свой проступокъ: „Многословіе и оправданіе сильное и осужденіе отца Аркадія съ Ефросиномъ *за невинное мнѣ осужденіе*“.

[2]) „Событіе въ Буковинѣ простерло уже сюда свое заразительное вліяніе (писалъ Надеждинъ, побывавъ у молдавскихъ раскольниковъ около того самаго времени, какъ туда пріѣхали Павелъ и Алимпій): вѣсть объ учреждаемой раскольнической епископской каѳедрѣ, рас-

Впрочемъ Павелъ и Алимпій пріѣхали въ Мануиловку не столько затѣмъ, чтобы заручиться расположеніемъ молдавскихъ старообрядцевъ къ учреждаемому архіерейству, сколько — поразвѣдать у нихъ, нѣтъ ли въ Молдавіи епископа, удобнаго къ уловленію въ старообрядчество. Разсчитывая въ этомъ отношеніи больше на ясскихъ раскольниковъ, они и рѣшились съѣздить изъ Мануиловки въ Яссы.

Въ Яссахъ, какъ мы уже говорили, издавна существовало общество русскихъ старообрядцевъ. Они жили преимущественно въ предмѣстьи города, за Бахлуемъ: здѣсь находилась у нихъ, существовавшая также изстари, каменная Успенская церковь, при которой въ былыя времена, когда въ бѣгствующемъ священствѣ не было недостатка, имѣлись постоянно бѣглые попы, теперь же отправлялъ службу уставщикъ Никифоръ Панкратьевъ, почтенный старикъ, находившійся въ этой должности около 25 лѣтъ. Ясскіе старообрядцы издавна также поддерживали сношенія съ православными ясскими митрополитами. Поэтому-то между прочимъ раскольники въ своихъ попыткахъ пріобрѣсти епископа, въ прежнее время, обращали взоры преимущественно на ясскую митрополію. И Павелъ, подражая предкамъ, отсюда же вознамѣрился начать свои новые опыты въ исканіи архіерейства. Тогда у ясскихъ старообрядцевъ пользовался особеннымъ уваженіемъ митрополитъ Веніаминъ, старецъ кроткій и благочестивый. Старообрядцы къ нему хаживали; онъ принималъ ихъ съ любовію: ему нравились ихъ преданность старинѣ и строгое соблюденіе церковныхъ уставовъ. Между прочимъ онъ любилъ слушать, какъ раскольники на своей колокольнѣ звонили по-русски, и даже просилъ уставщика Никифора научить его соборныхъ звонарей этому старому русскому звону: просьбу владыки-Веніамина уставщикъ, разумѣется, исполнилъ съ удовольствіемъ, и получилъ отъ него за эту услугу наперсный крестъ [1]). Въ то время, какъ

пространяясь между ними, носится изъ устъ въ уста любопытною новостью и возбуждаетъ общее участіе" (*Сборн.* Кельсіева ч. I, стр. 171).

[1]) *Записки* о. Онуфрія.

Павелъ и Алимпій пріѣхали въ Яссы, митрополитъ Веніаминъ уже оставилъ каѳедру и жилъ на покоѣ въ Слатинскомъ монастырѣ. Понятно, что ясскіе старообрядцы, которые вообще отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ ихъ предпріятію, не могли указать бѣлокриницкимъ искателямъ архіереевъ никого лучше, какъ владыку Веніамина. То самое, что онъ жилъ на покоѣ, представлялось и имъ и Павлу обстоятельствомъ особенно благопріятнымъ въ настоящемъ случаѣ. И вотъ Павелъ и Алимпій съ депутаціей отъ ясскихъ старообрядцевъ дѣйствительно отправились въ Слатинъ,—просить митрополита Веніамина, чтобы онъ или самъ переселился на жительство въ Бѣлую-Криницу, въ званіи верховнаго старообрядческаго пастыря, или, чтó еще лучше, носвятилъ бы нарочно въ епископы для Бѣлой-Криницы кого-нибудь изъ старообрядцевъ. Здѣсь Павелъ, подражатель предковъ, въ точности слѣдовалъ примѣру вѣтковцевъ, слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ обращавшихся съ такою же просьбой къ ясскому митрополиту Антонію,— такъ же не упоминалъ въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Веніаминомъ о чинопріятіи, какому долженъ будетъ подвергнуться онъ, или поставленный имъ новый епископъ, по прибытіи въ Бѣлую-Криницу. Полагая, что старообрядцы желаютъ имѣть дѣйствительно православнаго епископа, митрополитъ Веніаминъ принялъ ихъ просьбу благодушно; но исполнить ее рѣшительно отказался: съ своимъ монастырскимъ уединеніемъ, онъ не желалъ разстаться для Бѣлой-Криницы; а поставить на бѣлокриницкую каѳедру новаго епископа считалъ себя не въ правѣ, какъ удалившійся отъ управленія церковными дѣлами,—право это, въ области ясской митрополіи, принадлежало только дѣйствительному митрополиту, къ которому онъ и посовѣтовалъ старообрядцамъ обратиться съ своей просьбой[1]). Потерпѣвъ неудачу въ переговорахъ съ митрополитомъ Веніаминомъ, Павелъ рѣшился, прикрываясь его совѣтомъ и какъ бы именно

---

[1]) Тамъ же. Чрезъ два года послѣ этого, въ 1847 году, митрополитъ Веніаминъ скончался въ Слатинскомъ монастырѣ (Ин. Парѳенія *Странствіе и путешествіе*, т. II, стр. 32).

по его порученію, обратиться съ предложеніемъ о поставленіи епископа для буковинскихъ Липованъ къ наличному ясскому митрополиту. Но здѣсь онъ уже не встрѣтилъ того благодушія, съ какимъ принялъ его митрополитъ Веніаминъ: проникая дѣйствительныя намѣренія раскольниковъ, ясскій владыка, безъ дальнихъ объясненій, прогналъ старообрядческую депутацію [1]).

Итакъ „желаемымъ предметомъ" въ Яссахъ заимствоваться не удалось. Павелъ и Алимпій возвратились въ Мануиловку, и отсюда, по новомъ совѣщаніи съ старообрядцами, отправились въ Боташаны, гдѣ, по слухамъ, жилъ на покоѣ какой-то православный епископъ: оказалось, что епископъ дѣйствительно жилъ тамъ, но незадолго предъ тѣмъ временемъ скончался. Продолжая свои поиски, Павелъ и Алимпій задумали съѣздить въ Валахію, навѣдаться — нельзя ли тамъ позаимствоваться архіерействомъ; но даже и проѣхать чрезъ границу безъ разрѣшенія отъ валахскаго архіерея имъ не было дозволено. Вообще (замѣчаетъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Павла и Алимпія въ учрежденіи іерархіи) „кидались они по Молдавіи, какъ угорѣлые, искали епископа, чтобы купить, и однако не нашли" [2]).

Теперь уже ничего болѣе не оставалось, какъ направить стопы къ „бѣлоглавому Ливану". Прежде всего Павелъ и Алимпій, какъ и слѣдовало, поѣхали въ Константинополь, а на пути туда посѣтили живущихъ при Дунаѣ Некрасовцевъ.

41. Нѣсколько историческихъ свѣдѣній о добруджинскихъ Некрасовцахъ и некрасовскихъ селеніяхъ.

Первое появленіе русскихъ раскольниковъ за Дунаемъ относится къ началу XVIII столѣтія и находится въ связи съ извѣстнымъ возмущеніемъ донскихъ казаковъ подъ предводи-

---

[1]) *Зап.* о. Онуфрія.

[2]) Ин. Онуфрій, тамъ же.

тельствомъ атамана Булавина въ царствованіе императора Петра. Когда царскія войска стали одолѣвать бунтовщиковъ и началась Петровская расправа съ полоненными, одинъ изъ сподвижниковъ Булавина, атаманъ Игнатій Некрасовъ, рѣшился съ своею дружиной, состоявшею изъ 2000 казаковъ, бѣжать на Кубань, за россійскій рубежъ, во владѣнія крымскаго хана.

Но во владѣніяхъ крымскаго хана Некрасовъ жилъ недолго. Еще въ царствованіе Петра, когда начались войны съ турками и русскія войска, направляясь къ турецкимъ предѣламъ, начали тревожить кубанскихъ поселенцевъ, Некрасовъ и бо́льшая часть казаковъ поднялись съ Кубани и пустились дальше — искать осѣдлаго мѣста во владѣніяхъ турецкаго султана. Султанъ принялъ казаковъ милостивно, далъ имъ позволеніе селиться по берегамъ Дуная, при впаденіи его въ Черное море, и жить по своимъ обычаямъ, только не нарушая вѣрности султанскому правительству и исправно являясь на службу въ военное время. Новые подданные султана, по имени своего предводителя Игната Некрасова, получили у турокъ названіе *Игнатъ-казаковъ*, а сами стали называться *Некрасовцами*.

Такъ явились первыя поселенія русскихъ старообрядцевъ на Дунаѣ, въ такъ называемой Добруджѣ. Это мѣсто, лежащее неподалеку отъ русскихъ границъ, впослѣдствіи, когда начались частыя войны съ турками, сдѣлалось передовымъ постомъ, куда направлялись обыкновенно русскія войска. Съ появленіемъ русскихъ войскъ, часть Некрасовцевъ обыкновенно переселялась изъ Добруджи во внутреннія области Турецкой имперіи. Правда, это были переселенія большею частію временныя, — съ прекращеніемъ войны, по минованіи опасности, переселенцы возвращались обыкновенно на свои старыя мѣста, въ свою Добруджу; но случалось, что иные изъ этихъ переселенцевъ предпочитали оставаться тамъ, куда на время загоняла ихъ нужда. Такимъ образомъ явились поселенія Некрасовцевъ даже въ мѣстахъ столь далекихъ отъ Добруджи и Дуная, какъ берега Эносскаго залива, гдѣ

существуетъ и доселѣ некрасовское селеніе Казакъ-кёй[1]), и даже малоазійскій берегъ Мраморнаго моря, гдѣ находится другое, болѣе извѣстное некрасовское селеніе съ турецкимъ названіемъ Бинъ-эвле (тысяча домовъ), иначе Майносъ, какъ обыкновенно зовутъ его сами Некрасовцы. Казакъ-кёй теперь ничтожное, полузабытое селеніе; Майносъ гораздо значительнѣе, но все-таки своему названію Бинъ-эвле далеко не соотвѣтствуетъ. Самую замѣчательную принадлежность Майноса составляетъ теперь то, что здѣсь сохранились во всей первобытной, неповрежденной чистотѣ своей казацкіе нравы и порядки временъ Некрасова съ товарищами: майносцы — это какимъ-то чуднымъ образомъ до нашего времени сохранившіеся въ азіатской глуши живые представители тѣхъ вольныхъ русскихъ людей, что въ началѣ XVIII вѣка пришли на Дунай съ береговъ Дона и Кубани[2]).

Добруджа, гдѣ первоначально поселились Некрасовцы, продолжала однакоже оставаться и остается главнымъ мѣстомъ жительства задунайскихъ раскольниковъ. Здѣсь раскольническое населеніе съ теченіемъ времени достигло весьма значительной цифры, и не столько путемъ естественнаго размноженія казацкихъ семей, сколько вслѣдствіе наплыва новыхъ бѣглецовъ изъ Россіи по проложенной Некрасовцами дорогѣ въ султанскія владѣнія. Новые русскіе выходцы уже вовсе не принадлежали къ потомкамъ славнаго войска донскаго: это были, какъ и въ липованскихъ селеніяхъ Буковины, тѣ изъ ревнителей „древняго благочестія“, которымъ почему-либо сдѣлалось не совсѣмъ удобно оставаться въ Россіи. Некрасовцы, по старому казацкому обычаю, радушно принимали

---

[1]) Еще два раскольническія селенія этого имени находятся на южномъ берегу Чернаго моря, одно при озерѣ Дерконъ, другое близъ Бафры.

[2]) Домашній и общественный бытъ майносскихъ Некрасовцевъ очень вѣрно и живо описанъ въ интересной статьѣ г. Иванова-Желудкова (Кельсіева): *Русское село въ Малой Азіи (Русскій Вѣст.*, т. LXI, стр. 413 — 451).

ихъ въ свое общество, и многіе изъ этихъ выходцевъ начали жить подъ именемъ и на правахъ Игнатъ-казаковъ, хотя тѣхъ казацкихъ качествъ, которыми отличаются прямые потомки Некрасовцевъ, пріобрѣсть уже не могли. Впрочемъ, большею частью они селились отдѣльно отъ казаковъ, по турецкимъ городамъ и мѣстечкамъ, или заводили свои собственныя поселенія. Изъ такихъ поселеній, гдѣ раскольники живутъ не на казацкихъ правахъ, извѣстны въ Турціи: *Камень* (неподалеку отъ Мачина), *Новинка* (близъ Гирсова), *Татарица* (на пути изъ Силистріи къ Туртукаю); кромѣ того, значительное число пришлыхъ изъ Россіи раскольниковъ живетъ въ Тульчѣ, Исакчѣ, Мачинѣ, Бабадагѣ (по раскольническому названію Бабȁ) и въ разныхъ мѣстечкахъ, разсѣянныхъ вдоль морскаго берега, до самаго Адріанополя, — до Ядрина, какъ называютъ его раскольники.

Средоточіе раскольническаго населенія въ Турціи составляютъ и понынѣ тѣ казацкія села, которыя были основаны первыми бѣжавшими съ Кубани Некрасовцами. Таковы именно слѣдующія три слободы, сплошь населенныя раскольниками: *Сары-кёй*[1]), *Слава* и *Журиловка*. Въ сороковыхъ годахъ эти коренныя некрасовскія селенія были довольно многолюдны и не бѣдны. Некрасовцы жили здѣсь на старыхъ казацкихъ правахъ: въ военное время обязаны были высылать молодыхъ людей на службу, въ мирное свободно занимались рыболовствомъ и иными промыслами, управлялись своими стариками и выборнымъ атаманомъ, судились своимъ собственнымъ судомъ въ казацкомъ „кругу", — держались вообще старыхъ казацкихъ обычаевъ.

Главнымъ связующимъ началомъ для некрасовскихъ обществъ служитъ не столько казачество съ его старинными вольностями, сколько та мнимо-старая вѣра, якобы гонимая на Руси отъ лѣтъ Никона патріарха, за которую ихъ предки,

---

[1]) Въ одномъ письмѣ Аркадія Славскаго находимъ объясненіе этого имени: „турецкимъ названіемъ Сары-кей, а по нашему *Желтое село*".

Булавинъ и Некрасовъ съ товарищами, возстали не меньше, чѣмъ за свою казацкую волю. Слѣпая приверженность къ этой „старой вѣрѣ“, соединенная съ сильною враждой противъ православія, къ сожалѣнію, удержалась въ ихъ обществахъ гораздо крѣпче, нежели самая любовь къ казачеству: она составляетъ общую и главную принадлежность всѣхъ добруджинскихъ Некрасовцевъ и держитъ ихъ въ тѣсномъ общеніи не только между собой, но и со всѣмъ задунайскимъ раскольническимъ населеніемъ. Замѣчательно, что здѣсь, у турецкихъ раскольниковъ, нѣтъ даже того раздробленія на секты, которое составляетъ общую принадлежность раскола и вноситъ столько вражды въ раскольническія общества: всѣ турецкіе раскольники, за ничтожными исключеніями, всегда принадлежали и принадлежатъ доселѣ къ поповщинскому согласію, хотя пріобрѣтеніе бѣглыхъ поповъ всегда представляло для нихъ не малыя трудности, такъ что бывали времена, когда во всей Добруджѣ не имѣлось ни одного раскольническаго попа. Случалось также, что подъ именемъ поповъ жили и дѣйствовали у Некрасовцевъ разные бродяги, никогда не имѣвшіе священнаго сана, — жили, разумѣется, до перваго случая, открывавшаго обманъ, и тогда надъ самозваннымъ попомъ, если не успѣвалъ онъ заблаговременно скрыться, чинилась короткая казацкая расправа: *въ куль — да въ воду*. И тѣ попы, которые приходили не съ фальшивыми ставленными грамотами, были въ нравственномъ отношеніи не много лучше бродягъ: сами Некрасовцы, при всемъ своемъ невѣжествѣ и грубости нравовъ, терпѣли ихъ только ради крайней нужды въ священствѣ, для совершенія необходимыхъ церковныхъ требъ, и за тѣмъ не ждали отъ нихъ ничего. Ни религіознаго, ни нравственнаго вліянія на свою паству некрасовскіе попы обыкновенно не имѣли, да и не думали имѣть. Крайне ограниченнымъ потребностямъ Некрасовцевъ въ этомъ отношеніи удовлетворяли ихъ уставщики и дьяки, ихъ старики-начетчики и живущіе между ними иноки.

Добруджинское иночество составляли главнымъ образомъ раскольническіе монахи, бѣжавшіе изъ Россіи, число которыхъ

значительно возрасло именно въ царствованіе императора Николя Павловича, когда на раскольническіе монастыри у насъ въ Россіи обращено было строгое вниманіе правительства, что и побуждало многихъ раскольническихъ иноковъ переселяться на болѣе спокойное жительство къ своимъ заграничнымъ единовѣрцамъ, — въ Австрію, въ Турцію, въ Придунайскія Княжества. Въ Добруджѣ нѣкоторые изъ иноковъ жили отдѣльными кельями, по близости некрасовскихъ селеній, и въ самыхъ селеніяхъ; но главнымъ пріютомъ задунайскаго раскольническаго иночества служилъ такъ называемый *Славскій скитъ*, расположенный въ трехъ верстахъ отъ Славы, среди лѣса, и, какъ всѣ раскольническіе скиты, состоящій изъ отдѣльныхъ хатокъ, или келій, разбросанныхъ безъ порядка вокругъ часовни. Основателемъ Славскаго скита и настоятелемъ его въ сороковыхъ годахъ былъ старецъ инокъ Макарій; а братство главнымъ образомъ составляли выходцы изъ русскихъ раскольническихъ монастырей и скитовъ: въ томъ числѣ были иноки и Лаврентьева монастыря, — уже извѣстные читателямъ Аркадій Дороѳеевъ, или Лысый[1]), Алимпій Вепринцевъ и др.

Когда слухъ о томъ, что буковинскіе раскольники затѣваютъ дѣло о пріобрѣтеніи архіерея для старообрядцевъ, дошелъ до некрасовскихъ селеній, здѣсь приняли его съ большимъ сочувствіемъ. Некрасовцамъ по душѣ была мысль имѣть свое собственное священство, навсегда избавиться отъ этихъ бѣглыхъ великороссійскихъ поповъ, которые имъ такъ опротивѣли, и пріобрѣтеніе которыхъ становилось все труднѣе и труднѣе. Впрочемъ были между ними и такіе, что смотрѣли не очень благосклонно на затѣю буковинскихъ искателей архіерейства.

42. Пребываніе Павла и Алимпія у Некрасовцевъ, въ Тульчѣ и Константинополѣ.

Въ Добружку, и именно въ Славскій монастырь, Павелъ и Алимпій пріѣхали 19 сентября 1845 года. Здѣсь пробыли

---

1) *Дороѳеевымъ* назывался онъ по имени своего евангельскаго отца, ибо въ иночество постриженъ былъ инокомъ Дороѳеемъ.

они двое сутокъ, бесѣдуя со старцами о своихъ предположеніяхъ и надеждахъ относительно учрежденія старообрядческаго архіерейства. Старцы Славскаго скита вполнѣ сочувствовали ихъ предпріятію, и, какъ истые представители старообрядцевъ, искренно вѣруя въ существованіе сокровенныхъ „древлеправославныхъ“ епископовъ, выражали особенное желаніе, чтобы пріобрѣтенъ былъ епископъ именно изъ таковыхъ: настоятель инокъ Макарій даже снабдилъ Павла и Алимпія посланіемъ къ знакомымъ своимъ, издавна живущимъ при берегахъ Нила „египетскимъ старцамъ“, которые, какъ онъ надѣялся, могли сообщить имъ свѣдѣнія о епископахъ „древняго благочестія“; славскіе отцы совѣтовали также не оставлять безъ вниманія и извѣстныя, обращающіеся между старообрядцами сказанія о томъ, гдѣ и какъ можно обрѣсти „древлеправославное епископство“. Павелъ смиренно внималъ этимъ старческимъ наставленіямъ и обѣщался въ точности оныя исполнить, хотя уже въ то время не имѣлъ никакого довѣрія къ раскольническимъ сказаніямъ о „древлеправославномъ епископствѣ“, которымъ такъ простодушно вѣрили еще славскіе отцы.

Между тѣмъ о прибытіи Павла и Алимпія въ Славскій монастырь скоро провѣдали въ трехъ некрасовскихъ селеніяхъ. Сарыкёйцы особенно желали узнать о намѣреніяхъ и надеждахъ инока Павла относительно пріобрѣтенія епископа: они послали нарочно въ славскій скитъ двухъ почетныхъ казаковъ — звать къ себѣ Павла и Алимпія. Въ ожиданіи гостей старики собрались въ домѣ казака Осипа Семенова Гончарова, гдѣ назначена была квартира для нихъ, и встрѣтили ихъ съ большимъ почетомъ. Здѣсь за трапезой Павелъ долго бесѣдовалъ съ стариками о своемъ дѣлѣ. Отъ Гончарова всѣ отправились къ уставщику Карпу Яковлеву, потомъ къ атаману Козьмѣ Василискову: и „просидѣли у него (пишетъ самъ Гончаровъ) даже до свѣту съ восторгомъ и великою любовію, даже не могли видѣть когда нощь прошла въ пріятномъ разговорѣ, даже никто изъ насъ той нощи и сна не принялъ ни мало“ [1]).

[1]) Эти и слѣдующія подробности о пребываніи инока Павла у Не-

Инокъ Павелъ хорошо понималъ, что для успѣшнаго окончанія предпріятія ему было весьма неизлишне заручиться расположеніемъ некрасовскихъ обществъ, и потому употребилъ все свое искусство, чтобы заслужить это расположеніе Въ Сарыкёѣ прожилъ онъ болѣе двухъ дней; видѣлся и бесѣдовалъ со всѣми почетнѣйшими лицами въ селеніи. Когда, наконецъ, Павелъ и Алимпій собирались ѣхать далѣе, сарыкёйцы не знали, чѣмъ выразить имъ свою признательность за посѣщеніе и какъ засвидѣтельствовать свое сочувствіе къ ихъ дѣлу: приготовили подводу, нанесли разныхъ дорожныхъ запасовъ, а Гончарову, человѣку бывалому, хорошо знавшему дорогу въ Царьградъ, поручили проводить гостей по крайней мѣрѣ до Тульчи и тамъ пристроить на покойную квартиру, пока найдутъ мѣсто на пороходѣ. На прощаньѣ, старики поклонились Павлу и Алимпію до земли и сказали: „даруй вамъ Господи получить вся благая“!'— вообще проводили ихъ съ великою честію.

Въ Тульчѣ Осипъ Семеновъ помѣстилъ путешественниковъ у самаго зажиточнаго изъ мѣстныхъ старообрядцевъ, Саввы Рукавишникова. Здѣсь инокъ Павелъ написалъ и вручилъ Гончарову для доставленія по принадлежности благодарственныя письма сарыкёйскому обществу и настоятелю Славскаго скита Макарію. Вообще, онъ былъ очень доволенъ пріемомъ, какой ему сдѣлали Некрасовцы; но здѣсь, въ Тульчѣ, пришлось ему встрѣтиться и съ однимъ изъ горячихъ противниковъ старообрядческаго архіерейства. Тамъ жилъ нѣкій инокъ Аркадій, называвшійся тульча̀нскимъ, человѣкъ не очень далекаго ума, но крайне самоувѣренный, даже съ притязаніями на прозорливость. Учрежденіе самостоятельной раскольнической іерархіи онъ, подобно Гусеву и нѣкоторымъ другимъ, почиталъ непозволительнымъ и опаснымъ нововведеніемъ, потому громко порицалъ затѣю бѣлокриницкихъ инóковъ. Павлу это было

красовцевъ мы заимствуемъ изъ сочиненія Гончарова: *Первое начатіе происшествія нашего духовнаго дѣла объ устроеніи епископа* (рукопись).

извѣстно; однакоже, предъ отъѣздомъ изъ Тульчи, уже отправляясь на пароходъ, онъ зашелъ къ Аркадію проститься, питая надежду, что смягчится его сердце. Побесѣдовали немного: Павелъ поднялся и говоритъ:

— Прости, отче, и благослови.

— Не благословляю, — отвѣчалъ Аркадій.

— Отче, благослови! — повторилъ Павелъ.

— Не благословляю! Не благословляю! — твердилъ непреклонный инокъ Аркадій.

Павелъ и Алимпій ушли отъ него съ огорченіемъ. Случилось же, что направляясь къ пароходной пристани встрѣтили они лаврентьевскихъ старцевъ, Аркадія и Евфросина, которые только что прибыли въ Тульчу на пути изъ Мануиловскаго монастыря въ Славскій скитъ. Такъ какъ до отъѣзда парохода оставалось еще довольно времени, то Павелъ возвратился съ ними въ домъ Рукавишникова, чтобы еще побесѣдовать о своемъ дѣлѣ. Потомъ всѣ проводили его до пароходной пристани. Прощаясь, Павелъ, сказалъ Аркадію Лаврентьевскому:

— Прости, отче, и благослови насъ на сіе дѣло!

Аркадій былъ поставленъ въ затрудненіе: ему не хотѣлось огорчить Павла рѣшительнымъ отказомъ; съ другой стороны онъ опасался дать благословеніе. Помолчавъ немного, Аркадій отвѣтилъ:

— Богъ да сотворитъ съ вами, якоже хощетъ!

Павелъ поклонился ему низко и сказалъ:

— Спаси Христосъ, отче!

„Смотрите обоихъ разумы, лаврентьевскаго Аркадія и тульча̀нскаго (замѣчаетъ по сему случаю Гончаровъ): они были въ одномъ сомнѣніи о епископѣ; но первый не оскорбилъ отца Павла о благословеніи, а тульча̀нскій Аркадій невѣжествомъ своимъ опечалилъ“ [1]).

Но самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для Павла и Алимпія было завязавшееся теперь знакомство ихъ съ самимъ Гончаровымъ, который нашелъ имъ весьма нужныхъ покровителей

---

[1]) *Первое начатіе происшествія...*

особаго рода. Гончаровъ, или Гончаръ, какъ обыкновенно звали его Некрасовцы, былъ весьма замѣчательною личностью среди добруджинскихъ раскольниковъ. Человѣкъ тонкій и умный, надѣленный рѣдкой памятью, неутомимо дѣятельный и предпріимчивый, словомъ — совершеннѣйшій типъ русскаго казака-Некрасовца, къ тому же умѣвшій говорить по-турецки, онъ имѣлъ тѣсныя связи съ польскою эмиграціей въ Константинополѣ и въ другихъ турецкихъ городахъ: самъ панъ Чайковскій (Садыкъ-паша) былъ въ числѣ его благопріятелей[1]). Принявъ во вниманіе, что Павелъ еще первый разъ ѣхалъ въ Константинополь и потомъ долженъ былъ отправиться въ далекія и опасныя странствія, не имѣя ни знакомыхъ, ни покровителей, Гончаровъ нашелъ не лишнимъ предложить ему покровительство этихъ своихъ друзей, у которыхъ повсюду имѣлись сильныя связи; да и въ главномъ дѣлѣ, въ пріисканіи епископа, эти покровители, по соображеніямъ Гончарова, могли оказать Павлу съ Алимпіемъ весьма важныя услуги и въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ, особенно же если бы потребовалась защита отъ какихъ-нибудь нападеній со стороны русскаго правительства. Павелъ какъ нельзя лучше оцѣнилъ всю важность предложенныхъ Гончаровымъ услугъ и принялъ ихъ съ величайшею благодарностію: съ этого времени онъ звалъ Іосифа Семеновича не только своимъ искреннимъ благопріятелемъ, но и незабвеннымъ благодѣтелемъ. Сами сарыкёйскіе Некрасовцы, хотя и невыгодно смотрѣли на сношенія Гончарова съ польскими агентами, но именно какъ человѣку сильному между прочимъ этими связями и поручили ему проводить Павла съ Алимпіемъ до Тульчи. Здѣсь Осипъ Семеновъ дѣй-

---

[1]) Объ отношеніяхъ Гончарова къ польской эмиграціи въ Константинополѣ говорится подробно въ другой нашей книгѣ: *Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій.* Любопытныя извѣстія объ нихъ и о самомъ Гончаровѣ сообщаются также въ статьѣ Кельсіева: *Польскіе агенты въ Царь-Градѣ (Русск. Вѣстн.* (т. LXXXIV). Мѣткую характеристику Гончарова написалъ и Герценъ въ своей статьѣ о Кельсіевѣ, напечатанной въ Сборникѣ его посмертныхъ сочиненій (стр. 160—162). См. *Брат. Сл.* 1889 г. т. 11, стр. 696—701.

ствительно представилъ ихъ постоянно живущему въ Тульчѣ эмиссару польской эмиграціи, Жуковскому [1]). Объяснивъ сущность дѣла, ради котораго странствуютъ липованскіе иноки, Гончаровъ просилъ Жуковскаго рекомендовать сихъ иноковъ и самое ихъ дѣло покровительству эмиграціи въ Константинополѣ и въ иныхъ мѣстахъ, куда позоветъ ихъ надобность. Члены польской эмиграціи, работавшіе въ Турецкой имперіи, чрезвычайно дорожили тогда своими связями съ раскольническимъ населеніемъ въ Турціи [2]); притомъ же въ самомъ предпріятіи основать раскольническую архіерейскую каѳедру Жуковскій съ перваго раза почуялъ недоброе для Россіи: понятно, что онъ принялъ Павла и Алимпія съ распростертыми объятіями, со всею готовностью предложилъ имъ мощное покровительство эмиграціи, и снабдилъ ихъ при отъѣздѣ въ Константинополь рекомендательными письмами къ пану Чайковскому и нѣкоторымъ близкимъ ко двору султана лицамъ польскаго происхожденія [3]).

Въ Константинополѣ Садыкъ-Паша принялъ Павла и Алимпія, рекомендованныхъ Жуковскимъ и Гончаровымъ, со всей предупредительностью, и охотно предложилъ имъ свое покровительство и услуги. Распросивъ подробно о цѣли ихъ пріѣзда собственно въ Константинополь, Чайковскій, вопервыхъ, объяснилъ имъ, что входитъ въ какія-либо сношенія съ патріархомъ по дѣлу объ учрежденіи старообрядческой іерархіи никакъ не слѣдуетъ: „ибо (писалъ въ послѣдствіи инокъ Павелъ со словъ Чайковскаго) каждое слово будетъ вѣдомо русскому консулу, у коего тамъ, въ патріархіи, всегда присутствуетъ

---

[1]) О Жуковскомъ см. въ кн. *Расколъ, какъ орудіе партій,* на стр. 11 и въ прим.

[2]) См. въ той же книгѣ и въ упомянутой статьѣ Кельсіева.

[3]) *Записки* о. Онуфрія. О томъ, что благодаря рекомендаціи Гончарова нашелъ въ Царь-Градѣ сильное покровительство среди властей польскаго происхожденія, и самъ Павелъ, чрезвычайно осторожный на этотъ счетъ, упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

логоеетъ: *а духъ русскій всьмъ извѣстенъ!*" Затѣмъ онъ указалъ Павлу ближайшій способъ пріобрѣсти епископа,—именно совѣтовалъ обратиться къ живущимъ въ Константинополѣ безмѣстнымъ архіереямъ: ибо „тамъ, въ одной окружности города (какъ опять писалъ инокъ Павелъ со словъ Чайковскаго), находится шесть патріарховъ и болѣе двадцати архіереевъ, удаленныхъ отъ своихъ епархій по прихотямъ Порты, но изверженію, или запрещенію не подлежащихъ, — они всѣ свободны, когда только восхотятъ—и священнодѣйствуютъ надлежащимъ порядкомъ, по чину архіерейскому" [1]). О существованіи такихъ „безмѣстныхъ" архіереевъ въ Царѣградѣ Павлу и прежде было извѣстно, — на нихъ именно онъ и разсчитывалъ больше всего, предпринимая сюда путешествіе; со стороны Чайковскаго важна была собственно та услуга, что онъ, чрезъ своихъ агентовъ, могъ собрать и сообщить Павлу точныя свѣдѣнія объ этихъ существовавшихъ въ Константинополѣ епископахъ, и именно бралъ это дѣло на себя, посовѣтовавъ Павлу въ него не вмѣшиваться лично изъ опасенія тогоже „всѣмъ извѣстнаго русскаго духа". А въ отклоненіе всякихъ подозрѣній со стороны греческихъ и русскихъ „шпіоновъ", Чайковскій находилъ полезнымъ для Павла и Алимпія, чтобы они на время и совсѣмъ уѣхали изъ Константинополя. Не могъ не видѣть инокъ Павелъ всей разумности этихъ совѣтовъ, равно какъ всей искренности, съ какой они давались, — и преисполнился глубочайшею благодарностью къ своему вельможному другу. Предложеніе уѣхать на время изъ Константинополя онъ могъ исполнить тѣмъ удобнѣе, что во всякомъ случаѣ ему необходимо было, ради успокоенія старообрядцевъ и для очищенія совѣсти, совершить путешествіе въ Сирію, Палестину и Египетъ, — въ страны якобы обитаемыя „древлеправославными епископами". Въ это путешествіе могъ онъ немедленно отправиться, предоставивъ новымъ друзьямъ своимъ заботу о пріисканіи въ Царѣ-градѣ „желаемаго предмета". Чай-

---

[1]) Письмо Павла къ Геронтію изъ Дарданеллъ, изъ карантина. См. *Перепис. руск. дѣят.* вып. 1-й, стр. 61.

ковскій, съ своей стороны, вполнѣ одобрилъ этотъ планъ, и, отпуская Павла и Алимпія въ далекое странствіе, снабдилъ ихъ рекомендательными письмами къ членамъ польской эмиграціи въ Бейрутѣ, Яффѣ, Каирѣ и другихъ мѣстахъ, — новая услуга, которую очень дорого цѣнилъ инокъ Павелъ[1]).

43. Странствіе Павла и Алимпія по Сиріи и Палестинѣ.

Итакъ бѣлокриницкіе странствователи отправились въ Сирію, Палестину и Египетъ, оставивъ въ Константинополѣ, свое дѣло на попеченіе пана Чайковскаго съ товарищами. Теперь, когда инокъ Павелъ могъ питать уже несомнѣнную надежду на пріобрѣтеніе епископа изъ числа безмѣстныхъ, проживающихъ въ Ккнстантинополѣ, путешествіе въ Сирію и прочія страны онъ предпринималъ, не столько для того, чтобы искать тамъ потребнаго для бѣлокриницкой каѳедры архипастыря (хотя, разумѣется, не преминулъ бы воспользоваться представившимся къ тому случаемъ), сколько съ двумя слѣдующими цѣлями: 1) навести точныя справки о мнимыхъ „древлеправославныхъ" епископахъ, якобы тамъ обитающихъ, чтобы можно было такимъ образомъ дать рѣшительный отвѣтъ тѣмъ старообрядцамъ, которые простодушно вѣрили въ существованіе такихъ епископовъ; 2) личнымъ наблюденіемъ дознать, какое крещеніе употребляется у живущихъ тамъ христіанъ, — трехпогружательное, или обливательное, такъ какъ именно вопросъ о крещеніи былъ единственнымъ, рѣшеніе котораго считалъ онъ необходимымъ „для безсумнительнаго пріятія приходящихъ священныхъ лицъ въ сущемъ ихъ санѣ". Изъ сво-

---

[1]) Объ этихъ рекомендаціяхъ инокъ Онуфрій пишетъ въ своихъ *запискахъ:* „въ Царѣградѣ они (Павелъ и Алимпій) были снабжены письмами къ другимъ агентамъ, подобнымъ цареградскимъ, и нашихъ пословъ передавали одинъ другому изъ Дамаска въ Іерусалимъ, изъ Іерусалима въ Каиръ, Александрію и обратно въ Царь. градъ". О рекомендательныхъ письмахъ отъ цареградскихъ „благодѣтельныхъ пановъ" упоминаетъ и самъ Павелъ въ письмахъ къ Геронтію.

ихъ странствій по Сиріи, Палестинѣ и Египту инокъ Павелъ писалъ пространныя, весьма примѣчательныя письма къ Геронтію, очевидно съ тою цѣлію, чтобы письма эти изъ Бѣлой-Криницы были сообщаемы во всѣ главныя старообрядческія общества: въ нихъ онъ излагалъ преимущественно свои наблюденія именно по двумъ указаннымъ пунктамъ[1]).

Любезно распрощавшись съ своими цареградскими благодѣтелями, провожавшими ихъ до пристани, Павелъ и Алимпій сѣли на пароходъ вмѣстѣ съ пассажирами, отправлявшимися

---

[1]) Всѣхъ писемъ было три: одно изъ Бейрута, писанное на возвратномъ пути изъ Сиріи, другое изъ Іерусалима (отъ 3-го декабря 1845 года), третье изъ карантина въ Дарданеллахъ (отъ 12-го февраля 1846 года). Переписка шла чрезъ посредство тѣхъ польскихъ агентовъ, подъ покровительствомъ которыхъ Павелъ и Алимпій путешествовали: въ письмѣ изъ Іерусалима Павелъ говоритъ, напримѣръ: „Письмо сіе, запечатавъ, посылаемъ съ надписью *благодѣтелю нашему въ Яффу*, и просимъ, когда будетъ случай, съ почтой или оказіей (потому что почта здѣсь необстоятельная), отправить *на благодѣтелей нашихъ въ Константинополь*, а тыя, получа, безъ сумнѣнія не задержатъ и къ вамъ пришлютъ оттоль почтой". Еще: „Мы льстились надеждой воспользоваться какимъ-нибудь съ вашей стороны извѣстіемъ *чрезъ посредство цареградскихъ нашихъ благодѣтелей*, коимъ извѣстенъ ходъ къ намъ въ Іерусалимъ *чрезъ друзей ихъ въ Байрутѣ и Яффѣ*". А что письма дѣйствительно назначались для общаго чтенія старообрядцевъ и по многимъ мѣстамъ читались, это несомнѣнно. Такъ въ Сарыкёѣ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1849 г., читали уже письмо Павла изъ Дарданеллъ, гдѣ говорилось: „какъ они были въ Сиріи и во Аравіи, во Іерусалимѣ и во Египтѣ, во Александріи и даже во всей Палестинѣ... и всѣ удивлялись его мудрому описанію и путешествію ихъ" (Гончар. *Первое начатіе происшествія нашего дѣла о епископѣ)*. Въ 1847 году, пріѣзжавшій въ Бѣлую-Криницу за муромъ, В. В. Борисовъ взялъ подлинныя Павловы письма въ Москву, чтобы сообщить ихъ и московскимъ старообрядцамъ. Впослѣдствіи Павелъ поручалъ Геронтію, находившемуся въ Москвѣ, привезти съ собою эти подлинники: „когда будете возвращаться, тогда, если будетъ возможно, слѣдовало бы подлинныя взять отъ Василья Васильича моей руки письма, писанныя въ монастырь *изъ Іерусалима и Царьграда*, съ прочими забранныя Васильемъ Васильичемъ" (Пис. отъ 27-го мая 1847 г.). Но Василій Васильичъ, по причинѣ наставшихъ для Геронтія и для

въ Іерусалимъ на поклоненіе гробу Господню. Предположивъ начать свои странствія съ патріархіи Антіохійской, Павелъ и Алимпій вышли на берегъ въ Бейрутѣ.

Совершивъ трудный переходъ черезъ Ливанскія горы, они направили путь прямо къ Дамаску, въ мѣстопребываніе Антіохійскаго патріарха. Всѣ христіане, какихъ случалось имъ встрѣчать на этомъ пути, крестились троеперстно, значитъ, по ихъ понятію, были неправославные; о существованіи епископовъ глаголемыхъ „древлеправославныхъ", и вообще старообрядцевъ, здѣсь не было и слуху. Особое вниманіе Павелъ обратилъ на существующихъ въ Сиріи послѣдователей древнихъ, современныхъ вселенскимъ соборамъ, сектъ, и именно тѣхъ, которыя поименованы въ 95 правилѣ шестаго вселенскаго собора, какъ подлежащія пріятію третьимъ чиномъ, каковы: несторіане, евтихіане и северіане. Наблюденія надъ ними производилъ онъ съ тою цѣлію, чтобы рѣшить, нельзя-ли будетъ въ случаѣ крайности заимствоваться отъ нихъ епископомъ, — и вотъ къ какимъ пришелъ заключеніямъ: „Еретиковъ этихъ — несторіановъ, евтихіановъ, северіановъ и прочихъ, кои по 95 правилу шестаго вселенскаго собора могутъ приняты быть въ православіе третьимъ чиномъ, мы видѣли, церкви ихъ и богослуженіе смотрѣли; но теперь просить ихъ архипастырей въ нашу вѣру не разсудили, по причинамъ слѣдующимъ: а) самые главные догматы ихъ вѣры, за которые они соборами осуждены, столь богопротивны, что греки благочестіемъ догмата вѣры о самомъ Богѣ отстоятъ отъ нихъ

него самого смутныхъ обстоятельствъ, не только не возвратилъ подлинниковъ въ Бѣлую-Криницу, но и совсѣмъ ихъ затерялъ. Въ Москвѣ ходили впрочемъ по рукамъ списки, сдѣланные съ этихъ знаменитыхъ писемъ, но очень рѣдкіе. Этими письмами Павла изъ Іерусалима и Дарданеллъ мы главнымъ образомъ и будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ разсказѣ. (Они напечатали: см. *Перепис. раск. дѣят.* вып. I, стр. 5—63). Что же касается письма изъ Бейрута, то его не имѣется, да едва ли оно и дошло до Бѣлой-Криницы: по крайней мѣрѣ В. В. Борисовъ могъ взять оттуда только два письма: *изъ Іерусалима и Царьграда.*

столь высоко, какъ небо отъ земли; б) наружные церковные обряды ихъ, не говоря предъ нашими, но и предъ греческими, весьма отвратительны; каждая изъ нихъ ересь въ своихъ догматахъ и преданіяхъ столь укоренѣвши, что поколебать ихъ архипастырей весьма трудно". Оставалось навѣдаться у здѣшнихъ православныхъ грековъ, нельзя ли отъ нихъ получить епископа. Павелъ нашелъ доступъ къ самому патріарху Антіохійскому Макарію; но изъ личной бесѣды съ нимъ вынесъ убѣжденіе въ совершенной невозможности и отсюда заимствоваться епископствомъ: „Были мы въ Дамаскѣ (писалъ онъ) и лично съ греческимъ Антіохійскимъ патріархомъ говорили, который, по замѣчанію нашему, кажется, не можетъ даже и двинуться безъ вѣдома русскаго консула, подъ надзороиъ коего строится въ Дамаскѣ при патріархіи огромная каменная церковь во имя святителя Николы Чудотворца, отъ имени и иждивенія русскаго царя Николы: *то что́ тутъ можно сдѣлать?"* [1]). Притомъ же въ патріаршествѣ Антіохійскомъ совсѣмъ не было „безмѣстныхъ" епископовъ, на которыхъ собственно и разсчитывали бѣлокриницкіе ловители архіереевъ. Павелъ отмѣтилъ только, что повсюду здѣсь видѣлъ въ употребленіи трехпогружательное крещеніе.

Изъ Дамаска Павелъ и Алимпій возвратились въ Бейрутъ, и, дождавшись новаго парохода, поплыли въ Яффу. Здѣсь отъ одного *благодѣтельнаго пана* запаслись они рекомендательнымъ письмомъ къ русскому консулу и съ первымъ караваномъ отправились въ Іерусалимъ. Въ Іерусалимѣ они приняты были очень внимательно, и занялись осмотромъ святаго града и его окрестностей. Въ посланномъ отсюда письмѣ къ Геронтію Павелъ очень подробно описалъ іерусалимскія свои наблюденія и впечатлѣнія [2]). Изъ этого описанія видно, что онъ

---

[1]) Пис. изъ Іерусалима.

[2]) Прося извиненія у Геронтія за свои пространные разсказы о святыхъ мѣстахъ, вотъ чѣмъ объяснялъ ихъ Павелъ: „Простите насъ, Бога ради, что мы въ это письмо разсказовъ верхомъ насыпали и много *не о томъ, въ чемъ состоитъ ваше отъ насъ ожиданіе*. Но этому вниой были нѣкоторые праздные часы, въ коихъ,

смотрѣлъ съ свойственнымъ раскольнику предубѣжденіемъ на обладаемыя невѣрными святыя мѣста, хотя по временамъ, при посѣщеніи этихъ мѣстъ, какъ бы невольно подчинялся движенію религіознаго чувства. И здѣсь, въ странствіяхъ по Іерусалиму и его окрестностямъ, Павла занималъ всего больше главный „предметъ", ради котораго предпринято странствіе. Что здѣсь невозможно обрѣсти ни единаго именуемаго „древлеправославнаго" епископа, въ этомъ онъ скоро убѣдился, ибо и здѣсь повсюду видѣлъ троеперстіе и прочіе обряды, содержимые „никоніанами". Не видѣлъ онъ возможности предложить Бѣлокриницкую каѳедру и кому-нибудь изъ дѣйствительно-православныхъ епископовъ, даже потому, что здѣсь, какъ и въ Сиріи, безмѣстныхъ архіереевъ также вовсе не было: посему-то Павелъ во все время своего пребыванія въ Палестинѣ хранилъ объ этомъ предметѣ глубокое молчаніе. За то онъ весьма доволенъ былъ своими изысканіями объ употребляемомъ здѣсь способѣ крещенія. Изысканія же эти онъ производилъ съ величайшею внимательностью, и въ письмѣ своемъ къ Геронтію говоритъ о нихъ подробно. Здѣсь во-первыхъ, помѣстилъ онъ цѣлую статью „О крещеніи дѣтей арабскихъ въ Іерусалимѣ", во-вторыхъ — бесѣду съ греками въ Архангельскомъ монастырѣ о совершаемомъ у нихъ крещеніи. Въ описаніи крещенія арабскихъ дѣтей онъ сдѣлалъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій, такое общее заключеніе: „а крестятъ непремѣнно во всей даже окрестности іерусалимской совершенно тремя погруженіями, для того въ церквахъ имѣютъ по двѣ купели: одна обыкновенная—для новорожденныхъ, а другая, на случай, великая — для взрослыхъ". Чтобъ это общее заключеніе подтвердить еще болѣе, для того и вступилъ онъ въ бесѣду со старцами Архангельскаго монастыря, начавъ бесѣду именно вопросомъ: „давно ли у нихъ,

---

избѣгая скуки, занимались заочно съ вами бесѣдой, аки лично; и мы тѣмъ по крайней мѣрѣ утѣшались, что *намъ писать, а вамъ читать не нанимать стать,* и наипаче чувствую по себѣ, что если бы мы получили отъ васъ хотя втрое сего больше, почли бы то за удовольствіе" (Пис. изъ Іерусалима).

грековъ, стали крестить въ три погруженія?“ — „На вопросъ сей (пишетъ Павелъ) они просмѣялись, почли это за глупый вопросъ. Неужели мы, — тотчасъ возразили намъ, — о принятіи сего божественнаго догмата не знаемъ, что греки приняли крестить погруженіемъ въ водѣ отъ самого Іисуса Христа, крестившагося во Іорданѣ, что̀ самые уставы въ книгахъ греческихъ, какъ въ древнихъ, такъ точно и въ нынѣшнихъ, всякому умѣющему читать очевидно̀ свидѣтельствуютъ; а обливаніе есть римскаго папы преданіе, что̀ въ грекахъ называется схизма“. Далѣе Павелъ пространно излагаетъ, что̀ говорено было греками въ защиту постояннаго, неизмѣннаго употребленія у нихъ трехпогружательнаго крещенія противъ возраженій, которыя нарочно, искушая ихъ, предлагалъ имъ; сообщаетъ также и съ своей стороны нѣкоторыя новыя соображенія и доказательства въ подтвержденіе сдѣланныхъ греками показаній. Все это онъ писалъ, очевидно, съ цѣлію — убѣдить своихъ многочисленныхъ читателей, что старообрядцы несправедливо обвиняютъ грековъ въ обливаніи и что отъ грековъ, какъ несомнѣнно имѣющихъ трехпогружальное крещеніе, и самое священство къ принятію несумнительно.

Собравши въ Іерусалимѣ нужныя свѣдѣнія о крещеніи грековъ, Павелъ считалъ вполнѣ достигнутою цѣль своего путешествія въ Палестину и не видѣлъ уже надобности долѣе жить въ Іерусалимѣ: „теперь мы уже ни въ какія разглагольствія не простираемся, но, отъ всѣхъ уклоняясь, располагаемъ только свой планъ, и каждодневно пріискиваемъ случая, какъ бы скорѣе отправиться на предлежащее дѣло главной нашей препорученности“. Это значило, что Павелъ готовъ былъ ѣхать изъ Іерусалима прямо въ Константинополь, гдѣ производились уже Чайковскимъ и прочими его благопріятелями хлопоты „по дѣлу главной препорученности“, и путешествіе въ Египетъ даже не считалъ теперь особенно нужнымъ. Но ѣхать въ Константинополь не было возможности за неимѣніемъ „благонадежной оказіи“, и по причинѣ неблагопріятнаго для морскихъ путешествій времени, тѣмъ болѣе, что тогда не существовало еще правильныхъ пароходныхъ

рейсовъ изъ Бейрута и Яффы. Представился же случай пробраться въ Константинополь другимъ путемъ, очень далекимъ и опаснымъ, на который однакоже Павелъ и Алимпій по разнымъ соображеніямъ безотлагательно рѣшились. „Открылся случай ѣхать другою страной, чрезъ Аравію въ Синай, и полагаемъ, если Богъ благословитъ, нежели намъ на мѣстѣ сидѣть въ ожиданіи случая, лучше между тѣмъ отправиться въ Синай; а тамъ переѣдемъ Чермное, то-есть Красное море, гдѣ переходилъ Моисей, и побываемъ въ Египтѣ; потомъ чрезъ Александрію прямо въ Константинополь. И какъ говорятъ, что мы въ Александріи успѣемъ застать пароходъ, то этотъ путь нашъ продожится немного дольше, чѣмъ чрезъ Байрутъ, куда случая намъ еще не предвидится. Итакъ мы на это рѣшились. А наипаче сіе произволеніе наше состоитъ въ томъ, чтобы пройти тою страной *единственно для вѣрнаго свѣдѣнія и конечнаго успокоенія дальныхъ размышленій своихъ и прочихъ*“ [1]).

44. Пребываніе Павла и Алимпія въ Египтѣ и обратный путь въ Константинополь.

Изъ Іерусалима Павелъ и Алимпій выѣхали 12-го декабря 1845 года, проживъ тамъ ровно двадцать дней. Отъ Газы до Суэса шли болѣе трехъ недѣль, испытавъ всѣ лишенія и трудности путешествія на верблюдахъ по песчаной Аравійской пустынѣ. 6-го января 1846 года они пріѣхали въ Суэсъ и отправились далѣе, до Каира, также на верблюдахъ.

Въ Каирѣ Павелъ и Алимпій позаботились прежде всего отыскать тѣхъ старообрядческихъ старцевъ, къ которымъ имѣли посланіе отъ славскихъ отцовъ. Старцевъ этихъ было четверо; они жили на Булакѣ, близъ рѣки Нила, „питаясь отъ трудовъ рукъ своихъ“. Настоятель этого маленькаго братства – инокъ Симеонъ жилъ тамъ уже около сорока лѣтъ.

---

[1]) Пис. изъ Іерусалима.

„Какою же они радостью были обрадованы (повѣствуетъ Павелъ), какъ увидали насъ паче всякаго чаянія! — и приняли въ свою келью съ распростертыми объятіями, какъ присныхъ братій своихъ, и мы пробыли у нихъ дней шесть“. Подъ ихъ руководствомъ Павелъ и Алимпій осмотрѣли городъ, его окрестности и достопримѣчательности; наипаче же „разспрашивали у нихъ о тамошнихъ обстоятельствахъ и о разныхъ религіяхъ, такъ какъ имъ все обстоятельно тамъ извѣстно“ [1]). О церковныхъ обстоятельствахъ Павелъ и Алимпій узнали отъ нихъ, что съ епископами Александрійской патріархіи говорить о переходѣ въ старообрядчество нѣтъ никакой возможности, а безмѣстныхъ, которымъ можно было бы сдѣлать предложеніе, точно такъ же, какъ въ Сиріи и Палестинѣ, не имѣется. О „древлеправославныхъ“ же епископахъ, акибы крыющихся между прочимъ и въ Египтѣ, они отвѣчали рѣшительно, что здѣсь таковыхъ вовсе не существуетъ, и всѣ о нихъ слухи — совершенный вымыселъ [2]); наконецъ „о тамошнихъ религіяхъ засвидѣтельствовали, что не только восточные тамъ крестятъ въ три погруженія всеобдержно, но даже и католической вѣры также погружаютъ, подражая восточнымъ обычаямъ“. Такъ египетскіе старцы написали обо всемъ этомъ и славскимъ отцамъ, въ отвѣтъ на письмо ихъ [3]). Свиданіе съ этими египетскими старцами имѣло такимъ обра-

---

[1]) Письмо изъ карантина въ Дарданеллахъ. У этихъ, жившихъ въ Египтѣ старообрядцевъ, былъ во время своего странствія и инокъ Ираклій. Онъ также говорилъ, что нашелъ четырехъ старцевъ и что отецъ Симеонъ былъ „очень престарѣлый“ (*Чт. общ. ист. и др.* 1871 г. IV, отд. V, стр. 183).

[2]) Тоже они говорили и Ираклію съ товарищами: „иноки эти увѣряли насъ (писалъ Ираклій въ своемъ показаніи), что они сами ѣздили и искали даже по всему Нилу до Ѳеіопіи, но нигдѣ нашего согласія не встрѣчали“ (тамъ же).

[3]) Два отвѣтныя письма инока Симеона въ Славскій скитъ были вручены Павлу незапечатанныя: поэтому онъ, въ посланіи къ Геронтію изъ дарданельскаго карантина, не только изложилъ ихъ содержаніе, но даже снялъ съ нихъ копіи.

зомъ великую важность для Павла: на ихъ свидѣтельство онъ могъ смѣло опереться въ томъ, что̀ и самъ говорилъ о невозможности обрѣсти „древлеправославнаго“ епископа и о повсюдномъ существованіи у грековъ трехпогружательнаго крещенія. Старцы оказали Павлу съ Алимпіемъ и ту еще важную услугу, что подъ ихъ покровительствомъ они очень удобно жили въ Каирѣ и безпрепятственно устроили свой отъѣздъ въ Константинополь, чрезъ Александрію.

Въ Александріи Павелъ и Алимпій пробыли менѣе сутокъ: „ибо надобности въ ней уже не было“ послѣ того, какъ о всѣхъ „обстоятельствахъ“ они собрали точныя свѣдѣнія въ Каирѣ, главнымъ же образомъ потому, что представилась возможность немедленно (22 января) отправиться въ Константинополь. Въ Средиземномъ морѣ имъ пришлось выдержать страшную бурю. Также и въ Дарданельскомъ проливѣ пароходъ болѣе сутокъ боролся съ вѣтромъ, и только 30-го января удалось имъ высадиться въ карантинъ. Здѣсь, сидя въ карантинѣ, въ преддверіи Царяграда, Павелъ на свободѣ подводилъ итоги своихъ наблюденій во время трехмѣсячнаго странствованія по Сиріи, Палестинѣ и Египту. Свои заключенія, дальнѣйшіе планы и ожиданія онъ изложилъ въ пространномъ письмѣ къ Геронтію, писанномъ отсюда же, изъ Дарданельскаго карантина. Сущность этихъ Павловыхъ заключеній и ожиданій состояла въ слѣдующемъ: „Касательно настоящаго нашего дѣла о занятіи священствомъ отъ грековъ мы теперь *совѣстію совершенно спокойны*, потому что обтекли при помощи Божіей всѣ четыре греческія патріархіи и своими глазами ясно видѣли, что вездѣ у нихъ единообразно совершается крещеніе въ тріипостасное Божіе имя тремя погруженіями... А когда крещеніе отъ еретикъ пріято, то уже рукоположеніе *наипаче*... Отъ Цареградской патріархіи, гдѣ дѣйствительно трехпогружательное крещеніе производится, мы уже не сомнѣвались заимствоваться архіереемъ; но однако отправились во вселенную, — желательно было осмотрѣть и прочія восточныя патріархіи за Средиземнымъ моремъ; да еще льстились мы и другою надеждой, — не благоволитъ ли Богъ обрѣсти точно намъ единовѣрнаго

архіерея. Но теперь, сверхъ нашего краткаго по вселенной обтеченія и обозрѣнія, еще освѣдомились отъ отцевъ египетскихъ, что еслибъ угодно было Богу, то имъ, по столь долговременному въ тѣхъ странахъ обитанію и прилежному распытыванію, кажется, всѣхъ лучше и удобнѣе узнать бы можно, — однако они ничего о томъ не знаютъ. *Слѣдовательно, Богъ не благоволитъ намъ тѣхъ искать, если гдѣ и есть покровены Божіею рукою отъ знанія міра*; а намъ есть довольно возможное предоставлено средство — искать сообразно правиламъ соборнымъ... Поэтому нужно намъ было осмотрѣть въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египтѣ еще и прочія вѣры, которыя за ереси ихъ вселенскими соборами осуждены и проклятію преданы, но, по 95 правилу шестаго вселенскаго собора, достойны къ принятію въ православіе безъ покрещеванія". Еретиковъ этихъ — несторіанъ, евтихіанъ, северіанъ и др., какъ было уже сказано, Павелъ нашелъ по религіозному состоянію несравненно хуже грековъ. А на православныхъ епископовъ трехъ патріархій: Антіохійской, Іерусалимской и Александрійской, чтобъ они перешли въ расколъ, надежды не было. „Въ тамошнихъ мѣстахъ, въ Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египтѣ, свободныхъ епископовъ ни у грековъ, ни у прочихъ вовсе нѣтъ"; „уцѣломудрить" же кого-нибудь изъ сихъ дѣйствительныхъ епископовъ, то-есть обратить въ старообрядчество, по замѣчанію Павла, — „есть дѣло претрудное и только одного Бога". „А какъ мы *уже видѣли*, — продолжаетъ онъ, — въ Цареградѣ удобное средство, такъ что тамъ въ одной окружности шесть патріарховъ и болѣе двадцати архіереевъ, удаленныхъ отъ своихъ епархій по прихотямъ Порты, но изверженію, или запрещенію не подлежащихъ: то мы оставили тѣ мѣста и пріѣхали на здѣшній берегъ, гдѣ начнемъ дѣло обыкновеннымъ порядкомъ". И когда „желаемое получимъ, *какъ и не сумнѣваемся*, тогда воспоемъ благодарнымъ гласомъ: *Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!*" [1])

---

[1]) Письмо изъ Дарданеллъ.

45. Возвращеніе Павла и Алимпія въ Константинополь; неудачные переговоры съ однимъ изъ безмѣстныхъ епископовъ.

Высидѣвъ опредѣленный срокъ въ Дарданельскомъ карантинѣ, 15-го февраля 1846 года Павелъ и Алимпій возвратились въ Константинополь. Здѣсь, на пристани, ихъ ожидали цареградскія друзья и благодѣтели, которымъ они успѣли послать изъ карантина вѣсточку о своемъ пріѣздѣ: встрѣча была самая радушная [1]). Для Павла эта радушная встрѣча отъ покровителей-поляковъ была тѣмъ пріятнѣе, что теперь-то именно и предстояла надобность въ ихъ помощи и покровительствѣ. Въ отсутствіе Павла и Алимпія, ихъ константинопольскіе друзья, согласно обѣщанію, навели уже необходимыя справки — на кого изъ безмѣстныхъ архіереевъ могутъ они разсчитывать, какъ на способнаго принять ихъ предложенія. Справки оказались впрочемъ не особенно утѣшительны для искателей архіерейства: не взирая ни на какія нужды и лишенія, никто почти изъ православныхъ епископовъ не согласился и помыслить объ измѣнѣ православію. „Изъ числа толикаго множества архіереевъ (писалъ впослѣдствіи Павелъ) только два изъявили желаніе выслушать предложеніе (о Бѣлокриницкой каѳедрѣ), а то всѣ формально, съ перваго слова, какъ только услышатъ, что (нужно идти) въ чужую землю и другую религію, отряхивали руки, и просили отъити скорѣе прочь, чтобы кто не услышалъ и не узналъ бы патріархъ“ [2]).

---

[1]) Вотъ какъ описалъ эту встрѣчу Геронтій въ своемъ *Памятникѣ:* „На пристани, чрезъ чаянія, благодѣтельнѣйшими ихъ друзьями были встрѣчены, иже нетерпѣливо ожидавшими ихъ; съ неизреченною радостію охапившеся, другъ друга лобызаху и надолзѣ молчаху... И тако спѣшно со станціи влекоми бяху“.

[2]) *Письмо въ Торжокъ.* Письмо это писано отъ лица всего Бѣлокриницкаго братства, незадолго предъ чинопріятіемъ Амвросія, къ торжковскимъ старообрядцамъ, какимъ-то: Кирилѣ Павлычу, Григорію Филипычу и Ѳедору Иванычу, „истиннымъ древлеправославнаго благочестія ревнителямъ и святоотеческихъ преданій всеопаснымъ блюстителямъ“. Что Письмо павлова сочиненія — это не подлежитъ сомнѣнію Напечатано въ *Перепис. раск. дѣят.* вып. I, стр. 63—74.

Всю надежду пришлось возложить теперь на этихъ двухъ, оказавшихся менѣе неприступными. Чтобы войти въ переговоры съ ними, Павлу и Алимпію необходимъ былъ искусный, знающій языки посредникъ: друзья пріискали имъ способнаго къ этому дѣлу человѣка, — это былъ нѣкто Константинъ Огняновичъ, родомъ сербъ, человѣкъ довольно образованный и свободно объяснявшійся на нѣсколькихъ языкахъ, въ томъ числѣ по-гречески и по-русски, имѣвшій связи съ патріашимъ домомъ и многимъ изъ православныхъ епископовъ лично знакомый, къ тому же еще и австрійскій подданный, такъ какъ родина его была въ Банатѣ [1]). Онъ принялъ съ готовностью предложеніе состоять при Павлѣ и Алимпіѣ переводчикомъ и быть вообще посредникомъ въ ихъ переговорахъ съ православными епископами о занятіи архіерейской каѳедры у старообрядцевъ.

---

[1]) Павелъ въ письмѣ Геронтію изъ Браилова, отъ 8-го іюня 1846 года, писалъ объ Огняновичѣ: „Господинъ переводчикъ искренній и нелицемѣрный по нашему дѣлу другъ и нашъ землякъ, австрійскій подданный, но по религіи сербинъ, урожденецъ изъ Баната". Что Павлу рекомендовали Огняновича константинопольскіе поляки,— это мы слышали отъ отца Онуфрія. Впослѣдствіи старообрядцы, вообще избѣгавшіе упоминать объ участіи поляковъ въ учрежденіи Бѣлокриницкой іерархіи, говорили, что Огняновича рекомендовалъ Павлу собственно Гончаровъ. Вотъ что̀, напримѣръ, читаемъ въ *Сказаніи о первомъ учрежденіи нынѣ существующей іерархіи:* „Въ разговорахъ съ митрополитомъ Амвросіемъ инокамъ Алимпію и Павлу содѣйствовалъ Констинтинъ Ѳеимовичъ Огняновичъ, родомъ сербинъ, служившій (?) при Цареградской патріархіи, многоученый (?) человѣкъ и довольно знающій многіе языки, вступившій въ помощь страннымъ путешественникамъ по прошенію Осипа Семеновича Гончарова, главнокомандующаго (?) заграничныхъ казаковъ-некрасовцевъ, единовѣрнаго намъ христіанина". Впрочемъ Павелъ и Алимпій не брезговали и услугами жидовъ. Въ Константинополѣ они жили въ корчмѣ, которую содержала одна, выѣхавшая изъ Россіи жидовка, гдѣ обыкновенно имѣли пріютъ пріѣзжающіе сюда турецкіе раскольники. Сынъ этой жидовки—Рувимъ служилъ иногда Павлу и Алимпію за переводчика. Это сказывали о. архим. Павлу майносскіе старообрядцы, лично видѣвшіе здѣсь Павла и Алимпія (См. Путешествіе архим. Павла въ Іерусалимъ).

Итакъ, Павелъ и Алимпій, подъ покровительствомъ Чайковскаго и при посредствѣ Огняновича, рѣшились вступить въ переговоры съ двумя изъ проживавшихъ въ Константинополѣ безмѣстныхъ архіереевъ, изъявившими нѣкоторую готовность выслушать предложенія о Бѣлокриницкой каѳедрѣ. Первый, съ котораго начаты были переговоры и имя котораго въ точности намъ не извѣстно, по свидѣтельству Павла, „весьма занялся выслушиваніемъ бѣлокриницкихъ посланниковъ и черезъ многіе дни велъ съ ними бесѣду объ религіи“ [1]). У Павла, очевидно, составленъ былъ опредѣленный планъ, какъ вести бесѣду съ греческими епископами въ видахъ удобнѣйшаго склоненія ихъ въ пользу старообрядчества. Человѣкъ предусмотрительный, хорошо понимавшій характеръ лицъ, съ которыми велъ дѣло, и давно уже рѣшившій въ своей совѣсти, что ради доброй якобы цѣли дозволительно всякое лукавство, умолчаніе и искаженіе истины, онъ положилъ за правило: въ бесѣдахъ о старообрядчествѣ съ грековосточными епископами никакъ не упоминать о самомъ главномъ, — о томъ, что старообрядцы признаютъ Грековосточную церковь еретическою и что за это соборомъ греческихъ и россійскихъ іерарховъ въ 1667 году сами подвергнуты проклятію и отлученію отъ православной церкви. Онъ понималъ какъ нельзя лучше, что упомянуть объ этомъ греческому епископу, приглашать его къ переходу въ общество, православною церковію канонически отлученное и подвергнутое анаѳемѣ, значило бы съ перваго же раза положить конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ бесѣдамъ о старообрядчествѣ; умолчать же объ этомъ главнѣйшемъ пунктѣ онъ имѣлъ полную возможность, такъ какъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ раскола къ православію въ то

---

[1]) *Пис. въ Торжокъ.* Въ письмѣ этомъ, изъ котораго собственно и узнаемъ, что были переговоры съ другимъ епископомъ, кромѣ Амвросія, Павелъ намѣренно не назвалъ его имени: „не поясняемъ при семъ имя его“. По словамъ о. Онуфрія, епископа этого звали Кирилломъ; но какую занималъ онъ каѳедру предъ тѣмъ, какъ отозванъ въ Константинополь, это о. Онуфію было не извѣстно.

время, такъ же какъ и нынѣ, не имѣли понятія даже тѣ весьма немногіе изъ греческихъ пастырей, которые считали себя знакомыми съ исторіей церкви россійской. Минуя такимъ образомъ самую сущность дѣла, Павелъ въ своихъ бесѣдахъ съ совращаемыми епископами намѣренъ былъ ограничиться указаніемъ, что старообрядчество содержитъ обряды, отличные отъ обрядовъ греко-россійской церкви, и что въ этомъ отношеніи имѣетъ предъ сею послѣднею великое преимущество, такъ какъ будто бы въ своихъ обрядахъ осталось вполнѣ вѣрнымъ священной древности, греко-россійская же церковь, принявъ якобы новые обряды, чрезъ то самое отступила отъ святоотеческихъ преданій. Правда, онъ хорошо понималъ, что нельзя будетъ ограничиться только этими уклончивыми объясненіями, что рано или поздно епископу, убѣжденному, или убѣждаемому перейти въ старообрядчество, нужно будетъ сказать и о томъ, что онъ обязанъ будетъ, переходя въ старообрядчество, отречься отъ православной церкви, признать ее еретическою, и самъ, яко еретикъ, подвергнуться извѣстному чиноприятію. Но когда и какъ приступить къ такимъ щекотливымъ объясненіямъ, на это Павелъ намѣренъ былъ ожидать указанія отъ будущихъ обстоятельствъ, полагаясь притомъ, какъ любилъ выражаться, на „судьбы Божіи", которыя все устроятъ къ лучшему; теперь же считалъ необходимымъ въ бесѣдахъ съ инославными епископами соблюдать именно указанную выше „благоразумную" осторожность и уклончивость, не входя въ объясненія о томъ, что̀ имъ надлежало бы вѣдать прежде всего и что̀ однакоже до времени опасно было сообщать имъ.

Такъ и ведены были бесѣды съ первымъ изъ греческихъ епископовъ, изъявившимъ готовность выслушать бѣлокриницкія предложенія. Со стороны внѣшней законности дѣло о занятіи, съ разрѣшенія австрійскаго правительства, архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ не представляло ничего сомнительнаго; вопросъ заключался собственно въ томъ, какія отношенія должна имѣть новая архіерейская каѳедра къ православной іерархіи вообще, или — чѣмъ будетъ отличаться старообряд-

ческій епископъ отъ православнаго. Бесѣда должна была такимъ образомъ сосредоточиться на различіи между старообрядчествомъ и православіемъ. Различіе Павелъ указалъ именно въ обрядахъ, — и, ставши на эту почву, гдѣ онъ чувствовалъ себя особенно сильнымъ, представилъ многочисленныя свидѣльства въ подтвержденіе правильности и древности такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ. Свидѣтельства эти, истинное значеніе которыхъ могъ оцѣнить только человѣкъ хорошо изучившій старообрядческую литературу, произвели желаемое впечатлѣніе: собесѣдникъ Павла не нашелъ основанія отвергнуть древность и правильность защищаемыхъ имъ обрядовъ, тѣмъ больше, что въ объясненіяхъ Павла не слышалъ ничего противнаго православному ученію. Потому употребленіе такъ-называемыхъ старыхъ обрядовъ, онъ не признавалъ противозаконнымъ; но съ этимъ вмѣстѣ и относительно правильности обрядовъ церкви греческой не допускалъ никакого сомнѣнія, и всѣ предъявленныя Павломъ возраженія противъ нихъ отвергалъ, какъ не имѣющія силы. Признавъ такимъ образомъ, что главное, чѣмъ будто бы отличается такъ-называемое старообрядчество отъ православія, ничего существенно-важнаго не представляетъ, онъ соглашался принять на себя званіе старообрядческаго епископа, но такъ, чтобы и онъ самъ и его паства находились въ полномъ общеніи съ православною церковію, къ каковому общенію никакого препятствія въ старообрядчествѣ, по его мнѣнію, не обрѣталось. Выслушавъ это, Павелъ нашелъ, что нужно открыть собесѣднику хотя отчасти то, чего до времени не хотѣлось бы открывать, — и со всею осторожностію онъ объяснилъ, что принявши такъ-называемые старые обряды, нужно будетъ навсегда уже отказаться не только отъ новыхъ обрядовъ, но и отъ самой церкви, которая эти обряды содержитъ, и отреченіе отъ нихъ учинить законнымъ образомъ, по правиламъ. Одного указанія на это было достаточно, чтобы православный епископъ, доселѣ такъ довѣрчиво слушавшій сладкоглаголивую бесѣду Павла о древности и правильности именуемыхъ старыхъ обрядовъ, теперь, понявши въ чемъ дѣло, съ негодованіемъ прекратилъ

всякія сношенія съ бѣлокриницкими обольстителями: „когда ему предложено было (повѣствуетъ самъ Павелъ), что онъ долженъ будетъ приступить на староцерковныя преданія *законнымъ образомъ* и къ тому *не мѣшать сладкое съ горькимъ*, то въ тотъ-же часъ и сей отряхнулъ руки, и рѣшительно отказалъ, *и горше всѣхъ сдѣлался неприступенъ*“ [1]).

Теперь оставалось обратиться къ другому изъ безмѣстныхъ греческихъ епископовъ, подававшему нѣкоторыя надежды на принятіе бѣлокриницкихъ предложеній. Это былъ именно — лишенный каѳедры Босно-Сараевскій митрополитъ Амвросій.

46. Краткая біографія Амвросія.

Амвросій родился въ 1791 году. Онъ былъ сынъ одного священника румелійскаго города Эноса. По окончаніи курса богословскихъ наукъ, въ 1811 году, 20-ти лѣтъ отъ роду, эносскимъ митрополитомъ Матѳеемъ поставленъ во священника. Овдовѣвши чрезъ два года, онъ былъ еще нѣкоторое время въ должности приходскаго священника, и потомъ рѣшился принять постриженіе въ иноки. Это было въ 1817 году; Амвросій имѣлъ тогда отъ роду 27 лѣтъ. Служба Амвросія шла вообще довольно успѣшно. Въ 1823 году онъ сдѣланъ,въ санѣ игумена, настоятелемъ Троицкаго монастыря, чтó на островѣ Халки; въ 1827 году, по желанію Константинопольскаго патріарха Константія, переведенъ въ настоятели же Мека-ревмской церкви, чтó въ Босфорѣ, а потомъ патріархъ Константій взялъ его на должность протосингелла великой церкви. Наконецъ въ 1835 году патріархомъ Григоріемъ возведенъ былъ въ санъ митрополита на Босно-Сараевскую каѳедру. По свидѣтельству одной Боснійской „Лѣтописи“ [2]), Амвросій былъ лучшимъ изъ греческихъ архіереевъ, являвшихся въ Боснію и вообще не пользовавшихся расположеніемъ народа, — онъ былъ добръ,

---

1) *Пис. въ Торжокъ.*

2) Стаки Скендеровой *Лѣтопись Босніи* (Зап. Имп. рус. географическаго общ. кн. XIII, стр. 587).

нелюбостяжателенъ, заботился объ угнетенномъ народѣ. Защищая народные интересы, онъ вошелъ въ столкновеніе съ турецкими правителями Босніи, и по ихъ настояніямъ въ 1840 г., послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Сараевѣ, былъ отозванъ въ Константинополь.

Не зная за собою никакой вины, Амвросій ѣхалъ въ Константинополь не безъ надежды получить по крайней мѣрѣ новую епархію. Но эта надежда оказалась напрасною, и митрополитъ Амвросій поступилъ въ число безмѣстныхъ архіереевъ, во множествѣ существовавшихъ тогда въ Константинополѣ и влачившихъ жалкую жизнь, среди униженій и лишеній всякаго рода [1]). Положеніе Амвросія, можно сказать, было еще бѣдственнѣе, чѣмъ положеніе его сотоварищей. При постоянной мысли объ оказанной ему несправедливости, при горькихъ разочарованіяхъ въ своей надеждѣ на полученіе каѳедры, онъ долженъ былъ испытывать еще тяжелыя матеріальныя лишенія, такъ какъ имѣлъ женатаго сына, который жилъ при немъ безъ всякихъ занятій. Скудной пенсіи, которая выдавалась ему изъ патріархіи [2]), и случайныхъ ничтожныхъ доходовъ, для полученія которыхъ приходилось столько унижаться, едва доставало ему съ сыномъ на самыя необходимыя потребности; а

---

[1]) Вотъ что̀, напримѣръ, говоритъ объ нихъ Надеждинъ: „Эти безмѣстные архіереи, во всѣхъ отношеніяхъ, суть крайній позоръ своего сана. Ихъ находится даже не мало въ Молдавіи и Валахіи, и я видалъ неоднократно собственными глазами, какъ они — въ Яссахъ, или Букурештѣ — взявъ подмышку узелъ съ своимъ архіерейскимъ облаченіемъ, бѣгутъ на похороны, чтобы получить за работу какую-нибудь полтину серебра, или много карбованецъ“ (*Сборн. Кельс.*, ч. 2, стр. 273).

[2]) Что Амвросій получалъ вспоможеніе изъ патріархіи, это подтверждается собранными о немъ свѣдѣніями нашего посольства въ Константинополѣ: г. Устиновъ, отъ 14-го (26-го) марта 1847 г. доносилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что „Амвросій проживалъ въ Константинополѣ въ бѣдномъ положеніи, при оказываемыхъ ему впрочемъ ежемѣсячныхъ пособіяхъ изъ патріархіи (*Сборн. Кельс.*, ч. 2, стр. 294). То же подтверждается и другими извѣстіями: Зубрицкій, напр., писалъ, что Амвросій „получалъ *скудное* подаяніе отъ казны“ (пис. къ М. П. Погодину).

невѣстку пришлось даже отправить на жительство къ ея роднымъ въ Боснію. Въ такомъ положеніи провелъ Амвросій около пяти лѣтъ, и въ теченіе этого времени, подъ вліяніемъ огорченій и нуждъ всякаго рода, вспиталась въ душѣ его глубокая вражда къ константинопольскому церковному правительству, и вообще послѣдовала печальная перемѣна въ его характерѣ. Еще болѣе почувствовалъ Амвросій тяжесть своего безвыходнаго положенія, когда на патріаршій престолъ возведенъ былъ Анѳимъ 3-й, дотолѣ находившійся въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ. Съ избраніемъ Анѳима на патріаршество Амвросій возымѣлъ надежду на полученіе какой-нибудь каѳедры. Праздныя архіерейскія каѳедры открывались; но патріархъ Анѳимъ замѣщалъ ихъ молодыми людьми изъ своихъ приближенныхъ, объ Амвросіѣ же оставилъ всякое попеченіе[1]). Это было самымъ чувствительнымъ для него ударомъ: онъ понялъ, что теперь окончательно погибла всякая надежда на облегченіе его участи въ Константинополѣ; а глубокая затаенная вражда, которую съ тѣхъ поръ сталъ онъ питать къ своему бывшему пріятелю—новому патріарху, дѣлала его цареградскую жизнь, подъ надзоромъ и на нищенскомъ жалованьѣ у этого самаго патріарха, еще болѣе невыносимою...

Въ такомъ положеніи находился митрополитъ Амвросій, когда явились къ нему Павелъ и Алимпій съ предложеніемъ занять открываемую въ Бѣлой-Криницѣ съ разрѣшенія австрійскаго правительства архіерейскую каѳедру у буковинскихъ старообрядцевъ.

47. Первыя сношенія Павла и Алимпія съ Амвросіемъ и его сыномъ.

Первоначально и Амвросій, подобно прочимъ епископамъ, отвѣчалъ на предложеніе бѣлокриницкихъ депутатовъ рѣшительнымъ отказомъ, видя въ немъ оскорбленіе и православной вѣры и своего епископскаго достоинства. „Казалось ему (разсказываетъ Павелъ), что если отступить отъ своей религіи,

---

1) Объясненія Амвросія графу Инцаги (*Бѣл. арх.*).

то какъ-бы отступить отъ самого Бога, ибо всѣ греки вообще такъ говорятъ, что ихъ вѣра, вкупѣ съ великороссійскою, надъ всѣми въ цѣломъ свѣтѣ вѣрами, какъ солнце надъ землею, благочестіемъ сіяетъ. Итакъ митрополитъ сперва отказалъ, яко боится и помыслить, чтобы отступить отъ своего патріарха и отъ своей греческой церкви" [1]). Отказу Амвросія Павелъ и Алимпій однако-же не придали такой важности, какъ подобнымъ отказамъ прочихъ православныхъ епископовъ. Они надѣялись мало-по-малу дать иное направленіе его мыслямъ, воспользовавшись для этого именно крайне затруднительнымъ его положеніемъ, о которомъ имѣли самыя точныя свѣдѣнія. Здѣсь они намѣрены были приложить къ дѣлу тотъ-же, хорошо знакомый имъ, способъ совращенія въ расколъ посредствомъ обѣщанія житейскихъ выгодъ, который съ такимъ успѣхомъ обыкновенно употреблялся у раскольниковъ для пріобрѣтенія бѣглыхъ поповъ изъ среды угнетеннаго нуждой православнаго духовенства.

Теперь, однакоже, приходилось повторить давно извѣстный опытъ въ размѣрахъ, такъ сказать, грандіозныхъ и съ лицомъ, по своему іерархическому значенію и особенно по своимъ личнымъ качествамъ, стоявшимъ несравненно выше того класса людей, откуда обыкновенно набирались у раскольниковъ бѣглые попы. Требовалось поэтому вести дѣло съ большою осмотрительностью и ловкостью. Амвросія они оставили до времени въ покоѣ, а все вниманіе устремили на его сына — Георгія. Съ этимъ молодымъ еще человѣкомъ, особенно тяготившимся своимъ крайне стѣсненнымъ положеніемъ, гораздо легче было, по ихъ соображеніямъ, завязать бесѣды о представляющемся для него удобномъ случаѣ — измѣнить свою бѣдную жизнь, полную лишеній всякаго рода, на совершенно обезпеченную, въ изобиліи и довольствѣ, и объяснить ему, что для этого нужно будетъ его отцу пожертвовать весьма немногимъ,—отречься только отъ подчиненія той высшей іерархической власти, кото-

---

[1]) Пис. въ Торжокъ. (Напеч. См. *Перепис. раскол. дѣят.* вып. 1, стр. 63—74).

рая собственно и виновата во всѣхъ его заключеніяхъ, вовсе не измѣняя притомъ ни древлеправославному ученію, ни древлеправославной церкви. А склонивши на свою сторону подобными аргументами амвросіева сына, при его помощи, надѣялись они возобновить прерванныя объясненія и съ самимъ Амвросіемъ, чтобы потомъ, мало-по-малу, привести эти объясненія къ вождѣленному концу...

Павелъ и Алимпій пригласили Георгія къ себѣ[1]) и повели съ нимъ бесѣду по предположенному плану. Изложили ему сущность дѣла объ учрежденіи, согласно полученному отъ австрійскаго правительства дозволенію, архіерейской каѳедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, и выразили сожалѣніе, что его родитель, къ которому они обращались съ предложеніемъ занять сію каѳедру, не благоволилъ надлежащимъ образомъ вникнуть въ дѣло и отвѣчалъ отказомъ на ихъ предложеніе; а между тѣмъ дѣло это, — говорили они, — не только вполнѣ законное, но и доставило бы Амвросію благословеніе многихъ христіанскихъ обществъ, страждущихъ лишеніемъ священства. Особенно же они старались показать Георгію, что сверхъ всего это дѣло принесло бы Амвросію немалыя житейскія выгоды, ибо съ занятіемъ новоучреждаемой каѳедры, какъ они могутъ формальнымъ образомъ поручиться, ему доставлено будетъ со всѣмъ его семействомъ такое обезпеченіе, какое самъ онъ, по взаимному съ ними условію, признаетъ для себя достаточнымъ. Изложивъ все это, Павелъ просилъ Георгія

---

[1]) Свиданія и бесѣды съ Георгіемъ, а потомъ и съ самимъ Амвросіемъ, Павелъ и Алимпій имѣли преимущественно у себя въ квартирѣ, на Галацтѣ, въ корчмѣ у одной вышедшей изъ Россіи жидовки: сынъ ея, Рувимъ, умѣвшій говорить по-гречески и по-турецки, служилъ иногда посредникомъ для нихъ въ этихъ сношеніяхъ. Здѣсь, въ жидовской корчмѣ, останавливались обыкновенно, пріѣзжавшіе изъ Майноса, некрасовцы и также видались въ то время съ Павломъ: одинъ изъ нихъ, Николай Григорьичъ Пушечкинъ, сообщилъ объ этомъ архим. Павлу, когда онъ, на пути изъ Іерусалима, посѣтилъ Майносъ въ 1881 году (См. *Краткое описаніе путешествія*, стр. 96—98).

безпристрастно и внимательно разсудить, осмотрительно ли поступилъ его родитель, отвергнувъ предложеніе, столь законное, почетное и въ его положеніи столь выгодное.

Несомнѣнную выгодность этого предложенія никто, конечно, не могъ оцѣнить такъ хорошо, какъ злополучный сынъ Амвросія. Да и во всемъ дѣлѣ о Бѣлокриницкой каѳедрѣ, какъ изложилъ его Павелъ, онъ, по своимъ понятіямъ, не находилъ ничего противозаконнаго, или безчестнаго; но зная причины, по которымъ отецъ отвергнулъ предложеніе сдѣлаться старообрядческимъ епископомъ, онъ попросилъ объясненія — дѣйствительно ли Амвросій долженъ будетъ, вступая на Бѣлокриницкую каѳедру, отречься отъ всякаго общенія съ патріархомъ, у котораго состоитъ въ законной зависимости, и даже отъ самой религіи православной. Павелъ не отрицалъ того, что Амвросій долженъ будетъ прервать всѣ сношенія съ патріархомъ и не испрашивать патріаршаго дозволенія на занятіе Бѣлокриницкой каѳедры, на что̀, по его мнѣнію, давали Амвросію даже право несправедливыя, антиканоническія въ отношеніи къ нему дѣйствія константинопольскихъ духовныхъ властей. Православной же религіи, — объяснялъ Павелъ, — Амвросію не только не предстояло надобности измѣнять; напротивъ, отъ него именно потребуется, чтобы твердо содержалъ истинную древлеправославную вѣру. Это служило прямымъ переходомъ къ тому, чтобы познакомить Георгія, сколько было нужно съ глаголемымъ старообрядчествомъ. Сказавши, какъ вообще строго заботятся старообрядцы о соблюденіи правой вѣры во всей неизмѣнной чистотѣ ея, Павелъ указалъ и на то, что̀ составляетъ якобы существенное различіе между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію, то-есть на именуемые старые обряды, въ которыхъ онъ старался показать болѣе вѣрное соотвѣтствіе святоотческимъ преданіямъ, нежели въ обрядахъ, употребляемыхъ церковію, при чемъ особенно распространился, по обычаю, о перстосложеніи для крестнаго знаменія; указалъ также на строгое возбраненіе у старообрядцевъ непозволительныхъ православному христіанину обычаевъ, каковы, — брадобритіе, употребленіе

табаку и другіе, относительно которыхъ церковныя власти попускаютъ недозволительное послабленіе[1]).

Само собою разумѣется, что сынъ Амвросія, вообще не отличавшійся проницательностью ума, притомъ же получившій весьма скудное образованіе, о русскомъ расколѣ не имѣлъ дотолѣ ни малѣйшаго понятія: все, что̀ говорилъ ему Павелъ, онъ принималъ поэтому съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякихъ возраженій, тѣмъ болѣе, что внутренно былъ уже предрасположенъ вѣрить всему, что̀ такъ или иначе способствовало осуществленію дѣла, обѣщавшаго столь неожиданную и счастливую перемѣну въ его безотрадной жизни. Этимъ конечно и объясняется, почему Георгій послѣ первой же бесѣды съ Павломъ далъ ему обѣщаніе — ходатайствовать предъ отцомъ, чтобы тотъ благосклонно выслушалъ бѣлокриницкихъ пословъ и безпристрастно разсмотрѣлъ ихъ предложенія, въ которыхъ самъ не находитъ ничего оскорбительнаго для православной вѣры и епископскаго достоинства[2]).

Для Амвросія наступила тяжелая пора внутренней борьбы между сознаніемъ лежащаго на немъ долга, между желаніемъ соблюсти, не взирая на всѣ огорченія и нужды, непоколебимую вѣрность своимъ обязанностямъ православнаго пастыря съ одной стороны, и искусительною возможностью, посредствомъ искренняго или неискренняго, дѣйствительнаго или притворнаго нарушенія этихъ обязанностей, устроить себѣ и своему семейству жизнь спокойную, вполнѣ обезпеченную — съ дру-

---

[1]) Пис. въ Торжокъ. Вотъ что̀ именно говорится здѣсь о свиданіи и бесѣдѣ съ Георгіемъ: „послы призвали къ себѣ его (амвросіева) сына и подробно ему все разсказали о догматѣхъ нашей вѣры, и о крестномъ знаменіи, и о табакѣ ясно протолковали“. Другія подробности этой бесѣды заимствованы изъ письма самого Георгія въ Московскій Духовный Совѣтъ, отъ 7-го декабря 1864 года, которое въ извлеченіи приведено будетъ ниже.

[2]) Пис. въ Торжокъ. „Онъ (такъ писалъ о Георгіи инокъ Павелъ) по одаренію природы отъ естественнаго разума (!) всему весьма внялъ и *почелъ за лучшее въ нашемъ содержаніи* и началъ по малу предлагать своему отцу къ воспріятію древнихъ обрядовъ благоволенія“.

гой. Многое влекло Амвросія на эту послѣднюю сторону, — и его личныя отношенія къ цареградскому духовному правительству, и воспоминаніе перенесенныхъ отъ этого правительства несправедливыхъ огорченій, и безотрадность настоящаго положенія въ зависимости отъ патріарха, и безнадежность будущаго при наступающей уже старости, и ко всему этому забота объ обезпеченіи сына, который именно обращался теперь къ его родительскому чувству съ неотступными просьбами принять предложеніе, обѣщающее такія несомнѣнныя выгоды. Требовалось не мало нравственной силы, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы, не поступиться своимъ долгомъ въ виду стольких искушеній. Прежде, когда Амвросій былъ дѣйствительнымъ Босно-Сараевскимъ митрополитомъ, онъ не имѣлъ недостатка и въ нравственной силѣ; но теперь Амвросій былъ не тотъ, что прежде: подъ вліяніемъ разныхъ огорченій и нуждъ его характеръ значительно измѣнился, и устоять противъ стольких искушеній у него не стало уже силы, когда особенно на сторонѣ искусителей явился его собственный сынъ. Относительно выгодности бѣлокриницкихъ предложеній онъ, разумѣется, не могъ сдѣлать сыну никакихъ возраженій. При своихъ личныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему патріарху, безъ большаго труда сдѣлалъ онъ уступку и въ томъ, чтобы оставить Константинополь, не испрашивая патріаршаго разрѣшенія: Павловы доказательства, что неправильныя, антиканоническія въ отношеніи къ нему дѣйствія цареградскихъ властей даютъ ему законное право прервать съ этими властями всякое общеніе, повидимому, имѣли на него немалое также вліяніе въ этомъ случаѣ [1]). Оставалось

[1]) Въ своемъ прошеніи австрійскому императору Амвросій именно указывалъ, какъ на причину своего удаленія отъ греческой церкви, на то, что незаконно смѣщенъ съ архіерейской каѳедры, и вообще на допускаемыя въ греческой церкви „противозаконныя смѣщенія и новыя поставленія епископовъ, еще при жизни перваго, въ христіанскомъ законѣ жестоко запрещенныя, яко духовное прелюбодѣяніе", каковыя „и другія премногія порочныя дѣла греческой церкви онъ, Амвросій, съ жалостію и сердечною болѣзнію оплакивалъ" (*Бѣлокр. архивъ*).

одно, и самое главное затрудненіе — не придется ли ради Бѣлокриницкой каѳедры измѣнить православной церкви и православной вѣрѣ. Но сынъ доказывалъ ему, утверждаясь на словахъ Павла, что о такой измѣнѣ не можетъ быть и рѣчи, потому что старообрядцы такіе же православные христіане, какъ и греки, отличаются же отъ нихъ только обрядами, которые притомъ еще согласнѣе съ древностію, нежели обряды греческой церкви; а дабы во всемъ этомъ увѣриться точнѣе, онъ просилъ отца повидаться еще съ самими бѣлокриницкими посланниками, которые все объяснятъ ему въ подробности. Амвросій также мало имѣлъ понятія о русскомъ расколѣ, какъ и его сынъ; въ этой мысли, что такъ называемое старообрядчество будто бы ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ православія и что переходъ въ старообрядческіе архіереи будто бы вовсе не потребуетъ отреченія отъ православной церкви, ему блеснула отрадная надежда легко устранить и послѣднее препятствіе къ принятію предложенія, столь выгоднаго и на сторону котораго онъ склонился уже такъ далеко. Амвросій объявилъ сыну, что готовъ выслушать бѣлокриницкихъ пословъ.

Съ его стороны это былъ самый несчастный, роковой шагъ, который скоро привелъ его къ окончательному паденію. Для Павла и Алимпія напротивъ это его согласіе возобновить переговоры было немалымъ торжествомъ. Планъ ихъ удался вполнѣ; то, чего хотѣли достигнуть чрезъ посредство Амвросіева сына, было достигнуто. И Павелъ даже не скрывалъ, что именно Георгію обязанъ былъ первою, и потому самою важною побѣдой надъ Амвросіемъ: „мало-по-малу предлагая своему отцу къ воспріятію древнихъ обрядовъ благоволенія, онъ *такъ склонилъ его сердце*, что митрополитъ присылаетъ уже и *проситъ* пословъ дабы пришли къ нему побесѣдовать“[1]).

---

[1]) *Пис. въ Торжокъ.* Самъ Георгій также рѣшительно утверждаетъ, что отецъ, только уступая его настоятельнымъ просьбамъ, согласился занять архіерейскую каѳедру у раскольниковъ. Въ 1864 году онъ писалъ къ Антонію и Московскому Духовному Совѣту: „Въ Константинополѣ покойный отецъ Павелъ и отецъ Алимпій Милора-

48. Переговоры Павла и Алимпія съ Амвросіемъ о занятіи Бѣлокриницкой каѳедры.

Въ возобновленныхъ бесѣдахъ съ Амвросіемъ Павелъ старался доказать, что не только догматы вѣры и церковныя таинства, но и древлеотеческія преданія и обряды содержатся старообрядцами въ неизмѣнной точности. Амвросій выслушалъ его со всѣмъ вниманіемъ и нашелъ, что ничего противнаго православію въ ученіи старообрядцевъ, какъ изложилъ его Павелъ, дѣйствительно не находится, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. „Я вижу, — отвѣтилъ онъ, — что старовѣрческая церковь съ греческою во всемъ согласна, кромѣ только перстосложенія для крестнаго знаменія; а почитаніемъ осьмиконечнаго креста старообрядцы не отличаются отъ грековъ, ибо и греки почитаютъ крестъ сей, какъ истинный крестъ Христовъ, таковымъ же признавая и крестъ четырехконечный; брадобритіе же, табакъ и прочее не одобряетъ и греческая церковь, какъ что-либо законное, а только не со всею стро-

---

довъ вопервыхъ со мною имѣли разговоръ и вообщали меня свои благопріятныя желанія и намѣреніе, за которыхъ они толико далеко ходили и толико деньги вонъ дали; при семъ показали меня и высочайшею изволенію самого императора аустрійскаго. Вопервыхъ, мой покойный родитель не хотѣлъ ни слушать за этой дѣло, али я (если бы не я) представилъ ему нашой ползость душевно и тѣлесно и горяцкою желаніе одному народу, который желаетъ послѣ толико вѣка имѣть свои свищенства и Бога высняго хвалить по своему обычаю, и даже я ему сказалъ, что его имя безсмертный бы сдѣлался, исполняючи это божественно дѣло (это, очевидно, Павловы мысли), и отъ другой сторона *и я съ моимъ семейством счастливы бы были до конецъ нашего живота*. Господинъ покойный мой слатки родителъ *послушалъ моихъ словахъ* и рѣшился принять старовѣрскаго религію“ (*Переписка раск. дѣят.* вып. I, стр. 235). Въ другомъ письмѣ, къ сыну бывшаго старообрядческаго епископа Сергія, Якову Семенову, отъ 29-го ноября 1864 года, Георгій писалъ: „покойный родитель не хотѣлъ пріитить на липованску ересь, ежели (бы) я не былъ добрый за липована“ (*Тамъ же,* стр. 233).

гостію преслѣдуетъ ихъ употребленіе"[1]). Отвѣтъ Амвросія показывалъ, что и онъ предполагалъ совершенное согласіе между православіемъ и старообрядчествомъ, а потому не видѣлъ надобности измѣнять въ чемъ-либо православнымъ обычаямъ, чтобы сдѣлаться епископомъ у старообрядцевъ. Это было, по выраженію Павла, большимъ „легкомысліемъ" со стороны Амвросія. Чтобы вразумить его, требовалось въ извѣстной степени раскрыть ему дѣйствительныя отношенія между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію. Однажды, какъ мы видѣли, потерпѣвъ уже неудачу на этомъ самомъ пунктѣ, инокъ Павелъ призналъ за лучшее, вмѣсто устной бесѣды, въ которой легко можетъ быть допущено рѣзкое, неосторожное слово, объясниться съ Амвросіемъ письменно, — „на бумагѣ представить ему возраженія противъ его легкомыслій". Онъ дѣйствительно написалъ, нарочито для Амвросія, сочиненіе, въ которомъ доказывалъ, что есть великое различіе между такъ-называемыми старыми и новыми обрядами, и что рѣшившись быть епископомъ у старообрядцевъ, Амвросій долженъ будетъ непремѣнно оставить обряды церкви греческой, какъ „не согласующіе святоотеческимъ преданіямъ", и во всемъ подчиниться существующимъ у старообрядцевъ „древлецерковнымъ" обычаямъ: „написали ему и то, чтобъ онъ не смущенно, но правою совѣстію вступилъ въ нашу церковь, и во единъ духъ соединился съ нами совершенно по Бозѣ; такимъ образомъ необходимо онъ долженъ будетъ по прибытіи къ нашей церкви первѣе всего дѣйствія принять себѣ отца духовнаго *изъ нашихъ священниковъ*, по закону христіанскому, вручась ему во всемъ душевно, и что̀ духовникъ предлагать будетъ *необходимое въ присоединеніи церковномъ*, согласно правиламъ святыхъ отецъ, то исполнить долженъ безъ всякаго прекословія"[2]). Чтобы выразумѣть вполнѣ сокровенный смыслъ этого хитро составленнаго произведенія, необходимо было имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о русскомъ рас-

---

[1]) Пис. въ Торжокъ.
[2]) Тамъ же.

колѣ и его отношеніяхъ къ церкви: тогда только могъ бы Амвросій понять, что̀ значитъ это отреченіе отъ новыхъ якобы обрядовъ и это вступленіе въ старообрядческую церковь, о какомъ духовникѣ изъ „нашихъ священниковъ" идетъ здѣсь рѣчь, и что̀ такое будетъ предлагать этотъ духовникъ, какъ *необходимое въ присоединеніи церковномъ*. Если бы Амвросій дѣйствительно имѣлъ надлежащее понятіе о расколѣ, если бы зналъ онъ, что вмѣстѣ съ содержимыми православною церковію обрядами долженъ будетъ отречься отъ самой церкви православной и вступить въ общество, осужденное соборами и состоящее подъ церковною анаѳемой, что отъ него требуютъ принять духовникомъ лицо, по каноническимъ правиламъ повинное изверженію изъ сана, и что наконецъ этимъ духовникомъ онъ будетъ подвергнутъ извѣстному чинопріятію, какъ приходящій отъ ереси, — если бы все это митрополитъ Амвросій могъ уразумѣть изъ Павлова сочиненія, по всей вѣроятности, онъ еще остановился бы во-время, не допустилъ бы себя до преступленія — сдѣлаться раскольническимъ епископомъ. Но въ сочиненіи этомъ для незнакомаго съ расколомъ не содержалось ничего особенно страшнаго, нѐ говорилось ни о какихъ церковныхъ проклятіяхъ, „наши" священники даже не названы и „бѣгствующими", ни о какихъ „чинопріятіяхъ отъ ереси приходящимъ" не было и помину... Рѣчь шла, повидимому, только о предпочтительности именуемыхъ старыхъ обрядовъ предъ новыми, и о томъ, что будущій епископъ старообрядцевъ долженъ исключительно держаться первыхъ, — вообще „правою совѣстію вступить въ старообрядческую церковь" и въ свидѣтельство того „принять себѣ отца духовнаго". Какъ истый почитатель чиновъ и обрядовъ греко-восточной церкви, въ которой родился и воспитанъ, митрополитъ Амвросій ни въ это время и никогда послѣ, несмотря на всѣ „доводы" инока Павла, не измѣнялъ своему убѣжденію, что эти чины и обряды несомнѣнно правильны, совершенны и вполнѣ согласны древлецерковнымъ преданіямъ; но, съ другой стороны, и въ обрядахъ, которые предлагалось ему принять, не находилъ онъ также ничего противнаго

православной вѣрѣ, а исключительное къ нимъ уваженіе старообрядцевъ, доходящее до порицанія употребляемыхъ церковію обрядовъ, объяснялъ недостаткомъ у нихъ просвѣщенія и ложно направленною религіозностью. И потому принятіе этихъ, не противныхъ православію, именуемыхъ старыми, обрядовъ, ради снисхожденія къ немощи старообрядцевъ, при неизмѣнномъ съ своей стороны уваженіи къ обрядамъ церкви греко-восточной, тѣмъ паче безъ всякой измѣны православному ученію сей церкви, Амвросій не признавалъ какимъ-либо тяжкимъ грѣхомъ; а затѣмъ не находилъ уже противнымъ совѣсти и то, если, вступая въ общество, которое въ сущности почиталъ православнымъ, не смотря на употребляемые въ немъ иные обряды и на существующее ради этихъ обрядовъ несогласіе съ греко-восточною церковію, приметъ себѣ и духовнаго отца изъ старообрядческихъ священниковъ. Къ такимъ соображеніямъ, какъ видно изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, привело Амвросія чтеніе Павловой записки, — и, по возможности успокоивъ себя этими соображеніями, онъ рѣшился наконецъ объявить бѣлокриницкимъ посланникамъ о своей готовности быть верховнымъ пастыремъ старообрядцевъ[1]). Въ качествѣ будущаго митрополита старообрядцевъ, Амвросій потребовалъ теперь отъ Павла и Алимпія подробныхъ объясненій относительно ожидающихъ его условій жизни въ Бѣлой-Криницѣ: ему даны были на этотъ счетъ самыя удовлетворительныя объясненія[2]).

---

[1]) *Письмо въ Торжокъ*. „Изложеннымъ на бумагѣ возраженіямъ противъ его легкомыслій (повѣствуетъ Павелъ) митрополитъ очень внялъ, и въ томъ успокоился, и не замедлилъ изъявить свою готовность“.

[2]) *Тамъ же*. „Спросилъ и то (продолжаетъ Павелъ) какимъ образомъ онъ можетъ утвердиться на всегдашнее у насъ пребываніе и жить небоязненно, и въ томъ послы увѣрили его и разсказали подробно планъ дѣла съ самой первой точки, то-есть какимъ образомъ онъ можетъ пріѣхать, и какъ объявиться правительству, и какъ навсегда безбоязненно въ мирѣ и тишинѣ у насъ жить, *что ему казалось весьма пріятно*.

49. Новыя колебанія Амвросія. Старанія Павла разсѣять его сомнѣнія. Амвросій соглашается на занятіе Бѣлокриницкой каѳедры.

Итакъ Амвросій, подъ вліяніемъ Павловыхъ разглагольствій о неповрежденномъ православіи дотолѣ неизвѣстнаго ему старообрядчества, согласился на предложенія бѣлокриницкихъ искателей архіерейства. Но внутренній голосъ все-таки говорилъ ему, что дѣло на которое онъ рѣшился, не совсѣмъ чисто и во всякомъ случаѣ представляетъ много сомнительнаго и темнаго. Особенно смущался онъ опасеніемъ, не составилъ ли, основываясь на однихъ только Павловыхъ показаніяхъ, ошибочнаго понятія о старообрядчествѣ, не отличается ли оно отъ православія чѣмъ-нибудь болѣе важнымъ и существеннымъ, нежели одни только обряды, и принять старообрядчество не будетъ ли значить именно отречься отъ православія, о чемъ онъ боялся и помыслить. Все это могъ бы разъяснить ему только человѣкъ, вполнѣ знакомый съ расколомъ и неимѣющій, подобно Павлу, какихъ-либо побужденій изображать расколъ въ невѣрномъ свѣтѣ. Амвросій очень желалъ бы посовѣтоваться именно съ такимъ человѣкомъ; но гдѣ найти его и какъ посовѣтоваться? Всего вѣрнѣе было бы, конечно, обратиться въ этомъ случаѣ къ кому-либо изъ русскихъ, проживавшихъ въ Константинополѣ, и притомъ къ человѣку образованному, на слова котораго можно было бы положиться. Но именно отъ русскихъ и необходимо было хранить дѣло въ величайшей тайнѣ. Ему было извѣстно, что бѣлокриницкіе посланники и цареградскіе ихъ покровители о томъ и заботились больше всего, чтобы не возбудить своими затѣями подозрѣній со стороны русскаго консульства, имѣвшаго притомъ, что́ было для Амвросія особенно важно, близкія связи съ патріархіей. Вообще объясняться съ кѣмъ-нибудь изъ русскихъ относительно раскола было и трудно и крайне опасно. Обратиться къ кому-нибудь изъ своихъ собратій — грековъ было также небезопасно, а главное — совершенно безполезно: всѣ они о русскомъ расколѣ знали, конечно, не больше Амвросія. Былъ однако между ними ученый мужъ,

какой-то проповѣдникъ и дидаскалъ при патріаршей каѳедрѣ, къ богословскимъ и церковно-историческимъ познаніямъ котораго Амвросій, какъ видно, питалъ большое уваженіе: его-то и рѣшился онъ какъ-нибудь искуснымъ образомъ вызвать на бесѣду о русскихъ раскольникахъ, въ надеждѣ получить отъ него точныя, вѣрныя свѣдѣнія по этому вопросу. Случай объясниться съ этимъ ученымъ представился вскорѣ же послѣ того, какъ Амвросій, повидимому, совсѣмъ уже рѣшилъ дѣло съ бѣлокриницкими послами. Въ Страстную недѣлю и въ Пасху, въ то именно время, когда шли переговоры съ Павломъ, — „во время сватовства", какъ выражается этотъ послѣдній, — Амвросій нерѣдко ходилъ въ патріархію къ службамъ и участвовалъ вмѣстѣ съ другими архіереями въ торжественныхъ патріаршихъ служеніяхъ: здѣсь-то, встрѣчаясь съ ученымъ дидаскаломъ и заводя съ нимъ бесѣды, Амвросій „отдаленными разговорами о всѣхъ ересяхъ и разныхъ по вселеннѣй вѣрахъ, подобрался между прочимъ испытать того проповѣдника и мудраго учителя, вельми всѣми уважаемаго, и такимъ вопросомъ: что это за люди: липоване, старовѣры и старообрядцы?" Дидаскалъ, по свидѣтельству Павла, отвѣчалъ: „это все одни люди, только *по мѣстожительству* ихъ разными наименованіями зовутся; но они *не еретики*, а только въ сложеніи перстъ во образованіи Святыя Троицы меньшимъ перстомъ (мизинцемъ) *уменьшаютъ равность Святаго Духа*, да еще не принимаютъ новописанныхъ иконъ, а только старыя содержатъ" [1]). Если такъ именно отвѣчалъ многоученый дидаскалъ, онъ, очевидно, не много больше другихъ грековъ имѣлъ понятія о русскомъ расколѣ [2]). Однако же отвѣтъ его, какъ ни былъ слабъ и ничтоженъ, смутилъ Амвросія. Правда, ученый мужъ утверждалъ рѣшительно, что липоване, старообрядцы и старовѣры — не еретики; но онъ же далѣе, вопреки этому увѣренію, говорилъ, что своимъ перстосложеніемъ старообрядцы выражаютъ мысль

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Что Павелъ не исказилъ отвѣтъ дидаскала, вскорѣ же переданный ему Амвросіемъ, это доказываетъ и вызванное симъ отвѣтомъ Павлово сочиненіе, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

именно еретическую, „уменьшаютъ равность Святаго Духа",— проповѣдуютъ неравенство лицъ во Святой Троицѣ. Это замѣчаніе о старообрядческомъ перстосложеніи, составлявшемъ, по мнѣнію Амвросія, самое главное отличіе старообрядцевъ отъ греко-восточныхъ христіанъ, и возбудило въ немъ опять сильныя сомнѣнія относительно старообрядчества, такъ что онъ готовъ былъ взять назадъ данное Павлу и Алимпію согласіе на ихъ предложеніе.

Для устраненія этихъ сомнѣній инокъ Павелъ употребилъ уже испытанное средство: составилъ и представилъ Амвросію новое сочиненіе, посвященное собственно разсмотрѣнію вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія и святительскаго благословенія [1]). Здѣсь онъ, какъ и слѣдовало ожидать, явился предъ Амвросіемъ во всеоружіи раскольнической учености, указалъ всѣ наиболѣе важныя, и готовыя и имъ самимъ придуманныя, свидѣтельства и „доводы" въ защиту двуперстія съ одной стороны, и въ опроверженіе именословнаго и троеперстнаго сложенія — съ другой. Достойно замѣчанія, что Павелъ потщился представить Амвросію, какъ греку, свидѣтельства въ защиту двуперстія преимущественно изъ „источниковъ *древлегреческой* церкви, отъ писанія *греческихъ* святыхъ отецъ и отъ *греческихъ* иконъ". Изъ мнимо-отеческихъ свидѣтельствъ, онъ привелъ: а) извѣстное изрѣченіе Петра Дамаскина (котораго совершенно несправедливо назвалъ „священномученикомъ"), что „два перста и едина рука являетъ единаго Христа во двою естеству и единомъ составѣ посзнаваема" [2]); б) не ме-

---

[1]) Сочиненіе это имѣетъ заглавіе: *Господину митрополиту Амвросію о перстосложеніи и о прочемъ предложеніе.*

[2]) Не безъ намѣренія Павелъ направилъ это свидѣтельство собственно противъ *именословнаго*, или, какъ онъ обыкновенно называетъ его, *литеросложнаго* перстосложенія, а не противъ троеперстія: „Сіе доказательство (писалъ онъ) относится не къ литеросложному (изъ пяти перстовъ), но къ двуперстному сложенію, которое нынѣ содержатъ старообрядцы". Къ именословному сложенію свидѣтельство Петра Дамаскина, дѣйствительно, прилагать нельзя; но свидѣтельство это, во всякомъ случаѣ неопредѣленное,

нѣе извѣстное у старообрядцевъ Θеодоритово слово, приписавъ его рѣшительно „блаженному греческому учителю Θеодориту, епископу Кирскому“ [1]); в) свидѣтельство Максима Грека, и г) не относящееся къ дѣлу объясненіе Симеона Солунскаго, чтó означаетъ архіерейское осѣненіе дикиріемъ и трикиріемъ. Приводя древлегреческія свидѣтельства отъ святыхъ иконъ, Павелъ ссылался между прочимъ на свои собственныя наблюденія: „Въ греческихъ и нынѣ существующихъ церквахъ (писалъ онъ), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Сиріи, Палестинѣ, Аравіи и Египту, и наипаче въ самихъ патріархіяхъ — въ Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Египтѣ, мы сами очевидно видѣли, что на *многихъ* иконахъ, кои древлегреческаго писанія, у Христа

не называющее прямо какіе два перста единой руки здѣсь именно разумѣются, очевидно, можетъ имѣть приложеніе и къ троеперстному перстосложенію для крестнаго знаменія, гдѣ также имѣютъ извѣстное значеніе *два* послѣдніе перста, пригнутые къ длани, и такимъ образомъ еще явственнѣе соединенные съ *единою* рукою.

[1]) Въ доказательство подлинности этого слова Павелъ, въ выноскѣ подъ строкой, сдѣлалъ для Амвросія слѣдующее примѣчаніе: „О таковомъ истинномъ (!) блаженнаго Θеодорита писаніи удостовѣряетъ древлероссійская церковь во Псалтырѣхъ со возслѣдованіемъ, печатанныхъ при прежнихъ благочестивыхъ патріархахъ, въ словѣ о крестномъ знаменіи, да и самый достопамятный источникъ (?), то-есть цѣлое слово блаженнаго Θеодорита, имѣется въ древнѣйшей книгѣ Никона Черныя горы, въ словѣ 94, которая хранится въ Москвѣ, въ Патріаршей ризницѣ, подъ № 503“ (въ другомъ спискѣ прибавлено: „или въ Чудовомъ монастырѣ“). Дѣлая съ такою рѣшительностью и опредѣленностью эту ссылку, Павелъ показалъ только, что ни мало не затруднялся говорить ложь: ни въ той, ни въ другой библіотекѣ подъ указаннымъ № книги Никона Черногорца не обрѣтается, а въ существующихъ и тамъ и здѣсь спискахъ книги не только не содержится мнимаго Θеодоритова слова „како креститися и благословити“, но даже и главы 94-й не имѣется (см. *Описаніе слав. ркп. Синод. библ.* Пр. А. В. Горскаго и К. И. Невоструева, II. 3, № 207 и слѣд.). Надобно впрочемъ замѣтить, что эту ложную ссылку на рукопись Никона Черныя горы Павелъ заимствовалъ изъ *Поморскихъ Отвѣтовъ,* руководству которыхъ вообще очень охотно ввѣрялся, чтó никакъ не можетъ служить къ чести сего великаго учителя поповцевъ.

Спаситоля благословящая десница имѣетъ перстосложеніе двутаинственное, а не литерословное. У насъ, въ Буковинѣ, существуютъ весьма съ давнихъ лѣтъ сооруженныя каменныя церки, одна въ городѣ Сучавѣ, гдѣ положены мощи святаго Великомученика Іоанна, и другая въ монастырѣ Сочавицкомъ, и третья въ монастырѣ Будинскомъ: въ этихъ церквахъ, не только внутри, но даже снаружи, удивленія достойно, по всѣмъ стѣнамъ, отъ самаго верхняго карниза до карнизу нижняго, написано есть иконное изображеніе древняго греческаго искусства; *отличнѣйше же въ монастырѣ Сочавицкомъ* и до днесь стоитъ въ чудесной цѣлости и ясности. Въ томъ иконномъ изображеніи у Господа Саваоѳа и у Христа Спасителя благословящія руки, а въ рядахъ въ безчисленномъ множествѣ у *всѣхъ* предстоящихъ святыхъ апостоловъ, мучениковъ, святителей и преподобныхъ молящія руки имѣютъ перстосложеніе одинаковымъ образомъ, двутаинственно" [1]). На основаніи всѣхъ

[1]) И здѣсь Павелъ приводитъ свидѣтельства, по обычаю, недобросовѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что на Востокѣ онъ видѣлъ много и такихъ иконъ древняго письма, на которыхъ изображены благословящія руки именословно, о чемъ надлежало бы упомянуть; равнымъ образомъ немало такихъ изображеній находится и въ церквахъ Сучавской и Сочавицкой. Покойный о. архимандритъ Павелъ, внимательно обозрѣвавшій иконопись той и другой церкви въ 1871 году, нашелъ, что въ Сучавской церкви, оконченной постройкою въ 1522 г., всѣ почти благословящія руки изображены *именословно* и что есть такія изображенія и въ монастырѣ Сочавицкомъ. „Я удивлялся (замѣчаетъ онъ, исчисливъ эти изображенія), почему въ Сучавской церкви, созданной *въ началѣ шестнадцатаго* вѣка, въ стѣнномъ писаніи нашлась одна только благословящая рука съ двуперстнымъ сложеніемъ, въ Сочавицахъ же, въ храмѣ *семнадцатаго вѣка*, много изображеній съ двуперстнымъ сложеніемъ благословящей руки. Я подумалъ, не по той ли это причинѣ, что въ Сочавицѣ стѣнная живопись, по характеру своему близко подходящая къ московской, писана можетъ-быть московскими мастерами. Эту догадку мою и подтвердилъ одинъ іеромонахъ, который сказалъ мнѣ, что церковь эта расписана дѣйствительно московскими мастерами" (см. Собраніе сочиненій архим. Павла, изд. 3-е, ч. 2 стр. 528—529). Понятно теперь, почему инокъ Павелъ въ особенности указывалъ на иконопись въ монастырѣ Сочавицкомъ.

этихъ якобы несумнительно достовѣрныхъ свидѣтельствъ Павелъ рѣшительно утверждалъ, что „во святой древлевосточной церкви *ни малѣйшаго даже слѣду не видно*, чтобы было литеросложное, или троеперстное сложеніе, но *только двуперстное*, которое и доднесь старовѣрческая церковь не упустительно содержитъ". Затѣмъ онъ повторилъ здѣсь, приведенныя и въ „Уставѣ", свои обычныя, частію изъ „Поморскихъ Отвѣтовъ" заимствованныя, доказательства, что якобы троеперстное и именословное перстосложенія не только нововводныя, но и представляютъ еще противность древлеправославнымъ догматамъ вѣры.

Всѣ представленныя Павломъ свидѣтельства и доказательства въ защиту двуперстія и въ обличеніе мнимой неправильности троеперстнаго и именословнаго перстосложенія были въ сущности весьма несильны и большею частію лживы; но въ своей совокупности они должны были произвести немалое впечатлѣніе на человѣка вовсе незнакомаго съ дѣломъ, не имѣвшаго даже и понятія о раскольнической и противураскольнической литературѣ, каковъ былъ Амвросій. Для него было вопервыхъ ясно, что старообрядцы не безъ основанія держатся такъ крѣпко своего перстосложенія; затѣмъ, хотя и не имѣлъ онъ возможности провѣрить и оцѣнить надлежащимъ образомъ истинное значеніе большей части этихъ оснований, однакоже могъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно имѣютъ силу. Павелъ, съ обычною раскольническою смѣлостью, указывая Амвросію именно свидѣтельства древлегреческой церкви, этимъ самымъ какъ бы вызывалъ его на провѣрку сихъ свидѣтельствъ. Провѣрить свидѣтельство Максима Грека Амвросій, разумѣется, не имѣлъ возможности, первый разъ, конечно, услышавъ даже о самомъ Максимѣ Грекѣ, и потому свидѣтельство его, такъ рѣшительно выставленное Павломъ, долженъ былъ принять на вѣру. Съ твореніями Блаженнаго Ѳеодорита Амвросій, надобно полагать, болѣе или менѣе былъ знакомъ; но во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы отвергнуть подлинность приписаннаго ему слова о двуперстіи, особенно же когда Павелъ сдѣлалъ такія, повидимому, точныя

указанія, гдѣ именно обрѣтается это слово. Что касается третьяго свидѣтеля, Петра Дамаскина, то, къ сожалѣнію, Амвросій имѣлъ возможность найти въ своихъ источникахъ подтвержденіе того, что приведенное Павломъ изреченіе Петра Дамаскина несомнѣнно принадлежитъ этому писателю, и что даже его слѣдуетъ понимать въ томъ самомъ смыслѣ, какъ объяснилъ Павелъ. Чтобы сдѣлать такую справку Амвросію не было нужды даже обращаться къ подлиннымъ сочиненіямъ Петра Дамаскина, или *Добротолюбію*, гдѣ приведены изъ нихъ извлеченія: въ этомъ случаѣ ему оказала нехорошую услугу книга весьма нужная и потому хорошо знакомая каждому греческому архіерею—изданная въ 1800 году Кормчая *(Πηδάλιον)*, съ примѣчаніями іеромонаха Агапія и монаха Никодима. Сіи-то комментаторы въ одномъ изъ своихъ примѣчаній пишутъ, что древніе христіане употребляли для крестнаго знаменія не то перстосложеніе, какое употребляется нынѣ, — слагали не три перста, а только два (средній и указательный), и въ подтвержденіе своихъ словъ приводятъ именно изреченіе Петра Дамаскина, на которомъ единственно и основались [1]). Въ лицѣ новыхъ толкователей греческой Кормчей Павелъ пріобрѣлъ такимъ образомъ неожиданныхъ и сильныхъ союзниковъ, которые, подтвердивъ приведенное имъ свидѣтельство Петра Дамаскина, тѣмъ самымъ должны были внушить Амвросію довѣріе и къ прочимъ его свидѣтельствамъ въ защиту двуперстія. Во всякомъ случаѣ Амвросій могъ теперь вполнѣ убѣдиться, что двуперстіе не содержитъ въ себѣ никакой еретической мысли и ничего вообще

---

[1]) Это, въ греческой книгѣ совершенно неожиданное, толкованіе словъ Петра Дамаскина, во всякомъ случаѣ, какъ мы говорили уже, неясныхъ, находится именно въ примѣчаніи на Посл. Василія Великаго къ Амфилохію *περὶ τοῦ Ἁγίου Πνεύματος*. Приводимъ его вполнѣ: *Τὸν τύπον τοῦ τιμίου σταυροῦ οἱ παλαιοὶ χρισιανοὶ κατ᾽ ἄλλον σχηματισμὸν τῆς χειρός ἔκαμναν. Δηλ. μέ μόνα τὰ δύο δάκτυλα τῆς χειρὸς, τὸν μέσον καὶ τὸν λιχανὸν, καθῶς λέγει ὁ ὅσιος Πέτρος ὁ Δαμάσκηνος (σελ.* 642 *τῆς φιλοκαλ.), ὅπου λέγει, ὅτι ἡ μὲν χεὶρ ὅλη σημαίνει τὴν μίαν ὑπόστασιν τοῦ Χριστοῦ, οἱ δὲ δύο δάκτυλοι τὰς δύο φύσεις αὐτοῦ (Πηδάλιον*, изд. 1841, стр. 386).

противнаго православію, если по свидѣтельству самихъ греческихъ уважаемыхъ писателей, находящемуся притомъ въ книгѣ, имѣющей такое важное значеніе въ церковной практикѣ, перстосложеніе это было употребляемо „древними христіанами“ [1]). Могъ онъ также провѣрить отчасти справедливость и указанныхъ Павломъ свидѣтельствъ отъ греческихъ святыхъ иконъ, ибо и самъ могъ видѣть на нѣкоторыхъ иконахъ изображеніе двуперстно сложенной благословящей руки, что опять служило для него доказательствомъ, что ничего противнаго православію въ семъ перстосложеніи не содержится.

Въ томъ же сочиненіи Павелъ, понимавшій всю важность настоящихъ обстоятельствъ, позаботился представить Амвросію осязательное, очевидное доказательство несомнѣннаго употребленія двуперстія и въ древлероссійской церкви: онъ нарочно съѣздилъ въ Майносъ, къ здѣшнимъ некрасовцамъ, за Слѣдованною Псалтырью Іосифовскаго изданія, и въ ней показалъ Амвросію, по благословенію Московскаго и всея Россіи патріарха изданное, извѣстное *Слово о крестномъ знаменіи,* съ свидѣтельствами въ пользу двуперстія и изображеніемъ двуперстно сложенной руки [2]). Амвросій не сомнѣвался въ православіи

---

[1]) Книгу *Πηδάλιον* Амвросій взялъ потомъ въ Бѣлую-Криницу, и найденное въ ней свидѣтельство въ пользу двуперстія съ того времени раскольники стали приводить въ доказательство не только древности двуперстія и якобы нововводности троеперстія, но и въ доказательство того, что сами нынѣшніе греки признаютъ двуперстіе древнѣйшимъ обычаемъ, а троеперстіе нововводнымъ.

[2]) *Пис. въ Торжокъ.* „А сверхъ того въ удостовѣреніе представили ему (Амвросію) древлепечатную Псалтырь со возслѣдованіемъ, гдѣ есть достаточное свидѣтельство о крестномъ знаменіи и двуперстномъ сложеніи, за которою нарочито посылали въ Майносъ къ некрасовцамъ, кои живутъ за Царьградомъ у Мраморнаго моря“. Гончаровъ, въ своемъ разсказѣ *о первомъ начатіи нашего духовнаго дѣла объ устроеніи епископа,* говоритъ, что за книгою ѣздилъ самъ Павелъ: „Алимпій увѣдомилъ насъ письмомъ.... было прописано, *какъ Павелъ къ кубанцамъ ѣздилъ,* и какъ они ему книги дали и толмача послали съ нимъ, и какъ они митрополиту представили, и какъ митрополитъ принялъ и прочиталъ“. О. архимандриту Павлу майносскіе старики также говорили: „За Псалтырью въ Майносъ прі-

патріарховъ россійскихъ, какъ послѣ Никона, такъ и до Никона существовавшихъ, и потому свидѣтельство изданной по патріаршему благословенію книги могло служить для него также убѣдительнымъ доказательствомъ, что старообрядцы, слѣдуя въ своемъ перстосложеніи примѣру и наставленію нѣкоторыхъ древле-россійскихъ патріарховъ, содержатъ обычай непротивный православію.

Вообще, смутившее Амвросія замѣчаніе ученаго дидаскала, неосновательное и само по себѣ, не могло устоять противъ доводовъ Павлова сочиненія, и можно считать не сомнѣннымъ, что съ этого времени онъ не опасался уже признать старообрядчество непричастнымъ никакой ереси, а въ принятіи такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ, при неизмѣнномъ уваженіи къ обрядамъ церкви грековосточной, не видѣлъ измѣны православію, такъ какъ дѣйствительныя отношенія старообрядчества къ православію по прежнему оставались для него неизвѣстными[1]).

ѣзжалъ самъ Павелъ съ майносскими казаками ГригорьемъПетровичемъ Чижикомъ да съ Карпомъ Карповымъ (См. *Пут. архим. Павла въ Іерусалимъ*, стр. 97).

[1]) Замѣчательно, что въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, написанномъ для Амвросія, какъ и въ первомъ, Павелъ не упомянулъ ни разу о соборѣ 1667 года, на которомъ греко-россійская церковь, въ лицѣ высшихъ представителей ея іерархіи, осудила расколъ и подвергла раскольниковъ отлученію за противленіе церковной власти и за клеветы на церковь, между тѣмъ какъ на этотъ именно соборъ Павлу и слѣдовало прежде всего указать Амвросію, потому что его постановленія и такъ называемыя клятвы обыкновенно поставляются старообрядцами въ наибольшую вину церкви и въ оправданіе себѣ. Очеридно, Павелъ о томъ и прилагалъ особенную заботу, чтобы оставить Амвросія въ невѣдѣніи объ этомъ важнѣйшемъ событіи въ исторіи раскола, такъ какъ зналъ, что оно указало бы Амвросію истинныя отношенія между глаголемымъ старообрядчествомъ и православною церковію, а тогда, при всей затруднительности своего положенія въ Константинополѣ, Амвросій, надобно полагать, никакъ не согласился бы принять старообрядчество, то-есть вступить въ общество, соборнѣ осужденное, и вмѣстѣ съ этимъ обществомъ стать подъ церковное отлученіе. Вотъ почему въ объясненіяхъ

Успокоивая себя такими мыслями и уступая не прекращавшимся постояннымъ убѣжденіямъ и просьбамъ сына, Амвросій объявилъ наконецъ Павлу и Алимпію, что окончательно рѣшился занять Бѣлокриницкую каѳедру и что готовъ объ этомъ дѣлѣ заключить съ ними формальный договоръ.

50. Заключеніе формальнаго договора между Амвросіемъ и Бѣлокриницкими депутатами.

Формальный договоръ, съ точнымъ обозначеніемъ взаимныхъ условій, былъ равно желателенъ для обѣихъ сторонъ, видѣвшихъ нужду оградить по возможности именно тѣ свои интересы, которыми каждая особенно дорожила. Амвросію желательно было обезпечить посредствомъ письменнаго договора тѣ внѣшнія, матеріальныя выгоды, ради которыхъ собственно и сдѣлалъ онъ, съ насиліемъ совѣсти, довольно тяжкія и совсѣмъ неискреннія, уступки въ пользу старообрядчества. Для Павла же напротивъ всего нужнѣе было посредствомъ такого договора обезпечить исполненіе именно этихъ, уже сдѣланныхъ Амвросіемъ, уступокъ и сверхъ того многихъ другихъ, которыхъ Амвросій тогда не могъ еще и предвидѣть, но отъ которыхъ впослѣдствіи не могъ бы отказаться по силѣ самаго договора.

Амвросій требовалъ, чтобы всѣ статьи условленнаго матеріальнаго обезпеченія, и ему лично, и его сыну, были точно обозначены въ письменномъ договорѣ. Инокъ Павелъ не возражалъ противъ этого; онъ только находилъ неудобнымъ упоминать о денежной платѣ въ формальномъ условіи, которое должно быть представлено австрійскому правительству и потомъ храниться въ монастырскомъ архивѣ, такъ какъ было бы очень соблазнительно для старообрядцевъ видѣть здѣсь указаніе того, какою цѣною пріобрѣтено согласіе Амвросія сдѣлаться старо-

---

съ Амвросіемъ Павелъ и обходилъ молчаніемъ соборъ 1667 года, равно какъ все, чтó могло бы уяснить Амвросію истинныя отношенія церкви къ расколу, и раскола къ церкви.

обрядческимъ епископомъ. Въ устраненіе этого неудобства Павелъ придумалъ составить договоры въ трехъ различныхъ экземплярахъ — одинъ отъ имени депутатовъ Бѣлокриницкаго монастыря, который долженъ былъ поступить во владѣніе Амвросія, въ обезпеченіе его правъ: въ немъ и предполагалось изложить подробно обязательства, какія дѣлалъ монастырь относительно обезпеченія матеріальнаго положенія Амвросія; другой отъ имени Амвросія, долженствовавшій остаться у депутатовъ, въ обезпеченіе ихъ правъ на Амвросія: здѣсь предполагалось изложить по преимуществу обязательства этого послѣдняго относительно старообрядцевъ: а въ третьемъ, формальномъ договорѣ, который слѣдовало представить правительству и хранить потомъ въ монастырскомъ архивѣ, предполагалось обозначить обоюдныя условія уже въ общихъ только чертахъ.

Такъ и было поступлено. Въ договорѣ, составленномъ отъ имени Павла и Алимпія, они, въ качествѣ „уполномоченныхъ депутатовъ Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря", дали такія обязательства: 1) относительно самого Амвросія: „Его высокопреосвященство будетъ жить въ Бѣлой-Криницѣ, въ нашемъ монастырѣ, *на всемъ монастырскомъ содержаніи; сверхъ же того монастырь обязуется давать его высокопреосвященству жалованье въ каждый годъ 500 червонцевъ австрійскаго золота, пока онъ живъ будетъ, съ тѣмъ, чтобы исполнять ему все по правиламъ святыхъ отецъ, согласно монастырскаго устава безъ нарушенія"*; 2) относительно сына Амвросіева: „Обязуется монастырь дать его родному сыну Георгію коштъ на дорогу до Босніи, и обратно, на привезеніе своей жены оттуда; еще купить ему въ Бѣлой-Криницѣ домъ, съ принадлежащимъ ему дворомъ и огородомъ, въ вѣчную его собственность; однакоже, если по краткомъ, или долгомъ времени случится его высокопреосвященству, Божіимъ повелѣніемъ, по общему долгу человѣчества, смерть, наградить его господина Георгія за службу родителя, отца его, удовольствовать его, судя по обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря". Эти условія повторены и въ другомъ договорѣ, писанномъ

отъ имени Амвросія[1]). Они достаточно показываютъ, какъ заботился Амвросій, чтобы вполнѣ обезпечить съ матеріальной стороны не только свое собственное положеніе въ званіи старообрядческаго епископа, но и положеніе своего семейства, ради котораго собственно онъ всѣмъ и жертвовалъ. Успокоенный точнымъ обозначеніемъ въ двухъ секретныхъ договорахъ условленнаго ему съ семействомъ вознагражденія, Амвросій могъ уже безъ опасенія дозволить, чтобы въ формальномъ документѣ было упомянуто объ этомъ вознагражденіи въ общихъ выраженіяхъ, именно — что монастырь обязуется „содержать

---

[1]) Достойно замѣчанія, что въ этомъ другомъ договорѣ, писанномъ отъ имени Амвросія, послѣднія статьи выговореннаго Георгію вознагражденія обозначены гораздо точнѣе: „Монастырь обязанъ перевезти на свой счетъ изъ Босніи роднаго сына Георгія Поповича и его жену Анну Николаевну, и купить имъ въ Бѣлой-Криницѣ въ вѣчную собственность домъ съ дворомъ и огородомъ *въ тысячу червонныхъ*, а въ случаѣ смерти моей — Амвросія, вознаградить ихъ отъ монастыря по усмотрѣнію, *но не менѣе тысячи червонныхъ*“. Можно догадываться, что Павелъ не безъ намѣренія выразился такъ опредѣленно о покупкѣ дома Георгію и особенно о его вознагражденіи по смерти Амвросія, именно въ томъ документѣ, который долженъ былъ остаться у него самого, и напротивъ такъ неопредѣленно *(судя по обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря)* въ документѣ, который долженъ былъ поступить въ собственность Амвросія и на основаніи котораго Амвросій, или сынъ его могли требовать точнаго исполненія условій. Впослѣдствіи оказалось именно, что Павелъ поступилъ такимъ образомъ очень предусмотрительно, — сберегъ интересы монастыря. Извѣстно, что Георгій по смерти Амвросія напрасно искалъ съ Бѣлокриницкаго монастыря уплаты условленной, и потому законно ему слѣдовавшей, суммы за домъ и условленнаго, также законно слѣдовавшаго вознагражденія въ случаѣ смерти отца. Монастырь отказался удовлетворить его, такъ какъ въ находящемся у него документѣ та и другая сумма не означены, а все предоставлено „обстоятельствамъ и благоразсужденію монастыря“; подлинникъ же выданнаго Амвросіемъ договора, гдѣ обѣ суммы обозначены такъ точно, хранился въ монастырскомъ архивѣ и потомъ истребленъ инокомъ Онуфріемъ изъ опасенія, чтобы не попалъ въ руки старообрядцевъ и не соблазнилъ бы ихъ упоминаніемъ о 500 червонцевъ.

его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, *во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи на всю его жизнь*".

Что же касается данныхъ самимъ Амвросіемъ обязательствъ относительно его будущей должности старообрядческаго архіерея, то онѣ почти одинаково изложены во всѣхъ трехъ документахъ. Изложеніе это не отличалось особенною полнотой и точностью въ опредѣленіи обязанностей Амвросія; но будучи составлено въ выраженіяхъ общихъ и неопредѣленныхъ, этимъ самымъ оно и отдавало Амвросія, такъ-сказать, въ полное распоряженіе бѣлокриницкаго братства. Вотъ какъ именно изложены обязательства Амвросія въ формальномъ договорѣ, написанномъ отъ лица обѣихъ сторонъ: „Я, митрополитъ Амвросій, не желая долѣе провождать жизнь свою праздно, и ни по нуждѣ, ни по какой страсти, но по чистой своей совѣсти согласился съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря, согласно данному имъ всевысочайшему указу... *поступить въ староеѣрческую религію*, въ сущемъ званіи митрополита надъ всѣми духовными лицами и мірскими людьми, состоящими въ оной религіи, верховнымъ пастыремъ; и притомъ *обязуюсь*, по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, *учинить церковное присоединеніе* согласно правиламъ святыхъ отецъ, и неотлагательно поставить тамъ въ намѣстника себѣ другаго архіерея, такъ, какъ дозволено имъ всевысочайшимъ указомъ"[1]). Какъ важно было для учредителей бѣлокриницкой іерархіи внести въ формальный документъ, именно въ видахъ обезпеченія этой іерархіи на будущее время, обязательство Амвросія немедленно поставить себѣ намѣстника, это очевидно само собою.

---

[1]) Въ двухъ другихъ договорахъ упомянуто еще о принятіи духовника. Наприм. въ договорѣ отъ имени депутатовъ говорится: „По прибытіи въ нашъ монастырь его высокопреосвященство первоначально имѣетъ по долгу христіанскому принять себѣ отца духовнаго изъ нашихъ священниковъ, и что̀ духовникъ предлагать будетъ необходимое въ присоединеніи церковномъ, учинить по всему согласно соборнымъ правиламъ св. отецъ, потомъ неотлагательно поставить въ намѣстника себѣ другаго епископа изъ нашего духовенства, такъ, какъ намъ дозволено всевысочайшимъ указомъ".

Не менѣе важно было и то, что въ договорѣ упоминалось обязательство Амвросія учинить церковное присоединеніе: какого рода будетъ это присоединеніе, — по третьему, или второму чину, — объ этомъ не упоминалось; но вообще Амвросій обязывался безпрекословно подчиниться бѣлокриницкимъ властямъ, какому бы чинопріятію ни присудили его подвергнуть, хотя, заключая и подписывая условіе, онъ не допускалъ и мысли о чинопріятіи, особенно по второму чину, — подъ муропомазаніе. Еще одно весьма важное обязательство со стороны Амвросія помѣщено въ томъ мѣстѣ договора, гдѣ рѣчь идетъ, повидимому, только о обязательствахъ со стороны самихъ бѣлокриницкихъ депутатовъ относительно Амвросія. Вотъ какъ изложена эта часть договора: „Мы же, монастырскіе депутаты Милорадовъ и Васильевъ, обязуемся, по данному намъ отъ монастыря довѣрію, по прибытіи его высокопреосвященства господина митрополита Амвросія въ Бѣлокриницкій монастырь содержать его на всемъ монастырскомъ иждивеніи, во всякомъ спокойствіи и удовлетвореніи во всю его жизнь, *съ тѣмъ, что его высокопреосвященство долженъ у насъ все законно исполнять по правиламъ святыхъ отецъ, согласно монастырскаго Устава, безъ нарушенія*“ [1]). Подписывая это условіе, Амвросій, разумѣется, не имѣлъ и понятіи объ Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря, о которомъ ему только сказано было, что онъ во всемъ согласенъ съ правилами св. отецъ; а между тѣмъ, обязавшись „безъ нарушенія исполнять монастырскій Уставъ“, онъ очевидно обязался принять изложенное въ Уставѣ старообрядческое ученіе во всѣхъ его пунктахъ, слѣдовать всѣмъ старообрядческимъ обычаямъ и обрядамъ, также во всей подробности описаннымъ въ Уставѣ, и наконецъ подчиниться здѣсь же изложеннымъ строгимъ правиламъ относительно самого Бѣлокриницкаго митрополита, по силѣ которыхъ митрополитъ, не

---

[1]) Подлинный договоръ, собственноручно подписанный Амвросіемъ и монастырскими депутатами (*Бѣлокр. архивъ*). О соблюденіи Амвросіемъ монастырскаго Устава безъ нарушенія сказано и въ двухъ другихъ договорахъ.

соблюдающій Устава, можетъ быть даже лишенъ каѳедры и „отъ всего завѣдыванія навсегда устраненъ". Такую важность для Амвросія, вовсе имъ не подозрѣваемую, имѣло это, повидимому, незначительное обязательство — ненарушимо соблюдать монастырскій Уставъ! И Павелъ, конечно, не безъ намѣренія поставилъ во всѣхъ трехъ договорахъ это именно обязательство со стороны Амвросія въ непосредственной связи съ обязательствомъ монастыря содержать его и платить ему жалованье, такъ что въ случаѣ несоблюденія съ его стороны обязательства во всемъ „безъ нарушенія исполнять монастырскій Уставъ", и монастырь пріобрѣталъ себѣ право не исполнять обязательства относительно его содержанія и вознагражденія[1]). Такимъ образомъ Павелъ, оградивши письменными договорами права Амвросія, умѣлъ въ то же время еще лучше оградить этими договорами права своей Бѣлокриницкой обители относительно Амвросія.

Чтобы сообщить надлежащую силу своимъ письменнымъ условіямъ, не облеченнымъ, разумѣется, въ законную форму и не имѣвшимъ по этому никакого юридическаго значенія, обѣ стороны обязались хранить ихъ „свято и ненарушимо", и обязательство свое утвердили не только собственноручными подписями, но и клятвами при свидѣтеляхъ[2]).

---

[1]) Въ „Уставѣ" сказано, что такой, устраненный отъ завѣдыванія каѳедрой митрополитъ, будетъ получать только монастырское „пропитаніе".

[2]) На условіи, составленномъ отъ имени Павла и Алимпія, находятся слѣдующія подписи: „Хранить сіе правило свято и ненарушимо, въ вѣрность чего *при нижеподписавшихся свидѣтеляхъ* подписуемся: Инокъ Алимпій Милорадовъ, инокъ Павелъ Васильевъ, *Μητροπολίτης Αμβρόσιος*. При семъ условіи свидѣтелемъ былъ подданникъ австрійскій и подписуюсь Константинъ Огняновичъ". Подписи другихъ свидѣтелей нѣтъ, хотя, какъ видно изъ употребленнаго выше выраженія, присутствовали при этомъ свидѣтели и кромѣ Огняновича. А на условіи, составленномъ отъ имени Амвросія, приписано: „Уполномоченные отъ Бѣлокриницкаго монастыря депутаты, Алимпій и Павелъ, клялися митрополиту въ вѣрности исполненія условія предъ св. Евангеліемъ и цѣловали оное". Формальное же усло-

51. Отъѣздъ Амвросія изъ Константинополя и путешествіе до Вѣны.

Секретныя условія Павла и Алимпія съ Амвросіемъ были подписаны 15-го, а формальное 16-го апрѣля 1846 года. Съ этого времени Павелъ, считая уже Амвросія какъ бы законнымъ своимъ архипастыремъ, всѣ свои помышленія устремилъ на то, какъ обезопасить его отъ подозрѣній со стороны патріаршаго правительства и устроить ему секретный отъѣздъ изъ Константинополя, а также и дальнѣйшее путешествіе.

На основаніи императорскаго декрета отъ 6-го (18-го) сентября 1844 года, Амвросію надлежало ѣхать прямо въ Бѣлую-Криницу и оттуда, не вступая еще въ должность, сообщить о себѣ необходимыя свѣдѣнія губернскому начальству, которое должно было препроводить оныя въ императорскую канцелярію для наведенія о немъ надлежащихъ справокъ дипломатическимъ путемъ. Учредителямъ іерархіи пришлось почувствовать теперь все неудобство для нихъ этого пункта въ высочайшемъ декретѣ. Особенно опасались они вести дѣло черезъ губернію, такъ нерасположенную къ нимъ, основательно предполагая, что здѣсь, чрезъ посредство православныхъ епископовъ, Карловицкаго или Черновицкаго, могутъ быть получены объ Амвросіи точныя свѣдѣнія отъ самого Константинопольскаго патріарха и обнаружится такимъ образомъ противузаконное бѣгство его изъ Константинополя. Нашли нужнымъ, поэтому миновать губернію, обратиться прямо къ испытаннымъ уже благодѣтелямъ въ самой столицѣ, просить ихъ о исходатайствованіи Высочайшаго дозволенія Амвросію немедленно вступить въ должность Бѣлокриницкаго митрополита. Итакъ, рѣшили, что Амвросій съ Павломъ и Огняновичемъ поѣдутъ прямо въ Вѣну, морскимъ путемъ и затѣмъ по Дунаю. От-

віе, писанное отъ обѣихъ сторонъ, для пущей торжественности начиналось словами: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.* Это формальное условіе написано было въ двухъ экземплярахъ, какъ сказано въ самомъ его текстѣ: „сіе условіе учинили въ двухъ экземплярахъ, дабы хранить содержаніе онаго съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо.

носительно же отъѣзда изъ Константинополя всѣ, и особенно самъ Амвросій, были того мнѣнія, что выѣхать онъ долженъ секретнымъ образомъ, соблюдая всевозможную осторожность, даже подъ чужимъ именемъ, то-есть съ фальшивымъ паспортомъ. Паспортъ для Амвросія выправленъ былъ на имя майносскаго казака-некрасовца [1]). Мѣсто на пароходѣ взято было только до Тульчи, гдѣ Амвросій и Павелъ предположили выйти на берегъ, чтобы отдохнуть немного у турецкихъ раскольниковъ и при ихъ посредствѣ выправить для Амвросія уже болѣе правильный паспортъ для проѣзда въ Вѣну. Въ концѣ мая, въ назначенный для отъѣзда день, Павелъ заранѣе отправился на пароходъ и ждалъ тамъ Амвросія, для котораго занято было мѣсто въ каютѣ втораго класса. Амвросій явился туда въ сопровожденіи Огняновича, переряженный въ казацкое платье: онъ былъ въ ужасной тревогѣ: „аки плѣнный и трясущійся, — по описанію самого Павла, — и аки безчувственъ положенъ въ ложу за занавѣсочку, мало отдохнуть и собраться съ духомъ“ [2]).

---

[1]) Майносскій атаманъ Пушечкинъ передавалъ о. архм. Павлу, что паспортъ для Амвросія выправляли майносскіе казаки Григорій Чижикъ и Карпъ Карповъ, — паспортъ данъ на имя Карпа Карпова (См. *Пут. въ Іерусалимъ*).

[2]) Это, говоря по правдѣ, воровски устроенное бѣгство Павелъ впослѣдствіи изобразилъ довольно обстоятельно въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Геронтію, приписавъ успѣхъ его, разумѣется, Божію покровительству. „*Богъ промыслилъ посредствомъ благодѣтелей нашихъ!* Назначено было одно великое зданіе, заведеніе близъ пристани, чтобы въ однѣ ворота войти митрополитомъ, а въ другія выйти казакомъ, прямо на пароходъ: что̀ и учинено было съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Переѣхавъ на пароходъ между безчисленнаго множества лодокъ и народовъ, въ странной одеждѣ, закрытъ весь, — едва только видны глаза, и притомъ отъ сильнаго зноя подъ зонтикомъ провожавшихъ *пріятелей*,—а я былъ уже на пароходѣ уготовилъ мѣсто, а онъ, аки плѣнный и трясущійся, введенъ былъ скоро въ комару (камеру) втораго номера, и аки безчувственъ положенъ въ ложу за занавѣсочку мало отдохнуть и собраться съ духомъ“ (*Пис. Павла съ Браиловской пароход. прист.* Напеч. См. *Переписка раск. дѣят.* вып. 1, стр. 74—81). Сынъ Амвросія Георгій, въ письмѣ на имя

Это былъ, по выраженію Павла, „первый подвигъ“ Амвросія, за которымъ слѣдовалъ цѣлый рядъ „скорбей и необыкновенныхъ искушеній“. Въ самомъ дѣлѣ, злая судьба какъ будто преслѣдовала Амвросія; разныя крайне опасныя для него случайности какъ будто нарочно слѣдовали одна за другой, чтобы вразумить его, показать ему на первыхъ же порахъ, сколько разныхъ тревогъ и огорченій ожидаетъ его неизбѣжно на томъ нисчастномъ и позорномъ пути, на который противъ совѣсти рѣшился онъ вступить. Едва успѣлъ Амвросій „собраться съ духомъ“, лежа за своею занавѣсочкой, какъ входитъ въ ту же самую каюту и прямо противъ него занимаетъ мѣсто одинъ близко знакомый ему купецъ, который могъ узнать его во всякомъ нарядѣ и по первому слову. Положеніе Амвросія было самое критическое. Оставалось одно средство избѣжать позорной и опасной встрѣчи: не взирая ни на что̀, оставаться безвыходно за своею занавѣской! И онъ, дѣйствительно, какъ мертвый, почти безъ движенія пролежалъ въ койкѣ все время, пока его знакомецъ былъ на пароходѣ. Къ его счастію это продолжалось лишь немного болѣе сутокъ, потому что купецъ ѣхалъ только до Варны [1]). Послѣ этого несчастнаго случая Амвросій, страшно

Москов. Духовн. Совѣта, также упоминаетъ, что отецъ его, выѣзжая изъ Царь града, „перемѣнилъ одежду и какъ простой человѣкъ имѣлъ на голову одно колпакъ болгарски“. Пушечкинъ говорилъ о. архим. Павлу: „Амвросій шелъ *пѣшкомъ* въ простомъ платьѣ, завязавши голову башлыкомъ, а я съ тестемъ Сергѣемъ Максимовымъ шелъ за нимъ для присмотра. Амвросій садился на пароходъ не въ Галатахъ, гдѣ жилъ, а въ Буюкъ-Дере. Амросій шелъ по Нѣмецкой улицѣ. На дорогѣ отдыхалъ на камнѣ у водопровода. На Буюкъ-Дере мы наняли лодку за 16 левовъ и свезли Амвросія на пароходъ (См. *Пут. архим. Павла въ Іерус.*). Изъ этихъ разсказовъ разсказъ Павла, какъ писанный вскорѣ послѣ событія, есть, надобно полагать, наиболѣе вѣрный.

[1]) Вотъ что̀ писалъ объ этомъ обстоятельствѣ инокъ Павелъ: „Неутихшимъ, трясущимся его членамъ это придало еще жесточайшей сердечной тревоги, такъ что онъ не могъ подняться съ того самаго ложа ни для пищи и питія, ниже для нужды, цѣлый той день

перепуганный, не смѣлъ уже „никуда ни ходить, ни глядѣть, ни пить и ни ѣсть“. Павелъ и Огняновичъ едва могли убѣдить его выйти на палубу, чтобы подышалъ чистымъ воздухомъ.

Въ Сулинѣ взошелъ на пароходъ тульчанскій старообрядецъ Савва Рукавишниковъ, котораго Павелъ извѣстилъ письмомъ объ отъѣздѣ Амвросія изъ Константинополя: Рукавишниковъ явился именно привѣтствовать „богодарованнаго владыку“, лично проводить его до Тульчи и предложить ему помѣщеніе въ своемъ домѣ. А между тѣмъ съ пріѣздомъ въ Тульчу его ожидала новая непріятность. Тамъ изъ Павлова же письма къ Рукавишникову узнали о предстоявшемъ пріѣздѣ Амвросія, — и тульчанскіе старообрядцы, вмѣстѣ съ жителями близъ лежащихъ некрасовскихъ селеній, задумали устроить ему торжественную встрѣчу, нимало не подозрѣвая, въ какомъ видѣ и съ какими предосторожностямс совершалъ плаваніе ихъ „богодарованный архипастырь“. Когда пароходъ подъѣзжалъ къ Тульчѣ, весь берегъ покрытъ былъ толпами старообрядцевъ обоихъ половъ и всякаго возраста, разодѣтыхъ въ праздничныя платья, а впереди всѣхъ старики — общественные депутаты съ хлѣбомъ-солью, и депутація отъ инококовъ Славскаго монастыря, — здѣсь находился даже и Аркадій лаврентьевскій, который этимъ самымъ какъ будто давалъ знать, что успѣхъ, увѣнчавшій предпріятіе инока Павла, разсѣялъ его прежнее нерасположеніе къ учрежденію старообрядческой архіерейской каѳедры. Понятно, какъ некстати была эта почетная встрѣча, сколько непріятностей могла она причинить переряженному въ казацкій балахонъ митрополиту. На этотъ разъ только Павелъ своею находчивостью и отважностью спасъ Амвросія отъ бѣды: онъ успѣлъ

и всю нощь до половины другаго дня, доколь пощадилъ его Богъ, что купецъ той, приставши къ берегу Варны, выступилъ въ городъ. Я былъ сокрушенъ внутренно сугубою болѣзнію во все время того лежанія его безгласнаго, боясь, какъ бы кельнеръ не довелъ до свѣдѣнія капитана, что человѣкъ лежитъ толикое время неподвижимъ и безгласенъ, въ сомнѣніи его не только болѣзни, но и самой жизни“ *(Пис. къ Геронтію изъ Браил.)*.

прежде всѣхъ пассажировъ выдти на берегъ, увлекъ за собою обратно въ городъ толпы некрасовцевъ и такимъ образомъ разстроилъ неумѣстную церемонію встрѣчи; Амвросій же, брошенный имъ на попеченіе Огняновича и Рукавишникова, „поблѣднѣлый и аки мертвый“, проведенъ былъ осторожно „задворками“ въ хату какого-то старообрядца, уединеннно стоявшую гдѣ-то на краю города[1]). Сюда потихоньку, одинъ за другимъ, пришли къ нему Павелъ, старцы Славскаго скита и выборные некрасовскихъ обществъ съ хлѣбомъ-солью, утѣшали его и просили нимало не безпокоиться, увѣряя, что теперь подъ ихъ защитой онъ совершенно безопасенъ. Это нѣсколько ободрило Амвросія: „онъ мало оживился и обрадовался, чего уже и не надѣялся (разсказываетъ Павелъ); однако и тутъ отъ неизъяснимаго бывшаго возмущенія не могъ ничего ни ѣсть, ни пить, а просилъ мало покою отдохнуть“. Впрочемъ, въ виду распространившихся по городу толковъ о пріѣздѣ какого-то загадочнаго лица, которому старообрядцы готовили торжественную встрѣчу, признано было за лучшее въ тотъ же самый день увезти Амвросія изъ Тульчи въ некрасовское селеніе Сары-кёй. Здѣсь, въ домѣ Гончарова, была приготовлена квартира Амвросію, и здѣсь онъ первый разъ по выѣздѣ изъ Константинополя вздохнулъ свободно.

Въ Сары-Кёѣ Амвросій прожилъ болѣе четырехъ сутокъ, видѣлся съ почетными сарыкёйскими, также славскими и журиловскими жителями, и нѣкоторыхъ удостоилъ посѣщеніемъ. Между тѣмъ въ Бабадагѣ успѣли выправить для него новый паспортъ, на имя *башъ-папаса,* что́, по объясненію Павла, значитъ: „верховный надъ всѣми старовѣрскими попами святитель“.

Теперь можно было отправляться дальше. Присудили не заѣзжать уже въ Тульчу, а проѣхать на лошадяхъ до Браилова и тамъ сѣсть на пароходъ. Послѣ Тульчанской исторіи эту дорогу находили безопаснѣе; старики совѣтовали

---

[1]) *Пис. изъ Браилова.*

только поосторожнѣе ѣхать мимо Камня, такъ какъ жителей этого селенія считали враждебно расположенными къ принятію епископовъ. 3-го іюня Амвросій съ Огняновичемъ и Павломъ выѣхалъ изъ Сарыкёя, весьма довольный сдѣланнымъ здѣсь пріемомъ.

Мимо Камня проѣхали благополучно; но въ Браиловѣ Амвросій не избѣжалъ огорченій и тревогъ, которыми преслѣдовала его судьба. Пріѣхавъ на Браиловскую пристань во вторникъ, Павелъ къ немалому огорченію своему узналъ, что цареградскій пароходъ ожидается сюда не раньше воскресенья: пришлось такимъ образомъ ожидать его цѣлые пять дней. Жить все это время въ городѣ, или въ карантинѣ, опять нашли неудобнымъ, изъ опасенія какой-нибудь непріятной встрѣчи, а рѣшили дожидаться парохода на противоположномъ отъ города берегу, гдѣ не было никакихъ почти жилыхъ строеній: отыскали какой-то полуразрушенный пустой овечій сарай, и въ немъ рѣшились пріютиться. Для Амвросія въ этомъ сараѣ очистили особое мѣсто и устлали коврами, такъ что онъ могъ расположиться довольно удобно, а главное, какъ полагали, совершенно безопасно. Между тѣмъ, къ общему удивленію, вскорѣ же начали являться сюда разные посѣтители. Сначала пришелъ какой-то греческій попъ и сталъ просить благословенія у Амвросія, назвавъ его владыкой: попа успѣли выпроводить, увѣривъ, что никакого владыки тутъ не было и нѣтъ. Потомъ явился какой-то аѳонскій монахъ и также обратился къ Амвросію за благословеніемъ: монаха надѣлили деньгами и также успѣли выпроводить. Однакоже эти нечаянные посѣтители, по выраженію Павла, всѣхъ повергли въ „неизъяснимое недоумѣніе, — что̀ тутъ хощетъ быти!“ Еще больше смутилъ Амвросія и всѣхъ его спутниковъ пріѣздъ одного мачинскаго грека, извѣстнаго Павлу и некрасовцамъ своею враждой къ старообрядцамъ, — онъ также расположился станомъ на правомъ берегу Дуная, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ пріютился Амвросій съ своими провожатыми: Амвросія укрыли въ уголку, занавѣсивъ какимъ-то пологомъ, и съ трепетомъ ожидали непрошеннаго гостя, который, какъ всѣмъ казалось,

за тѣмъ нарочно и пріѣхалъ, чтобы накрыть бѣглаго митрополита. Страхи и опасенія были однакоже напрасны: грекъ уѣхалъ, не обративъ никакого вниманія на подозрительныхъ людей, укрывавшихся въ полуразрушенномъ сараѣ. Но едва только Амвросій и его спутники успѣли оправиться отъ причиненной имъ тревоги, какъ случилось обстоятельство, которое повергло Амвросія въ такой уже страхъ, что онъ буквально не зналъ, куда дѣваться: тотъ же грекъ опять вовратился на прежнее мѣсто, и притомъ съ какимъ-то близко знакомымъ Амвросію греческимъ архіереемъ, имѣвшимъ при себѣ большую свиту! Амвросій пришелъ въ такое смятеніе, что, по разсказу Павла, влѣзъ во скотскія ясли и хотѣлъ закопаться въ навозъ[1]). Оказалось однакоже, что греческій епископъ пріѣ-

---

[1]) Вотъ что̀ писалъ объ этомъ Павелъ: „Въ пятницу наисильнѣйшее обновленіе ранамъ сердечнымъ, такъ что митроролиту уже недоставало полога во укрытіе, но *влѣзъ въ скотскія ясли и хотѣлъ закопаться въ навозъ и овчія объѣди.* Едва мужественными о Бозѣ уговорами убѣдили его предаться воли Божіей. А что имянно? Тотъ же бывшій въ среду врагъ, паче всякаго нашего чаянія, явился къ намъ на берегъ опять, но уже не одинъ, а еще съ однимъ епископомъ и съ многими при немъ разными людьми; а этого епископа при недавнемъ времени на поставленіи присутствовалъ въ служеніи и теперешній нашъ митрополитъ и близкій ему знакомецъ. Мы болѣе испугались, какъ сказали намъ, что они прибыли со стороны отъ Тульчи и якобы знаютъ о нашемъ дѣлѣ. Они расположились всею свитой тутъ же на берегу, близъ насъ, въ одной корчмѣ, и поѣхали всѣ въ Браиловъ, и оттоль возвратились и пробыли до вечера; а мы ни ѣвши, ни пивши, въ неизъяснимой скорби не могли изъ сарая никуда выступить, полагали себя такими, *какъ сѣдящая рыба во мрежи*" (*Пис. съ Браиловской пристани*). Гончаровъ въ своемъ *Первомъ начатіи* нѣсколько иначе передаетъ эти обстоятельства со словъ старика Еремѣя Гапѣева, посланнаго сарыкёйскими некрасовцами проводить Амвросія въ Браиловъ: „Еремѣй съ Браилова пріѣхалъ и разсказывалъ, какой имъ случай злощастный былъ, и какъ митрополитъ хоронился и говорилъ Еремѣю: я лягу, сказалъ, въ ясли, а ты, Еремѣй, возми объѣдями меня прикрой. А Еремѣй убоялся и сказалъ: я не могу этого сдѣлать, — какъ я могу такое лицо въ ясли положить и объѣдями закрыть! Но вмѣсто того взялъ

ѣзжалъ въ Браиловъ „по своимъ дѣламъ“, объ Амвросіѣ же и бѣлокриницкихъ дѣлахъ ничего не зналъ. Ночью онъ уѣхалъ обратно. Это было наканунѣ того дня, когда наконецъ долженъ былъ придти цареградскій пароходъ. Утромъ Амвросій со всѣми спутниками переѣхалъ на другую сторону Дуная, къ пристани, гдѣ въ ожиданіи парохода инокъ Павелъ, „по порученію смиреннаго митрополита Амвросія“, написалъ въ Бѣлую-Криницу къ Геронтію посланіе, въ которомъ изложилъ всѣ приключившіяся ему „скорби и искушенія“ на пути изъ Царяграда.

Но скорби и искушенія еще не кончились. На первой же отъ Браилова пароходной пристани, именно въ Силистріи, случилось новое непріятное для Амвросія обстоятельство, дѣйствительно примѣчательное: на пароходъ, въ ту самую камеру, гдѣ находился Амвросій, входитъ опять тотъ греческій купецъ, что̀ такъ напугалъ его въ Константинополѣ, занявъ мѣсто въ одной съ нимъ каютѣ, и заставилъ тогда пролежать болѣе сутокъ *елс жива суща*. Понятно, что и теперь Амвросій пришелъ въ неменьшее смятеніе. Однакоже и на этотъ разъ ему удалось остаться незамѣченнымъ, частію потому, что и теперь онъ ѣхалъ въ простомъ платьѣ, безъ клобука и рясы, частію вслѣдствіе довольно безпокойнаго плаванія, во время котораго пассажирамъ было не до наблюденія за спутниками: долго пришлось ѣхать въ открытомъ суднѣ, подъ проливнымъ дождемъ, такъ что на австрійскую границу, въ нѣмецкій карантинъ, пріѣхали измоченные поздно ночью[1]).

Австрійскій карантинъ былъ привѣтствованъ Павломъ, какъ надежное убѣжище отъ всѣхъ преслѣдовавшихъ Амвросія опасностей: здѣсь уже Павелъ находился какъ бы въ родной странѣ! Немедленно взялъ онъ особую комнату въ карантинѣ и, во избѣжаніе непріятнаго путешествія съ безотвязнымъ гре-

---

митрополита и Павла и отвелъ въ камышъ“. Павелъ, писавшій, на другой день послѣ приключенія, надобно полагать, разсказалъ его вѣрнѣе.

[1]) Пис. Павла изъ Вѣны (См. Перепис. *раск. дѣят.* вып. 1, стр. 81—83) г.

комъ, придумалъ уѣхать съ Амвросіемъ и Огняновичемъ на недѣлю въ Мегадію, подъ предлогомъ пользованія тамошними водами. Къ пріѣзду новаго парохода Павелъ съ Амвросіемъ и Огняновичемъ возвратились изъ Мегадіи на австрійскій пограничный карантинъ, и дальнѣйшее плаваніе совершили уже безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Въ Вѣну пріѣхали они 28-го іюня.

52. Пребываніе Амвросія и Павла въ Вѣнѣ: приготовленія къ императорской аудіенціи; представленія императору Фердинанду и другимъ лицамъ. Отъѣздъ въ Бѣлую-Криницу.

По пріѣздѣ въ Вѣну Павелъ прежде всего поспѣшилъ увидѣться съ своимъ благодѣтелемъ и совѣтникомъ г. Дворачкомъ, котораго помощь была нужна ему и теперь. По силѣ императорскаго декрета отъ 6-го (18-го) сентября 1844 года требовалось, какъ выше сказано, чтобы привительству представлены были удовлетворительныя свѣдѣнія о личности Амвросія, затѣмъ свѣдѣнія эти имѣли быть провѣрены дипломатическимъ путемъ, и тогда уже, если не возбудится никакихъ сомнѣній насчетъ Амвросія, должно было послѣдовать со стороны правительства признаніе его въ должности липованскаго епископа и принятіе въ австрійское подданство. Понятно, что эта процедура дипломатическихъ справокъ была не очень удобна для Амвросія при тѣхъ обстоятельствахъ, какъ оставилъ онъ Константинополь. Поэтому являлась надобность позаботиться о тотъ, нельзя ли выхлопотать, чтобы правительство утвердило Амвросія въ званіи старообрядческаго епископа и признало австрійскимъ подданнымъ, не наводя справокъ о немъ въ Константинополѣ, а если ужъ безъ этого обойтись невозможно, то по крайней мѣрѣ не обращалось бы за ними непосредственно къ патріарху, и во всякомъ случаѣ не придавало бы имъ большаго значенія, если бъ онѣ оказались не вполнѣ благопріятны для Амвросія. Вотъ въ чемъ теперь нужна была Павлу помощь Дворачка. Дворачекъ находилъ, что Амвросію слѣдуетъ лично представиться импера-

тору и собственноручно подать его величеству прошеніе, со всѣми документами, нужными для удостовѣренія его личности: будучи принятъ торжественно и милостиво самимъ императоромъ, онъ этимъ самымъ обезопасилъ бы себя даже на случай неблагопріятныхъ для него дипломатическихъ справокъ. А выхлопотать аудіенцію для Амвросія Дворачекъ смѣло надѣялся при посредствѣ тѣхъ высокихъ покровителей, которые съ самаго же начала отнеслись такъ благосклонно къ предпріятію бѣлокриницкихъ искателей ерхіерейства и такъ много уже сдѣлали для нихъ.

Ко всѣмъ этимъ благодѣтелямъ Павелъ, въ сопровожденіи Дворачка, и теперь явился на поклонъ, — объяснилъ имъ настоящія обстоятельства своего дѣла, просилъ о продолженіи ихъ высокихъ милостей, о защитѣ Амвросія отъ преслѣдованій патріарха и о доставленіи ему возможности лично представиться всемилостивѣйшему императору. Высокіе покровители приняли Павла съ прежней благосклонностью и обѣщали всякую помощь, — самымъ милостивымъ и внимательнымъ изъ нихъ явился и на этотъ разъ эрцгерцогъ Лудвигъ, на мощное покровительство котораго больше всего и возлагалась надежда[1]). А что касается аудіенціи у императора, то она дѣйствительно обѣщана была безъ всякихъ затрудненій, и скоро послѣдовало даже назначеніе времени, когда Амвросій долженъ явиться во дворецъ для представленія его величеству.

Между тѣмъ Дворачекъ, при содѣйствіи Павла и Огняновича, занялся составленіемъ прошенія, которое Амвросій долженъ былъ представить императору, и приведеніемъ въ порядокъ тѣхъ документовъ, которые нужно было приложить къ прошенію. Это были: а) подлинная архіерейская ставленная грамота Амвросія, которая должна была служить удостовѣреніемъ, что Амвросій есть законно-поставленный архіерей:

---

[1]) Это можно видѣть, между прочимъ, изъ письма Дворачка въ Бѣлую-Криницу, писаннаго въ началѣ 1847 года, гдѣ именно говорится о томъ, какъ эрцгерцогъ Лудвигъ интересовался окончаніемъ дѣла о Бѣлокриницкой архіерейской каѳедрѣ.

грамота переведена съ греческаго языка на нѣмецкій состоявшимъ при императорской канцеляріи офиціальнымъ переводчикомъ и переводъ этотъ, засвидѣтельствованный относительно его точности подписью переводчика, приложенъ къ подлиннику[1]; б) документъ, долженствовашій служить удостовѣреніемъ, что Амвросій и по удаленіи съ босно-сараевской каѳедры оставался архіереемъ, пользовался архіерейскими правами, то-есть не былъ лишенъ сана и не находился подъ запрещеніемъ: это была также подлинная, выданная Амвросію изъ патріаршей канцеляріи записка, съ дозволеніемъ отслужить литургію въ одной изъ константинопольскихъ церквей, каковыя записки обыкновенно выдавались проживавшимъ въ Константинополѣ многочисленнымъ безмѣстнымъ епископамъ, если кто изъ нихъ желалъ, или приглашаемъ былъ гдѣ-нибудь служить литургію, такъ что ни одинъ изъ нихъ безъ такой дозволителяной записки отправлять священнослуженіе въ области патріарха не имѣлъ права; документъ сей, весьма предусмотрительно сохраненный Павломъ, былъ также переведенъ на нѣмецкій языкъ офиціальнымъ переводчикомъ, и переводъ приложенъ къ подлиннику[2]; в) переведенный по-

[1]) Въ *Бѣлокр. архивѣ* находится подлинникъ этого перевода, по окончаніи дѣла препровожденный въ монастырь изъ черновицкаго крайзамта. Переводъ весьма тщательно переписанъ самимъ переводчикомъ и скрѣпленъ слѣдующею подписью: Vorliegende Uebersetzung, vom gefertigten Translator selbst verfasst, ist dem griechischen patriarchalischen orig. Ernennungs-Decrete von Wort zu Wort gleichlautend. Urkund dessen meine Amtsfertigung. Wien am 18 Julius 1846 Georg Gilany k. k. Tolmatsch für die griech. Sprache. Въ *Архивѣ* имѣются также списки греческаго текста ставленной грамоты Амвросія и славянскаго перевода, сдѣланнаго Огняновичемъ. Послѣдній напечатанъ Павломъ въ его *Церковной исторіи* (стр. 182—188).

[2]) Въ *Бѣлокр. арх.* имѣется подлинникъ и этого перевода, на которомъ означено тоже 6-е (18-е) число іюля; есть также списки греческаго текста и славянскаго перевода. Этотъ послѣдній переводъ, не совсѣмъ вразумительно сдѣланный Огняновичемъ, напечатанъ въ Павловой *Церковной исторіи* (стр. 188—189). Настоящій документъ имѣлъ вообще большую важность для Павла, ибо могъ

нѣмецкй экземпляръ *формальнаго условія,* заключеннаго Амвросіемъ съ депутатами Бѣлокриницкаго монастыря. Эти документы Дворачекъ находилъ достаточными для устраненія всякихъ подозрѣній со стороны правительства насчетъ личности Амвросія: въ прошеніи, которое Амвросій долженъ былъ подать императору, онъ раскрываетъ именно значеніе этихъ

служить не для австрійскаго только правительства, но (что̀ еще важнѣе) и для самихъ старообрядцевъ удостовѣреніемъ, что Амвросій не состоялъ подъ запрещеніемъ священнодѣйствія. И такъ какъ въ документѣ этомъ находилось выраженіе, которое могло подать инымъ поводъ къ недоумѣнію,— именно, что Амвросій долженъ былъ служить литургію „безъ вѣдѣнія священнаго сопрестола“ *(δίχα τῆς τοῦ ιεροῦ συνθρόνου ἐγκατιδρύσεος),* то Павелъ написалъ къ этому выраженію слѣдующее примѣчаніе: „Безъ сѣдѣнія священнаго сопрестола значитъ то, что въ Царь-градѣ патріархъ въ каждой церкви, на случай его службы, имѣетъ свой престолъ на горнемъ мѣстѣ и въ церкви. А потому всѣ служащіе въ Царьградѣ архіереи не могутъ сидѣть на патріаршемъ престолѣ, но подлѣ онаго, на маломъ, то-есть на креслахъ, и въ присутствіи патріарха и безъ присутствія“. Для подтвержденія этого своего объясненія, Павелъ искусно воспользовался, въ другихъ случаяхъ столь ненавистнымъ для старообрядцевъ, дѣяніемъ Московскаго собора 1667 года: „Сіе дѣлается по силѣ *соборнаго правила,* якоже явствуетъ въ московскомъ соборномъ свиткѣ, учиненномъ греческими патріархи, сице: „еще слухъ намъ есть и о семъ, яко здѣ въ Россіи, въ боже„ственной литургіи, въ чтеніи Апостола всякій священникъ сѣдитъ „на священносопрестолѣ, сирѣчь на горнемъ мѣстѣ: и то пребезза„конно есть и въ прелюбодѣяніе вмѣняется: зане то архіерейское „мѣсто и сѣдалище есть, и сущій престолъ, и невѣста его; и не „токмо священникомъ, или архимандритомъ (не)подобаетъ сидѣти на „горнемъ мѣстѣ, но *ниже архіереемъ въ чужихъ епархіяхъ, ни въ ка„кой церкви сидѣти на горнемъ мѣстѣ, ниже самому патріарху, „аще прилучится ему путешествовать во епархіи митрополита, „или епископа своего, не можетъ сѣдѣти на томъ мѣстѣ“* (Собственноручное Павлово прим. на славянскомъ переводѣ „дозволенія“, писанномъ рукой Огнянвоича, въ *Бѣлокр. арх.;* правило собора 1667 года см. въ Дѣян. соб. по изд. Бр. св. Петра митр. 1881 г. л. 9 об.). Въ нѣмецкомъ переводѣ, поданномъ императору Фердинанду, это примѣчаніе Павла не помѣщено; а въ его *Церковной исторіи* напечатано (стр. 189).

документовъ, доказывая, что они дѣлаютъ излишнимъ даже наведеніе справокъ объ Амвросіи дипломатическимъ путемъ, при чемъ указалъ и тѣ обстоятельства, по которымъ эти справки, если будетъ признано необходимымъ навести ихъ, должны быть произведены и приняты съ осторожностію.

Приведемъ здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями это, весьма лукаво и недобросовѣстно составленное отъ имени Амвросія прошеніе, которое онъ долженъ былъ подать австрійскому императору:

„По высочайшемъ рѣшеніи, отъ 18-го сентября 1844 года, ваше императорское величество всемилостивѣйше позволили старовѣрческому Бѣлокриницкому обществу, состоящему въ Буковинѣ, изыскать, гдѣ восхощутъ, за границей архіерея и имѣть у себя навсегда верховнымъ пастыремъ, никѣмъ(?) отъ иныхъ религій независимаго(?).

„Вслѣдствіе таковой всевысочайшей милости отправились тотчасъ отъ Бѣлокриницкаго монастыря два посланника — иноки Алимпій Милорадовъ и Павелъ Васильевъ въ державу турецкую, посѣтивши не токмо Турцію европейскую, но и азіатскую, вмѣстѣ и святую землю Іерусалима, и далѣе Аравію и Египетъ, потрудились объ таковомъ дѣлѣ единственно для изысканія таковаго архіерея, какой бы полезенъ былъ старовѣрческимъ обществамъ и *вѣренъ австрійскому государству*.

„При особенныхъ обстоятельствахъ сіи христіане отъ многихъ лѣтъ во угнетеніи отъ великороссійской церкви находились и при крайней боязни, не избрать бы пастыря, который бы былъ желателемъ соединенія, проискиваемаго отъ русской церкви словами и угнетеніями(?); по желанію же ихъ угодно было милосердію Божію, да азъ, съ глубочайшимъ страхопочитаніемъ нижеподписанный греческій митрополитъ, по правиламъ святыхъ вселенскихъ соборовъ(?) и примѣрамъ святыхъ отецъ(?), къ вышереченному обществу старовѣрцевъ согласился бы быть верховнымъ ихъ пастыремъ на условіи, *учиненномъ 16-го апрѣля 1846 года, иже своеручно мною подписанномъ*".

Затѣмъ излагалась кратко біографія Амвросія, гдѣ особенное вниманіе обращено на поставленіе его въ митрополиты и на

обстоятельства его удаленія съ епархіи. Объ этомъ послѣднемъ говорилось, какъ о дѣлѣ противозаконномъ, строго запрещенномъ церковными правилами, и оно-то, вмѣстѣ съ другими якобы „премногими“ пороками греческой церкви, выставлено главнымъ побужденіемъ для Амвросія оставить сію церковь и перейти къ старообрядцамъ, якобы строго соблюдающимъ всѣ церковные каноны:

„Наконецъ синодально избранъ я въ Царьградѣ и поставленъ въ митрополита Босанскаго, утвержденъ же патріаршею грамотой отъ 9-го сентября 1835 года, *которую при семъ въ подлинникѣ на благоусмотрѣніе вашему императорскому величеству представляю*. Но какъ въ то время въ патріархахъ разныя происходили перемѣны: перемѣненнымъ двумъ патріархамъ, Григорію и Анѳиму Никомидійскому, при Анѳимѣ патріархѣ Кизическомъ, вызванъ я былъ отъ моей митрополіи въ Царьградъ 1841 года, на мѣсто же мое опредѣленъ по желанію и ходатайству визиря Хусревъ-паши босанскаго другой митрополитъ Игнатій.

„Такія противозаконныя смѣненія и новыя поставленія епископовъ, еще при жизни перваго, въ христіанскомъ законѣ жестоко воспрещаются, яко духовное есть прелюбодѣяніе. Однако въ греческой церкви уже происходитъ сего премножество, такъ что теперь въ Царьградѣ находится вдовствующихъ шесть патріарховъ и болѣе двадцати митрополитовъ и епископовъ (въ числѣ которыхъ находился и азъ смиренный митрополитъ нижеподписанный). И всѣ таковые іерархи отъ своихъ престоловъ удалены *безъ измѣны сана ихъ*[1]), а на мѣста ихъ другія лица поставлены.

„Я всѣ эти, даже и другія премногія(?) порочныя дѣла

---

[1]) Ниже Амвросій говоритъ объ этомъ еще опредѣленнѣе относительно себя: „По воззваніи моемъ отъ своей митрополіи, я имѣю также въ неизмѣнномъ содержаніи мое высокое священнослуженія достоинство, какъ явствуетъ отъ патріаршаго даннаго мнѣ написанія, 8 марта сего 1846 года, для богослуженія въ Царьградѣ, *которое также подлинникомъ при семъ вашему императорскому величеству представляю*“.

греческой церкви во все время моего удаленія отъ своей епархіи съ жалостію и сердечною болѣзнію оплакивалъ; а къ тому и совершенно увѣрился(?), что всѣ догматы и уставы греческой церкви только у реченныхъ старовѣрцевъ въ своей первой чистотѣ и точности содержатся... И свободенъ будучи, съ твердостію рѣшился принять избраніе реченнаго старовѣрческаго общества въ верховнаго пастыря, видя предъ собою самое явное Божественное Провидѣніе(!), которое меня предназначило, дабы лишенное до сихъ поръ священнаго архипастыря оное общество *(числящееся кромѣ австрійскаго царства, въ сосѣдственныхъ державахъ до трехъ милліоновъ)* руководить къ вѣчному блаженства пути".

Наконецъ Амвросій объясняетъ, почему рѣшился обратиться непосредственно къ императору съ своей просьбой объ утвержденіи его въ этомъ званіи „верховнаго пастыря старовѣрческихъ обществъ":

„Я, покорнѣйше нижеподписанный, имѣя неограниченную надежду на всевысочайшую милость вашего императорскаго величества, дерзнулъ самъ лично сіе мое прошеніе на степень высочайшаго императорскаго престола принесть, для чего и предпринялъ путешествіе прямо въ Австрію, *не ожидая должнаго о мнѣ и моей непорочности доложенія, дабы за долгимъ изъясненіемъ не могло случиться со стороны греческой церкви какихъ-либо препятствій;* а какъ совѣсть моя чиста(!) и мое желаніе богобоязливо(!) и смиренно, такъ и я (то я и) увѣренъ, что ваше императорское величество, *въемше въ разсужденіе неотложныя церковныя нужды старовѣрческаго общества,* таковое мое дерзновеніе и скорое пришествіе всемилостивѣйше оправдаетъ.

„Еще покорнѣйше прошу, дабы ваше императорское величество благоизволили мнѣ, нижеподписанному, позволить вступить въ кесаро-королевское австрійское подданство, по причинѣ принимаемой мною публичной должности"[1]).

---

[1]) „Копія съ перевода на русскій языкъ съ митрополитскаго прошенія", собственноручно писанная Павломъ *(Бѣлокр. архивъ).*

Достойно замѣчанія, что въ этомъ прошеніи, говоря о „старовѣрческихъ обществахъ“, Павелъ и Дворачекъ называютъ не однихъ уже буковинскихъ раскольниковъ (какъ было въ *рекурсѣ* и всѣхъ прежнихъ документахъ, представленныхъ правительству), но и „старовѣрческія общества сосѣдственныхъ державъ“, при чемъ живущіе въ этихъ державахъ старовѣры (то-есть собственно раскольники поповскаго согласія) показаны въ огромномъ количествѣ трехъ милліоновъ. Очевидно, изъ сосѣдственныхъ державъ здѣсь разумѣлась преимущественно Россія. Такимъ образомъ теперь найдено нужнымъ и, какъ видно, удобнымъ сдѣлать предъ правительствомъ, хотя и косвеннымъ образомъ, заявленіе, что Амвросій долженъ быть верховнымъ пастыремъ не австрійскихъ только, но и огромнаго количества живущихъ въ Россіи старообрядцевъ...[1])

Аудіенція у императора назначена была на 11-е іюля. Представленіе было очень торжественное. Амвросію, который явился съ сопровождавшими его Павломъ, Дворачкомъ и Огняновичемъ, оказано было большое вниманіе: онъ поставленъ былъ „на самое первое мѣсто“, впереди всѣхъ представлявшихся, и къ нему прежде всѣхъ обратился императоръ Фердинандъ, какъ только вступилъ въ пріемную залу. Амвросій въ краткихъ словахъ изложилъ сущность своей просьбы, которую тутъ же и вручилъ его величеству „со всѣми принадлежащими актами“: императоръ, по словамъ Павла, весьма благосклонно выслушалъ Амвросія, принялъ бумаги „и обнадеживалъ, что *по справкѣ* всевозможное удовлетвореніе самого его и старовѣрцевъ учинено будетъ“ [2]).

Напечатана въ Павловой *Церковной исторіи* (стр. 190—197).

[1]) Впослѣдствіи русскимъ правительствомъ обращено было особенное вниманіе именно на это мѣсто Амвросіева прошенія, гдѣ идетъ рѣчь о трехъ милліонахъ старообрядцевъ „сосѣдственныхъ съ Австріей державъ“, и поставлено на видъ австрійскому правительству, что такое прошеніе, очевидно касавшееся россійскихъ подданныхъ, было имъ незаконно принято и уважено (См. *Сборн. Кельс.* I, стр. 151).

[2]) *Пис. Павла* изъ Вѣны (См. *Перепис. раск. дѣят.* вып. 1, стр. 83—84).

Итакъ опять австрійскій императоръ принимаетъ торжественно и милостиво бѣглаго русскаго монаха - раскольника, назвавшагося природнымъ Липованомъ, и на сей разъ еще вмѣстѣ съ бѣглымъ греческимъ архіереемъ, котораго этотъ проходимецъ-монахъ сманилъ обманомъ въ расколъ! Надобно удивляться, какъ знавшіе это высокіе чины Австрійской имперіи могли ставить своего монарха въ такое унизительное положеніе. Но для Амвросія, который еще такъ недавно, изъ опасенія быть узнаннымъ, рядился въ казацкое платье и трепеталъ встрѣчи съ какимъ-нибудь греческимъ купцомъ, или монахомъ, это милостивое къ нему вниманіе одного изъ могущественныхъ государей Европы имѣло чрезвычайную важность и сильно подняло его духъ: теперь только, выходя изъ императорскаго дворца, могъ онъ увѣриться, что дѣло въ которое увлекъ его Павелъ, не сонъ и не мечта... Въ этомъ убѣждали его и другія обстоятельства. Послѣ аудіенціи у императора Павелъ и Дворачекъ ѣздили съ нимъ къ одному изъ сановныхъ покровителей, помощь котораго была особенно нужна въ предстоящихъ „справкахъ“, — тайному совѣтнику Вайсу: „и тотъ *съ превеликимъ удовольствіемъ* всевозможное содѣйствіе обѣщалъ“ [1]). Потомъ Амвросій представился и другимъ высокимъ покровителямъ бѣлокриницкой затѣи, которые также приняли его съ большимъ вниманіемъ и предупредительно обѣщали содѣйствовать скорѣйшему утвержденію его въ новомъ званіи липованскаго верховнаго святителя [2]),

Между тѣмъ однакоже дѣло о признаніи Амвросія въ должности липованскаго святителя и о принятіи его въ австрійское подданство шло не совсѣмъ такъ, какъ желалъ Павелъ, и значительно замедлилось. Императоръ Фердинандъ обѣщалъ Амвросію на аудіенціи удовлетворить его просьбу, но не иначе какъ „по справкѣ“. Избѣжать этой формальности, которая

---

1) *Тамъ же.*

2) *Тамъ же.* Въ показаніяхъ Геронтія и другихъ взятыхъ съ нимъ лицъ также говорится, что Амвросій въ Вѣнѣ „представлялся *главнымъ властямъ* и австрійскому императору“ (*Сборн. Кельс.* ч. I, стр. 149).

такъ ясно указана въ собственномъ императорскомъ декретѣ отъ 6 (18-го) сентября 1844 года, не представлялось никакой возможности. Нужно было позаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы при наведеніи справокъ были обойдены наиболѣе опасныя для Амвросія обстоятельства. Этого, при помощи Дворачка и благодаря покровительству высокихъ сановниковъ, Павелъ успѣлъ достигнуть: австрійскому консулу въ Константинополѣ предписано было навести въ патріаршей канцеляріи справки относительно правильности только тѣхъ свѣдѣній, какія сообщилъ о себѣ самъ Амвросій, то-есть дѣйствительно ли онъ поставленъ былъ въ митрополиты на Босно-сараевскую каѳедру, и по удаленіи съ сей каѳедры дѣйствительно ли оставленъ въ санѣ митрополита безъ запрещенія священнодѣйствовать, также не состоитъ ли подъ судомъ за какія-либо преступленія; но консулу не поручалось спрашивать о томъ, съ разрѣшенія ли патріарха Амвросій уѣхалъ изъ Константинополя и не имѣется ли вообще со стороны церковнаго правительства какихъ препятствій къ тому, чтобы Амвросій занялъ архіерейскую каѳедру именно у буковинскихъ раскольниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ австрійскому консулу внушено было наблюсти осторожность, чтобы собираніемъ свѣдѣній объ Амвросіи не возбудить какого подозрѣнія со стороны русскаго консульства. По всему этому справки объ Амвросіи, которыя долженъ былъ собрать въ Константинополѣ австрійскій консулъ, были не особенно страшны для Павла. Притомъ же онъ не преминулъ, конечно, увѣдомить и цареградскихъ пріятелей, пана Чайковскаго съ товарищами, чтобы поруководствовали консула, какъ исполнить данное ему порученіе не во вредъ будущей Бѣлокриницкой митрополіи. Но непріятна и тяжела была проволочка дѣла: проходили недѣли и мѣсяцы, а нетерпѣливо ожидаемыхъ изъ Царьграда бумагъ не присылалось!

Цѣлыхъ три мѣсяца тянулось это дѣло. Павелъ не разъ являлся къ выкокимъ покровителямъ съ слезными просьбами — войти въ бѣдственное положеніе липованскихъ обществъ, имѣющихъ „неотложныя духовныя нужды“, отпустить къ нимъ

богодарованнаго ихъ епископа, и если до полученія необходимыхъ справокъ невозможно принять Амвросія въ австрійское подданство, то по крайней мѣрѣ дать ему законное дозволеніе отправиться въ Бѣлую-Криницу и вступить тамъ въ исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей. Этого онъ успѣлъ наконецъ достигнуть: Амвросію позволено было „ожидать окончательнаго рѣшенія по своему дѣлу въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и тамъ (пока не получится настоящее утвержденіе) отправлять святительскія обязанности согласно высочайшему опредѣленію отъ 18-го сентября 1844 года“ [1]). Прежде нежели этотъ декретъ былъ изданъ и посланъ въ губернію, Амвросій, получивъ словесное дозволеніе, отправился на мѣсто своей новой службы. Въ первыхъ числахъ октября, онъ выѣхалъ изъ Вѣны вмѣстѣ съ Павломъ, Огняновичемъ и прибывшими къ нему изъ Босніи сыномъ и невѣсткой.

53. Приготовленія къ встрѣчѣ и встрѣча Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ.

Получивъ отъ Павла изъ Константинополя извѣстіе о благополучномъ окончаніи переговоровъ съ Амвросіемъ и о заключеніи письменныхъ съ нимъ условій, Геронтій нашелъ нужнымъ съѣздить въ Москву, чтобы лично сообщить здѣшнимъ благотворителямъ объ этомъ радостномъ событіи, посовѣтоваться съ ними въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и собрать пожертвованія на предстоящіе многочисленные расходы. Имѣлъ Геронтій и еще одно важное побужденіе побывать тогда въ Москвѣ. Дѣло касалось именно священноинока Іеронима, который долженъ былъ совершить пріятіе Амвросія отъ церкви въ расколъ. Относительно Іеронима, какъ было уже сказано, существовали сомнѣнія, дѣйствительно ли получилъ онъ исправу отъ мануиловскаго попа Алексѣя, да и самая исправа эта, если бъ дѣйствительно получена была,

---

[1]) Декретъ соединенной гофъ-канцеляріи галицкому губернскому правленію отъ 3-го (15-го) ноября 1846, № 34.987 (*Бѣлокр. архивъ*).

какъ совершенная попомъ, принадлежавшимъ къ лужковскому согласію, внушала подозрѣніе относительно ея правильности и дѣйствительности. Эти сомнѣнія и подозрѣнія легко могли явиться у русскихъ старообрядцевъ и возбудить потомъ сомнѣнія насчетъ исправы самого Амвросія, что́ имѣло бы послѣдствія крайне непріятныя для учредителей Бѣлокриницкой іерархіи. И такія сомнѣнія, какъ видно, уже появлялись у русскихъ старообрядцевъ: они дали знать въ Бѣлую-Криницу, что хорошо бы привезти Іеронима въ Москву для окончательной исправы отъ котораго-нибудь изъ существовавшихъ на Рогожскомъ Кладбищѣ бѣглыхъ поповъ и священноиноковъ. Отпустить для этого въ Москву одного Іеронима, человѣка не отличавшагося трезвостью, или съ такимъ провожатымъ, какъ инокъ Алимпій, тоже человѣкъ нетрезвый, да еще и буйный въ хмельномъ видѣ, Геронтій нашелъ небезопаснымъ, и поэтому-то главнымъ образомъ рѣшился, несмотря на всѣ недосуги, самъ отправиться съ Іеронимомъ въ Москву. Рахмановы и другіе московскіе радѣтели заграничной іерархіи приняли Геронтія на этотъ разъ съ особенной внимательностью и всѣ его просьбы исполнили съ полной готовностью; что же касается Іеронима, то его принялъ къ себѣ на духъ извѣстный всѣмъ московскимъ раскольникамъ того времени священноинокъ Иларій: этого въ глазахъ старообрядцевъ было вполнѣ достаточно, чтобы отселѣ считать Іеронима „безсумнительно“ принятымъ въ старообрядчество [1]).

Геронтій на этотъ разъ въ Москвѣ пробылъ недолго: онъ спѣшилъ въ Бѣлую-Криницу, гдѣ его присутствіе было необходимо, такъ какъ въ непродолжительномъ времени ожи-

---

[1]) Объ исправѣ Іеронима Иларіемъ говорится, между прочимъ, въ раскольническомъ *Краткомъ извѣстіи о буковинскихъ христіанахъ* (рук. М. Д. А.). Не упоминая о чинопріятіи отъ попа Алексѣя, авторъ этого *Извѣстія* обращаетъ особенное вниманіе именно на то, что Іеронимъ былъ принятъ Иларіемъ, и для сообщенія пущей важности этому обстоятельству прибавляетъ, что самъ Иларій принятъ былъ на Иргизѣ, въ монастырѣ, въ 1818 г.

дался пріѣздъ Амвросія[1]). Прощаясь съ нимъ, Рахмановы выразили желаніе, что хорошо было бы кому-нибудь изъ московскаго старообрядческаго общества самолично присутствовать при торжественномъ прибытіи Амвросія въ Бѣлую-Криницу и при совершеніи надъ нимъ чинопріятія. У нихъ имѣлся въ виду и способный на то человѣкъ — шуринъ Досужева, тогдашняго попечителя Рогожскаго Кладбища, В. В. Борисовъ, который въ это время находился въ Чернобольскомъ монастырѣ на богомольѣ. Рахмановы поручили Геронтію заѣхать въ Черноболь, повидаться съ Борисовымъ, объявить ему о желаніи московскаго общества и пригласить его вмѣстѣ отправиться за границу. Все это Геронтій исполнилъ въ точности; онъ и съ своей стороны очень упрашивалъ Василья Васильевича съѣздить въ Бѣлую-Криницу; но этотъ послѣдній, не смотря на все желаніе быть свидѣтелемъ великаго, невиданнаго у старообрядцевъ торжества, ѣхать не рѣшился: его, привыкшаго къ покойной и привольной жизни, очень напугали разсказы Іеронима о трудностяхъ и опасностяхъ секретной переправы черезъ границу[2]).

12-го (24-го) октября 1848 года Амвросій со всею свитой пріѣхалъ въ Черновцы. Павелъ немедленно извѣстилъ объ этомъ Геронтія, и тогда же Геронтій сдѣлалъ распоряженія

---

[1]) Это и самъ онъ показалъ на допросѣ 20-го іюня 1847 года: „въ 46 году, по возвращеніи нашихъ пословъ въ Вѣну съ обрѣтеніемъ желаемаго намъ святителя, я поспѣшилъ въ Москву... и возвратился *вскорѣ* во свое мѣсто и ускорилъ встрѣтить митрополита“ (*Чт. Общ. ист. и древн.* 1871, кн. IV, отд. V, стр. 148).

[2]) Вотъ его собственныя слова объ этомъ: „Геронтій совсѣмъ было уговорилъ меня ѣхать съ нимъ; но Іеронимъ, бывшій подъ хмелькомъ, высказавъ искренно всю опасность путешествія, рѣшительно меня разстроилъ: „Батюшка! ради Христа не ѣзди, — говорилъ онъ, — это такой страхъ, что Боже упаси! Я самъ испыталъ. Когда въ первый разъ переходилъ границу, такъ огромный стаканъ водки хватилъ, и то не помогло, куда и хмель дѣвался! Дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, когда пришлось ползти на четвереньках версты три! Да ты умрешь со страху. Я врагу моему не пожелаю, — ужъ развѣ кому отъ бѣды“ (*Поѣздка за мѵромъ. Рус. Вѣстн.*“ т. L, стр. 46, примѣч.).

относительно торжественной встрѣчи митрополиту[1]). До сорока человѣкъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ молодыхъ липованъ верхами, подъ предводительствомъ дворника, встрѣтили амвросіевъ поѣздъ за двѣ мили отъ Бѣлой-Криницы, и, окруживъ экипажъ Амвросія, провожали его до самаго селенія. Здѣсь, какъ только показался поѣздъ, на обѣихъ колокольняхъ, и сельской, и монастырской, начался торжественный звонъ: все бѣлокриницкое и климоуцкое населеніе вышло смотрѣть на небывалое зрѣлище — пріѣздъ старообрядческаго архіерея[2]). Поѣздъ направился первоначально къ приходской сельской церкви: здѣсь ожидалъ Амвросія Іеронимъ, „въ облаченіи, съ крестомъ, и весь освященный причетъ (?) со свѣщами и хоругвями" [3]). Вслѣдъ за Іеронимомъ Амвросій вошелъ въ церковь, приложился къ мѣстнымъ иконамъ и, обратясь къ народу, благословилъ его по греческому обычаю обѣими руками[4]). Изъ приходской церкви Амвросій отправился къ монастырю пѣш-

---

1) Въ своемъ „Памятникѣ", написанномъ въ Шлиссельбургской крѣпости, Геронтій описалъ очень подробно и очень витіевато встрѣчу Амвросія въ Бѣлой-Криницѣ. Но описаніе это наполнено вымыслами его собственной фантазіи, которые, быть-можетъ, самъ онъ, уже нѣсколько разстроенный умственно вслѣдствіе продолжительнаго одиночнаго заключенія, принималъ тогда за дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ разсказъ его во многихъ подробностяхъ не соотвѣтствуетъ тому, что происходило на самомъ дѣлѣ, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы событія.

2) Краткая, но точная запись о пріѣздѣ Амвросія въ Бѣлую-Криницу и объ устроенной ему встрѣчѣ сдѣлана Павломъ въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ* Бѣлокриницкаго монастыря, который этою записью и начинается. Этотъ весьма важный для исторіи Бѣлокриницкой іерархіи документъ напечатанъ въ прилож. къ *Ист. Бѣл. іер.* подъ № 4.

3) Такъ сказано даже у Павла въ *Памятникѣ происходящихъ дѣлъ;* но никакого *освященнаго причта* съ Іеронимомъ, разумѣется, быть не могло.

4) Далѣе Геронтій въ своемъ *Памятникѣ* передаетъ довольно длинную рѣчь Іеронима къ Амвросію и Амвросія къ Іерониму, также рѣчи, которыми будто бы обмѣнялись потомъ въ монастырѣ самъ Геронтій и Амвросій. Всѣ эти рацеи составлены Геронтіемъ на досугѣ въ Шлиссельбургской крѣпости, а въ дѣйствительности никакихъ

комъ. Въ монастырскихъ воротахъ его встрѣтилъ настоятель инокъ Геронтій со всей братіей торжественно, со свѣщами и пѣніемъ. Шествіе направилось къ монастырской церкви: здѣсь Амвросій также прикладывался къ мѣстнымъ иконамъ и опять преподалъ благословеніе народу. Изъ церкви такъ же торжественно, — со свѣщами и пѣніемъ, — настоятель и братія проводили его до приготовленныхъ ему келій[1]).

Общее впечатлѣніе, вынесенное липованами изъ встрѣчи Амвросія, было однакоже не въ его пользу: большинство народа соблазнилось многимъ, что̀ пришлось увидѣть при этомъ и услышать, — вообще разошлись въ недоумѣніи. Особенно соблазнились двумя слѣдующими обстоятельствами. Въ сельской церки, приложившись къ иконамъ, Амвросій обратился къ народу и сталъ благословлять, хотя двуперстно, но, какъ выше упомянуто, обѣими руками, чего раскольники до тѣхъ поръ не видывали и что̀ еще въ первыя времена раскола оглашено было никоніанскимъ нововведеніемъ[2]). Непосредственно за этимъ послѣдовало и другое обстоятельство, уже окончательно собла-

---

рѣчей не было, да не могло и быть, такъ какъ Амвросій совсѣмъ не говорилъ по-русски и не понималъ русской рѣчи, а къ посредству переводчика прибѣгать совсѣмъ было бы неудобно при произнесеніи рѣчей, особенно въ присутствіи Липованъ.

[1]) Здѣсь, въ кельяхъ, по свидѣтельству Геронтія, было „учрежденіе“, приличное такому великому торжеству, — „самоваръ и напитки и ликеры и шанпанъ (sic) съ закуской на столѣ уже поставлены были“. Затѣмъ „подана сытная и вкусная вечеря, по вечери же святитель, благодаривъ настоятеля, пожелалъ всѣмъ спокойной нощи“.

[2]) Лазарь писалъ; „Никонъ патріархъ и вси власти благословляютъ обѣма рукама, въ премѣненіи, по чину жидовскому“ (*Жезлъ прав.* л. 86). Амвросій однакоже постоянно держался православнаго обычая благословлять обѣими руками; его примѣру слѣдовалъ сначала и Кириллъ, но впослѣдствіи началъ благословлять одною рукой, какъ дѣлаютъ теперь и всѣ раскольническіе архіереи. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что дозволивъ Амвросію прежде „пріятія отъ ереси“ благословлять народъ въ церкви и принимая отъ него благословеніе, бѣлокриницкія власти этимъ самымъ отступили уже отъ общепринятыхъ у раскольниковъ правилъ и обычаевъ.

знившее липованъ. Когда Амвросій благословлялъ народъ, Огняновичъ обратился къ пѣвцамъ и велѣлъ имъ пѣть, по православному обычаю, *ис-пола-эти-деспота*. И такъ какъ липованскіе пѣвцы не могли даже понять, чего отъ нихъ требуютъ, то Огняновичъ и сынъ Амвросія, Георгій, сами затянули и пропѣли это привѣтствіе своимъ гнусливымъ греческимъ напѣвомъ. Та же исторія повторилась и въ монастырской церкви. Это странное и непріятное, особенно для непривычнаго уха, пѣніе какихъ-то неслыханныхъ и совершенно непонятныхъ липованамъ словъ, который имъ пришлось услышать въ своихъ „древлеправославныхъ" храмахъ, исполняемое какими-то невиданными людьми, очень похожими на турокъ, по крайней мѣрѣ съ турецкими фесками въ рукахъ, произвело на липованскій людъ весьма тяжелое впечатлѣніе. „Вотъ такъ благочестіе привезли намъ! да это чистые турки!" — „Господи! ужъ не послѣднее ли время пришло? въ церкви запѣли что-то, чего и понять не можно!" — такія рѣчи вели между собою липоване, расходясь по домамъ послѣ торжественной встрѣчи Амвросія[1]). Правда, инокъ Павелъ, смотрѣвшій на все это съ великимъ прискорбіемъ, употребилъ всѣ мѣры, чтобы успокоить липованъ и изгладить непріятное впечатлѣніе, какое произвели на нихъ Огняновичъ и Георгій своимъ пѣніемъ: онъ поспѣшилъ разъяснить имъ, что пропѣтое сими послѣдними греческое многолѣтіе есть необходимая принадлежность всякаго архіерейскаго служенія и издревле употреблялось даже въ русской церкви, въ доказательство чего представилъ старопечатный Іо-

---

[1]) Записано со словъ о. Онуфрія; то же подтверждаетъ о. іеромонахъ Филаретъ, сынъ климоуцкаго старообрядца, бывшаго впослѣдствіи священникомъ въ Климоуцахъ. Вотъ подлинныя слова послѣдняго изъ его письма къ намъ: „Разговоры такіе и я помню, ибо они и въ Климоуцахъ происходили; даже родитель мой, ѣздившій посмотрѣть встрѣчу, съ недоумѣніемъ повторялъ потомъ, воротившись домой, гнусливымъ голосомъ, въ носъ, пѣніе Огнановича и Георгія, разумѣется безъ словъ, которыхъ не могъ понять, и говорилъ: „Богъ знаетъ чтó такое случилось! и на пользу ли будетъ, или на погибель!"

сифовскій Потребникъ, гдѣ это греческое многолѣтіе напечатано славянскими буквами безъ перевода [1]); а для того, чтобы не смущался липованскій слухъ греческимъ напѣвомъ, онъ немедленно переложилъ *ис-полла-эти-деспота* на напѣвъ старообрядческій [2]). Липоване успокоились; но тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что торжественная встрѣча Амвросія произвела на нихъ тяжелое впечатлѣніе.

54. Приготовленія къ чинопріятію Амвросія въ расколъ: сочиненія по сему поводу составленныя Павломъ.

Спустя двѣ недѣли послѣ торжественной встрѣчи Амвросія происходило въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ торжественное принятіе его отъ мнимой ереси въ мнимое „древлеправославіе“. Время между этими двумя событіями было проведено не безъ дѣла. Амвросія старались пріучить сколько-нибудь къ липованскимъ порядкамъ, особенно же произносить по-славянски всѣ тѣ молитвы и возгласы, которые во время литургіи архіерей долженъ провозглашать во всеуслышаніе народа. Такъ какъ Амвросій не умѣлъ ни читать, ни говорить по-славянски, то по необходимости пришлось предоставить ему читать всѣ молитвы и вообще отправлять службу по греческому Служебнику, въ которомъ, разумѣется, вездѣ напечатано было Ἰησοῦς, аллилуіа трижды, на проскомидіи повелѣвалось приносить пять просфоръ, пѣть на клиросѣ: *Господи спаси благочестивыя*, къ *Достойно и праведно* прибавлять: *покланятися Отцу и Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй*, — содержались вообще всѣ именуемыя у старообрядцевъ никоновскія новопремѣненія въ чинѣ литургіи. Во избѣжаніе соблазна, Павелъ и Геронтій признали необходи-

---

[1]) См. *Потр.* лѣта 7160 (1652), л. 763 об. Точно такъ же и въ Требникѣ Іоасафовскомъ, лѣта 7147 (1639), л. 16 особаго счета.

[2]) Такъ какъ въ Іосифовскомъ Потребникѣ напечатано *исполайти деспотà*, то эти самыя слова и положены на ноты; такъ пѣли потомъ въ Бѣлой-Криницѣ; такъ поется теперь и повсюду у раскольниковъ при архіерейскихъ службахъ.

мымъ сохранять въ тайнѣ отъ Липованъ, что Амвросій будетъ служить по греческому, то-есть, какъ они понимали, еретическвму Служебнику; а дабы не выдать секрета и избѣжать вящшаго соблазна, убѣдили Амвросія по крайней мѣрѣ возгласы выучиться произносить по-славянски. Для этого всѣ, произносимые архіереемъ возгласы и нѣкоторыя молитвы были нарочно для него переписаны по-славянски, но греческими буквами[1]). Пріучивъ Амвросія читать написанные такимъ способомъ молитвы и возгласы, Павелъ и Геронтій надѣялись, что теперь онъ въ состояніи отправить службу, не причиняя большаго соблазна Липованамъ. Другое, болѣе важное дѣло, которымъ занятъ былъ инокъ Павелъ въ эти двѣ недѣли, составляли приготовленія къ „дѣйствію чинопріятія".

Давно уже, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ питать сомнѣнія относительно раскольническихъ сказаній о „сокровенныхъ древлеправославныхъ епископахъ" и вмѣстѣ съ этимъ пришелъ къ убѣжденію, что потребный старообрядцамъ епис-

---

[1]) Объ этомъ упоминаетъ и Геронтій въ своемъ *Памятникѣ*. Перепиской славянскихъ возгласовъ и молитвъ греческими буквами занимался Огняновичъ, хорошій каллиграфъ. Предоставивъ Амвросію свободу въ алтарѣ дѣйствовать во всемъ согласно греческому Служебнику, Павелъ заботился только, чтобы онъ оставилъ неприкосновенными для всѣхъ видимыя и слышимыя старообрядческія отличія въ совершеніи литургіи; но и въ этомъ успѣлъ не вполнѣ. Такъ напримѣръ Амвросій не согласился допустить, чтобы, согласно старообрядческому обычаю, на клиросѣ не пѣли: *Господи спаси благочестивыя*. Такія и подобныя „новшества" очень смущали старообрядцевъ. Такъ пріѣзжавшіе за мvромъ московскіе посланники, услышавъ именно пѣніе стиха: *Господи спаси благочестивыя*, сильно упрекали Павла за такое греко-россійское нововведеніе, и Павелъ съ сокрушеніемъ признался имъ, что никакъ не могъ убѣдить Амвросія отложить пѣніе этого стиха. „Что, говоритъ, вы тутъ за ересь нашли — молиться Богу о спасеніи благочестивыхъ? — такъ и отступились"! (*Поѣздка за мvромъ. Рус. Вѣстн.* т. I, стр. 66 и 67). Не могъ также Павелъ убѣдить Амвросія, чтобы во время херувимской пѣсни, предъ перенесеніемъ даровъ, не вынималъ частицы за живыхъ и умершихъ по православному обычаю (у раскольниковъ такъ дѣлается).

копъ можетъ быть принятъ только изъ сущихъ въ ереси, инокъ Павелъ занятъ былъ вопросомъ о чинопріятіи, какому необходимо будетъ подвергнуть этого перваго старообрядческаго епископа, имѣющаго начать собою цѣлый рядъ послѣдующихъ и положить такимъ образомъ начало новой, самостоятельной іерархіи у старообрядцевъ. Правильному, съ раскольнической точки зрѣнія, рѣшенію этого вопроса онъ справедливо усвоялъ великую важность, имѣя въ виду, какіе споры и несогласія возникали между старообрядцами въ прежнее время по вопросу о чинопріятіи бѣглыхъ поповъ, и основательно предполагая, что еще больше подобныхъ, весьма опасныхъ для будущности новоучрежденной іерархіи, распрей и споровъ можетъ возбудить вопросъ о чинопріятіи епископа, если не позаботиться устранить ихъ заблаговременно тщательнымъ обсужденіемъ и рѣшеніемъ сего вопроса. И, сколько могъ, Павелъ дѣйствительно позаботился объ этомъ. Онъ составилъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ подвергнулъ тщательному разсмотрѣнію вопросъ какъ вообще о пріятіи епископа отъ сущихъ въ ереси, такъ въ частности — о пріятіи епископа именно отъ греческой церкви.

Мы видѣли, что еще въ 1841 году, приготовляясь ѣхать въ Россію для совѣщаній съ здѣшними старообрядческими обществами по дѣлу о Бѣлокриницкой архіерейской каѳедрѣ, тогда только еще начатому, инокъ Павелъ написалъ отъ имени всего Бѣлокриницкаго братства „посланіе“ къ московскимъ старообрядцамъ съ двумя прибавочными статьями[1]. Здѣсь на основаніи якобы церковныхъ правилъ и святоподобій, онъ тщился доказать, что будущій епископъ можетъ быть принятъ старообрядцами безъ всякаго сомнѣнія третьимъ чиномъ, а въ крайнемъ случаѣ, „егда бы, паче чаянія, подлежащаго третьему чину не оказалось“, можетъ быть принятъ и по второму, какъ пріемлются бѣгствующіе отъ великороссійской церкви священники. Но такъ какъ и въ то время онъ пред-

---

[1]) См. выше гл. 35. Тамъ приведены и полныя заглавія этихъ Павловыхъ сочиненій.

видѣлъ затрудненіе къ принятію епископа вторымъ чиномъ, то старался разъяснить старообрядцамъ, что и въ томъ случаѣ, если бы желаемый епископъ принадлежалъ къ числу еретиковъ втораго чина, его все-таки можно и даже слѣдуетъ принять не по второму, а по третьему чину, на основаніи такъ называемыхъ, „смотрительныхъ правилъ“, или „случайныхъ обстоятельствъ“ [1]).

Россійскіе старообрядцы разныхъ обществъ, съ которыми Павелъ видѣлся и бесѣдовалъ на пути въ Москву, также московскіе и петербургскіе не изъявили тогда согласія на изложенныя имъ соображенія относительно способа пріятія будущаго епископа. Возраженія, какія въ то время пришлось ему услышать отъ старообрядцевъ нѣкоторыхъ обществъ, были совершенно различнаго характера.

Такъ орловскіе старообрядцы нашли невозможнымъ согласиться съ тѣмъ, чтобы епископа можно было принять по второму чину; они утверждали напротивъ, что епископъ долженъ быть принятъ непремѣнно третьимъ чиномъ, и это не ради какого-либо „смотрительнаго случая“, какъ предлагалъ Павелъ, а по силѣ „всеобдержныхъ“ правилъ. Орловскіе старообрядцы принадлежали къ согласію Дьяконовцевъ, представители которыхъ въ 1779 году, на преніяхъ съ Перемазанцами, такъ убѣдительно доказывали этимъ послѣднимъ неправильность обычая принимать бѣгствующихъ священниковъ вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе: строго слѣдуя ученію предковъ, они считали невозможнымъ допустить пріятіе епископа вторымъ чиномъ на томъ основаніи, что „дѣйствіемъ мѵропомазанія, равно какъ и крещеніемъ, уничтожается самая хиротонія, такъ что по мѵропомазаніи подобаетъ уже изнова хиротонисати; къ этому они прибавляли еще, что и „священнику епископа мѵромъ помазывати есть дѣло ни съ чѣмъ не совмѣстное“. Хотя инокъ Павелъ и самъ желалъ устроить

---

[1]) Онъ раскрываетъ и доказываетъ это во второй, добавочной къ *Посланію,* статьѣ, имѣющей заглавіе: „Что есть всеобдержность, и что благословный случай“.

припятіе епископа именно по третьему чину, но никакъ не могъ онъ согласиться съ разсужденіями орловскихъ Дьяконовцевъ, которые утверждались совершенно на другихъ основаніяхъ, нежели представленныя имъ самимъ, и тѣмъ болѣе, что согласиться съ ними значило бы признать незаконнымъ и всѣхъ существовавшихъ доселѣ старообрядческихъ священниковъ, которые приняты были, согласно утвердившемуся у старообрядцевъ обычаю, вторымъ чиномъ, подъ мѵропомазаніе, а вѣдь именно такой священникъ долженъ будетъ принимать и Амвросія. И вотъ Павелъ, который никакъ не желалъ предавать осужденію, „досточтимый" по его выраженію, обычай предковъ — принимать бѣгствующихъ іереевъ подъ мѵропомазаніе, нашелся вынужденнымъ войти съ орловскими возражателями въ словопреніе, которымъ однакоже разубѣдить ихъ не успѣлъ [1]).

Напротивъ московскіе старообрядцы, въ большинствѣ своемъ, какъ уже было замѣчено выше, признали невозможнымъ согласиться съ тѣмъ Павловымъ мнѣніемъ, что епископа можно принять по третьему чину. Какъ достойные потомки Перемазанцевъ, они утверждали, что епископъ можетъ быть и долженъ быть принятъ вторымъ чиномъ, какъ принимались бѣгствующіе іереи, и что третьяго чина еретиковъ въ настоящее стоящее время даже вовсе не имѣется.

По вопросу о чинопріятіи епископа обнаружилось такимъ образомъ въ средѣ старообрядцевъ то же разногласіе, какое существовало прежде относительно принятія бѣгствующихъ священниковъ и породило споры между Дьяконовцами и Пере мазанцами; разногласіе это имѣло даже очевидную связь съ тѣми спорами Дьяконовцевъ и Перемазанцевъ: потомки обоихъ и теперь защищали тѣ же, что̀ и прежде, совершенно различныя положенія, — одни доказывали, что епископа вторымъ чиномъ принимать невозможно, другіе утверждали напротивъ, что только вторымъ чиномъ и можно принять епископа. Если

[1]) Объ этомъ разногласіи и преніи съ орловскими старообрядцами самъ Павелъ разсказываетъ въ своемъ „Предложеніи московскому старообрядческому обществу" *(Сборн. о. Онуфрія)*.

Павелъ имѣлъ причины не согласиться съ мнѣніемъ первыхъ, то не менѣе побужденій имѣлъ онъ возразить и противъ мнѣнія московскихъ старообрядцевъ, защитниковъ перемазанства, — что̀ дѣйствительно и сдѣлалъ. Возраженія его, написанныя въ формѣ вопросовъ, были очень сильны; но мнѣнія, принятаго московскимъ обществомъ, все таки не измѣнили, и Павелъ долженъ былъ, какъ мы говорили уже, окончательное рѣшеніе вопроса о будущемъ чинопріятіи епископа отложить до того времени, когда отыскано будетъ самое лицо, подлежащее пріятію, чтобы тогда, соображаясь съ обстоятельствами, рѣшить вопросъ этотъ общесоборнымъ разсужденіемъ.

И вотъ пришло это время. Крайне озабоченный предстоящимъ чинопріятіемъ Амвросія, которому объ этой тяжкой и унизительной для него обязанности не упоминалъ ни разу ведя съ нимъ переговоры, Павелъ еще болѣе желалъ теперь устроить пріятіе его не по второму, а по третьему чину, на которое все-таки находилъ болѣе удобнымъ склонить Амвросія, и потому, еще живя въ Константинополѣ, вскорѣ же по заключеніи условій съ Амвросіемъ, написалъ новое сочиненіе, которое намѣренъ былъ предъявить старообрядцамъ, какъ руководство къ окончательному рѣшенію вопроса о чинопріятіи „богодарованнаго владыки“: въ немъ подробнѣе доказывалъ онъ ту мысль, что пріятіе епископа, и именно епископа изъ грековъ, можетъ быть исполненно по третьему чину.

Новое сочененіе Павла называлось: *Краткое соображеніе, или сличеніе о разныхъ религіяхъ, то-есть вѣрахъ, за ереси осужденныхъ, однако тѣхъ только, отъ которыхъ дѣйствуемыя тайны, крещеніе и хиротонія, по правиламъ святыхъ соборовъ, въ православную церковь къ пріятію есть достойны* [1]). Разсмотрѣнію подвергнуты слѣдующіе еретики: 1) новатіане, или чистые, 2) аріане, 3) несторіане, 4) евтихіане, 5) единовольники, 6) иконоборцы, и потомъ (будто бы тоже „за ереси осужденные“) 7) никоніане и 8) нынѣшніе греки.

---

[1]) Мы пользуемся спискомъ этого сочиненія, находящимся въ *Сборникѣ о. Онуфрія.*

Само собою разумѣется, что наибольшую важность имѣли здѣсь „соображенія“ о „никоніанахъ и нынѣшнихъ грекахъ“; но и разсмотрѣніе древнихъ еретиковъ сдѣлано было не безъ цѣли, которая выступаетъ особенно ясно въ статьяхъ о евтихіанахъ, единовольникахъ и иконоборцахъ. Здѣсь именно говорится, что всѣ они осуждены вселенскими соборами, всѣ погрѣшали относительно существенныхъ догматовъ христіанскаго вѣроученія, всѣ оказывали непокорство вселенской церкви, — и, несмотря на то, были принимаемы отъ ереси только *третьимъ чиномъ*, какъ явствуетъ изъ соборныхъ опредѣленій и бывшихъ „образцевъ“ чинопріятія. Такіе образцы принятія третьимъ чиномъ отъ ересей, столь важныхъ и столь рѣшительно осужденныхъ вселенскими соборами, должны были вести прямо къ заключенію, что тѣмъ паче дозволительно допустить именно такого рода чинопріятіе относительно еретиковъ гораздо менѣе значительныхъ, каковы „никоніане и нынѣшніе греки“.

О тѣхъ и другихъ, о россіянахъ и грекахъ, Павелъ говоритъ, что они „вселенскими соборами не осуждены“, такъ что представляется совершенно непонятнымъ, за что́ же онъ помѣстилъ россіянъ и грековъ въ число „еретиковъ за ереси осужденныхъ“. О тѣхъ и другихъ сказано потомъ, что „никоніане во Святую Троицу и Христа Спасителя вѣруютъ православно“, а греки вообще „въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ никакой погрѣшности не имѣютъ, *что́ есть главный пунктъ православія*“. И еще о тѣхъ и другихъ говоритъ, что, „всѣ седмь вселенскіе и девять помѣстные православные соборы они пріемляютъ“. Такимъ образомъ давалось вѣдать старообрядцамъ, что никоніане и греки имѣютъ великое превосходство предъ древними еретиками, не должны быть судимы такъ строго, какъ эти послѣдніе, и потому еще удобнѣе, чѣмъ они, могутъ быть принимаемы отъ ереси третьимъ чиномъ. Правда, Павелъ исчисляетъ и разныя (мнимыя) отступленія россіянъ и грековъ отъ чистоты православія, — у первыхъ даже потщился найти якобы „погрѣшенія въ догматахъ вѣры о самомъ Божествѣ“, и именно указалъ (къ своему собственному посрамленію) два слѣдующія мнимыя погрѣшенія: 1) „Имя

Іисусово, пишемое съ одною іотою, опорочили... зловредно (?) аки бы оно не изображаетъ Спасителя, но инаго нѣкоего равноухаго Іисуса"[1]). 2) „Еще же Пресвятую Владычицу нашу Богородицу только отъ воплощенія Сына Божія исповѣдуютъ православно, а до зачатія Христова исповѣдуютъ быти ю просту дѣвицу и подобно прочимъ женамъ прародительную скверну въ себѣ имѣвшу, но якобы очищена она только архангеловымъ благовѣстіемъ: такъ у нихъ напечатано въ книгѣ *Скрижали*. Симъ отъемлютъ Богородицы честь и дѣлаютъ ю пороку причастну, да акибы Богъ не въ силахъ былъ сотворить себѣ и на земли сіе одушевленное небо, отнюдь никакой скверны не причастно"[2]). Потомъ „никоніанъ" Павелъ обвинилъ еще въ томъ, что, принимая вселенскіе и помѣстные соборы, они

[1]) Здѣсь, очевидно, Павлу слѣдовало говорить не о томъ, что будто бы имя *Ісусъ похулено* великороссійскою церковію, а о томъ, что *принято ею* „писать имя Спасителя съ приложеніемъ другой гласной литеры *иже*, тако: *Іисусъ,* означающее явѣ инаго Іисуса, его же православная церковь прежде сего никогда не исповѣдала". Такъ именно выражалъ самъ онъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (напримѣръ въ своей *Церковной исторіи*, на стр. 53, откуда мы и заимствовали приведенныя слова) эту якобы догматическую погрѣшность великороссійской церкви въ ученіи объ имени Спасителя; но въ настоящемъ случаѣ онъ, по лукавству, уклонился отъ прямаго выраженія своей мысли, такъ какъ, обвиняя великороссійскую церковь въ ереси за имя *Іисусъ,* онъ долженъ былъ бы въ той же ереси обвинить и церковь греческую, чего на сей разъ ему не удобно было сдѣлать; ему, напротивъ, нужно было сказать, что „въ догматахъ вѣры греки вообще *никакой погрѣшности не имѣютъ*". Вотъ почему въ примѣръ мнимаго „погрѣшенія русскихъ въ догматахъ вѣры" онъ и указываетъ здѣсь мнимую хулу ихъ на имя *Ісусъ,* а не приложеніе къ этому имени литеры *иже*.

[2]) Такимъ образомъ Павелъ проповѣдуетъ и здѣсь, совпадающее съ новымъ римско-католическимъ догматомъ, ученіе „о непорочномъ зачатіи" Пресвятой Дѣвы, которое съ большимъ тщаніемъ развивалъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (оно высказано, какъ мы говорили уже, и въ Бѣлокриницкомъ *Уставѣ* и съ особенною полнотой въ *Церковной исторіи:* см. стр. 40—42, 44—47). Но, поставляя въ вину только россійской церкви ученіе о причастности Пр. Дѣвы Маріи первородному грѣху, Павелъ опустилъ изъ вниманія, что этого же православнаго ученія держится и греческая церковь, ко-

отвергаютъ россійскій Стоглавый соборъ и Филаретовскій, а грековъ — что приняли „ново-московскій неправославный соборъ“, то-есть соборъ 1667 года[1]). И „никоніанъ“ и грековъ онъ обвинилъ далѣе въ томъ, что употребляютъ якобы чуждое православной церкви троеперстное и именословное перстосложеніе, „въ богослуженіи и стихословіи, въ чинахъ и уставахъ церковныхъ многія учинили перемѣны (якобы) напротивъ древле-православной церкви“. Тѣхъ и другихъ обвинилъ наконецъ въ содержаніи неправославныхъ обычаевъ — брадобритія, сверхъ-естественнаго употребленія табаку, и др. Но всѣ эти мнимыя погрѣшности и отступленія отъ чистоты православія, содержимыя „никоніанами и нынѣшними греками“, старообрядцы, по указанію Павла, при самомъ строгомъ объ нихъ сужденіи, должны были признать если не менѣе, то никакъ уже не болѣе важными, чѣмъ изложенныя передъ тѣмъ догматическія и иныя погрѣшенія древнихъ еретиковъ. Если же отъ сихъ послѣднихъ приходящія священныя лица были принимаемы церковію въ сущемъ ихъ санѣ *третьимъ чиномъ,* то отсюда и слѣдовало заключить, что тѣмъ же чиномъ безвозбранно могутъ быть принимаемы священныя лица, приходящія отъ „никоніанъ и грековъ“, хотя этого заключенія инокъ

торую однако отъ вины за сіе онъ освобождаетъ; забылъ и то, что въ самой *Скрижали* приведено ученіе греческаго церковнаго писателя — Никифора Ксанфопула.

[1]) Но если греки приняли соборъ 1667 г., и не только приняли, но соборъ этотъ и составленъ былъ подъ предсѣдательствомъ греческихъ патріарховъ, при участіи множества греческихъ епископовъ, то Павелъ не имѣлъ никакого права считать грековъ непричастными и той мнимой винѣ россіянъ, что они отвергли Стоглавый и Филаретовскій соборы. Въ этомъ греки „повинны“ даже болѣе россіянъ: ибо опредѣленія о Стоглавомъ соборѣ не дерзнулъ сдѣлать соборъ 1666 г., состоявшій собственно изъ россійскихъ архипастырей, а произнесъ его уже соборъ 1667 г., на которомъ предсѣдательствовали греческіе патріархи; опредѣленіе же о Филаретовскомъ соборѣ состоялось именно по предложенію этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ Павелъ, желая показать преимущество грековъ предъ россіянами въ соблюденіи православнаго ученія, намѣренно, или ненамѣренно, говорилъ явную неправду.

Павелъ, наученный опытомъ, изъ опасенія смутить старообрядцевъ, прямо не высказалъ.

Поелику же такому заключенію явно противорѣчилъ общепринятый у старообрядцевъ обычай принятія бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ вторымъ чиномъ — подъ мѵропомазаніе, то Павелъ позаботился объ устраненіи сего противорѣчія, и сдѣлалъ это со свойственными ему ловкостью и лукавствомъ. По обычаю своему не очень заботясь о правдѣ и не обращая большаго вниманія на свидѣтельства исторіи, онъ рѣшительно утверждалъ, что будтобы правило принимать бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви іереевъ установлено старообрядцами только со временъ Петра I-го, между тѣмъ какъ дотолѣ якобы общимъ обычаемъ у старообрядцевъ было — принимать священниковъ третьимъ чиномъ, и что такая перемѣна относительно чинопріятія послѣдовала главнымъ образомъ вслѣдствіе будто бы принятаго при Петрѣ великороссійскою церковію римскаго ученія о поливательномъ крещеніи. „Отъ великороссійской церкви (писалъ онъ) принимали старообрядцы священниковъ и простыхъ людей до времени Петра I-го императора третьимъ чиномъ; а послѣ того и до днесь принимаются приходящіе оттоль уже вторымъ чиномъ. Самая причина въ премѣненіи чина въ принятіи отъ великороссійской церкви священства съ третьяго чина на второй произошла отъ важнаго переворота въ самомъ сердцѣ великороссійской церкви со временъ Петра I-го императора". Важнѣйшій переворотъ состоялъ въ томъ, что „о самой первой и главной тайнѣ церковной, святаго крещенія, онъ предалъ великороссійской церкви мудрствовать по всему согласно латинамъ, такъ что якобы не весьма нужно трехпогружательное крещеніе, а довольно обливанія какимъ-нибудь образомъ, что̀ даже повелѣніемъ его отъ самаго правительствующаго духовнаго Синода *догматомъ церкви постановлено* (?) и напечатано въ книгѣ именуемой: *Оправданіе о поливательномъ крещеніи*... [1]) И какъ обнародо-

---

[1]) Далѣе Павелъ приводитъ изъ этого сочиненія Ѳеофана Прокоповича нѣсколько выраженій и объясняетъ ихъ въ томъ смыслѣ,

валось въ великороссійской церкви таковое противузаконное догматствованіе, *съ тѣхъ поръ* наши общества заблагоразсудили въ принятіи священниковъ поступать тверже, то-есть вмѣсто третьяго чина принимать вторымъ, только бы самъ приходящій священникъ трехпогружательнаго крещенія былъ, согласно соборному повелѣнію святѣйшиго Филарета, въ Великомъ Потребникѣ напечатанному... Послѣдовало также въ нашихъ христіанѣхъ во время Петра I-го и раздѣленіе, по причинѣ той, что нѣкоторые не восхотѣли перемѣнить первый обычай въ принятіи священниковъ отъ третьяго чина на второй. И такъ составилась отдѣльная отъ насъ секта подъ названіемъ Діаконовцевъ, ибо нѣкій діаконъ виновникъ былъ сего несогласія и раздора церковнаго" [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что реформы Петра I-го въ общественной и особенно религіозной жизни русскаго народа много содѣйствовали усиленію раскола, укорененію враждебныхъ отношеній раскольниковъ къ гражданскому и церковному прави-

---

что будто бы „отвергается оными за ненужное не только погруженіе, но даже и троекратное число(?), и тѣмъ совершенно попирается пятьдесятое правило св. Апостолъ, въ коемъ сказано: аще кто не креститъ въ три погруженія, изъ сана да отвержется". Приведенныя Павломъ выраженія изъ Өеофановой книжки, дѣйствительно не совсѣмъ осторожныя, если разсматривать ихъ внѣ связи (какъ именно и разсматриваетъ Павелъ), въ общемъ составѣ рѣчи совсѣмъ не имѣютъ того смысла, какой онъ постарался имъ усвоить: все содержаніе и цѣль книжки о „поливательномъ крещеніи", какъ извѣстно, направлены были только къ тому, чтобы устранить крайнія раскольническія мнѣнія о крещеніи, по нуждѣ, а въ нѣкоторымъ мѣстахъ по принятому обычаю, совершаемомъ чрезъ обливаніе, но вовсе не къ тому, чтобы крещенію сему отдать предпочтеніе предъ крещеніемъ трехпогружательнымъ, тѣмъ паче „отвергнуть" это послѣднее. Весьма справедливыя замѣчанія объ этомъ см. у архим. Павла (*Собр. сочиненій,* изд. 3, стр. 349—352),

[2]) Здѣсь явная несообразность. Начало особой Дьяконовской сектѣ положено въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, и самъ дьяконъ Александръ казненъ въ 1720 году; а сочиненіе Өеофана Прокоповича о поливательномъ крещеніи напечатано первый разъ въ 1724 г. (См. Пекар. *Наука и литература при Петрѣ,* т. II, стр. 610 и слѣд.).

тельству. Несомнѣнно, что способствовало этому и изданіе книжки о поливательномъ крещеніи, съ самаго появленія своего крайне враждебно принятой раскольниками и перетолкованной въ смыслѣ доказательства, что великороссійская церковь приняла поливательное крещеніе якобы во всеобдержный обычай. Но того значенія, какое усвояетъ ей Павелъ, она все-таки не имѣла, и та его мысль, что будто бы именно изданіе этой книжки побудило раскольниковъ принимать приходящихъ отъ великороссійской церкви священниковъ непремѣнно вторымъ чиномъ, вмѣсто третьяго, какъ было дотолѣ, лишена историческаго основанія. Исторія раскола показываетъ напротивъ, что старообрядцы и прежде временъ Петра, очень за долго до изданія книжки о поливательномъ крещеніи, принимали иногда священниковъ и вторымъ, и даже первымъ чиномъ (какъ принимали мірянъ)[1], — что вообще опредѣленнаго правила на сей предметъ у нихъ не существовало до того самаго времени, пока не было сварено ими на Рогожскомъ Кладбищѣ собственное мѵро, вслѣдствіе чего и возникли извѣстные споры Перемазанцевъ съ Дьяконовцами: тогда-то большинство постановило правиломъ перемазывать приходящихъ отъ церкви іереевъ, то-есть принимать ихъ вторымъ чиномъ, и правило это сдѣлалось общимъ у поповцевъ (за исключеніемъ Дьяконовцевъ). Инокъ Павелъ и самъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ, какъ далеко въ словахъ своихъ о книжкѣ Ѳеофана Прокоповича отступалъ отъ истины; но ему нужно было доказать, что со временъ Петра I-го россійская церковь признала обливательное крещеніе правильнымъ и законнымъ, даже предпочла его трехпогружательному, какъ будто бы несомнѣнно явствуетъ изъ упомянутой книжки, и что собственно съ этого времени, по изданіи этой злополучной книжки, начали старообрядцы принимать приходящихъ отъ великороссійской церкви священниковъ вторымъ чиномъ, вмѣсто третьяго, каковымъ принимали дотолѣ, — и вотъ онъ потщился доказать это, нисколько не заботясь объ исторической правдѣ.

---

[1]) См. объ этомъ въ 1-й главѣ; это засвидѣтельствовали и сами раскольники на перемазанскомъ соборѣ 1779 года (См. изданное нами *Сказаніе* о семъ соб. стр. 13).

А доказать это Павлу нужно было ради удобнѣйшаго рѣшенія, въ желаемомъ для него смыслѣ, чрезвычайно важнаго вопроса о чинопринятіи греческаго священства.

Какъ же именно рѣшалъ онъ этотъ вопросъ въ своемъ сочиненіи? „Отъ греческой церкви (писалъ онъ) послѣ нововведеній никоновыхъ въ принятіи священства *образца еще не было*, ибо ихъ попы не способны для русскаго народа ради языка, архіерея же принимать не осмѣливались; потому *донынѣ* и не имѣли надобности вникать о существѣ ихъ вѣры обстоятельно, и лучше къ русскимъ попамъ привыкли по словесности ихъ". *Нынѣ* такая надобность явилась. Какимъ же образцомъ слѣдуетъ руководиться въ принятіи священства отъ греческой церкви? Очевидно – образцомъ въ принятіи священства отъ церкви россійской, съ которою греческая имѣетъ ближайшее сходство. Относительно россійской церкви инокъ Павелъ доказалъ уже, что пока не было основанія обвинять ее въ усвоеніи обливательнаго крещенія, старообрядцы будтобы принимали отъ оной священниковъ третьимъ чиномъ: теперь, если будетъ доказано, что греческую церковь невозможно заподозрить даже въ снисходительности къ употребленію поливательнаго крещенія, то само собою будетъ явствовать, что принятіе священства отъ грековъ можетъ быть безъ всякаго сомнѣнія совершаемо по „прежнему", допетровскому образцу въ принятіи священства отъ церкви великороссійской. И вотъ, вмѣсто прямаго отвѣта на вопросъ о чинопріятіи Амвросія и вообще приходящихъ отъ греческой церкви священныхъ лицъ, Павелъ предлагаетъ читателямъ статью: *О трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи*. Здѣсь онъ замѣчаетъ прежде всего, что „довольно уже извѣщалъ письменно" старообрядцевъ о повсемѣстномъ существованіи въ Цареградской патріархіи, къ которой принадлежитъ Амвросій, трехпогружательнаго крещенія [1]), и что теперь приведетъ немногія свидѣтельства. И во-первыхъ приводитъ свидѣтельство самого Амвросія, который „по долгу

---

[1]) Павелъ разумѣетъ, конечно, свои письма съ Востока, въ которыхъ излагалъ наблюденія надъ крещеніемъ у грековъ.

присяги, съ цѣлованіемъ святаго образа и своеручнымъ подписаніемъ, завѣрилъ ихъ — Павла и Алимпія, что крещенъ въ три погруженія": ибо отецъ его былъ „всеревностный священникъ и всеопасный хранитель предписаній церковныхъ", а въ Требникѣ греческомъ именно „напечатано крестить въ три погруженія, какъ и самое слово у нихъ показуетъ *воптизма*"; да и самъ онъ „твердо помнитъ, что еще во время ученія его грамотѣ, бывшій въ то время въ Эносѣ архіерей хотящихъ происходить въ попы на экзаменацыи испытывалъ каждаго, твердо ли знаетъ своей восточной греческой церкви законъ, и поучалъ, дабы различить могъ отъ западнаго латинскаго, а особенно о крещеніи младенцевъ"; такъ поступали и прочіе эносскіе архіереи; такъ и самъ онъ — Амвросій „во все время своего священничества дѣйствовалъ и прочихъ тоже творящихъ повсюду видѣлъ". Во-вторыхъ, Павелъ ссылается опять на свои собственныя наблюденія въ Царѣградѣ, въ Сиріи и въ Палестинѣ, гдѣ „самъ очевидно видѣлъ устроеніе крестильней и самое трехпогружательное дѣйствіе, и по многихъ распросахъ ни отъ одного человѣка не слыхалъ, не только чтобы въ нынѣшнее время греки обливаніемъ крестили, но ниже помнитъ кто, чтобы когда у нихъ обливали". Затѣмъ слѣдуетъ сравненіе въ этомъ отношеніи греческой церкви съ русскою, въ которомъ и заключается сущность дѣла. „Если взвѣсить греческія патріархіи съ россійскими митрополіями (отколь мы принимали священниковъ), найдемъ, что греческая церковь въ главномъ догматѣ вѣры состоитъ весьма справедливѣе великороссійской. Потому что греческая церковь обливаніемъ дѣемое крещеніе латинскою схизмою порицаетъ, и если обличенъ будетъ за обливаемое крещеніе греческій попъ въ верховной духовной ихъ власти, абіе за то отрѣшается отъ парохіи и отлучается отъ службы. А великороссійская церковь ругаетъ сумазбродами, аѳеистами, прямыми безбожниками, кто не пріемлетъ обливательное крещеніе за православное, что явствуетъ въ книгѣ, печатанной отъ правительствующаго Сѵнода 1724 года, подъ названіемъ: *Оправданіе о поливательномъ крещеніи*, и всему свѣту извѣстно, что цѣлыя епархіи имѣетъ въ Малороссіи и Украйнѣ, гдѣ

всеобдержно въ крещеніи обливаютъ". „Итакъ, если мы принимали священниковъ отъ великороссійской церкви, не сомнѣваясь, то кольми паче о принятіи нынѣ митрополита Амвросія за крещеніе никакого сомнѣнія быть не должно". Но какимъ же именно чиномъ надлежитъ принять Амвросія? Этого осторожный инокъ Павелъ прямо не сказалъ, предоставивъ самимъ читателямъ сдѣлать заключеніе, ясно вытекающее изъ указанныхъ имъ образцовъ чинопріятія и особенно изъ того, что якобы отъ церкви великороссійской приходящіе священники, были принимаемы *третьимъ чиномъ* до самыхъ лѣтъ Петра I-го и даже до изданія книжицы о поливательномъ крещеніи...

Таково было по содержанію и характеру написанное Павломъ *Соображеніе о вѣрахъ*. Сочиненіе это онъ намѣренъ былъ сообщить старообрядцамъ разныхъ обществъ, какъ руководство къ окончательному рѣшенію вопроса о чинопріятіи Амвросія. И во-первыхъ онъ передалъ экземпляръ *Соображенія о вѣрахъ* иноку Аркадію, прежнему настоятелю Лаврентьева монастыря, когда вмѣстѣ съ Амвросіемъ, на пути изъ Константинополя въ Вѣну, останавливался на нѣсколько дней въ некрасовскихъ селеніяхъ, гдѣ неоднократно видѣлся съ Аркадіемъ. При этомъ Павелъ прежде всего имѣлъ въ виду подѣйствовать на самого Аркадія, который, какъ не могъ онъ не замѣтить, все еще колебался разными сомнѣніями относительно учреждаемой іерархіи, а также и относительно личности новопріобрѣтеннаго митрополита; затѣмъ Павелъ надѣялся, что Аркадій, какъ человѣкъ уважаемый старообрядцами за вѣдѣніе писанія и преданность „древнему благочестію", лучше всякаго можетъ разъяснить дѣйствительный смыслъ сочиненія и другимъ старообрядцамъ, — можетъ приготовить по крайней мѣрѣ некрасовскія общества къ желаемому рѣшенію вопроса о чинопріятіи Амвросія. Списки сочиненія, полные, или же только важнѣйшихъ статей его, были посланы и въ разныя россійскія старообрядческія общества[1]).

---

[1]) Такъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ въ Торжокъ, гдѣ подробно изложена исторія пріобрѣтенія Амвросія, Павелъ въ самомъ концѣ

55. Славскій и Бѣлокриницкій соборы для рѣшенія вопроса о чинопріятіи Амвросія.

Достигнуть цѣли, для которой написано было *Соображеніе о вѣрахъ,* Павлу не удалось. На Аркадія, если вѣрить его собственному признанію, это сочиненіе произвело сильное впечатлѣніе. „Не скрываю, — писалъ онъ впослѣдствіи, — а паче проповѣдую свое мнѣніе: видѣлъ митрополита, цѣловалъ его руку, но все еще не былъ расположенъ; былъ провожаемъ изъ Сарыкёя отцемъ Павломъ, но только я молчалъ и не объявлялъ своего мнѣнія. Здѣсь получилъ отъ него *правила* и принялъ ихъ хладнокровно. По прибытіи же въ свою келью началъ оныя читать, и по прочтеніи *въ одну минуту десятилѣтнее сомнѣніе меня оставило,* и я сотворился отъ инаго инымъ“ [1]). Отъ чего бы ни зависѣла эта перемѣна, такъ мгновенно совершившаяся, — убѣдился ли Аркадій доводами инока Павла въ законности и правильности новоучреждаемой іерархіи, или, что́ гораздо вѣроятнѣе, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ ожидаемыхъ отъ этой іерархіи выгодъ для всего старообрядчества и для себя лично [2]), — только съ этого времени онъ

помѣстилъ всю статью „о трехпогружательномъ въ грекахъ крещеніи“, выписавъ ее слово въ слово изъ *Соображенія о вѣрахъ* и прибавивъ только слѣдующее заключеніе: „*Вторительно уже* васъ о семъ утруждаемъ, и просимъ благаго вашего о Христѣ совѣта. Безпристрастно все вышеписанное разсмотрите и, какъ передъ Богомъ, свое мнѣніе нелицемѣрно намъ откройте, какъ вамъ Богъ вразумитъ, *и поскорѣе увѣдомьте, доколѣ еще дѣло не кончено,* дабы послѣ времени не дать мѣста между насъ поселиться враждѣ (чего Боже сохрани!) на радость діаволу; а если нынѣ умолчите и послѣ противное на разврать возглаголете, въ томъ да судитъ васъ Богъ!“ *(Пис. въ Торжокъ).* Въ Москву же списокъ Павлова сочиненія, вѣроятно, отвезенъ былъ Геронтіемъ въ послѣднюю его поѣздку туда съ Іеронимомъ, или Алимпіемъ, ѣздившимъ въ Москву по возвращеніи изъ Константинополя нѣсколько ранѣе Геронтія.

[1]) Письмо Аркадія въ Бѣлую-Криницу въ апрѣлѣ 1847 года (См. *Перепис. раск. дѣят.* вып. 2-й, стр. 4).

[2]) Что Аркадій никогда не покидалъ сомнѣній относительно Амвросія и начавшуюся отъ него іерархію никогда не признавалъ

дѣйствительно становится поборникомъ Бѣлокриницкаго священства и защитникомъ Амвросія. Съ *Соображеніемъ о вѣрахъ* онъ познакомилъ своего товарища, лаврентьевскаго инока Евфросина, настоятеля Славскаго скита и нѣкоторыхъ другихъ, свѣдущихъ въ писаніи иноковъ. Всѣ они также признали доводы Павла вполнѣ убѣдительными и склонялись къ мысли, что Амвросія можно принять третьимъ чиномъ. Спустя около трехъ недѣль по отъѣздѣ Павла и Амвросія изъ некрасовскихъ селеній, именно 23 іюня 1846 г., въ Славскомъ монастырѣ составленъ былъ, какъ надобно полагать по просьбѣ самого Павла, соборъ для совокупнаго выборными всѣхъ некрасовскихъ обществъ рѣшенія этого важнаго вопроса о чинопріятіи Амвросія. На соборѣ прежде всего прочитано было, какъ руководство къ предстоящимъ разсужденіямъ, Павлово *Соображеніе о вѣрахъ*. Читалъ Аркадій Лаврентьевскій. Всѣ слушали со вниманіемъ, и выслушавъ, нѣкоторые сказали: „это очень хорошо, — дай Богъ привести дѣло въ совершеніе!“ Но тогда между некрасовцами образовалась уже

вполнѣ правильною и законною, это очевидно и изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ его писемъ. Такъ наприм., отъ 18 октября 1861 года онъ писалъ Кириллу: „Владыко святый! Если бы я на сей хартіи открылъ вамъ Амвросіевы недостатки!.. Но открыть не на пользу, развѣ когда потребуется надобность. Амвросій принятъ *по великой нуждѣ*, а не по обдержнымъ правиламъ... Если по обдержнымъ правиламъ повѣрять всѣхъ (нашихъ) святителей достоинства, то *затворите церкви всѣ... Покойный Павелъ на вопросъ объ Амвросіи не далъ отвѣта: и теперь лучше молчать“ (Перепис. раск. дѣят.* вып. 2-й, стр. 139). Вотъ что̄ писалъ еще Аркадій около того же времени Каменскому попу Василью: „Глаголеши: вратами подобаетъ внити. Отче, вратами входа нѣсть, понеже человѣцы изнемогоша. *Церковь наша вся на случайныхъ обстоятельствахъ, и вратъ не имать,* т.-е. обдержныя правила празднуютъ (остаются праздны безъ исполненія)... Разсмотримъ *самый корень* — Амвросія: *не вратами, но тѣснотою, съ великою нуждою!* Я однажды отцу Павлу написалъ о Амвросіи пунктовъ до четырнадцати: онъ отвѣтъ далъ. Я паки возразилъ: не о томъ вопрошаю; но не погрѣшилъ ли о вѣрѣ Амвросій *(а что? — не подобаетъ глаголати)? И такъ отецъ Павелъ не доказалъ (Тамъ же,* стр. 109).

значительная партія недовольныхъ пріобрѣтеніемъ архіерея-грека: они рѣшительно утверждали, что Амвросія, какъ обливанца, каковыми, по утвердившемуся въ расколѣ мнѣнію, считали они всѣхъ грековъ, невозможно даже и принять въ сущемъ его санѣ. Здѣсь, на Славскомъ соборѣ, находились нѣкоторые изъ принадлежавшихъ къ этой партіи, — инокъ Іовъ, Илія Градищанскій (одинъ изъ сарыкёйскихъ депутатовъ), Власій, Филаретъ и другіе: они объявили, вопреки всѣмъ доказательствамъ Павла, что отъ грековъ принять священство невозможно. Защищать противъ нихъ Павлово сочиненіе, а вмѣстѣ и самое дѣло Амвросія, выступилъ инокъ Евфросинъ, извѣстный своею начитанностію. Съ этимъ великимъ „книгчіемъ“ трудно было состязаться некрасовскимъ грамотеямъ: онъ засыпалъ ихъ свидѣтельствами изъ разныхъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ, которыя приводилъ съ буквальной точностью [1]). Упорства некрасовскихъ грамотеевъ инокъ Евфросинъ не поколебалъ своими доказательствами; но, не зная чтб отвѣтить ему, они все-таки принуждены были замолкнуть. Послѣ этого вопросъ: *можно ли* принять Амвросія? — считали рѣшеннымъ въ пользу принятія. Слѣдовало разсмотрѣть другой: *какимъ чиномъ* принять его? Согласно изложенному въ сочиненіи Павла ученію о грекахъ, на основаніи церковныхъ правилъ и святоподобій, Аркадій и вмѣстѣ съ нимъ всѣ „соборные старцы“ высказали такое мнѣніе: „за случай, а не обдержно, да и за уваженіе столь великаго лица, надлежитъ принять митрополита Амвросія третьимъ чиномъ; всеобдержное же пріиманіе отъ ереси, какъ было у насъ донынѣ, такъ и навсегда да останется въ своей силѣ“. Но противники Амвросія опять заявили, что отъ грековъ съ соблюденіемъ священства никого принять невозможно. Для прекращенія спо-

---

[1]) Гончаровъ въ *Первомъ начатіи происшествія*... пишетъ: „Началъ Евфросинъ приводить свидѣтельства съ *Кирилловой*, и изъ *Вѣры* и *Кормчей:* и какъ онъ на какую книгу укажетъ, и мы посмотримъ, вѣрно ли онъ говоритъ, — и такъ вѣрно, что даже ни въ одномъ словѣ ошибки не замѣтили“.

ровъ и пререканій настоятель, инокъ Макарій, предложилъ свое посредствующее мнѣніе: „ради многихъ немощныхъ и писанія не свѣдущихъ, привыкшихъ къ священникамъ, которые всеобдержно принимаемы суть вторымъ чиномъ, такожде и нынѣ приступающаго греческаго митрополита Амвросія принять тѣмъ же вторымъ чиномъ, если онъ не тяжко себѣ вмѣнитъ на сіе соизволить". „Сумнящіеся" и теперь остались при своемъ прежнемъ рѣшеніи; а большинство согласилось съ мнѣніемъ старца Макарія, которое, въ видѣ постановленія состоявшагося на Славскомъ соборѣ, было изложено инокомъ Аркадіемъ[1]. Списокъ этого постановленія привезъ въ Бѣлую-Криницу находившійся тогда въ Славскомъ скиту и также присутствовавшій на соборѣ — инокъ Онуфрій.

Павелъ находился въ это время еще въ Вѣнѣ съ Амвросіемъ, и, конечно, здѣсь же получилъ извѣстіе объ исходѣ соборныхъ совѣщаній въ Славскомъ скиту. Понятно, что такимъ ихъ исходомъ онъ не могъ быть доволенъ, ибо видѣлъ теперь, что и пресловутое *Сообраэкеніе о ересяхъ* не сильно поколебало утвердившееся въ старообрядческихъ обществахъ мнѣніе о ересяхъ и укоренившійся обычай перемазывать приходящія отъ ереси священныя лица. Впрочемъ онъ не терялъ еще надежды устроить принятіе Амвросія третьимъ чиномъ, тѣмъ болѣе, что и самое опредѣленіе Славскаго собора принять его вторымъ чиномъ ограничено условіемъ: *если самъ Амвросій не тяжко себѣ вмѣнитъ на сіе соизволить*.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса теперь особенно важно было, какія мнѣнія и отзывы даны будутъ, по прочтеніи *Сообраэкенія*, другими заграничными старообрядческими обществами, особенно же россійскими. Чтобы дождаться этихъ отзывовъ, и еще чтобы склонить свои липованскія общества въ пользу принятія Амвросія по третьему чину, — вотъ для чего, между прочимъ, потребовалось Павлу то время, которое

[1] Текстъ этого „Дѣянія Задунайскаго собора" приводится въ „Соборномъ дѣяніи Бѣлокриницкаго монастыря", о которомъ будетъ сказано ниже.

прошло по пріѣздѣ Амвросія изъ Вѣны до торжественнаго принятія его въ расколъ. Съ бѣлокриницкими и иныхъ липованскихъ селеній стариками Павлу не трудно было справится: тогда онъ уже пользовался безграничнымъ ихъ довѣріемъ, какъ человѣкъ, совершившій такія дѣла, о какихъ они и помыслить не смѣли. Отъ представителей липованскихъ обществъ Павелъ дѣйствительно заручился обѣщаніемъ, что они, согласно его желанію, будутъ требовать пріятія Амвросія третьимъ чиномъ. Но ожиданія Павла относительно полученія отзывовъ на его *Соображеніе* изъ разныхъ заграничныхъ и особенно россійскихъ старообрядческихъ обществъ оказались напрасны: дни проходили за днями, а мнѣній по вопросу о чинопріятіи Амвросія ни откуда не получалось. Прибыли только для личнаго присутствія на соборныхъ о немъ разсужденіяхъ депутаты молдавскаго старообрядческаго общества: ясскій уставщикъ Никифоръ Панкратьевъ и ясскіе же купцы Лонгинъ Богомоловъ и Яковъ Желѣзниковъ. Павелъ былъ очень обрадованъ ихъ пріѣздомъ; но, побесѣдовавъ съ ними, увидѣлъ, что и они по вопросу о чинопріятіи Амвросія намѣрены твердо отстаивать общепринятый у старообрядцевъ обычай. Съ этого времени Павелъ утратилъ почти всю надежду на принятіе Амвросія третьимъ чиномъ. Между тѣмъ откладывать еще далѣе рѣшеніе этого дѣла было уже нельзя, да и настоятельной надобности не было. 27-го октября, въ воскресенье, происходило въ монастырской церкви общее торжественное собраніе для окончательнаго рѣшенія вопроса: какимъ чиномъ надлежитъ принять Амвросія въ старообрядчество? Происходившія тогда разсужденія о чинопріятіи Амвросія инокъ Павелъ изложилъ потомъ въ особомъ сочиненіи, подъ названіемъ *Соборнаго дѣянія* [1]). Павелъ написалъ его собственно

---

[1]) Вотъ полное надписаніе этого Павлова сочиненія: „Соборное дѣяніе Бѣлокриницкаго старовѣрческаго монастыря, состоящаго въ Буковинѣ Австрійской державы, о чинопріятіи желающаго вступить въ нашу древле-греко-россійскую православную церковь, греческаго господина митрополита Амвросія, 27-го октября 7354 (1846)

для старообрядческихъ обществъ, съ цѣлію — показать всему старообрядческому міру, какъ будто-бы благоговѣйно и мирно, съ какою осмотрительностью и съ какимъ попеченіемъ о соблюденіи церковныхъ правилъ учинено было принятіе перваго Бѣлокриницкаго епископа, положившаго основаніе новой раскольнической іерархіи. Изложимъ сначала, какъ по этому Павлову описанію происходили будто бысоборныя разсужденія.

Въ назначенный день, 27-го октября, по окончаніи литургіи, сдѣланы были въ монастырской церкви надлежащія приготовленія къ открытію собора: „на амвонѣ, на убранномъ аналоѣ, положено св. Евангеліе съ предстоящею возженною свѣщею: по обѣимъ сторонамъ отъ амвона вдоль церкви, для засѣданія присутствующимъ, поставлены во многомъ числѣ стулья; а посрединѣ, на другомъ аналоѣ, положена Кормчая книга, притомъ же приготовлены и другія книги на случай справокъ въ божественномъ писаніи“.

Около вечеренъ три раза ударили въ колоколъ, и всѣ собравшіеся для присутствія на соборѣ, предводимые Іеронимомъ и Геронтіемъ, вошли въ церковь; положили „началъ“ и заняли мѣста по достоинству и чину каждаго: „по одной странѣ въ началѣ сидѣлъ настоятель монастыря, инокъ Геронтій, со всѣми своими соборными старцами и прочими иноками; а по другой, также въ началѣ, сидѣлъ священноинокъ Іеронимъ, а за нимъ уставщикъ Бѣлокриницкой церкви Кипріанъ Тимоѳеевъ, потомъ отъ Молдавіи депутаты, ясскіе купцы: Никифоръ Панкратьевъ, Яковъ Ивановъ Желѣзниковъ и Лонгинъ Андреевъ Богомоловъ, а далѣе и прочіе депутаты отъ своихъ слободъ, какъ-то: бѣлокриницкіе, соколинскіе и мехидрскіе; прочіе же единовѣрные христіане, собравшіеся изъ окрестныхъ слободъ, въ безчисленномъ (!) множествѣ предстояще, со угнетеніемъ наполнили всю церковь и притворъ“.

года“. *Соборное дѣяніе* это довольно распространено въ спискахъ; напечатано игуменомъ Парѳеніемъ въ *Книгѣ о промыслѣ* (стр. 61—75). Мы пользуемся болѣе исправнымъ текстомъ по списку въ *Сборн. о. Онуфрія*.

Геронтій, сотворивъ молитву Іисусову, открылъ соборныя разсужденія краткимъ обращеніемъ къ присутствовавшимъ, въ которомъ просилъ ихъ „разсуждать и строить предлежащее дѣло безъ всякаго лицемѣрія, сообразно святыхъ писаній", и поставилъ самый вопросъ подлежащій обсужденію: „приступающаго нынѣ въ наше древлеистинное православіе отъ нынѣшней греческой религіи, господина высокопреосвященнѣйшаго митрополита Амвросія, какимъ чиномъ принять его долженствуетъ?" — „Откройте и предложите на среду, какія есть во святомъ писаніи по сему предмету правила святыхъ соборовъ и какіе примѣры отъ собывшихся въ древлеправославной церкви святоподобій": такъ (будто бы) „отвѣщалъ соборъ" на предложенія Геронтія.

Пріискивать правила и святоподобія не предстояло надобности: все это надлежащимъ образомъ было уже сдѣлано Павломъ въ его *Соображеніи о вѣрахъ*, и настоятель предложилъ теперь приступить именно, какъ было и на Славскомъ соборѣ, къ чтенію этого сочиненія. Читалъ, по приказанію Геронтія, самъ авторъ, съ приличными объясненіями, и въ потребныхъ мѣстахъ, для пущей убѣдительности, вычитывалъ правила непосредственно изъ Кормчей, — вообще „инокъ Павелъ (какъ самъ замѣчаетъ въ *Соборномъ дѣяніи*) настоятельское повелѣніе исполнилъ въ полной мѣрѣ, такъ что для всякаго со вниманіемъ слушающаго было ясно и внятно". Такъ какъ на основаніи тѣхъ же самыхъ, прочитанныхъ теперь, правилъ и святоподобій на одномъ соборѣ уже было сдѣлано постановленіе о чинопріятіи Амвросія, то прочитано было, вслѣдъ за *Соображеніемъ о вѣрахъ*, и это постановленіе Славскаго собора.

Затѣмъ приступили къ совѣщаніямъ и разсужденіямъ. Первые подали голосъ молдавскіе депутаты. „Помолчавъ мало и посовѣтовавъ между собою, они возгласили ко всему собору: не лучше-ли (?) учинить такъ, какъ положилъ мнѣніе Славскаго скита настоятель, на чемъ положился и весь соборъ Задунайскій, дабы, ради многихъ немощныхъ и совершенно не свѣдущихъ писанія, приступающаго нынѣ въ наше право-

славіе греческаго господина митрополита Амвросія принять вторымъ чиномъ?“.

Итакъ, по сказанію самаго „Дѣянія“, молдавскіе депутаты высказали на соборѣ мнѣніе, противное раскрытому въ *Соображеніи о опрахъ;* но защитниками послѣдняго выступили настроенные Павломъ депутаты отъ буковинскихъ раскольническихъ селеній: „бѣлокриницкіе же депутаты *и весь народъ*, слышавшіе соображеніе по прочитаннымъ правиламъ и яснымъ святоподобіямъ, желали конечно положиться, дабы принятіе господина митрополита учинено было третьимъ чиномъ“.

Тогда, по словамъ Павла, въ качествѣ посредника между тою и другою стороной явился одинъ изъ молдавскихъ депутатовъ, купецъ Лонгинъ Богомоловъ. „Приступивъ къ настоятелю, онъ предъ соборомъ *благочинно* предложилъ свое мнѣніе, что принятіе г. митрополита третьимъ чиномъ, сообразно правиламъ св. отецъ и сбывшимся святоподобіямъ, *признаетъ воистину правильнымъ;* но однако нѣтъ ли какого средства, чтобы учинить принятіе г. митрополита вторымъ чиномъ, и на томъ бы можно утверждаться святымъ писаніемъ безъ погрѣшительности? Тогда-бы соборное наше дѣйствіе согласовало и съ прежнимъ всеобдержнымъ обычаемъ, какъ мы уже издавна принимаемъ священниковъ, и успокоило бы совѣсть прочихъ многихъ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ, *не могущихъ участвовать въ теперешнемъ нашемъ соборѣ и въ такомъ понятіи*, каковой ради вины и Задунайскій соборъ рѣшился, чтобы согласить г. митрополита подъ второй чинъ, если будетъ возможно“.

Настоятель, инокъ Геронтій, на обращенный къ нему запросъ Богомолова отвѣчалъ, „съ подтвержденіемъ и прочихъ иноковъ“, цѣлою рѣчью, въ которой заявилъ рѣшительно, что „чрезъ принятіе Амвросія вторымъ чиномъ обнаружится одна только неуважительная къ нему жестокость, на которую *не видится подобнаго образца въ цѣломъ христіанскомъ вѣкѣ:* понеже для всѣхъ, хотя бы и простыхъ, приходящихъ отъ ереси въ православіе, столь важное въ древлевселенской церкви положено снисхожденіе, что даже и крещенію подлежащихъ

за единъ стыдъ, обнаженія ради, повелѣно принимать безъ покрещиванія (какъ гласитъ первое правило въ отвѣтахъ святѣйшаго Тимоѳея, архіепископа Александрійскаго); а кольми паче столь высокимъ лицамъ, приступающимъ въ истинное православіе, всегда оказываемо было снисхожденіе!" Но высказавшись такъ рѣшительно противъ принятія Амвросія вторымъ чиномъ, Геронтій однакоже заключилъ свою рѣчь заявленіемъ, что и вторымъ чиномъ принятіе правиламъ не противно: „что касается до правилъ и безпогрѣшительной возможности, дабы возможно было г. митрополита, аще самъ соизволитъ, принять вторымъ чиномъ, и о томъ есть *безсумнительныя свидѣтельства*".

Наконецъ для рѣшенія всѣхъ разногласій „отцы монастырскіе, предложили собору заключительное слово въ слѣдующемъ. Если угодно будетъ всему богодухновенному (!) собору, положимся на всемогущій и спасительный промыслъ Божій, да будетъ намъ въ знаменіе непререкаемое, — предложимъ наше требованіе самому богодарованному нашему господину митрополиту: если онъ на вторый чинъ согласитъ свою совѣсть произволитъ, то такъ есть угодно и Божіей воли; а если отвергнетъ требованіе, яко ожесточенныхъ, тогда и мы отвергнемъ все малодушіе прочихъ и учинимъ пріятіе его третьимъ чиномъ".

„На сіе *вси до единаго*, бывшіе на соборѣ, *единогласно* возгласили: воистину тако сотворить надлежитъ, да и воля Божія открыта намъ будетъ!"

Къ объясненію съ Амвросіемъ положено было приступить въ слѣдующій день, утромъ. Послѣ этого „вси единодушно предъ святымъ Евангеліемъ положили обычный началъ и съ миромъ разошлися".

Такъ, по сказанію сочиненнаго Павломъ „Дѣянія", происходили на Бѣлокриницкомъ соборѣ совѣщанія о чинопріятіи Амвросія: все будто бы совершилось мирно и благочинно. Но въ дѣйствительности было не совсѣмъ такъ. Пока продолжалось чтеніе правилъ, то-есть *Соображенія о вѣрахъ* и Дѣянія Славскаго собора, еще соблюдался нѣкоторый порядокъ; но

едва приступили къ „разсужденіямъ", какъ начались обычные на раскольническихъ сборищахъ шумные и безпорядочные споры. Вотъ что̀ пишетъ объ этомъ пресловутомъ соборѣ непосредственный участникъ его и безпристрастный свидѣтель: „Охъ, какое тѣсное было время! Съ вечера происходилъ соборъ шумною толпой, — кто кричитъ: надо мазать, какъ мазали бѣглыхъ поповъ! а больше кричали: не надо мазать! Даже Амвросій, сидя въ кельѣ, слышалъ эти крики и приходилъ въ крайнее смущеніе, не зная, за что такое народное движеніе; но ему все передавали въ самомъ превратномъ и тихомъ видѣ. И хотя больше было такихъ, которые кричали: не надо мазать! однако голосъ перемазанцевъ взялъ верхъ: рѣшили мазать"[1]). И рѣшеніе это было окончательное. А что касается включеннаго въ *Соборное дѣяніе* разсказа о томъ, что будтобы рѣшено было предоставить на свободное рѣшеніе самого Амвросія избрать то, или другое чинопріятіе, то разсказъ этотъ придуманъ Павломъ ради того, чтобы увѣрить старообрядцевъ, — и современныхъ и „предбудущихъ родовъ", которые будутъ читать сіе Дѣяніе, что будтобы митрополиту Амвросію оказано было все подобающее уваженіе и что принятіе по второму чину состоялось будтобы вслѣдствіе свободнаго и непринужденнаго соизволенія съ его стороны...

56. Объясненія Павла и Геронтія съ Амвросіемъ относительно чинопріятія.

Итакъ пришло наконецъ время откровенно объясниться съ Амвросіемъ насчетъ предстоящаго ему „чинопріятія отъ ереси". Формальное предложеніе объ этомъ Амвросію отложено было, какъ мы сказали, до утра 28-го октября; но Павелъ нашелъ необходимымъ объясниться съ нимъ теперь же, какъ только былъ оконченъ соборъ и всѣ его участники разошлись по кельямъ и домамъ. Какъ происходило это секретное объясненіе Павла съ Амвросіемъ, въ тишинѣ ночи, съ глазу на глазъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, въ присутствіи одного только

[1]) *Записки* о. Онуфрія.

переводчика, — объ этомъ инокъ Павелъ не любилъ говорить даже съ своими ближайшими друзьями. Представивъ Амвросію состоявшееся на соборѣ рѣшеніе о принятіи его въ расколъ чрезъ мѵропомазаніе какъ неизмѣнную волю народа, разсказавъ о своихъ долгихъ и напрасныхъ усиліяхъ отклонить это рѣшеніе, Павелъ, разумѣется, привелъ всѣ возможные аргументы, чтобы склонить его подчиниться народной волѣ: указалъ примѣры изъ Священнаго Писанія, какъ даже великіе святые дозволяли себѣ ради спасенія ближнихъ отступленіе отъ правилъ, допускали дѣйствія не одобряемыя ихъ совѣстію, — „какъ блаженный Павелъ Апостолъ, будучи зельный запретитель іудейскихъ обычаевъ, ради мира и союза церковнаго повелѣлъ ученику своему Тимоѳею обрѣзаться по іудейскому закону“, и т. п. [1]); не скрылъ, вѣроятно, и того, что Амвросію не слѣдуетъ слишкомъ строго смотрѣть на предстоящее ему чинопріятіе посредствомъ мѵропомазанія,—что чинопріятіе это будетъ исполнено больше для формы, ради успокоенія народа, а въ сущности и значенія имѣть не будетъ, ибо и мѵра-то настоящаго въ Бѣлой-Криницѣ, да и вообще у старообрядцевъ, не имѣется. Но для Амвросія убѣдительнѣе всѣхъ Павловыхъ аргументовъ была, конечно, совершенная безвыходность его положенія, — положенія „рыбы во мрежи сѣдящей“ и человѣка „сжатаго клещами“, какъ нѣкогда выразился о немъ самъ же инокъ Павелъ. Продавшись Липованамъ, разорвавъ окончательно всѣ связи съ обществомъ, къ которому принадлежалъ доселѣ, могъ ли Амвросій противиться тому, что̀ Павелъ называлъ народнымъ липованскимъ рѣшеніемъ? „И онъ, бѣдненькій (такъ повѣствуетъ непосредственный свидѣтель тогдашнихъ бѣлокриницкихъ событій), будучи завезенъ въ чужую землю и въ другіе языки, и не хотѣлъ, а долженъ былъ, и поневолѣ рѣшился — исполнить желаніе народа“ [2]). Итакъ Амвросій, конечно, не безъ горькихъ упрековъ Павлу, не упоминавшему прежде ни о какихъ чинопріятіяхъ, изъявилъ согласіе быть принятымъ по

---

[1]) Дѣян. *Бѣлокр. Соб.*
[2]) *Записки* о. Онуфрія.

образцу еретиковъ втораго чина. Это согласіе однакоже стоило дорого и Павлу и всему раскольническому обществу: можно рѣшительно сказать, что съ этой именно поры возникло и утвердилось въ Амвросіѣ то глубокое отвращеніе къ расколу и раскольникамъ, котораго даже предъ самими раскольниками не скрывалъ онъ впослѣдствіи при многихъ случаяхъ, и съ этого же времени сталъ онъ смотрѣть на свои отношенія къ расколу исключительно съ денежной стороны, какъ на выгодную сдѣлку, какъ на средство получать деньги съ раскольниковъ, что̀ также съ крайнимъ прискорбіемъ скоро замѣчено было всѣми.

Утромъ 28-го числа, послѣ всенощнаго бдѣнія святителю и чудотворцу Николѣ, согласно принятому наканунѣ рѣшенію, отправилась къ Амвросію депутація съ формальнымъ отъ собора предложеніемъ — соблаговолить на присоединеніе къ старообрядчеству посредствомъ втораго чина. Депутація состояла только изъ настоятеля инока Геронтія „съ нѣкоторыми отцами“; міряне же, не исключая и почетныхъ ясскихъ гостей, были устранены отъ участія въ оной, какъ надобно думать, изъ опасенія, какъ бы Амвросій даже и теперь не сказалъ чего-нибудь такого, чего постороннимъ свидѣтелямъ слышать не подобаетъ. Амвросій встрѣтилъ депутацію уже съ готовымъ отвѣтомъ и конечно не вступалъ теперь въ длинныя разглагольствія. Въ *Соборномъ дѣяніи* излагается однакоже „трогательная бесѣда“, которую будто бы имѣли съ нимъ явившіеся въ качествѣ депутатовъ отъ собора бѣлокриницкіе отцы. Теперь ли именно, или наканунѣ, въ объясненіяхъ съ однимъ только Павломъ, были сказаны тѣ слова, которыя отъ имени Амвросія приводятся въ *Дѣяніи*,—во всякомъ случаѣ въ этихъ словахъ нельзя не обратить вниманія на два слѣдующія, очевидно, Амвросію принадлежащія изреченія. Выслушавъ предложеніе — присоединиться отъ мнимой ереси къ мнимо-древнему православію посредствомъ втораго чина, Амвросій „обратился къ Павлу *веселымъ лицомъ* и сказалъ: *видно и ты Павелъ глупый!*“ Вотъ и все, что̀, по откровенному сверхъ ожиданія разсказу самого Павла въ *Соборномъ дѣяніи*, отвѣтилъ Амвросій; но въ этомъ краткомъ отвѣтѣ выразилось, можно ска-

зать, все его презрѣніе къ расколу, такъ какъ смыслъ отвѣта очевидно тотъ, что всѣ раскольники, по мнѣнію Амвросія, совершенные невѣжды и что былъ между ними одинъ только человѣкъ, котораго считалъ онъ и умнымъ и стоящимъ уваженія, но и тотъ оказался теперь не лучше другихъ — такимъ же, какъ всѣ прочіе „глупымъ"... И очень понятно, что обманутый, оскорбленный Амвросій, въ отвѣтъ на обидное и нелѣпое предложеніе о чинопріятіи отъ ереси, рѣшился сказать эту горькую правду прямо въ глаза иноку Павлу при цѣлой депутаціи изъ бѣлокриницкихъ отцовъ; одному трудно повѣрить, чтобы въ эту тяжелую для него пору и на предложеніе такого рода могъ онъ отвѣчать „веселымъ лицомъ". Другое замѣчательное изреченіе Амвросія сказано имъ, по свидѣтельству *Соборнаго дѣянія*, въ отвѣтъ на „простертую къ нему трогательную" рѣчь. Убѣжденный будто-бы этой рѣчью, митрополитъ Амвросій, „обратясь къ настоятелю съ братіей", сказалъ: „изволяю на ваше предложеніе; *только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтель Богъ, если состоитъ въ этомъ какой грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ таковаго*". Итакъ, вотъ чѣмъ Амвросій хотѣлъ успокоить свою совѣсть, согласившись, хотя и по нуждѣ, но все-таки сознательно, на преступное дѣло: подражая извѣстному примѣру, и онъ умываетъ руки, клянется, что онъ чистъ отъ грѣха, и всю вину за грѣхъ слагаетъ на другихъ!.. А эти другіе, опять какъ будто стараясь именно подражать извѣстному же примѣру, охотно берутъ его грѣхъ на себя: „отцы *съ радостію на то согласовали*". Это значитъ: грѣхъ его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!..

57. Торжественное принятіе Амвросія въ расколъ.

Итакъ явившаяся къ Амвросію утромъ 28 октября депутація получила отъ него „изволеніе" на принятіе отъ мнимой ереси въ дѣйствительный расколъ — по второму чину. Въ то же самое утро это чинопріятіе и было совершено. Начали звонъ къ обѣднѣ. Народъ наполнилъ церковь. По прочтеніи часовъ явился и самъ митрополитъ Амвросій, облаченный въ мантію

и „въ достодолжномъ сопровожденіи". Положивъ „началъ" и отдавъ поклоненіе народу, онъ прошелъ въ алтарь и облачился въ полное архіерейское облаченіе. За симъ началось дѣйствіе чинопріятія. Инокъ Павелъ въ *Соборномъ дѣяніи* описалъ его довольно кратко, съ замѣтною, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, осторожностію выраженій. Приводимъ это описаніе.

„Облачившись во вся святительскія облаченія, вышелъ (митрополитъ) изъ алтаря и сталъ на амвонѣ, гдѣ приготовлены (были) два налоя рядомъ, — на первомъ для митрополита положенъ списанный чинъ проклятія ересей, *съ переводомъ на греческія литеры, а выговоръ словъ по-русски,* точно такъ, какъ напечатано въ нашемъ Потребникѣ, на другомъ-же налоѣ положенъ для священника раскрытый Номоканонъ. Митрополитъ, стоя предъ царскими дверьми, началъ *велегласно, русскимъ языкомъ,* проклинать всѣ ереси. По проклятіи ересей принялъ себѣ во отца духовнаго нашего священноинока Іеронима, *исповѣдавшись ему во святомъ алтарѣ, выполняя и прочее все, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ*[1]). Окончивши же *должнымъ порядкомъ* принятіе, священникъ отверзъ царскія двери, возгласилъ къ народу пристойное поздравленіе, объявляя достоинство митрополита".

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ этомъ описаніи инокъ Павелъ, говоря о самомъ важномъ дѣйствіи совершеннаго надъ Амвросіемъ чинопріятія, употребилъ общее выраженіе: „выполняя и прочее все, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ", а не сказалъ прямо, что Іеронимъ, исповѣдавъ Амвросія, помазалъ его, какъ есть законоположено во второмъ чинѣ, освященнымъ мѵромъ. Павелъ, очевидно, съ намѣреніемъ избѣгалъ этого выраженія; онъ какъ будто совѣстился

---

[1]) Въ напечатанномъ у игумена Парѳенія *Соборномъ дѣяніи* это мѣсто читается иначе, именно такъ: „по проклятіи ересей, *митрополитъ* принялъ себѣ въ отца духовнаго священноинока Іеронима, *которому* исповѣдавшись въ алтарѣ, *былъ помазанъ отъ священника* (?) *святымъ мѵромъ" (Кн. о Пром.,* стр. 74). Но списокъ *Дѣянія,* которымъ мы пользуемся, какъ писанный въ Бѣлой-Криницѣ и принадлежащій одному изъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ, очевидно, слѣдуетъ предпочесть напечатанному въ *Книгѣ о Промыслѣ,* который вообще большою искренностію не отличается.

назвать освященнымъ мvромъ то, что раскольники святотатственно выдавали за мvро, и не имѣлъ духа прямо упомянуть о помазаніи, которое совершилъ надъ бѣглымъ митрополитомъ бѣглый попъ[1]... Съ такою же осторожностію и краткостію выразился Павелъ и объ исповѣди господина митрополита во святомъ алтарѣ. Правда, въ тотъ же самый день инокъ Павелъ предложилъ Іерониму подписать заранѣе приготовлениое *Свидѣтельство о достоинствѣ Амвросія*, гдѣ говорится, что онъ, Іеронимъ, приступивъ къ исповѣди его высокопреосвященства, *„испытавъ тщательно глубины сердца его*, обрѣлъ его во всемъ достойна, и его высокопреосвященство съ сокрушеннымъ сердцемъ и въ страсѣ Божіи истинно исповѣдалъ всю сущность православныя христіанскія вѣры“ и пр. и пр.[2]). Но въ *Соборномъ дѣяніи* Павелъ выразился о исповѣди Амвросія, какъ мы видѣли, очень осторожно, — не упомянулъ „о тщательномъ испытаніи глубинъ его сердца“ и о прочемъ,

---

[1]) Павелъ сознавалъ, конечно, всю фальшивость этого, предстоявшаго Амвросію, помазанія деревяннымъ масломъ вмѣсто мvра, да и Амвросія желалъ избавить отъ позора быть публично подвергнутымъ исполненію этого унизительнаго для него обряда (о чемъ, по всей вѣроятности, было сообщено и самому Амвросію, для успокоенія его, при объясненіяхъ съ нимъ въ ночь на 28 октября); поэтому онъ и устроилъ чинопріятіе Амвросія не среди церкви, при народѣ, а въ алтарѣ. Онъ пригласилъ въ алтарь, какъ свидѣтелей, только ясскихъ депутатовъ, настаивавшихъ на принятіи Амвросія по второму чину, которые и могли удостовѣрить весь старообрядческій міръ, что дѣйствительно митрополита приняли подъ мvропомазаніе.

[2]) Подлинное, собственноручно писанное Павломъ и только подписанное Іеронимомъ, свидѣтельство *(Бѣлокр. арх.)*. Оно было написано и хранилось въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, какъ видно, съ тою главнымъ образомъ цѣлію, чтобы въ случаѣ надобности могло служить для всѣхъ „сумнящихся“ удостовѣреніемъ о истинномъ достоинствѣ Амвросія. На эту цѣль особенно ясно указываютъ слѣдующія слова: „его высокопреосвященство въ страсѣ Божіи истинно исповѣдалъ... и то, что онъ истинно въ три погруженія крещенъ (о которомъ и приведшіе его изъ Царьграда монастырскіе отцы, испытавшіе дѣло въ странахъ тѣхъ потонку, насъ довольно объ этомъ увѣрили)“.

понимая, конечно, какъ неудобно говорить объ этомъ, когда есть основаніе усомниться даже въ возможности самой исповѣди Амвросія передъ Іеронимомъ. Какъ могъ и въ самомъ дѣлѣ Амвросій, ни слова не знавшій по-русски, исповѣдываться у Іеронима, ни слова не знавшаго по-гречески? Какая могла быть исповѣдь между двумя лицами, не понимавшими другъ друга? На этотъ именно вопросъ: какъ Амвросій исповѣдывался Іерониму? — одинъ изъ ближайшихъ участниковъ всего происходившаго тогда въ Бѣлой-Криницѣ далъ слѣдующій откровенный отвѣтъ: „затворились они оба въ алтарѣ *на нѣсколько минутъ*, уповательно — *посмотрѣли другъ на друга,* — тѣмъ и кончилась исповѣдь!"[1]) Вообще, все это дѣйствіе Амвросіева чинопріятія, которому старообрядцы усвояютъ величайшее значеніе, каковое и должно принадлежать ему съ старообрядческой точки зрѣнія, походило скорѣе на нѣкое „комедійное дѣйство", такъ что и самъ раскольническій повѣствователь, вопреки своему обычаю и несоотвѣтственно важности дѣла, описалъ оное въ самыхъ краткихъ и общихъ выраженіяхъ, не входя въ подробности...

Послѣ „глухой" исповѣди Амвросія и послѣ мнимаго помазанія мѵромъ, Іеронимъ, по сказанію Павла, „отверзъ царскія двери и объявилъ достоинство митрополита", а потомъ и самъ митрополитъ „выступилъ чрезъ царскія двери во всемъ своемъ святительскомъ облаченіи и пріемъ въ руки трикиріи и дикиріи, сталъ благословлять народъ".

Итакъ чинопріятіе совершилось: бѣглый раскольническій попъ призналъ и „объявилъ" бѣглаго греческаго митрополита въ „достоинствѣ", или, что̀ то же, въ санѣ раскольническаго архіерея, и сей послѣдній „выступилъ" передъ народомъ, какъ признанный уже архипастырь раскольниковъ, обладающій всѣми принадлежащими ему правами, въ силу которыхъ и преподалъ своей новой паствѣ благословеніе — дикиріями и трикиріями...

Затѣмъ Іеронимъ началъ обѣдню. По окончаніи оной (повѣствуетъ Павелъ) „всеобщимъ соборомъ съ подобающею че-

---

1) Записки о. Онуфрія.

стію и пѣснопѣніемъ проводили митрополита до келіи его"; а „всѣ отцы и братія и многіе бывшіе гости приглашены были въ настоятельскія келіи на утѣшеніе и поздравленіе, по поздравленіи же въ трапезу на обѣдъ, и весь день праздновали во славу Божію радостно"[1]).

Въ этихъ липованскихъ празднествахъ и ликованіяхъ самъ виновникъ ихъ — митрополитъ Амвросій не принималъ участія. Прямо изъ церкви онъ прошелъ въ свою келью, отстранивъ всякія поздравленія, и тамъ остался одинъ съ своими присными. Что передумалъ и перечувствовалъ онъ въ то время, пока Липоване радостно праздновали его измѣну православію, — это осталось тайной его совѣсти; но тогдашнія думы и чувства Амвросія были, конечно, совсѣмъ не радостныя, и къ этому времени, надобно полагать, имѣютъ ближайшее отношеніе слѣдующія примѣчательныя слова его сына: „много и много разъ мой покойный родитель бранилъ меня за это дѣло, то-есть за это липованское православіе, и сказалъ мнѣ покойникъ, что я буду наказанъ отъ Бога за это дѣло, потому что самъ онъ не хотѣлъ переходить въ липованскую ересь, если бы я не порадѣлъ Липованамъ"...[2]) Зато Липоване, по свидѣтельству Павла, „весь тотъ день праздновали свѣтло". Это былъ праздникъ особенно для главныхъ дѣятелей по учрежденію архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ, — для Павла, Геронтія, Алимпія. Теперь только могли они сказать, что шестилѣтніе неутомимые труды, такъ ловко и искусно, но вмѣстѣ и такъ безсовѣстно веденные, не пропали даромъ, — что долгая, неустанная борьба съ разнаго рода опасностями и препятствіями увѣнчалась вожделѣннымъ успѣхомъ, ближайшая цѣль, къ которой они стремились и достиженіе которой было особенно

---

[1]) *Соборное дѣяніе.*

[2]) Письмо Георгія отъ 29-го ноября 1864 года. Вотъ подлинныя слова его: „Много и много крата мои покойный родитель меня бранилъ за это дѣло, сирецъ за это липованску православію, и сказалъ меня покойникъ, да я буду отъ Бога наказанъ за это дѣло: понеже онъ не хотѣлъ пріитить на лицованску ерись, ежели я не былъ добрый за липована" (*Переписка раск. дѣят.* вып. I, стр. 233).

важно и трудно, наконецъ достигнута... Вообше, день этотъ, 28-е октября 1846 года, съ котораго ведетъ свое начало нынѣ существующая у раскольниковъ іерархія, когда послѣдовало событіе, составляющее эпоху въ исторіи раскола, долженъ быть отмѣченъ въ лѣтописяхъ раскола, какъ одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ.

58. Заботы о избраніи и избраніе намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи.

Первый Бѣлокриницкій митрополитъ, возведенный въ это званіе посредствомъ чинопріятія отъ ереси, былъ нуженъ и дорогъ старообрядцамъ собственно какъ первоначальникъ и насадитель раскольнической іерархіи, какъ лицо, по ихъ мнѣнію, имущее власть поставлять другихъ во всѣ священныя степени и поставленіемъ новаго епископа могущее обезпечить у нихъ дальнѣйшее существованіе священства въ полномъ, трехчинномъ его устройствѣ. Не въ томъ состояла послѣдняя, конечная цѣль учредителей іерархіи, чтобы найти и пріобрѣсть епископа, а въ томъ, чтобы при посредствѣ этого перваго епископа имѣть возможность получить другаго уже изъ „своихъ христіанъ“, изъ настоящихъ старообрядцевъ, не подлежащаго чинопріятію, и такимъ образомъ существованіе іерархіи упрочить на будуще время. Эту цѣль учредители іерархіи постоянно имѣли въ виду. При самомъ началѣ дѣла объ архіерейской каѳедрѣ у буковинскихъ Липованъ, въ важнѣйшихъ относящихся къ этому дѣлу документахъ — въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря,* въ разныхъ прошеніяхъ и промеморіяхъ, поданныхъ австрійскому правительству, какъ мы видѣли, непремѣннымъ условіемъ учрежденія каѳедры они поставляли то, чтобы дарованный липованамъ епископъ немедленно посвятилъ другаго епископа въ званіи своего намѣстника; при заключеніи формальныхъ условій съ Амвросіемъ они также непремѣннымъ съ его стороны обязательствомъ поставили, чтобы онъ, „по прибытіи въ Бѣлокриницкій монастырь, учиня церковное присоединеніе, неотлагательно поставилъ въ намѣстники себѣ дру-

гаго архіерея". Понятно, что теперь, по исполненіи „надлежащаго чинопріятія" надъ Амвросіемъ, первою и главною ихъ заботою было устроить избраніе и поставленіе новаго липованскаго епископа и вмѣстѣ намѣстника бѣлокриницкой митрополіи.

Прежде этого однакоже признано было необходимымъ учинить посвященіе нѣкоторыхъ лицъ на низшія священныя степени — въ діаконы и священники, ибо тѣ и другіе были необходимы для архіерейскаго служенія, особенно же для столь торжественнаго, какъ предстоявшее рукоположеніе новаго епископа.

На избраніе перваго ставленника, котораго долженъ былъ посвятить Амвросій, въ Бѣлой-Криницѣ обратили особенное вниманіе: Павлу и Геронтію желательно было, чтобы эта честь досталась человѣку достойному. Конечно, всего лучше и пріятнѣе было бы предоставить честь сію кому-либо изъ самихъ бѣлокриницкихъ властей; но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, найдено это неудобнымъ. А что̀ касается Павла и Алимпія, которые ради понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ имѣли наибольшее право на полученіе всякихъ преимуществъ и почестей, то они еще предварительно условились между собою не вступать ни на какую священную степень, дабы не возбудить подозрѣнія, что будто бы столько всякихъ стараній и хлопотъ объ учрежденіи старообрядческой архіерейской каѳедры они употребили по своимъ личнымъ расчетамъ, ради полученія сановъ и съ ними соединенныхъ почестей и выгодъ. Приходилось такимъ образомъ выбирать ставленника изъ рядовой братіи, — и избраніе пало на инока Евфросина[1]). По-

---

[1]) Это былъ, разумѣется, русскій выходецъ, инокъ Серковскаго монастыря. Въ *Памятникѣ происх. дѣлъ,* подъ № 2 записано: „Сей инокъ Ефросинъ есть первый самый поставленный во священнослужители, изъ числа пяти персонъ избралъ его промыслъ Божій жребіемъ во діакона, въ церкви, на соборномъ богомоленіи". О избраніи перваго липованскаго ставленника посредствомъ жребія инокъ Павелъ написалъ здѣсь, вѣроятно, ради назиданія „предбудущимъ" старообрядческимъ родамъ, во свидѣтельство имъ, что якобы всѣ важнѣйшія дѣйствія производились тогда въ Бѣлой-Криницѣ по

ставленіе его въ діаконы происходило 30-го октября, черезъ день по совершеніи чинопріятія надъ Амвросіемъ. Ради Евфросинова поставленія Амвросій служилъ свою первую литургію въ Бѣлой-Криницѣ, какъ раскольническій архіерей, — и, разумѣется, въ высшей степени странное зрѣлище представляла эта архерейская служба безъ дьякона, съ однимъ только священникомъ, отправленная митрополитомъ-грекомъ при липованскомъ пѣніи и съ липованскими обрядами... Теперь, послѣ перваго ставленника, найдено было удобнымъ произвести въ первыя священныя степени и самого Бѣлокриницкаго настоятеля инока Геронтія: въ ближайшій воскресный день, 3-го ноября, Геронтій былъ поставленъ въ діаконы [1]), а 8-го числа, въ праздникъ Архистратига Михаила, во священники [2]).

Между тѣмъ шли совѣщанія о кандидатахъ на званіе епископа — намѣстника митрополіи. За отказомъ Павла и Алимпія проходить священныя степени, первымъ кадидатомъ безъ всякаго прекословія общесоборнѣ назначенъ былъ Геронтій, котораго инокъ Павелъ именно прочилъ въ намѣстники, съ надеждою скоро увидѣть его и дѣйствительнымъ митрополитомъ Бѣлокриницкимъ, что было горячимъ желаніемъ и самого Геронтія; другимъ достойнѣйшимъ въ это званіе лицомъ изъ монастырскаго братства признанъ казначей — инокъ Нифонтъ [3]).

указанію „Божія Промысла"; на своемъ же дѣлѣ, какъ свидѣтельствуетъ о. Онуфрій, избраніе Евфросина происходило вовсе не по жребію.

[1]) *Памятникъ происх. дѣлъ,* подъ № 3.

[2]) Это число показано самимъ Геронтіемъ при допросахъ въ Петербургѣ, въ III отдѣленіи собств. Е. И. В. канцеляріи *(Чт. общ. ист. и др.* 1871, кн. IV, отд. V, стр. 148); въ своемъ *Памятникѣ* онъ также пишетъ, что „въ священноиноческое пресвитерство" хиротонисанъ 8 ноября „на праздникъ св. Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ собора». Но у Павла, въ *Памятникѣ происход. дѣлъ,* подъ № 4, какъ видно по ошибкѣ, поставленіе Геронтія во священники отнесено не къ 8, а къ 13 числу ноября.

[3]) Онъ былъ русскій же выходецъ; за границей принялъ имя Дороѳея: такъ его и звали обыкновенно *(Поѣздка за кордонъ, Русск. Вѣстн.* т. L, стр. 68, прим.), такъ и самъ онъ подписывался (какъ напр. въ письмѣ о поставленіи Кирилла).

Слѣдовало по общепринятому правилу (Кормч. гл. 42, л. 318) назначить еще третьяго кандидата, — и объ немъ-то главнымъ образомъ происходили разсужденія у бѣлокриницкихъ властей. Нашелся бы конечно и третій кандидатъ изъ монастырскаго братства; но Павелъ и Геронтій опасались, какъ бы назначеніемъ кандидатовъ на архіерейство только изъ своей монастырской братіи, притомъ же все изъ русскихъ выходцевъ, не возбудить неудовольствія въ липованскомъ обществѣ, какъ бы не вызвать подозрѣнія, что и все дѣло объ учрежденіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Криницѣ они затѣяли въ своихъ личныхъ видахъ и интересахъ. Поэтому рѣшились, послѣ немалыхъ колебаній, допустить и липованъ къ участію въ выборѣ намѣстника, - именно предложить имъ, чтобы выбрали третьяго кандидата изъ своей собственной среды. 10-го ноября, въ воскресенье, приглашены были въ монастырь почетнѣйшія лица изъ бѣлокриницкаго и климоуцкаго сельскихъ обществъ. Въ монастырской трапезѣ, послѣ обычнаго угощенія, инокъ Павелъ объяснилъ имъ, ради чего они приглашены, и предложилъ имъ избрать третьяго кандидата на намѣстничество изъ своего липованскаго общества. Предложеніе это было, разумѣется, очень лестно для липованъ, и, не раздумывая долго, они общимъ голосомъ рѣшили, что къ этому дѣлу всего пригоднѣе ихъ старый дьякъ, бывшій столько лѣтъ настоятелемъ приходской бѣлокриницкой церкви, Кипріанъ Тимоѳеевъ, — ему же, говорили, какъ человѣку вдовому и иночество принять никакого не предстоитъ затрудненія. Для Кипріана все это было неожиданностью: онъ смутился; началъ просить увольненія, отговариваясь тѣмъ, что обязанъ попеченіями и заботами о своемъ немаломъ семействѣ... Павелъ и Геронтій не ожидали ничего хорошаго для будущности митрополіи отъ такого кандидата на намѣстничество, каковъ былъ старый бѣлокриницкій дьякъ, выросшій и загрубѣвшій въ липованскомъ невѣжествѣ; но, будучи поставлены въ необходимость подчиниться какому бы то ни было избранію со стороны липованъ, къ тому же зная, что трудно между ними отыскать и человѣка, которому можно было бы отдать рѣшительное предпочтеніе

предъ Кипріаномъ Тимоѳеевымъ, а больше всего питаясь надеждою, что окончательный выборъ падетъ не на липованскаго кандидата, они почли нужнымъ предложить Кипріану и съ своей стороны убѣжденія, чтобы не противился общественному избранію. Кипріанъ согласился[1]).

Окончательное избраніе перваго въ строгомъ смыслѣ раскольническаго епископа изъ числа предназначенныхъ трехъ кандидатовъ, какъ дѣло величайшей важности, рѣшено было произвести посредствомъ жребія, что̀ значило, по мнѣнію Павла, предоставить дѣло сіе „указанію Божія промысла". Въ тотъ же день 30-го ноября, какъ только получено было отъ Кипріана Тимоѳеева согласіе — быть избираемымъ въ званіе намѣстника. Павелъ въ присутствіи всего собранія написалъ на трехъ равной величины билетахъ имена каждаго изъ кандидатовъ въ отдѣльности, и затѣмъ всѣ приглашены были въ церковь, куда вскорѣ явился и Амвросій. Ставъ на архіерейское мѣсто и облачившись въ мантію и омофоръ, Амвросій принялъ отъ Павла жребіи съ именами предъизбранныхъ кандидатовъ, свернулъ ихъ всѣ одинаковымъ образомъ, положилъ на блюдо, перемѣшалъ, накрылъ пеленою и поставилъ блюдо въ алтарѣ на престолъ. Іеронимъ съ іеродіакономъ Евфросиномъ отпѣли молебенъ Покрову Пресвятыя Богородицы и чудотворцу Николѣ. Затѣмъ Амвросій вошелъ царскими дверями въ алтарь

---

[1]) Это общественное избраніе Кипріана Тимоѳеева въ кандидаты на епископство было впослѣдствіи облечено въ форму законнаго письменнаго акта, который и помѣченъ тѣмъ самымъ числомъ, 10-го ноября, когда происходило избраніе. Актъ сей, написанный въ два столбца на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, препровожденъ былъ для засвидѣтельствованія и утвержденія въ мѣстный мандаторіатъ. Въ *Бѣлокр. арх.* находится черновой списокъ этого документа, писанный Огняновичемъ, который, вѣроятно, и составлялъ и переводилъ его. Въ концѣ рукою Павла приписано: „На подлинномъ подписались: священноинокъ Іеронимъ и многіе бѣлокриницкой громады старики и прочіе жители, а дворникъ Ѳедоръ Петровъ засвидѣтельствовалъ съ приложеніемъ казенной сельской печати. И мандаторъ г-нъ Лачинскій съ приложеніемъ думеніальной печати все то удостовѣрилъ".

къ престолу, вынулъ, не снимая пелены, одинъ изъ положенныхъ на блюдо жребіевъ и передалъ іеродіакону Евфросину— прочесть во всеуслышаніе начертанное на ономъ имя избранника. Евфросинъ громогласно провозгласилъ: „Божіею милостію избирается Кипріанъ Тимоѳеевъ“. Послѣдовало общее смущеніе. Геронтій, не только желавшій, но почему-то и сильно разсчитывавшій сдѣлаться намѣстникомъ Амвросія, не могъ даже скрыть своего огорченія. Не меньше другихъ пораженъ былъ и самъ Кипріанъ Тимоѳеевъ, никогда не помышлявшій дотолѣ о епископствѣ. Но „избранію Божія промысла“ всѣ должны были безпрекословно покориться[1]). Не знаемъ, какія „судьбы промысла Божія“ усматривалъ инокъ Павелъ въ этомъ неожиданномъ избраніи намѣстника Бѣлокриницкой митрополіи и перваго въ строгомъ смыслѣ старообрядческаго епископа; но если можно дѣйствительно находить здѣсь пути Провидѣнія, такъ именно въ томъ, что вопреки желанію ревнителей незаконнаго дѣла жребій достался человѣку, наименѣе способному устроить и упрочить процвѣтаніе новой раскольнической іерархіи, имѣвшему напротивъ всѣ задатки, чтобы помочь ей обнаружить свою внутреннюю несостоятельность, поддержать тѣ распри и раздоры, которые скоро начались въ ней и которыми она поядается донынѣ.

59. Приготовленія къ поставленію Кирилла въ епископы.

Поставленіе намѣстника пришлось по необходимости отложить на нѣкоторое время, такъ какъ нужно было предварительно постричь Кипріана въ иноки и подвергнуть обязательному у старообрядцевъ для всякаго новопостриженнаго шести-

---

[1]) Въ *Памятникѣ происх. дѣлъ* сказано, что Кипріанъ Тимоѳеевъ „предварительно изволеніемъ г-на митрополита и прочимъ духовенствомъ на соборѣ принятъ въ выборъ епископа въ число трехъ персонъ — монастырскаго настоятеля Геронтія и казначея инока Дороѳея, яко тридцатилѣтній настоятель сельской церкви, коего *Промыслъ Божій избралъ жребіемъ* во епископа“ (№ 11). Прочія изложенныя нами подробности о Кипріановомъ избраніи въ намѣстники заимствованы изъ записокъ и разсказовъ отца Онуфрія и отца Филарета.

недѣльному безвыходному пребыванію въ келліи. Постриженіе Кипріана Тимоѳеева въ иноки происходило 16-го Ноября: при этомъ получилъ онъ имя Кирилла[1]).

Между тѣмъ, пока новопостриженный инокъ Кириллъ находился въ затворѣ, Амвросій успѣлъ посвятить для Бѣлокриницкаго монастыря еще нѣсколько ставленниковъ. Это признано было нужнымъ для того особенно, чтобы ко времени кириллова рукоположенія въ епископы приготовить достаточное количество священныхъ лицъ, которыя могли бы участвовать въ этомъ торжественномъ служеніи, а также и Амвросій чтобы пріучился къ тому времени поисправнѣе служить съ тѣми особенностями, какихъ требовали отъ него въ Бѣлой-Криницѣ. 22-го ноября поставленъ во діаконы инокъ Іосафъ[2]); 24-го іеродіаконъ Евфросинъ рукоположенъ во священники, и въ тотъ же день инокъ Арсеній—въ діаконы[3]); а 6-го декабря, въ день нарочито празднуемый Павломъ, этотъ послѣдній имѣлъ утѣшеніе видѣть друга, сотрудника и евангельскаго отца своего, священноинока Геронтія произведеннымъ во архимандрита: это сдѣлано было якобы „по желанію всего монастырскаго общебратства"[4]), а главнымъ образомъ въ утѣшеніе Геронтію за понесенную имъ неудачу при избраніи на епископство. Такимъ образомъ, при Амвросіѣ образовался немалочисленный „освященный соборъ", состоявшій изъ архимандрита, двухъ священно-иноковъ и двухъ іеродіаконовъ.

Будущій намѣстникъ Бѣлокриницкой митрополіи, вопреки соборнымъ правиламъ (сардик. соб. пр. 11, Кормч. л. 112; первовтораго соб. пр. 17, Кормч. л. 221. об.), быстро проведенъ былъ по всѣмъ священнымъ степенямъ: 25-го декабря поставленъ въ иподіаконы и діаконы, 1-го января 1847 года —

---

[1]) *Память. происх. дѣл.*. подъ № 9.

[2]) *Тамъ же*, подъ № 5. Этотъ Іоасафъ былъ, разумѣется, русскій выходецъ, — гуслякъ, изъ села Запонорья (*Русск. Вѣстн.* т. L. стр. 63, прим.).

[3]) *Память. происх. дѣлъ*, №№ 6 и 7. Арсеній былъ родомъ изъ Стародубья, изъ слободы Митьковской.

[4]) Такъ именно говорится въ *Память. происх. дѣл.*, № 8.

въ священники, а на 6-е число того же мѣсяца назначено было и поставленіе въ епископы, „на паству, идѣже господинъ митрополитъ опредѣлить изволитъ". Приготовленія къ этому дню дѣлались большія — и по церковной части, и по внѣшней, мірской. Нужно было устроить все такъ, чтобы невиданный и небывалый въ старообрядчествѣ, притомъ весьма сложный, чинъ архіерейскаго поставленія могъ быть исполненъ безъ замѣшательствъ, безъ нарушеній порядка, подобающаго столь важному дѣйствію. Кромѣ того, по случаю праздника Богоявленія Господня, предположено было, въ назиданіе и утѣшеніе не только буковинскимъ, но и повсюду сущимъ старообрядцамъ, устроить по окончаніи литургіи торжественное шествіе на освященіе воды, положенное въ тотъ день по уставу, для чего требовалось также сдѣлать всѣ нужныя приготовленія и распоряженія. А такъ какъ ради столь великихъ торжествъ ожидалось большое отовсюду стеченіе народа, то предстояла забота и о надлежащемъ учрежденіи посѣтителей трапезою. Притомъ же на этотъ день приглашены были и ожидались гости изъ чиновнаго міра. Не задолго передъ симъ въ буковинскомъ крайзамтѣ было получено изъ губерніи оффиціальное извѣщеніе, что Амвросію, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія по его просьбѣ о принятіи въ австрійское подданство, высочайше дозволено жить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ и и вступить въ отправленіе своей должности[1]). По сему случаю Амвросій долженъ былъ войти въ оффиціальныя сношенія съ мѣстными властями, какъ признанное правительствомъ одно изъ высшихъ духовныхъ лицъ въ Буковинѣ, и Павелъ находилъ нужнымъ, чтобы Амвросій сдѣлалъ визиты къ болѣе значительнымъ изъ областныхъ чиновъ, а также пригласилъ ихъ для приличнаго угощенія къ себѣ въ митрополію. Съ старообрядческой, а тѣмъ паче съ липованской точки зрѣнія это

---

[1]) Изъ гофъ-канцеляріи декретъ за № 34.987 посланъ въ губернію, во Львовъ, 15 (3) ноября 1846 г.; а изъ губерніи предписаніе черновицкому крайзамту, за № 69.955, помѣчено 11-мъ декабря (Копія послѣдняго въ *Бѣлокр. архивѣ)*.

общеніе съ еретиками было, правда, дѣломъ непозволительнымъ; но Геронтій и Павелъ считали необходимымъ исполнить эту тяжкую обязанность даже не по долгу одной вѣжливости, а и въ видахъ собственной пользы, въ огражденіе себя на будущее время отъ всякихъ могущихъ встрѣтиться непріятностей; притомъ же въ отношеніи къ черновицкимъ благодѣтелямъ, которые такъ усердно помогали благополучному окончанію дѣла объ іерархіи, этого требовало и чувство признательности. День 6-го января, когда имѣли происходить такія необыкновенныя торжества въ Бѣлой-Криницѣ, и избранъ былъ, какъ самый удобный, для приглашенія въ митрополію „высокоблагородныхъ“ гостей [1]).

Приглашеніе было принято съ удовольствіемъ. Черновицкій областной начальникъ и другія чиновныя лица не только сами обѣщались пріѣхать цѣлыми семействами, но просили еще позволенія привезти своихъ пріятелей и знакомыхъ [2]). Итакъ разныхъ „благородныхъ“ гостей ожидалось немалое количество. Нужно было позаботиться объ ихъ помѣщеніи и о при-

---

[1]) Впослѣдствіи вотъ что̀ писалъ объ этомъ самъ Павелъ московскимъ благотворителямъ и друзьямъ: „Съ самаго прибытія къ намъ господина богодарованнаго митрополита Амвросія облежало на нашей выи тягчайшее бремя, или, такъ сказать, житейскій долгъ, коего необходимо требовалъ суетный міръ: ибо невозможно вновь прибывшему столь важному лицу на мѣсто всегдашняго жительства въ сію буковинскую область не дать чести свѣтскимъ начальникамъ, подъ покровительствомъ коихъ, на правахъ привилегированныхъ, господинъ митрополитъ и мы сами всѣ находимся; а и по заповѣди апостольской обязаны, гласящей такъ: *убо всѣмъ должная, емуже урокъ, урокъ, емуже дань, дань, а емуже страхъ, страхъ, и емуже честь, честь.* И тако, со дня на день, даже до сего времени оставались мы аки нечувствительны. Но вотъ наступило время — знаменитое рукоположеніе новаго архіерея и іорданское водоосвященіе. Въ этотъ день рѣшились мы отдать единовременный сей долгъ высокославнымъ начальникамъ буковинскимъ, коихъ пріѣхать къ намъ на праздникъ за время просили“ (*Переп. раск. дѣят.* вып. 1, стр. 89—90).

[2]) Тамъ же.

личномъ для нихъ пиршествѣ. Рѣшились очистить и приготовить для гостей домъ за монастырской оградой, и здѣсь же предложить имъ угощеніе, такъ какъ присутствіе „разныхъ религій гостей" за трапезою, вмѣстѣ съ „древлеправославными христіанами", признано было неудобнымъ, изъ опасенія — „дабы нѣкихъ ревнителей симъ не соблазнить". Къ 6-му января гостей въ Бѣлую-Криницу съѣхалось дѣйствительно очень много: кромѣ разныхъ чиновныхъ лицъ, было „болѣе пятидесяти человѣкъ благородныхъ помѣщиковъ, съ супругами и взрослыми дѣтьми". По распоряженію областнаго начальника, желавшаго оказать особенное вниманіе Амвросію, была приведена изъ думеніи воинская команда для наблюденія за внѣшнимъ порядкомъ при церемоніяхъ, и привезено нѣсколько пушекъ малаго калибра, чтобы стрѣлять при поставленіи епископа и при освященіи воды. Но это послѣднее намѣреніе было уже такъ противно липованскимъ обычаямъ, что инокъ Павелъ обратился къ благодѣтельному начальству съ усерднѣйшею просьбою—не производить пушечной пальбы при священнодѣйствіяхъ: „ибо (говорилъ онъ) по нашему обряду неприлично и даже грѣшно въ столь важный часъ святаго дѣйствія волновать слухи благоговѣйныхъ христіанъ пустыми звуками"[1]). Просьба его, разумѣется, была уважена, и пушечные выстрѣлы назначено производить во время обѣда.

60. Поставленіе Кирилла въ епископы и торжество Богоявленскаго водосвященія.

По свидѣтельству очевидцевъ порядокъ при поставленіи перваго липованскаго епископа, тщательно изученный предъ этимъ всѣми участвовавшими лицами, не былъ нарушенъ никакимъ особенно выдающимся неблагоприличіемъ, хотя самъ Кириллъ, такъ быстро превращенный изъ сельскаго дьяка въ епископы, не смотря на свои златотканныя архіерейскія одежды, многимъ даже изъ зрителей липованскаго закона ка-

---

[1]) Тамъ же.

зался слишкомъ мало похожимъ на епископа. Но при этомъ были допущены нѣкоторыя отступленія отъ правилъ, достойныя упоминанія.

1) Поставленіе Кирилла въ епископы совершено однимъ только епископомъ, тогда какъ первое апостольское, а вслѣдъ за нимъ и соборныя правила (перваго всел. пр. 4, Кормч. л. 34 об.; Кароаген. 49, Кормч. л. 136) требуютъ, чтобы по крайней мѣрѣ три или два епископа поставляли епископа. Это обстоятельство инокъ Павелъ предусмотрѣлъ заранѣе и принялъ надлежащія мѣры, чтобы ослабить его значеніе въ глазахъ старообрядцевъ. Еще въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря* внесъ онъ замѣчаніе, что „по древле во святыхъ отцахъ сбывшимся примѣрамъ, *нужнаго ради случая*, незазорно можетъ и единъ епископъ поставить другаго"[1]). Въ статьѣ же: *Что есть всеобдержность и что благословный случай?* — указалъ потомъ и самые эти „во святыхъ отцахъ сбывшіеся примѣры", когда „нужнаго ради случая" „одинъ епископъ невозбранно поставлялъ епископа", — именно примѣры священно-мученика Автонома и блаженнаго Оедима. Эти указанія Павелъ находилъ достаточными для устраненія всякихъ между старообрядцами сомнѣній относительно законности архіерейскаго поставленія, совершаемаго нужды ради и однимъ епископомъ. Дѣйствительно, старообрядцы, какъ заграничные, такъ и русскіе, не выразили сомнѣнія относительно поставленія Кирилла, нужды ради, однимъ только Амвросіемъ[1]). Но Павелъ и всѣ старообрядцы опустили изъ вниманія, что если *въ частныхъ случаяхъ* епископъ, находившійся притомъ въ общеніи съ другими православными епископами, поставлялъ *нужды ради* и единолично епископа, то

---

[1]) Въ статьѣ: *Предметъ о водвореніи епископа.*

[2]) Даже и теперь, когда у раскольниковъ существуетъ весьма значительное количество епископовъ, у нихъ, уже безъ всякой *нужды,* епископа поставляетъ большею частію одинъ епископъ, — и эти мнимые блюстители древлеотеческихъ уставовъ нимало не смущаются такимъ явнымъ отступленіемъ отъ основныхъ церковныхъ правилъ.

никогда не было въ церкви Христовой и никакія правила не предвидѣли и не могли предвидѣть такой *всеобщей нужды*, въ какой находилось старообрядчество, то-есть чтобы во всей церкви существовалъ одинъ только православный епископъ и не существовало другаго, который могъ бы, или по нуждѣ не могъ, содѣйствовать ему въ рукоположеніи новаго епископа. Прекращеніе архіерейства и мнимое возстановленіе его архіереемъ, пришедшимъ (по понятію раскольниковъ) отъ ереси, чрезъ единоличное поставленіе другаго архіерея — это именно и есть очевиднѣйшее доказательство того, что общество старообрядцевъ не составляетъ церкви Христовой. Только самъ Христосъ, Архіерей Великій, прошедшій небеса, *Единъ* поставилъ Апостоловъ и тѣмъ положилъ начало священной іерархіи въ церкви своей. Амвросій святотатственно уподобился Христу: потому и іерархія его справедливо должна быть названа іерархіею отъ Амвросія, а не отъ Христа.

2) При нареченіи и поставленіи Кирилла требовалось объявить, на епископію какого именно града онъ нарекается и поставляется, — и непремѣнно града, притомъ не малолюднаго и жители котораго принять его готовы, а не селенія, или какой-либо веси, такъ какъ правила воспрещаютъ поставлять епископовъ даже для городовъ малолюдныхъ (сардик. соб. пр. 7, Кормч. л. 110 об.)[1]. Выбрать епархіальный городъ для Ки-

[1]) Для Амвросія, и вообще для бѣлокриницкихъ митрополитовъ, сдѣлано исключеніе изъ этого правила, на томъ основаніи, что митрополитъ Бѣлокриницкій хотя имѣетъ каѳедру въ селеніи, но власть его простирается и на многіе грады, не исключая даже столичныхъ, — на всѣ вообще мѣста, гдѣ только есть старообрядцы, пріемлющіе бѣлокриницкое священство, почему и называется онъ не только митрополитомъ Бѣлокриницкимъ, но и „верховнымъ пастыремъ всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ". Не принявшіе бѣлокриницкаго священства старообрядцы, въ числѣ другихъ возраженій противъ него, указывали и на то, что Амвросій, какъ не имѣющій града, сельскій епископъ, не можетъ поставлять другихъ въ священныя степени. Лужковцы, напр., писали въ своихъ вопросахъ „австрійской митрополіи главному наставнику": „нынѣ у васъ отъ еретикъ принятъ по вашей сребролюбивой, якоже видимъ,

рилла было не легко. Въ Буковинѣ не имѣлось ни одного города, заселеннаго старообрядцами, — Климоуцы, Мехидра, Лукавецъ, даже самые Соколинцы — все это селенія, а не города; съ другой стороны, назначить городъ, не населенный липованами, или городъ и старообрядческій, но не въ австрійскихъ владѣніяхъ, было бы противно изданному 6 (18) сентября 1844 года императорскому декрету о дозволеніи липованамъ имѣть въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ своего епископа, власть котораго здѣсь прямо ограничена предѣлами однихъ только липованскихъ селеній Буковины, такъ что поставлять кого-либо въ священныя степени для мѣстъ, не заселенныхъ липованами, или для старообрядцевъ, живущихъ внѣ австрійской имперіи, по смыслу этого декрета, онъ не имѣлъ права. Достанься жребій не Кириллу, а Геронтію, или Нифонту, бѣлокриницкіе распорядители не затруднились бы ни церковными правилами, ни тѣмъ паче императорскимъ декретомъ, — назвали бы намѣстника либо епископомъ какого-нибудь изъ липованскихъ селеній, съ правами градскаго епископа, либо епископомъ одного изъ ближайшихъ молдавскихъ городовъ, обитаемыхъ раскольниками, извѣстными притомъ своею расположенностію въ пользу новоучреждаемой іерархіи, напр. Боташанскимъ, Фурмосскимъ, Васлуйскимъ... Но для Кирилла, избраніе котораго въ намѣстники по многимъ причинамъ было

страсти митрополитъ Амвросій, *не имѣющій града*... Слышите, что гласитъ правило (Корм. гл. 7, пр. 14): сельскіи епископи... ни присвитера, ни діакона не поставляютъ". На это возраженіе, тогдашній епископъ коломенскій Пафнутій именно отвѣчалъ, что „Бѣлокриницкій святитель есть не точію сельскій епископъ, или единаго коего града, но всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ митрополитъ" (*Лужков. отв.* Вопр. и отв. 46. Принадлеж. намъ ркп.). Такое же исключеніе сдѣлано потомъ для задунайскаго епископа, который названъ Славскимъ, по имени извѣстнаго некрасовскаго селенія, но получилъ въ свое вѣдѣніе всѣхъ, живущихъ въ Турецкой имперіи старообрядцевъ, почему и назывался епископомъ (а потомъ архіепископомъ) не только Славскимъ, но и всѣхъ задунайскихъ старообрядческихъ обществъ (*Памят. происх. дѣлъ*, № 38).

крайне непріятно Павлу съ Геронтіемъ, и котораго, не смотря на то, что избраніе сіе, какъ выражался самъ же Павелъ, устроилось Божіимъ промысломъ, они предполагали, при первой возможности, подъ благовиднымъ предлогомъ, выпроводить изъ митрополіи въ его собственную епархію, — для него, съ этою именно цѣлію, они выбрали епархіальный городъ подальше отъ Бѣлой-Криницы, именно же Майносъ, — одно изъ самыхъ отдаленнныхъ и заброшенныхъ некрасовскихъ селеній вь Турціи, собственною властію переименовавъ это селеніе въ городъ, хотя надобно замѣтить, жители Майноса, не имѣли притомъ и расположенія къ принятію Бѣлокриницкаго священства[1]). И вотъ Амвросій дѣйствительно поставляетъ Ки-

---

[1]) Впослѣдствіи, когда учреждена была задунайская архіерейская каѳедра, Майносъ, какъ и слѣдовало, отошелъ въ вѣдѣніе задунайскаго епископа; но майносцы и этого епископа своимъ архіереемъ признать не захотѣли. Въ 1855 году, Аркадій — экзархъ, проживая около Эноса съ своими „странствующими христіанами", хотѣлъ было сдѣлать первую попытку — убѣдить майносцевъ къ принятію бѣлокриницкаго священства и собрался къ нимъ съѣздить вмѣстѣ съ Гончаровымъ, который впрочемъ, „знавши убійственный ихъ нравъ", отговаривалъ ѣздить: попытка не удалась, — и въ 1856 году Аркадій писалъ въ Бѣлую-Криницу, что „жестокость" майносцевъ покорить нѣтъ никакой возможности, что у нихъ и теперь исправляетъ требы „харьковскій хохолъ" (Подлин. пис. Арк. въ *Бѣлокр. арх.).* Весьма любопытные отзывы майносцевъ о бѣлокриницкомъ священствѣ, или, по ихъ выраженію, о „гончаровой вѣрѣ", приводитъ Кельсіевъ изъ своихъ бесѣдъ съ ними въ 1863 году: „Гончаровъ отъ гречина вѣру взялъ, — говорилъ одинъ изъ майноскихъ некрасовцевъ, — греческаго митрополита въ христіанство привелъ и новую вѣру завелъ. А мы его не держимъ, потому что намъ не показано отъ гречина вѣру брать... Гончаровъ и къ намъ прибѣгалъ, и владыку своего привозилъ, и соборъ дѣлали мы, да не приходится, не выходитъ по писанію. Такъ кругъ приговорилъ: кто въ Гончарову вѣру пойдетъ, тому сто плетей! А то бы вражій Гончаръ много казаковъ смутилъ" *(Русск. Вѣстн.* т. LXIII, стр. 434). Уже впослѣдствіи, въ семидесятыхъ годахъ, удалось Антонію Московскому поставить попа для нѣкоторой части майносцевъ, рѣшившихся признать бѣлокриницкое священство.

рилла „епископомъ богоспасаемаго града Майноса“ [1]). Такимъ образомъ и въ самомъ назначеніи каѳедры первому въ строгомъ смыслѣ раскольническому епископу, при поставленіи его въ этотъ санъ, допущено было, и притомъ съ хитрымъ намѣреніемъ, отступленіе отъ церковныхъ правилъ и нарушеніе императорскаго декрета. На это послѣднее отступленіе должны были бы всего скорѣе обратить вниманіе находившіяся при поставленіи Кирилла черновицкія гражданскія власти, обязанныя наблюдать за исполненіемъ императорскихъ указовъ; но они или не могли, или не хотѣли обратить вниманія на это. Притомъ же въ оффиціальномъ увѣдомленіи отъ Амвросія крайзамту о поставленіи Кирилла въ епископы Майносъ упомянутъ не былъ, да и вообще о епархіи Кирилловой не говорилось ни слова, а сказано только, что новому епископу Амвросій назначилъ пребываніе въ бѣлокриницкомъ монастырѣ [2]).

3) Согласно соборному правилу (карѳаген. пр. 90, Кормч. л. 184) и древнему церковному обычаю, новопоставленному епископу Кириллу, немедленно по поставленіи, достовѣрнаго ради свидѣтельства о дѣйствительности его сана, или, по выраженію Павла, „во утвержденіе его высокаго архіерейскаго достоинства и въ знаменіе духовнаго правленія“ [3]), надлежало

---

[1]) *Памят. происх. дѣлъ*, № 11. Здѣсь говорится, что Амвросій будто бы учинилъ это „по своему благоусмотрѣнію“.

[2]) Донесеніе Амвросія послано было 9 (20) февраля 1847 года. Въ немъ сказано, что Амвросій при поставленіи Кирилла руководствовался даннымъ ему изъ придворной канцеляріи отъ 15 ноября 1846 года всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ исполнять въ Бѣлой-Криницѣ всѣ архіерейскія дѣйствія; о самомъ же поставленіи Кирилла, сказано только: habe ich denselben, stufenweise erstlich zum Diaconus, dann zum Priester und zuletzt am $^{6}/_{18}$ Jan. 1847 zum Bischof ausgeweiht, und ihm den Aufenthalt im dasigen Kloster angewiesen *(Бѣлокр. арх.)*. При донесеніи Амвросія препровождено было въ крайзамтъ и громадское свидѣтельство о достоинствѣ Кипріана Тимоѳеева. Въ *Памят. происх. дѣлъ*, подъ № 13, записано: „донесеніе отъ г-на митрополита, *съ приложеніемъ подлиннаго свидѣтельства о достоинствѣ епископа Кирилла*, въ к. к. крайзамтъ отправлено съ нарочнымъ инокомъ Алимпіемъ“.

[3]) Черновой списокъ Кирилловой ставленной грамоты *(Бѣлокр. архивъ)*.

вручить ставленную грамоту, „подписанную рукою поставльшаго и епископа". Хорошо понимая значеніе этого акта и принявъ во вниманіе то обстоятельство, что ставленная грамота перваго липованскаго епископа должна будетъ служить на будущее время образцомъ, или постоянной формой для такихъ же грамотъ всѣмъ новымъ раскольническимъ епископамъ, инокъ Павелъ занялся ея составленіемъ и трудъ сей исполнилъ со свойственнымъ ему тщаніемъ, очевидно, руководясь при этомъ ставленною грамотою Амвросія. Но Павелъ тѣмъ и ограничился, что составилъ грамоту; представить же ее своевременно Амвросію для подписанія и врученія Кириллу, какъ надобно полагать, опять-таки изъ нерасположенности къ этому послѣднему, Павелъ и Геронтій не разсудили, а признали за лучшее отложить подписаніе грамоты до будущаго времени; время же мало-по-малу продлилось до самаго удаленія Амвросія изъ Бѣлой-Криницы, когда въ свою очередь самъ Амвросій не захотѣлъ уже ее подписывать). Такимъ образомъ Кириллъ навсегда остался безъ ставленной грамоты, — и это была новая неправильность, допущенная при его произведеніи въ епископы.

Указанныя отступленія отъ правилъ и императорскихъ декретовъ были вѣдомы только Павлу и Геронтію съ ихъ ближайшими товарищами; говорить же объ нихъ кому-либо изъ старообрядцевъ и вообще людей, не посвященныхъ въ бѣлокриницкіе секреты, Павелъ, какъ само собою понятно, остерегался, — онъ избѣгалъ даже всякихъ случаевъ, которые могли бы наводить на бесѣду о томъ, все ли въ порядкѣ, законно и по чину исполнено было при поставленіи перваго старообрядческаго епископа. Поэтому-то, конечно, и въ письмѣ къ московскимъ благопріятелямъ о поставленіи Кирилла въ епископы Павелъ нашелъ неудобнымъ входить въ подробное описаніе самаго чина поставленія: „о внутрьцерковномъ чиносо-

[1]) Что Кириллова ставленная грамота Амвросіемъ не подписана и Кирилломъ не получена, объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ лица, близко знакомыя съ бѣлокриницкими дѣлами.

вершеніи невмѣстимо здѣсь пояснять", — писалъ онъ [1]). Зато со всѣми подробностями изложено было въ этомъ письмѣ все, „внѣ церкви происходившее", т. е. церемонія Богоявленскаго водоосвященія и устроенное затѣмъ пиршество. Приведемъ изъ этого Павлова сказанія нѣкоторыя подробности о торжествахъ, происходившихъ въ Бѣлой-Криницѣ 6-го января 1847 года.

„По совершеніи архіерейскаго хиротонисанія и божественной литургіи, великопѣпно шли изъ церкви со всѣмъ освященнымъ соборомъ митрополитъ, новопоставленный архіерей и архимандритъ, и съ ними по чину и прочіе священнослужители, — всѣ въ блестящихъ златотканныхъ облаченіяхъ и множество въ полномъ чину иноковъ и православиаго народа... Достигши пространной площади среди села, гдѣ уготовано мѣсто бысть водоосвященію, устроились съ иконами по надлежащему чину, и совершилось водоосвященіе великолѣпно, и все происходило благочинно, тихо и стройно"...

Такъ какъ довольно продолжительныя молитвы при освященіи воды въ день Богоявленія, читаемыя вслухъ, не были переложены на греческія буквы и во всякомъ случаѣ Амвросію прочесть ихъ по-славянски было очень трудно, то обязанность эту возложили на новопоставленнаго намѣстника; самъ же Амвросій прочелъ только положенное Евангеліе, какъ извѣстно, очень краткое, — и прочелъ, разумѣется, по-славянски. Утомленный длинною службою, а также по причинѣ довольно холодной погоды, Амвросій предоставилъ уже одному Кириллу сопровождать торжественное крестное шествіе обратно въ монастырь; самъ же возвратился домой въ нарочно приготовленныхъ для него саняхъ.

„По окончаніи всего происшествія новопоставленный архіерей провожаемъ былъ изъ церкви до его келіи великолѣпнымъ тѣмъ чиномъ, какъ и митрополитъ поелику первый день былъ его поставленія... [2]) Потомъ благочинно собрались на

[1]) Письмо отъ 15-го января 1847 г. (См. *Переп. раск. дѣят.* вып. I. стр. 86—92).

[2]) Это значило, что впослѣдствіи воздавать подобныя почести Кириллу не предполагалось, — и дѣйствительно ни встрѣчъ, ни про-

обѣдъ. Посадивши братію за общую братскую трапезу, сами всѣ трое — митрополитъ, новый архіерей и архимандритъ пошли на гостинный дворъ монастырскій, расположенный между ограды и сельской улицы, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ для всѣхъ приходящихъ разныхъ религій гостей. Потомъ сѣли всѣ трое рядомъ на прилично убранныя мѣста: митрополитъ въ срединѣ, архіерей съ правой стороны, архимандритъ съ лѣвой. Также и всѣмъ прочимъ гостямъ повелѣлъ митрополитъ садиться по своимъ мѣстамъ и во здравіе ясти и пити предлагаемая. Гости пили вино и громогласно пѣли безчисленно: виватъ! виватъ! многая лѣта! — всѣмъ по имени и по чину ихъ обыкновенія; а на дворѣ при всякомъ общегласномъ восклицаніи подавали сигналъ и палили изъ пушекъ. Этотъ обѣдъ продолжался и отъ полудня до вечера и до огня. И наконецъ гости съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и великою благодарностію отправились восвояси съ миромъ".

Письмо излагавшее такъ подробно бѣлокриницкія торжества по случаю Кириллова поставленія въ епископы, заключено было слѣдующими примѣчательными словами, въ которыхъ ясно обнаружилось, какъ смотрѣли на это событіе учредители Бѣлокриницкой іерархіи:

„Итакъ мы свое, изъ давнихъ лѣтъ сердечно желаемое благоустроеніе въ дѣло произвели, и теперь остается намъ, съ упованіемъ на всемогущій промыслъ Божій, въ смиреніи, мирѣ и любви о Христѣ жити, восхваленія и благодаренія за все, иже въ Троицѣ единому, Богу и всѣхъ Создателю непрестанно приносить и о самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ царѣ нашемъ Фердинандѣ и о всемъ мірѣ Бога молить во вся дни живота нашего".

воженій, даже самыхъ обыкновенныхъ, ему потомъ уже не дѣлали, частію находя это неприличнымъ, въ присутствіи митрополита, а больше изъ пренебреженія къ Кириллу, чего этотъ послѣдній и самъ не могъ не замѣтить. Какъ-то разъ онъ рѣшился даже протестовать противъ такого неуваженія къ его епископскому достоинству; но Павелъ предложилъ ему отправиться въ свою собственную епархію, гдѣ можетъ требовать себѣ всякихъ почестей, — и Кириллъ никакихъ уже неудовольствій послѣ этого предъявлять не рѣшался.

Учредители бѣлокриницкой іерархіи теперь дѣйствительно могли сказать уже съ полной увѣренностью, что наконецъ изъ давнихъ лѣтъ ими сердечно желаемое дѣло приведено въ совершеніе, и то, что было главною, послѣднею цѣлію ихъ многолѣтнихъ неустанныхъ трудовъ, вполнѣ достигнуто: съ поставленіемъ перваго, въ строгомъ смыслѣ раскольническаго епископа, новоизобрѣтенная ими „древлеправославная“ іерархія получила не только дѣйствительное бытіе, но и прочное, какъ они надѣялись, обезпеченіе для своего дальнѣйшаго существованія. Теперь, казалось имъ, остается только въ мирѣ и тишинѣ пользоваться плодами прежнихъ подвиговъ, *услаждаться* созерцаніемъ старообрядчества, беззавистно и нескудно снабдѣваемаго „священствомъ“ отъ собственныхъ „древлеправославныхъ“ епископовъ. Время показало, и очень скоро, несбыточность ихъ надеждъ. Это „священство“, такъ незаконно, въ противность священному и святоотеческому писанію, въ попраніе церковныхъ правилъ, съ помощію лжи и обмановъ, учрежденное нѣсколькими предпріимчивыми раскольническими иноками, не замедлило обнаружить свою незаконность и лживость разными, возникшими въ немъ нестроеніями, безпорядками, раздорами и всякою злою вещію...

ПРИЛОЖЕНІЕ.

БОГОСЛОВІЕ

ПАВЛА БѢЛОКРИНИЦКАГО,

или

ПЕРВАЯ ГЛАВА „УСТАВА“

БѢЛОКРИНИЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

I.

ИСТИННОЕ БОГОПОЗНАНІЕ.

О существѣ, вседѣтельствѣ, и непостижимости:

*Богъ есть**) существо неповинно, яко ни отъ когоже**), ни самъ отъ себе; да не будетъ отнюдь кому возмнѣти, яко прежде не бѣ, или не совершенъ бѣ; ибо тогда послѣдовало бы отъ нужди глаголати: или созданъ, или самъ себе приведе въ божественное существо. Но***) Богъ есть единъ, не созданъ, искони совершенъ, безначаленъ, превѣченъ и безконеченъ, якоже самъ Моѵсею глаголаша: †) „Азъ есмъ сый!" Еже есть

Существомъ††), (просто рещи бытіемъ) присносущенъ, всемогущь, всесиленъ, и вина всяческимъ †††): яко „вся тѣмъ быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть; и*) „развѣ бо его ни дѣло, ни слово совершается". И ничтоже отъ него невозможно, даже до толика: якоже человѣку нѣсть труза, еже на вся умомъ восхотѣти, тако и Богу, егда что точію восхощетъ, вся та дѣломъ сотворити; глаголетъ бо пророкъ: **) „Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика восхотѣ сотвори". Сіе пріемля святый Григорій Богословъ глаголетъ: ***) „Первѣе убо помысли ангельскія силы небесныя, и помышленіе дѣло бысть, Словомъ исполняемо, и Ду-

*) Св. отцы: Григорій Богословъ.

**) Іоаннъ Дамаскинъ, Максимъ Грекъ.

***) Анастасій Антіохійскій, Кириллъ Александрійскій, Катих. вел. и Альфа.

†) 2 Моисей, 3. ст. 14.

††) Соборникъ 60. л. 640 Григорій Богословъ, Іоаннъ Дамаскинъ.

†††) Іоаннъ 1. зач. 1, ст. 3.

*) Во антифонѣ 7-го гласу.

**) Псаломъ 113, ст. 11.

***) Богословъ во 2 словѣ на Пасху, ст. 11 и Іюднеь гл. 9, ст. 5.

хомъ совершаемо. Итако составишася свѣтлости вторія, слуги первой свѣтлости, сирѣчь умніи духовѣ, или огнь невещественъ и безтѣлесенъ, или нѣкое же естество ино, ближайше къ реченнымъ", нхже естества видъ и уставъ только единъ Творецъ вѣсть. Чему съ покореніемъ наипаче всѣхъ согласуетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ: *) „Лѣпо бо, рече, бѣ прежде умная существа сотворити, и потомъ чувственное, и посемъ отъ обоего (существа) человѣка". Вся же сія содѣтельствова Богъ единороднымъ и соприсносущнымъ Сыномъ Словомъ своимъ, и утверди силою всесвятаго своего Духа, по глаголющему пророку: **) „Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ его вся сила ихъ;" еже есть: ***) „Отцу убо умысливщу, Сыну же содѣтельствоваюу и Духу совершившу".

*) Дамаскинъ въ словѣ о ангелѣхъ.

**) Псаломъ 32, ст. 6.

***) Соборн. гл. 60, л. 648 на об.

Чувственное же твореніе его въ началѣ бысть чиномъ вышеестественнымъ: ибо егда восхотѣ Богъ, шаръ неба и земли †), аки нѣкую храмину сотворити, и сотворилъ изъ ничего. Первѣе же††) „простре (вышеобычно покровъ зданію) небо яко кожу", еже именуетъ писаніе †††) „небо небесъ" *), суще беззвѣздное, безчисленною добротою отъ божественныхъ лучей сіяюще. А земля, и воды, и прочія вещи всего зданія тогда были не ино что, какъ вещество смѣшенное и погруженное во ужасной тьмѣ и мрачномъ хаосѣ. И **) Духъ Божій носился надъ симъ влажнымъ и неустроеннымъ веществомъ. ***)Не о Святѣмъ же Дусѣ здѣ писаніе глаголетъ: ибо не считается съ тварію несозданное; но духъ той бяше, по глаголу святаго Андрея Цареградскаго, яже прежде всего отъ Бога сотворенъ бысть, существо вѣчнаго состава, еже есть вѣцы, безвѣстна прохода†) (о существѣ

†) 1 Моисей 1.

††) Псаломъ 103, ст. 2.

†††) Псаломъ 148, ст. 4.

*) Св. Дамаскинъ въ словѣ о небеси. Іоаннъ Ексархъ въ Шестодневцѣ о 1-мъ дни. Блаженный Андрей Цареградск., гл. 8.

**) 1 Моисей 1.

***) Андрей Цареградскій, гл. 32. Іоаннъ Ексархъ о 1-мъ днѣ.—Хронографъ гл. 1.—3 Ездра, гл. 6, ст. 39.

†) Соборн. гл. 60, л. 646.

вѣка, яко присносушенъ, его же сотворилъ Богъ прежде мірскаго составленія, поясняетъ Соборникъ на 8-й стихъ 2-го слова на пасху святаго Григорія Богослова). *)Потомъ сотворилъ Богъ свѣтъ. **) Свѣтъ же не ино что, развѣ огнь. И отдѣливъ его отъ тьмы, содѣлалъ первое раздѣленіе дня и нощи, и сіе составило *первый день,* въ которой началось твореніе.

Обаче за сотвореніе свѣта, да не возмнимъ первобытную тьму быти искони присносущну, да не тѣмъ отъ нужди послѣдуетъ и Бога глаголати тьмою изначала бывша. Но убо достоитъ разумѣвати***), яко Богъ, сый свѣтъ истинный, искони совершенъ и непремѣненъ есть; точію до сотворенія дѣлъ своихъ бѣ въ молчаніи, имѣя единосущное во умѣ Слово Сына своего, егоже, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго, въ первомъ изреченіи: „да будутъ вѣцы“ †), нетлѣнно родилъ, сирѣчь во исхожденіи Соприсносущнымъ Духомъ своимъ Святымъ отъ сердца отрыгнулъ, якоже свидѣтельствуетъ пророкомъ: ††)„изъ чрева прежде денницы родихъ тя“. Итако отъ разумной твари познася, яко есть, въ тріехъ составѣхъ, единъ Богъ превѣчный, †††) свѣтъ истинный, иже просвѣщаяй и освящаяй всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Обаче свѣтъ, еже глаголется Богъ, не есть самое естество Бога, но точію присносущная его слава, свидѣтельствующу пророку: *)„одѣяйся свѣтомъ яко ризою“. А идѣже пророкъ глаголетъ: „и положи тьму закровъ свой“ (Псал. 17, стихъ 13)**), за непостиженіе естества его тако изрече: свидѣтельствуетъ бо Евангеліе, да и видимое самое дѣйство показуетъ, что ***)тьма не можетъ

*) 1 Моисей 1.

**) Дамаскинъ въ словѣ о свѣтѣ.

***) Св. Григорій Богословъ въ словѣ въ новую недѣлю. Св. Андрей Цареградскій, гл. 32.

†) Псаломъ 2, ст. 7.

††) Псаломъ 109, ст 3.

†††) Іоаннъ 1, зач. 1, ст. 9; и молитва утренняя 1-го часа.

*) Псаломъ 103, ст. 2.

**) Соборникъ гл. 60. л. 640 и 649.

***) Іоан. 1, зач. 1. ст. 5.

обладати свѣтомъ, сирѣчь темнотою свою свѣтъ покрывати: а посему разумѣвается, яко первобытная тьма не есть искони нѣкое существо, ниже потомъ сотворенное какое-либо вещество, но не ино же что, развѣ: или отъ тѣни первоначально простертаго небеси быти случися, или (аще высшее небо, по вышереченному, естествомъ и кромѣ солнца свѣтло) *)егда вода бяше всюду по земли и мгла надъ водами стояше, которая, составивъ облаки, облаки же посѣтивше сотвориша тьму, поне́же и писаніе обыче вѣщати: небо помрачися облаки. Въ согласность сего свидѣтельствуютъ святыхъ отецъ ясныя разсужденія**), яко тьма не существо нѣкое, но случай: егда свѣта лишеніе, тогда тьмы пришествіе.

А какъ выше помянулось твореніе Божіе въ первой день, такъ присовокупляются къ тому и прочіе дни седмицы, въ слѣдующемъ описаніи:

Во *второй день****) сотворилъ Богъ твердь, аки зданіе постави, якоже Исаія пророкъ глаголетъ: †)„поставивый небо, яко камару, и простеръ е, яко скинію обитати“. По толкованію Іоанна Ексарха и прочихъ святыхъ отецъ: сія твердь††), сирѣчь второе видимое небо, сверху водами покровено есть. „Покрываяй (бо рече пророкъ) водами превыспренняя своя. †††)Обычай же есть Божественному писанію еще и воздухъ, иже зримъ горѣ, небо нарицати.

Въ *третій день**) повелъ Богъ во внутреннемъ тверди вмѣщеніи, аки въ храминѣ, приличному быти устроенію, еже есть: **)предѣлы морямъ, и явитися суши (земли), и украситися ей древесами и травами, и приноситися плодомъ. ***)Въ преисподніи же мѣста сгустившаяся собрася мгла, и сотвориша тамо всегда непросвѣтимую тьму.

*) Іоаннъ Ексархъ въ Шестодневцѣ о 1-мъ днѣ. Іовъ 38, ст. 9.

**) Альфа, 20. Сборникъ гл. 60, л. 687 на об. и Дамаскинъ въ словѣ о проувѣдѣніи.

***) 1 Моисей, 1.

†) Исаія 40, ст. 22.

††) Іоанна Ексарха въ Шестодневцѣ, о 2-мъ днѣ. Іоанна Дамаскина въ словѣ о небеси Псал. 103, ст. 3. Псаломъ 148, ст. 9.

†††) Дамаскинъ въ словѣ о небеси.

*) 1. Моисей 1.

**) Іовъ 38, ст. 10 и. 11. Псаломъ 103, ст. 9.

***) Св. Андрей, гл. 33.

Въ *четвертый день**) повелѣ Богъ, да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй (аки свѣтильники для освѣщенія храмины)**) и бысть солнце, луна и звѣзды***), дабы они правильнымъ своимъ теченіемъ показывали точнѣйшее обращеніе часовъ, измѣненіе временъ и теченіе лѣтъ†), Не отъ инагоже естества сотворилъ ихъ Богъ, но отъ того же въ первый день сотвореннаго свѣта, какъ сказуетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ: ††) „свѣтильникомъ бо первотворный свѣтъ вложи, не яко не имый инаго свѣта, но да не будетъ празденъ той свѣтъ".

Пишется убо†††), яко въ четвертый день и сатана за гордыню изъ первыя славы и свѣтлости своея отпаде, и бысть самопроизвольная злоба и помраченная тьма.

Въ *пятый день**) повелѣ Богъ быти рыбамъ морскимъ и птицамъ пернатымъ и всѣмъ животнымъ, яже отъ воды.

Въ *шестый день***) повелѣ Богъ быти другимъ животнымъ: скотомъ, звѣремъ и прочимъ, яже отъ земли.

На концы же всего созданія***) сотвори Богъ человѣка (мужа и жену сотвори ихъ) посреди мертвеннаго и безсмертнаго естества, еже есть: не яко прочихъ животныхъ†), въ нихже кровь вмѣсто души есть††). Но человѣку тѣло сотворилъ Богъ отъ персти земныя, а душу вдохнулъ ему отъ божественнаго своего вдохновенія, †††) не еже отъ своего существа, ниже отъ какого состава, но отъ своея содѣтельныя силы, умну и безсмертну*), ей же дѣйствію во удѣхъ плоти служитъ кровь человѣческая, аки колесница, на ней же душа носима бываетъ**). И толика сотвори Богъ человѣка суща всего блага, яко быти ему по образу его и по

*) 1. Моисей 1, ст. 14.

**) Псаломъ 135, ст. 8 и 9.

***) Псаломъ 18, ст. 7, Псаломъ 103, ст. 19. — Еклисіастъ гл. 1, ст. 4. 5 и 6.

†) Сборникъ гл. 61, л. 746.

††) Дамаскинъ въ словѣ о свѣтѣ.

†††) Хронографъ гл. 1 о 4-мъ дни.—Исаія 14, отъ ст. 12 до 15.—Лука 10, зач. 15, ст. 18.

*) 1 Моисей 1, ст. 20 и 21.

**) 1 Моисей 1, ст. 24 и 25.

***) 1 Моисей, гл. 1 и 2. Алфа, 3. — Маргаритъ слово 7.

†) 5 Моисей 12, ст. 23.

††) Еклисіастъ гл. 12, ст. 7. Катехиз. въ словѣ о души.

†††) Сборникъ, гл. 60, л. 653.

*) Катихизисъ въ сл. о души.

**) Маргаритъ въ сл. 7. Григорій Богословъ въ 2 сл. на св. пасху. — И Дамаскинъ въ сл. о человѣцѣ.

подобію: по образу — не начертаніемъ тѣлеснымъ, но яко царя твари самовластнымъ саномъ почтилъ и разсудительною силою одарилъ, а по подобію добродѣтелію снабдилъ, еже есть: естественнымъ закономъ (совѣстію). Сверхъ же того, къ соблюденію таковаго блаженства, заповѣдію его оградилъ, того ради: да твердо знаетъ и присно помнитъ создателя своего, и согласно святой воли его*) соблюдаетъ данную заповѣдь ему и пребудетъ наслѣдникомъ царствію его, еже есть: соединится Богу и обезсмертится; аще ли же преступитъ ю, приближится тлѣнію, и будетъ страстенъ вмѣсто безстрастнаго, сирѣчь золъ вмѣсто благаго, и смертенъ вмѣсто безсмертнаго. **)Понеже зло не существо кое есть, но лишеніе добродѣтели, якоже и тьма свѣта есть отшествіе. Въ первобытномъ бо твореніи Божіемъ ни что же бяше зло, но вся добра зѣло, якоже пишетъ: видѣ Богъ вся творенія своя, яко добро. И потомъ: въ *седмый день****) почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори, и благослови день той святити.

Естествомъ же †)Богъ сый преестественъ, неизслѣдимъ и неприступенъ даже до толика: якоже невозможно есть огня тяжесть извѣсити, невозможнѣйше же есть естество Божіе изслѣдовати, и ниже къ тому, въ немже Сый обитаетъ, кому приступити, яко и вся силы небесныя въ ня желаютъ приникнути, но говѣютъ зѣло неприступному свѣту: понеже ††)живетъ (сказующу Апостолу Павлу) во свѣтѣ неприступнѣмъ. Аще ли свѣтъ неприступенъ, множае поче живяй въ немъ Богъ. Обаче добрѣ вѣмы, яко есть Богъ; а что естествомъ есть Богъ, не вѣмы. †††)Аще и глагола Христосъ са-

*) Соборн. гл. 60, л. 557.

**) Альфа гл. 20.—Дамаскинъ въ словѣ о проувѣдѣніи.

***) 1 Моисей гл. 2, ст. 1, 2 и 3.

†) Святый Григорій Богословъ, Анастасій Антіохійскій, Іоаннъ Дамаскинъ.

††) 1 къ Тим. гл. 6, зач. 288, ст. 16.

†††) Іоаннъ 4, зач. 12, ст. 14 и 24.

марянынии, яко „Духъ есть Богъ“, но и кланятися ему достоитъ, рече, духомъ; и паки: источникъ воды живы; еще же и душа наша многажды духъ именуетъ, какъ и Апостолъ Павелъ рече: *) „самъ бо Духъ свидѣтельствуетъ духови нашему“; и паки той же Апостолъ согласно Моvсею, глаголетъ: **) „Богъ нашъ огнь поядаяй есть“. Паче же и самъ Духъ Святый въ крещеніи Христовомъ явися голубомъ, а въ пятьдесятницу на Апостолѣхъ во огненныхъ языцѣхъ. ***) Сія ли вся Богъ намъ будетъ? ни духъ точію, но и огнь, и вода, и прочее безмѣстнѣйша? Да не будетъ! (То бо не о естествѣ Божіемъ значеніи, но о дѣйствіяхъ его образованіи). Егда убо воображенное естество ангельское, аще и тьмами кто любомудрствуетъ, что оно есть, якоже выше речеся, обрѣсти не можетъ †), и что глаголемъ о естествѣ ангельскомъ! но ниже самыя души нашея, аще и воображено также естество имать, отнюдъ разумѣти не можетъ, что убо сія есть: воздухъ ли, или духъ, или вѣтръ? сія убо вся тѣлесна суть, она же безтѣлесна, но паче умна; то едали уму естество обрящемъ, которой мысленно въ мгновеніи ока пролетаетъ каменныя стѣны и вся твердѣйшія преграды, и выше небесъ взимается, абіе и преисподнѣй безднѣ касается, а отъ души не отлучается! Зане ††) якоже око въ тѣлѣ, тако и въ души умъ, того же существа часть пречистѣйшая есть. — Аще убо ангеловъ и своея души естества обрѣсти отнюдъ не можемъ: кольми паче естество невоображенное всѣхъ владыки и содѣтеля нашего ниже помысломъ до того коснутися можемъ!

Лицемъ, сый невидимъ, якоже Моvсею глаго-

*) 1 Коринѳ. 5, зач. 132, ст. 5. Къ Римл. 8, зач. 97, ст. 16.

**) Къ Евреомъ 12, зач. 338, ст. 29.

***) Премудрость гл. 13, ст. 2. Маргаритъ въ сл. 5 о непостижимѣмъ.

†) Маргаритъ въ сл. 5 о непостижимомъ.

††) Соборникъ гл. 60, л. 642, на об. Дамаскинъ въ словѣ о человѣцѣ. Альфа во гл. 3.

лаше: *) „Азъ самъ предъиду предъ тобою и упокою тя, лице же мое не явитътися, не можетъ бо человѣкъ лице мое видѣти и живъ быти“. И не только человѣкомъ въ существѣ Бога видѣти невозможно, но ниже всѣмъ небеснымъ силамъ, якоже церковь поетъ: „Бога человѣкомъ не удобь видѣти, наньже не смѣютъ чини ангельстіи зрѣти“. Сѣдитъ бо на херувимѣхъ и видитъ бездны! Обаче, самъ сый простъ и несложенъ и невоображенъ есть, невидимъ и неосязаемъ, ниже описуемъ. Якоже бо невозможно показати гласу образъ: невозможнѣйше же есть кому видѣти въ существѣ Бога. Глаголетъ бо Евангелистъ: **) „Бога никтоже видѣ нигдѣже“. Елико же о немъ плотски речеся, образно глаголется: *Лице* убо Божіе разумѣваемъ, еже вся имѣющи предъ собою. *Очи* — видѣніе всѣхъ дѣлъ и неутаеніе сердецъ человѣческихъ и помышленій. *Ушеса* — вся слышаніе, и молитвъ пріиманіе. *Уста* — повелѣнія, обѣтованія, прещенія и ученія. *Мышца* — всемогущая его сила. *Руцѣ* — непостижное дѣяніе его. *Нозѣ* же — скорое исхожденіе на помощь требующимъ, и врагомъ на отмщеніе. Аще же и видѣ ***) Исаія Пророкъ на престолѣ превысоцѣ Бога и Даніилъ †) Ветхаго деньми, и прочія инако; но не существомъ, а также образно точію, елико возможно естеству вмѣщати величество славы его, яко же и Апостоламъ въ преображеніи своемъ на Ѳаворѣ ††).

Присутствованіемъ вездѣ-сый. Аще и глаголетъ Богъ усты Исаія пророка: †††) „Небо престолъ мой, земля же подножіе ногъ моихъ“; обаче мѣстомъ не опредѣляемъ. Егда убо мы сами опредѣленіемъ мѣста не можемъ сказать о своей души: ибо аще скажемъ, яко душа

*) 2 Моисей гл. 33, ст. 14, 20 и 23.

**) Іоаннъ 1, зач. 2, ст. 18.

***) Исаія 6, ст. 1.

†) Даніилъ 7, ст. 9 и 13.

††) Матѳей 17, зач. 70, ст. 2.

†††) Исаія 66, ст. 1.

простирается по всѣмъ членамъ, соединившись съ дебельствомъ плоти; но нѣсть тако: множицею рукамъ и ногамъ отсѣченнымъ бывшимъ, а она цѣла и невреждена пребываетъ; аще ли скажемъ: не во всемъ тѣлесѣ, но въ части нѣкоей собрана пребываетъ, сирѣчь въ сердцы, имже человѣкъ животное дыханіе имѣетъ, или во главѣ, идѣже умъ яко царь во владычественномъ пребываетъ (одѣянъ въ санъ самовластія, имѣя подъ собою впреди мысли, созади память, а одесную и ошуюю разсужденіе и совѣсть); но ниже сіе мощно рещи: ибо тогда нужда прочимъ членамъ тѣла мертвымъ быти, бездушное бо всяко мертво есть. Но убо добрѣ вѣмы, яко душа есть въ тѣлеси нашемъ; какоже есть? — отнюдъ не вѣмы. Кольми же паче создателя своего Бога, яко всюду есть, вѣмы; какоже есть? — не вѣмы. Свидѣтельствующу бо Давыду: *) „На всякомъ мѣстѣ владычество его“. Чему тойже и удивляяся, со ужасомъ взываетъ: **) „Камо пойду отъ Духа твоего, и отъ лица твоего камо бѣжу! аще взыду на небо, ты тамо еси, еще сниду во адъ, тамо еси, аще возму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница твоя“. И паки хвалословно возгласи: ***) „Кто Богъ велій яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творяй чудеса!“

*) Псаломъ 102, ст. 22.

**) Псаломъ 138, ст. отъ 7 до 11.

***) Псаломъ 76, ст. 14 и 15.

Величествомъ †) непостижимъ, яко ни единъ помыслъ постигнути возможетъ: взыдемъ убо умныма очима выше небесъ, и ангелы прейдемъ, возможно ли постигнути выше оныхъ превыспреннюю высоту, идѣже бы умъ могъ стати и утвердитися? — невозможно! Елико убо невозможно постигнути непостижимую ту высоту, равно глубину и широту: невозможнѣйше же есть постигнути величество Божества.

†) Св. Григорій Богословъ во 2-мъ сл. на пасху, ст. 8.

Провидѣніемъ *) всепредвѣдущь, свидѣтельствующу Давыду **), яко всѣхъ испытуетъ сердца и утробы; ***) не утаится бо кость наша отъ него, зане онъ ю сотворилъ есть въ тайнѣ, и несодѣланная наша видятъ очи его, и въ книзѣ его вся написана суть, и †) пядію измѣрены онъ положилъ есть дни наша, и весь составъ нашъ ни во чтоже предъ нимъ, и даже все время житія сего (по сказанію въ предисловіи на 2-е Петрово посланіе), яко ничтоже есть предъ Господомъ, за еже и ††) единъ день, яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ, яко единъ день.

*) Премудрость гл. 1, ст. 6.

**) Псаломъ 7, ст. 10.

***) Псаломъ 138, ст. 15 и 16.

†) Псаломъ 38, ст. 6.

††) 2 Петр. гл. 3. ст. 8 и Псал. 8, ст. 4.

Премудрыми судьбами неиспытанъ, якоже глаголетъ пророкъ: †††) „Судьбы твоя бездна многа". И паки, тойже рече: „По всей земли судьбы его" къ нимъ же, аки оконцемъ проникнувъ, Апостолъ Павелъ, иже нѣкогда восхищенный до третіяго небесе, и нѣкую часть того истязавъ, видѣ яко пучину безмѣрну и непостижиму, абіе отскочивъ и со ужасомъ возопивъ: *) „О глубина богатства премудрости и разума Божія! яко не испытаны судбы его, и не изслѣдованы путіе его. Кто бо разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ ему бысть, или кто прежде дастъ ему, и воздастся ему? яко изъ того, и тѣмъ, и въ немъ всяческая.

†††) Псаломъ 35, ст. 7. Псаломъ 104, ст. 7.

*) Къ Римляномъ гл. 11, зач. 107, ст. 33, 34, 35 и 36.

Спасительнымъ промысломъ безпредѣленъ, до толика **) яко и малѣйшія птички, иже двѣ цѣнятся единымъ ассаріемъ, и ни едина отъ нихъ падетъ на земли безъ Отца небеснаго. ***) А у человѣковъ и власы главныя вси изочтени суть, и ни единъ отъ нихъ погибнетъ, сирѣчь, безъ вѣдома его, якоже усты Исаія пророка рече: †) „еда ли забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего! аще и забудетъ то жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь".

**) Матѳ. гл. 10, зач. 37, ст. 29 и 30.

***) Лука 12, зач. 37, ст. 6 и 7, гл. 21, зач. 106, ст. 18.

†) Исаія 49, ст. 15.

Щедротами и милосердіемъ безчисленъ. Якоже бо невозможно мѣриломъ измѣрити воду всего моря: невозможнѣйши же есть исчислити изливаемыя на насъ Божія милосердія щедроты. Ибо присно на всякую тварь, на благія вкупѣ и на злыя*), обтеченіемъ солнца осіяваетъ и грѣетъ, осѣняетъ распростертымъ небомъ, украшеннымъ огненными зарями, сребровидною луною и звѣздами, иже толиким вѣки не старѣетъ, но, аки вчера содѣлано, присно юнѣетъ, да тѣмъ всепречюднымъ и великимъ твореніемъ истиннаго Творца и Бога познавати всѣхъ научаетъ. Къ симъ же дождитъ на землю небесною росою, да сѣющія сѣмена и въ нѣдрѣхъ ея умирающія паки оживляетъ, и сторицею возращаетъ, и тѣмъ всякую плоть на земли питаетъ, и самую же ту землю древесами, травами и цвѣтами украшаетъ, и еще же предивнѣе! — своевременно уставленными стихіями вся умерщвляетъ, и паки вся та оживляетъ, да тѣмъ **) общее всѣхъ умершихъ воскресеніе присно напоминаетъ, вкупѣ и увѣряетъ. До толика же, рещи, есть благоутробенъ, елико жена, имущая во чревѣ бремя, желаетъ разрѣшенія и хощетъ чада себѣ родити: вящьше же Богъ желаетъ на всѣхъ щедрыя свои милости изліяти, и хощетъ всѣмъ спастися, и царствія его наслѣдниками быти. Обаче женѣ толико сильное желаніе бываетъ случайно: въ Бозѣ же есть естественно и присно. Якоже водное естество, стоящее на горѣ, присно долу тещи возможности ищетъ, или якоже чювственное солнце, только бы могло обрѣсти гдѣ скважиною входъ, и въ самыя гнусныя и нечистотами преисполненныя узилищныя мѣста проницаетъ и, вшедъ въ ня, лучи свои не оскверняетъ, но паче тамо

*) Псаломъ 18, ст. 6 и 7.

**) Марк. 12, зач. 55, ст. 25, 26, 27. Исаія 26, ст. 19. Іезекіиль 37 отъ ст. 4 до 11. Даніилъ 12, ст. 2. 1 Коринѳ. 15, зач. 162 и 163, ст. 42 и 52.

освѣщаетъ и нечистоту изсушаетъ: такожде и Богъ (свидѣтельствующу святому писанію) *)хотѣніемъ не хощетъ смерти грѣшнику, **)но всѣмъ человѣкомъ спастися, и въ разумъ истинный пріити. И паки Спаситель рече: ***)„Нѣсть воля предъ Отцомъ вашимъ небеснымъ, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ". И что еще преболѣе! †)Глаголетъ писаніе: Яко Богъ Сына своего единороднаго непощадѣ, за ны предалъ есть его, сирѣчь, до распятія и смерти, да родъ человѣческій избавитъ отъ смерти, еже есть, вѣчныя муки уготованной діаволу и ангеломъ его.

*) Iезекiиль гл. 18, ст. 23 и 32, гл. 33, ст. 11.

**) Къ Тимоѳ. гл. 2, зач. 282, ст. 4.

***) Матѳ. 18, зач. 75, ст. 14.

†) Iоан. 3, зач. 10 ст. 16. Къ Римл. гл. 8, зач. 99, ст. 32. Исаія 9, ст. 6.

Правосудіемъ же нелицемѣренъ, сирѣчь: ††)аще многомилостивъ есть, обаче и праведенъ, равными мѣрами возмездіе воздаетъ, да елико долготерпитъ, толико согрѣшающихъ и казнитъ, свидѣтельствующу пророку Давыду: †††)„гнѣвъ въ ярости его, и животъ въ воли его". И Апостолъ Павелъ глаголетъ: *)„страшно есть еже впасти въ руцѣ Бога жива"; томуже согласно и Апостолъ Петръ пишетъ: **)„аще бо Богъ ангеловъ согрѣшшихъ не пощадѣ, но плѣницами мрака связавъ, предаетъ на судъ мучими блюсти, и перваго міра не пощадѣ, но осмаго Ноя, правдѣ проповѣдника, сохрани, потопъ міру нечествовавшихъ ради наведъ; и грады содомскія и гоморскія сжегъ, разорѣніемъ осуди, образъ хотящимъ нечествовати положивъ; и праведника Лота, обидима отъ беззаконныхъ и живущихъ въ нечистотѣ житѣйстѣй, избави; вѣсть бо Господь благочестивыя отъ напасти избавляти, неправедники же въ день судныи мучими блюсти". Кольми паче будущій всеобщій праведный его судъ грѣшнымъ зѣло грозенъ и страшенъ, яко воньже день, утаенной отъ человѣкъ

††) Маргаритъ въ словѣ о мукахъ.

†††) Псаломъ 29, ст. 6.

*) Евреомъ 10, зач. 394, ст. 13.

**) 2 Петрово гл. 2, зач. 64, ст. 4, 5, 6, 7 и 9.

и отъ ангелъ, предположи живымъ и мертвымъ судити, страшный день той наричится!

Сверхъ же сего, собраннаго отъ священныхъ писаній, многоименнаго Божіяго дѣйствія*), и множайшая есть имена Божія, якоже свидѣтельствуетъ великій Катихизисъ, различнаго ради смотрѣнія, писаніемъ предана суть, иже есть: Любовь, Правда, Премудрость, Благостыня, Вседержитель, Святый, Всеимѣтель, Всесильность, Величество, Присносущьство, Превѣчность, Милосердіе, и симъ подобная, которыя не естество суть, ниже образъ, но дѣйство и великая сила Божія, искони отъ непреступнаго естества происходящая. Естество же отъ существа раздѣляется точію въ разглагольствіи: егда вопрошается о бытіи Бога, тогда глаголется существо; а егда вопрошается о качествѣ его, тогда глаголется естество; понеже глаголетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ: **) „существо убо, рекше просто, бытіе; естество же существо видотворившееся".

Впрочемъ, егда убо речетъ кто: аще Господь Богъ нашъ невѣдомъ есть, то како убо и глаголати имамы о немъ? Вѣдомо буди таковому, яко мы, егда убо о Бозѣ глаголемъ, не о семъ глаголемъ, еже испытывати и истязати, каковъ есть качествомъ въ своемъ естествѣ, или каковъ количествомъ въ своемъ величествѣ; но о семъ отъ святыхъ писаній поучается, яко ни словомъ изреченъ, ниже умомъ домыслимъ есть. И тако удивляемся величествію его и похволяемъ дѣла премудрости его, да вослѣдуемъ ему благими дѣлы своими, и привлечемъ къ себѣ благодати его. ***) „Суетни убо вси человѣцы естественнѣ, въ нихже обрѣтается невѣдѣніе о Бозѣ". Сего ради таковымъ убо входъ въ бла-

*) Катихизисъ великій во гл. 57.

**) Дамаскинъ въ посланіи къ Козмѣ Маіумскому.

***) Премудрость гл. 13, ст. 1.

женный покой гласомъ пророческимъ отъ Господа возбраняется:*) „Тіи же (рече) непознаша путей моихъ, яко кляхся во гнѣвѣ моемъ, аще внидутъ въ покой мой".

*) Псаломъ 94, ст. 11.

Тѣмже блаженна есть душа та, иже единому Богу угодити желаетъ, и иной любви на земли не ищетъ, и прелести земныя хвалити не хощетъ,**) „но о семъ да хвалится хваляйся (по писанному), во еже разумѣти и знати Господа".

**) Царствъ гл. 2, ст. 10.

II.

БОГОРАЗСУЖДЕНІЕ.

1. *Вопросъ:* Егда преблагій Богъ, въ первобытномъ твореніи своемъ (якоже выше во статьѣ Богопознанія речеся) вся зѣло добра сотворилъ есть, и человѣка душею и тѣломъ всего блага создалъ, и добродѣтель ему въ естество даровалъ: то почто человѣцы не вси суть благи и добродѣтельны? но овыя благія, овыя же злыя? и откуду сіе противное бываетъ?

Отвѣтъ: Богъ злу не творецъ:***) научаемся же отъ Евангельской притчи о добромъ сѣмени, и какъ выше во статьѣ Богопознанія явствуетъ, яко твореніе его есть благо, но самовластное человѣковъ произволеніе содѣловаетъ овыхъ благими, овыхъ же злыми. Понеже сіе человѣческое самовластіе (сила, или власть душевная) уподобися слѣдующему примѣру:†) „якоже воевода владѣетъ подданными ему вои, ихже всегда зритъ, и во всякое промышленіе распоряжаетъ, разсуждаетъ и уставляетъ: тако и самовластіе наше, всѣми частьми, и удесы, и составы и чувствы человѣческими владѣетъ, и содержитъ, и наставляетъ, и обращаетъ, и не имать ни едино отъ

***) Матѳ. 13, зач. 52, ст. 27.

†) Катихизисъ великій гл. 44.

удъ нашихъ, еже бы гдѣ затворити его, течетъ, идѣже хощетъ, вселяется, идѣже желаетъ, а идѣже желаетъ, тудѣ и удеса и чувства наша обращаетъ, якоже: ушеса, да слушаютъ полезная или непотребная, и уста, да хвалятъ Бога, или ино что нелѣпое, такоже руцѣ, и нозѣ, и прочее. Сицево есть самовластіе наше: безстрашно, ничимже одержимо, и уклонительно на добро и зло. Симъ самовластіемъ Адамъ заповѣдь Божію преступи".

Хотя Апостолъ Павелъ притчею о скудѣльныхъ сосудѣхъ и показуетъ*), яко Богъ сотворилъ оваго человѣка въ честь, оваго же не въ честь; но сіе значеніе показуетъ только на настоящую времянную жизнь, что Богъ сотворилъ человѣковъ оваго въ честь, царемъ, оваго же не въ честь, нищимъ; и се есть единъ видъ только или форма, къ вѣчному ихъ содѣланію и употребленію; ибо нынѣшнее сложеніе человѣкъ абіе имать паки въ персть разсыпатися, рече бо пророкъ: **) „составъ мой яко нивочтоже предъ тобою". А къ вѣчному существованію человѣковъ, аки сосудовъ въ честь, или въ безчестіе, еже есть въ царство, или въ муку, содѣловаетъ коегождо отъ человѣкъ свое произволеніе, якоже глаголетъ святый Іоаннъ Дамаскинъ: ***) „аще и единъ Богъ всяческимъ народодѣтель, но не той честныя устрояетъ, или безчестныя, но свойственное коегождо произволеніе". Напримѣръ: такъ какъ одинъ искусный скудельникъ, изъ добрѣ ему приготовленнаго бренія, содѣлаетъ сосудъ доброй и полезной, а неискусный изъ тогоже самаго состава содѣлаетъ сосудъ неудобенъ, и даже погубленію достойный: тако и самовластному произволенію человѣка, аки нѣкоему дѣлателю,

*) Рим. 9, зач. 102, ст. 19, 20 и 21.

**) Псаломъ 38, ст. 6.

***) Дамаскинъ въ словѣ: Богъ злу не творецъ.

врученъ есть отъ Бога составъ человѣческаго естества, какъ-то: чувствы душевныя, — умъ, мысли, память, разсужденіе и совѣсть, тѣлесныя же, — зрѣніе, осязаніе, обоняніе, вкусъ и слухъ и всѣ прочія удесы. А потому коегождо свойственное произволеніе имѣетъ власть устроити человѣка благимъ, или злымъ, по глаголу того же Дамаскина: *)„или по естеству въ добродѣтели пребывати, Богу къ той зовущу (поелику добродѣтель убо человѣку отъ Бога дадеся въ естество, потому и глаголется: Богъ есть всякаго блага начало и вина), или отъити добродѣтели, еже есть въ злобѣ быти, діаволу къ той зовущу"; ибо **)„всякая злость отъ него изобрѣтена есть, и скверныя помыслы, и подущати человѣка на зло можетъ, принудити же не можетъ: въ нашемъ изволеніи пріяти его предлогъ, и отринути; діаволи бо не имутъ власти, аще не будетъ отъ Бога попущено имъ, якоже явлено ***)во Іовѣ, и †)во Евангеліи о свиніяхъ". Свидѣтельствуетъ бо святый Іяковъ Апостолъ: ††)никтоже искушаемь да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ есмь. Богъ бо нѣсть искуситель злымъ, не искушаетъ же той никогоже; кождо же искушаемъ отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ". Потому и †††)„злоба глаголется ничтоже ино есть, развѣ отшествіе благаго, якоже и тма свѣта отшествіе есть. Пребывающе убо въ сущемъ по естеству, въ добродѣтели есмы; уклоняющеся же отъ добродѣтели, въ злобѣ бываемъ; покаяніе же есть возвращеніе отъ злобы въ добродѣтель, и примиреніе съ Богомъ". Глаголетъ бо Господь: *)„ревнуй убо и покайся, се стою при дверѣхъ, и толку, аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ и той со мною".

*) Дамаскинъ въ словѣ: Богъ злу невиновенъ.

**) Альфа гл. 20.

***) Іовъ 1, ст. 12 и гл. 2, стихъ 6.

†) Матѳ. 8, зач. 28, ст. 31.

††) Іаковъ 1, зач. 50, ст. 13 и 14.

†††) Дамаскинъ въ словѣ о предъувѣдѣніи.

*) Апокалипсисъ, гл. 3, ст. 20.

2. *Вопросъ:* Егда убо всемогущій Богъ (какъ выше во статьѣ о Богопознаніи сказано), искони вся предвѣдущь, ибо и *)несодѣланная наша видятъ очи его, точно зналъ, что человѣкъ дарованнымъ ему самовластіемъ можетъ заблудить, то-есть презрѣть заповѣдь Создателя своего, и изъ благаго въ злаго претворится, и тѣмъ наслѣдія царствія его лишится: то вскую убо человѣкъ таковымъ самовластіемъ и награжденъ? не лучше ль бы ему таковаго дарованія власти не дати?

*) Псаломъ 138, ст. 16.

Отвѣтъ: Не достойно бы было таковому, по образу Божію созданному творенію, яко царю твари, сообразну быти немысленному скоту, еже бы отъ естества точію водитися, а не разумомъ отъ самовластія своего управлятися. Аще бы человѣкъ не имѣлъ самовластія, не былъ бы за преступленія подверженъ вѣчному мученію; но и добродѣтельный не могъ бы наслѣдникомъ быти царствію небесному.

А еже глаголати бренію о зиждителѣ сицѣ: вскую Богъ человѣку толико великій самовластный санъ даровалъ, чрезъ который онъ добрыя породы испалъ? — посему послѣдуетъ рещи (оставивъ человѣка въ скотскомъ естествѣ): вскую Богъ и Ангельскія силы сотворилъ, зане и отъ тѣхъ чина отпаде сатана съ вои своими? И аще бы тако не быша на небеси ангеловъ, а на земли человѣковъ, умныхъ и словесныхъ, то отъ кого бы прославлялось славное и великолѣпое имя Божіе? — убо ли отъ немысленной, или бездушной твари? Да не будетъ!

Напримѣръ: речетъ ли кто трудолюбивому земледѣльцу: вскую ты сѣеши пшеницу твою, понеже между оной трава съ плевелы прозябаетъ и возрастаетъ, и многажды ю одолѣваетъ

и заглушаетъ? Обаче благоразумный и трудолюбивый земледѣлецъ не зритъ на сіе отъ части случающееся, и ради могущихъ прозябати плевелъ не оставляетъ обычное свое трудолюбіе. Тако и Богъ (доводствующу святому Іоанну Златоусту отъ божественныхъ писаній) *) незряше токмо Адама въ породѣ (въ раю) кормима, и за преступленіе изгонима, и еже отъ него **) прозябнути имущыя грѣшницы яко трава и проникнути, вси дѣлающія беззаконіе***). Но паче зряше въ немъ Павла, благочестіе проповѣдующаго и въ рай восхищаема, Петра, емуже ключа небесная ввѣряема, и вся въ первомъ человѣкѣ зряше, то есть вся угодити ему имущія: пророки, апостолы, тысящи тысящь мучениковъ, многочисленныя лицы святителелей и исповѣдниковъ, великія соборы преподобныхъ, постниковъ и праведниковъ: въ корени бо бяху плодоке. †)Сія вся Богъ предвѣдяше, прежде даже Адаму создатися.

Создалъ же Богъ человѣка и даровалъ ему таковое самовластіе не на хуждшее, но на лучшее и на превосходнѣйшее, яко быти ему царю твари; и притомъ не безъ подпоры его оставилъ, но къ тому еще разсудительною силою и обличительною совѣстію наградилъ, и надо всѣмъ тѣмъ всемогущую свою помощь, егда только съ вѣрою воспроситъ, абіе присно подавати обѣщалъ††). Понеже самовластіе само о себѣ, кромѣ помощи Божіей, не можетъ устрояти коего добра; но и помощь Божія, аще и испрошаема будетъ къ содѣйствію чего-либо не угоднаго ему, отнюдь не бываетъ, якоже глаголетъ святый Апостолъ Іяковъ: †††) „аще просите, и не пріемлете, зане злѣ просите“. Ибо помощь Божія самовластію нашему всегда

*) Маргаритъ, слово 7 о воплощеніи Господни.

**) Псаломъ 91, ст. 8.

***) Маргаритъ сл. 7.

†) Ефесеомъ 1, зач. 216, ст. 4, 11 и 12.

††) Матѳ. 7, зач. 20, ст. 7 и 8. 2 Моисей 14, ст. 15.

†††) Іяковъ 4, зач. 55, ст. 3.

способствуетъ точію на дѣла благая, а не на злая: обаче и на благая дѣла тогда неукоснительно способствуетъ, егда воля человѣческая будетъ толико сопряжена съ волею Божіею, елико душа съ плотію. Якоже бо тѣло безъ души не можетъ движенія имѣти: тако и человѣкъ безъ помощи Божіей ничтоже благо можетъ сотворити. Понеже Спаситель нашъ Іесусъ Христосъ во Евангеліи глаголетъ: *) „безъ мене не можете творити ничесоже". Но даже и самъ о себѣ свидѣтельствуетъ глаголя: **) „не могу азъ о себѣ творити ничесоже". ***) „Яко снидохъ съ небесе, не да творю волю мою, но волю пославшаго мя Отца". Сія рекъ, не якобы творити чего не могъ, но собою дая намъ образъ сего душеспасительнаго средства. Тѣмже Апостолъ Павелъ пишетъ: „искушайте, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная". †) „Иже ничтоже тако пользуетъ человѣка, якоже отсѣцати свою волю, и согласовати съ волею Божіею: воистину успѣваетъ кто отъ сея вещи, отнюдъ паче всякія добродѣтели". Занеже самъ Спаситель, первѣе всего молитися научи, въ молитвѣ Отче нашъ: ††) „да будетъ воля твоя".

*) Іоан. гл. 15, зач. 58, ст. 5.

**) Іоан. 5, зач. 16, ст. 30.

***) И той же гл. 6, зач. 21, ст. 38.

†) Альфа гл. 11.

††) Мат. 6, зач. 16, ст. 10.

Тѣмже вси святіи угодницы Божіи, къ содѣйствію своего спасенія, во-первыхъ ничего инаго толико въ семъ вѣцѣ не желали и у Господа не просили, елико волю Божію познати и согласно оной житіе свое добрѣ управити. Якоже пророкъ Давыдъ, моляся, ко Господу взываетъ: †††) „научи мя творити волю твою, яко ты еси Богъ мой". Сице и святый Петръ Дамаскинъ: „Господи! не остави мя творити, или глаголати, ниже помыслити что, яже ты не хощеши".

†††) Псал. 142, ст. 10.

Минуя же многихъ святыхъ, единаго еще

вспомянемъ, суща наитончайшаго знанія душеспасительной вины, иже моляся ко Господу сице: *) „Господи! аще не погубиши мя со беззаконьми моими, слава безмѣрному милосердію твоему! Аще же мя погубиши за беззаконія моя, слава праведному суду твоему! И якоже хощеши устрой о мнѣ вещь: готовъ бо есть пріяти отъ руки твоея святыя вся: аще добро, аще зло, аще царство, аще муку". Сея молитвы смыслъ окрытъ ясно во Апологіи въ слѣдующей повѣсти:

*) Апологія о утѣшеніи скорбящаго.

**) „Нѣкій бо нищій, исполнь струповъ, прошакъ, между прочимъ, къ мудрому учителю на повторенное привѣтствіе: „хощу, да будетъ тебѣ то, еже ты самъ себѣ хощеши", отвѣща сице: „нѣсть мнѣ ино что хотѣти, или не хотѣти, точію тоежде, еже Богъ хощетъ, или не хощетъ". Глагола учитель: „еда ли туюжде бы имѣлъ еси мысль, аще бы тя Богъ во адъ послати изволилъ". Абіе старецъ: „мене ли Онъ нослетъ во адъ? Но вѣждь, яко имамъ два рамена дивной крѣпости Его (глубочайшее смиреніе и нелицемѣрную любовь), и тѣмъ азъ емлюсь Его крѣпцѣ, объятіемъ неразлучнымъ, да яко идѣже либо быхъ посланъ, тудѣ и Его повлекъ бы съ собою: и воистину, изволительнѣе мнѣ было бы внѣ небеси быти съ Богомъ, (псал. 138 стихъ 8), нежели въ самомъ небесе безъ Него".

**) Таже Апологія.

3. *Вопросъ:* Егда благоутробный Богъ (какъ выше во статьѣ Богопознанія явствуетъ) хотѣніемъ не хощетъ смерти грѣшника и ни единъ кто бы отъ человѣкъ погибнулъ, но воля его и хотѣніе присно, еже всѣмъ человѣкомъ спастися: то почто не вси спасаются, но овыя спасаются, овыя же погибаютъ, что даже и въ самыхъ

Апостолѣхъ быти случися? Убо ли Богъ, при толикомъ всемогуществѣ своемъ, не возможетъ всѣхъ спасти, яко самъ присно хощетъ и желаетъ?

Отвѣтъ: Еда родитель не желаетъ всякаго блага чадамъ? Еда ли не хощетъ быти нимъ наслѣдниками имѣнія своего? Аще ли же хощетъ, да никтоже паче, токмо чада его, наслѣдники будутъ достоянія его: то еда ли не въ силахъ, или не имѣетъ власти, законнымъ наслѣдникамъ своимъ оное опредѣлить, и въ томъ ихъ утвердить, якоже самъ того присно хощетъ и желаетъ? Но егда случается, что нѣкоторый изъ числа дѣтей его уклонится отъ повиновенія его и распутное поведетъ житіе: то качествомъ беззаконныхъ дѣяній своихъ исходатайствуетъ себѣ (и нехотящу родителю) вмѣсто благословенія клятву, и вмѣсто наслѣдственнаго награжденія совершенное онаго отчужденіе, и еще жестокое наказаніе.

Такимъ образомъ и премилосердый Богъ правосудно творитъ, какъ свидѣтельствуетъ Евангеліемъ: *) „аще убо вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ: кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у него“. **) Но когдаже нѣцыи отъ человѣкъ уклоняются отъ заповѣдей Божіихъ и развращеннымъ житіемъ пребываютъ нечювственно въ беззаконіяхъ своихъ: тогда исходатайствуютъ себѣ отъ правосудія Божія (и не хотящу ему) достойное мздовоздаяніе, сирѣчь не токмо за нераскаянность свою царствія небеснаго отчюждятся, ***) но еще воспріимутъ въ геенѣ огненной вѣчное мученіе.

Обаче многоблагоутробный Богъболіе склоненъ къ милованію, нежели къ наказанію, †) якоже

*) Матѳ. 7, зач. 20, ст. 11.

**) Исаія 59, ст. 1, 2 и 3.

***) Матѳ. 25, зач. 106, ст. 41.

†) Лука 15, зач. 79 отъ ст. 11 до 32.

притчею во Евангеліи о блудномъ сынѣ крайнее благоутробіе свое къ согрѣшающимъ показуетъ; и всепремудрымъ промысломъ своимъ о всѣхъ промышляетъ. Мнози же суть образы спасительнаго его промысла, яко ни словомъ изрещи, ниже умомъ постигнути кто можетъ, о чемъ тотію отчасти святый Іоаннъ Дамаскинъ поясняетъ въ книгѣ своей глаголемой *Небеса*, частію же въ житіи святаго Максима Исповѣдника и въ *Соборникѣ* явствуетъ, что промыслъ Божій есть хотѣніе Его, и еще паче къ сущему благому Его природѣніе.

а) Промыслъ убо Божій въ дѣйствіи надъ благими имѣетъ два вида: 1-е по благоволенію, 2-е по попущенію. По благоволенію убо, елико непротивоглагольна суть благая. По попущенію же попущаетъ многажды и праведнаго подпасти напастемъ, да въ немъ таящуюся добродѣтель покажетъ инымъ, *) якоже во Іовѣ. Иногда же попущаетъ поносно нѣчто содѣятися, да дѣяніемъ, мнящимся безмѣстнымъ, великое нѣчто и чюдное исправитъ: **) якоже крестомъ спасеніе человѣкомъ. По иному образу попущаетъ преподобнаго страдати злѣ, да не изъ правыя совѣсти испадетъ и изъ данныя ему силы же и благодати въ киченіе впадетъ, ***) якоже Апостола Павла. Оставляется нѣкто на время ко исправленію инаго, да еже на онаго смотрящіи кажутся, †) якоже въ Лазарѣ и богатомъ: естественно бо зряще страждущихъ, абіе и сами въ чувство приходимъ и удобь исправляемся. Оставляется же нѣкто на время не ради свойственныхъ или родительскихъ грѣховъ, но во инаго славу, ††) якоже и отъ рожденія слѣпый въ славу Сына Божія. Паки попущается страдати кто и ради ревности инаго, да славѣ стра-

*) Іовъ 40, ст. 3.

**) 1 Корин. 1, зач. 125, ст. 18 и 23.

***) 2 Корин. 12, зач. 194, ст. 7.

†) Лука 16, зач. 83, ст. 19, 20 и 21.

††) Іоан. 9, зач. 34, ст. 1, 2 и 3.

ждущаго возвеличившейся, безлѣностна страсть инымъ будетъ надеждою будущія славы и вожделѣніемъ вѣчныхъ благъ, якоже бысть въ мученицѣхъ. Попущаетжеся кто и въ срамное впасти дѣяніе нѣкогда во исправленіе иныя горшія страсти, *) якоже есть нѣкто возносяйся въ добродѣтелехъ и исправленіяхъ своихъ, попущаетъ того въ блудъ впасти, **) яко да паденіемъ въ чювство свойственныя немощи вшедъ, смирится, и пришедъ исповѣдается Господеви. И вси впрочемъ сѣтовніи приключеніи, аще со благодареніемъ пріемлемъ, ко спасѐнію наводятся и всяко пользы бываютъ ходатаи.

б) Лукавыхъ же оставляетъ Богъ по предзнанію своему праведно, и сіе оставленіе имѣетъ два вида: 1) строительное и наказательное, 2) конечно отчаятельное. Строительное убо и наказательное оставленіе бываетъ ко исправленію и спасенію такимъ же образомъ, якоже и выше речеся. Конечно же отчаятельное оставленіе: егда убо Богу, вся во спасеніе сотворшу, безчувственъ и неврачебенъ человѣкъ, пачеже не исцѣленъ за свое небреженіе пребываетъ, тогда уже ***) отъемлются судьбы Божія отъ лица его, и предается въ конечную погибель, якоже Іюда, сосудъ совершенъ къ злу, и самопроизволенъ въ погибель, егоже самъ Христосъ Спаситель не возможе пользовати. Тѣмъ, по праведному суду Божію, и пріиде ему рядъ службы сея, итти въ мѣсто свое. И се премудро: да не въ тунѣхъ нѣгдѣ злѣ погибнетъ, но да исполнитъ писаніе, и мѣру злобы своея подъиметъ. Да пощадитъ насъ Богъ и изметъ сицеваго оставленія! Достовѣрно бо отъ святыхъ писаній имамы засвидѣтельствованіе, †) яко не возможно правѣ мудрствующему и благочестнѣ живущему погиб-

*) Псал 29, ст. 5 и 6.

**) Псаломъ 50.

***) Псаломъ 9, ст. 28.

†) Препод. Нилъ Сорскій въ 4 вопр. его книги.

нути". *) Аще и приключися женѣ Лотовой, и**) Ананію и Сапеирѣ ужасное событіе, но негли за неисправленное сердце ихъ по Бозѣ; обаче судъ онымъ остается во глубинѣ неиспытанныхъ судебъ Божіихъ. ***) Нѣчто убо подобно судивъ и Апостолъ Павелъ, предати нѣкоего согрѣшша сатанѣ во измождение плоти, да духъ его спасется въ день Господа нашего Іесуса Христа.

в) Изволеніе убо къ дѣйствію въ насъ есть; а скончаніе произволяющимъ добрыхъ въ Божіемъ поспѣшеніи, праведно по предувѣдѣнію своему промышляющемъ. Обаче сущая въ насъ, не промысла есть Божія, но нашего самовластія, суть два вида: 1) произволеніе, 2) дѣйствіе. Произволеніе убо присно въ насъ есть: во еже куда поити, или не поити, лгати, или не лгати, и прочее. Дѣяніе также въ насъ есть, но не всяко и не присно. Многажды бо иное, по нѣкоему образу Божіяго промысла, и возбраняется, какъ-то: богатыми быти, или царствовати, и прочее. Тѣмже святый Златоустъ, предупредительно ко Господу моляся, глаголетъ: „Господи, аще хощу, аще нехощу, спаси мя, понеже бо азъ яко калъ любовещный грѣховную скверну желаю, но Ты, яко благъ и всесиленъ, можеши ми возбранити".

4. *Вопросъ:* Аще убо святое писаніе глаголетъ, яко Спаситель нашъ Іесусъ Христосъ есть †) „свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ", то почто множайшія племена и языцы, въ числѣ коихъ есть добродѣтельныя, безъ просвѣщенія Евангельской истины остаются, и вѣчному ††) осужденію, по слову Христову, подвергаются? †††) Занеже, кромѣ истинныя вѣры, невозможно спастися и угодити Богу.

*) 1 Моис. гл. 19, ст. 16, 17 и 26.

**) Дѣянія гл. 5, зач. 13, отъ ст. 1 до 11.

***) 1 Кор. 5, зач. 132, ст. 3 и 5.

†) Іоаннъ 1, зач. 1, ст. 9.

††) Маркъ 16, зач. 70, ст. 16.

†††) Евреомъ 11, зач. 326, ст. 6, и Римлян. 1. зач. 70, ст. 17.

Отвѣтъ: Воистину тако глаголетъ святое писаніе, яко *)Христосъ есть свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ и освящаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Достоитъ же убо притомъ вразумлятися и удостовѣритися, вышереченнымъ во статьѣ о Богопознаніи примѣромъ отъ чувственнаго солнца. Яко оно, не только на всякого человѣка, но и на всякую тварь возсіяваетъ, и въ самыя гнусныя и нечистотами преисполненныя мѣста проницаетъ, просвѣщаетъ и нечистоту изсушаетъ: такъ и праведное солнце, свѣтъ истинный, Христосъ, даже и въ самыя внутреннія человѣковъ душевныя храмины проницаетъ, и коегождо умніи очи просвѣщаетъ, развѣ точію кто самъ отъ Него уклоняется, или нѣчимъ, якоже бываетъ и чувственному солнцу, двери входа ему преграждаетъ. Обаче сіе праведное и невечернее солнце и отъ затворенныхъ дверей вспять не возвращается, но присно, днемъ и нощію, при дверѣхъ душевныя храмины неотступно стоитъ, и благоувѣтливо толцетъ, якоже самъ Господь свидѣтельствуетъ о себѣ: **)„се стою при дверехъ и толку, аще кто услышитъ гласъ мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ, и той со мною“.

Подобаетъ же разумѣвати и о языцѣхъ, иже лишени суть Евангельскаго просвѣщенія, яко нѣкоторые изъ нихъ, хотя и добродѣтельны и къ злу непокусивы, но негли и нерадиви суть: тѣмъ и пребываютъ въ мѣрѣ своей яко ничтоже. ***)О нихже пророкъ Ездра ничтоже быти рече, аки плюновеніе. †)Самъ же Спаситель таковыхъ мертвымиименова. И аще бы симъ коснулось слышати истину слова Божія, но нерадѣніемъ ихъ презираема бы была: то

*) Молитва утреняя 1-го часа.

**) Апокалипсисъ гл. 3, ст. 20.

***) 3 Ездры 6, ст. 56 и 57.

†) Матѳ. 8, зач. 26, ст. 22.

не горшія ли бы подъяли муки? Якоже къ подобнымъ во Евангеліи речеся: *) „отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморстѣй въ день судный, неже граду тому“. И паки: **) „Тиру и Сидону отраднѣе будетъ въ день судный, неже вамъ“. И паки: ***) „аще не быхъ (глаголетъ Христосъ) пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли“. Всякъ убо †) „рабъ вѣдый волю Господина своего, и не уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много. Не вѣдѣвый же, сотворивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало“. А потому, вѣроятно, всепредвѣдящій и всещедрый Богъ не приводитъ благовѣстія слухамъ оныхъ, щадя ихъ отъ праведнаго осужденія, повинныхъ быти горшимъ мукамъ. Другихъ же оставляетъ безъ Евангельскаго просвѣщенія токмо до времени, яко не убо пріиде имъ время къ познанію, яковоже бысть и въ Генесаретстѣй странѣ, что жители, ††) егда стадо свиное въ мори утопѣ, тогда истинну Христовой проповѣди не пріяша; †††) но по нѣколикомъ времени уразумѣша и вѣроваша.

5. *Вопросъ:* Егда всемогущій и правосудный Богъ а) предъ вѣки коегождо отъ человѣкъ дѣянія, словеса и помышленія предвѣдалъ, и предуставилъ, какъ сказуетъ Апостолъ Павелъ *) „ихже бо предувѣдѣ, тѣхъ и предустави“; и аще б) егоже хощетъ Богъ спасаетъ, а егоже хощетъ погубляетъ, какъ тойже Апостолъ глаголетъ: **) „егоже хощетъ (Богъ) милуетъ, а егоже хощетъ ожесточаетъ“; еще же в) сущимъ во чревѣ матернемъ ***) „не рождшимся, ни сотворшимъ что благо или зло“ отъ Бога речеся: „яко большій поработаетъ меньшему, Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ“;

*) Матө. 10, зач. 35, ст. 14 и 15.

**) И гл. 11, ст. 22.

***) Іоаннъ 15, зач. 52, ст. 22.

†) Лука 12, зач. 68, ст. 47 и 48.

††) Матө. 8, зач. 28. ст. 34.

†††) И гл. 14, зач. 60, ст. 34, 35 и 36.

*) Рим. 8, зач. 99. ст. 29.

**) И гл. 9, зач. 102, ст. 18.

***) Гл. та же, зач. 101, ст. 11, 12 и 13.

и г) аще вся таковая Богъ предъ вѣки вѣдаетъ и самъ предуставляетъ: то почто овымъ царство, а овымъ муку обѣщаетъ? гдѣ правосудіе Его?

Отвѣтъ: Глубоко слово се и прикровено! Но святый Іоаннъ Златоустъ глаголетъ, *) „яко вѣрныхъ ради кормителямъ церковнымъ подобаетъ испытовати глубину божественныхъ писаній разумѣнія". Тѣмъ убо —

а) Воистину правосуднѣйшій Богъ, по всевѣдящему прозрѣнію своему, предъ вѣки коегождо отъ человѣкъ дѣянія, словеса и помышленія проувѣдѣ (какъ выше во статьѣ о Богопознаніи явствуетъ) **), не вся же предуставилъ: не бо хощетъ Богъ злобѣ бывати, ниже нудитъ творити добродѣтель, но вся намъ суть на произволеніи, добрая дѣла и злая. По предзнанію же оныхъ предопредѣляетъ Богъ благополучіи или казни, приключающіяся намъ по благости его и правдѣ. Понеже какъ мы не имамы власти надъ мучащею ны болѣзнію, ниже надъ здравіемъ, но точію надъ винами тѣми, яже или болѣзнь приносятъ, или здравіе сохраняютъ, и якоже болѣзни виною есть невоздержаніе, воздержаніе же добраго здравія виновно есть: такъ и полученіе(ю) царствія небеснаго виною есть сохраненіе заповѣдей Божіихъ, преступленіе же тѣхъ виновно есть геенѣ огненной. Потому убо и Апостолъ Павелъ о Божіемъ предуставленіи не о всѣхъ соборнѣ человѣцѣхъ глаголетъ, ***)но точію о тѣхъ избранныхъ, ихже достойныхъ предувѣдѣ сообразнымъ быти образу Сына своею, какъ въ толкованіи Апостола пишетъ: „Яко ихже проразумѣ Богъ, сихъ и пронарече; разрѣши движущееся взысканіе, рекше: „проувѣдѣ Богъ

*) Маргаритъ сл. 7 о воплощеніи Господни.

**) Дамаскинъ въ сл. о предувѣдѣніи и Максимъ Исповѣдникъ въ Четіи-Минеи, янв. 21.

***) Рим. 8, зач. 99, ст. 29. Толк. Апостолъ л. 376.

*) непреложеніе Фараоново, и ожесточи сердце его, яко да поженетъ Израиля, и потопленъ! **) Проувѣдѣже правое Іереміино, и пронарече его еще во утробѣ матерни, и освяти въ пророка. ***) Проувѣдѣ нечестіе Содомлянъ, и сотвори ихъ сосуды безчестія въ пожженіе. †) Проувѣдѣ покаяніе Павлово, и пронарече его сосуда избрарнаго.

б) Да не будетъ неправда у Бога за слово: ††) егоже хощетъ Богъ милуетъ, и егоже хощетъ ожесточитъ! Внемли на сіе слово толкованію Апостола: †††) „Яко во Израили аще и общій грѣхъ бысть, за еже вси тельцу покланяхуся: обаче не вси казними быша, но другія милости получиша (негли не во всѣхъ равно къ тому начинанію произволеніе бяше). Того ради и рече Богъ къ Моисею: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю. Ибо не твое есть вѣдати, о Моисею, яже суть достойни моея благости; мнѣ сія остави". И паки тамъ же глаголетъ святый Анастасій Синайскій сице: „Мнѣ мнится, мнюже и Богу, яко ни самый сатана дерзнетъ рещи, яко егоже хощетъ Богъ спасаетъ, а егоже хощетъ погубляетъ; и аще бы было сіе тако, то явѣ, ни спасаемый достоинъ есть мзды, ниже паки погибаяй достоинъ есть муцѣ, но ниже самыя бѣсове въ геену внити могутъ. Обаче, тіи сами о себѣ исповѣдаша, яко въ погибель идутъ, взывающе ко Христу: остави, что намъ и тебѣ Ісусе Сыне Божій, пришелъ еси сѣмо прежде времени мучити насъ (Матѳ. глава 3, зач. 28, ст. 29). Се время знаменовавше будущія ихъ погибели въ гееннѣ. А потому никтоже убо въ насъ да глаголетъ, яко егоже хощетъ ожесточаетъ, занеже неправедна творитъ Бога. Еже бо жесто-

*) 2 Моисей 14, отъ ст. 17 до окончанія 28.

**) Іерем. 1, ст. 5.

***) 1 Моисей 19, ст. 13, 24 и 25.

†) Дѣянія 9, зач. 21, ст. 15.

††) Римлян. 9, зач. 101, ст. 18.

†††) Апостолъ толковый отъ л. 873 до л. 878.

читъ, разумѣй жестоку быти попущаетъ, а не сотворяетъ". *)„Сіе убо попущеніе Божіе, яко дѣйство и твореніе его, глаголати обычно божественному писанію". А для того **)и въ прочихъ подобныхъ реченіяхъ потребно есть убо, иже Божественная писанія разумѣти хотящимъ, первѣе со многимъ опаствомъ вину, и время, и умъ глаголющаго испытати: не разсуждаяй бо сія во многа заблужденія впадаетъ.

в) Кую же вину содержитъ слово: ***)иже еще во утробѣ матерни, не убо рождшимся, ниже сотворшимъ что благо или зло, единъ бысть Богомъ возлюбленъ, а другій возненавиденъ? — даетъ разумѣти изъ вышеписаннаго 2 отвѣта. Якоже бо о проувѣдѣніи, яже изъ Адама, тако и здѣ Богъ убо зряше во утробѣ Ревекки, не токмо Исава, сластолюбца суща хотящаго быти, но съ нимъ паче Іякова, возлюбленнаго своего Израиля, и въ немъ дванадесять патріарховъ, и колѣно Іюдово, и корень Іессеовъ, и цвѣтъ отъ него, еже быти имяше Христосъ.

Тѣмже и мы да не испытуемъ у Творца вины, елико намъ не подобаетъ, ниже да глаголемъ: чесо ради сіи вѣнчани, овіи же осуждени, но да оставляемъ неодержимой тайнѣ избранія Божія: понеже онъ единъ, испытуяй сердца, вѣсть кого блазѣ вѣнчати, или наказати. Аще и являются многимъ акибы неправедна, но за незнаніе тако мнится и непостижное Божіяго промысла. Достоитъ же о семъ научитися отъ чувственнаго солнца. Якоже око, мѣрную восприемши солнечную лучу, просвѣщается и веселится; аще ли же воззритъ въ самый кругъ солнца, не токмо не пріемлетъ свѣтъ, но и иже имать погубляетъ: тако и смертное естество,

*) Дамаскинъ въ словѣ: Богъ злу не виновенъ.

**) Апостолъ толк. л. 376. Никонъ Черныя горы, сл. 2, л. 7 на об.

***) Римлян. гл. 9, зач. 101, ст. 10, 11, 12 и 13.

желающе постигнути чрезъ волю Божію, не только не пріемлетъ что, но и еже имать, и то погубляетъ.

г) Правосудіе же Божіе воистину есть нелицемѣрно, свидѣтельствующу Моѵсею: *) „Богъ, истинна дѣла его и вси путіе его судъ; Богъ вѣренъ, и нѣсть неправды въ немъ; праведенъ и преподобенъ Господь". Тѣмже **) „егда огнемъ Господнимъ судитися будетъ вся земля" ***), тогда воздастъ комуждо по дѣяніемъ его, еже есть: вѣрнымъ убо и добродѣтельнымъ, разлученнымъ тогда отъ грѣшникъ, аки овцамъ отъ козлищь, и одесную его предстоящимъ, речетъ пресладкимъ гласомъ: †) „пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра"; всѣмъ же зло сотворшимъ, грѣшникамъ и язычникамъ, ошуюю стоящимъ, речетъ праведный судія: ††) „идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный уготованный діяволу и ангеломъ его; †††) и идутъ сіи въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный". А что глаголетъ Апостолъ Павелъ: *) „коегождо дѣло яково есть огнь искуситъ, и егоже дѣло, аще пребуетъ, егоже назда, мзду пріиметъ, а егоже дѣло сгоритъ, отщетися, самъ же спасется, такожде, якоже огнемъ", то въ Толковомъ Апостолѣ поясняется, что **) добродѣтели злату и сребру, злодѣйство же и грѣхи дровамъ и сѣну Апостолъ уподоби: сія сгорятъ, а она чистѣйше явятся, за нихже назидатель мзду, царствіе небесное, пріиметъ; а отщетившейся, рече, спасется, сирѣчь не умретъ, но тѣмъ же огнемъ, въ немъ же дѣло его сгорѣ, вѣчно мученъ будемъ. Понеже огнь человѣка отъ муки не спасетъ, но точію коегождо искуситъ. Апостолъ бо явленнымъ гласомъ рече:

*) 5 Моисей 32, ст. 4.

**) Исаія 66, ст. 16.

***) Матө. 16, зач. 68, ст. 27. Апокалипсисъ гл. 22, ст. 12.

†) Матө. 25, зач. 106, ст. 34.

††) Той же гл. ст. 41.

†††) Матө. гл. 25, ст. 46.

*) 1 Коринө. 3, зач. 128, ст. 13, 14 и 15.

**) Толков. Апостолъ л. 487.

*)„коегождо дѣло, яково есть, огнь искуситъ“, да тѣмъ добродѣтельный человѣкъ аки злато чисто и серебро возблистаетъ, грѣшный же обнажится и срамнѣйшій, аки главня опаленная, предъ всѣми явится. Сему послѣднему судъ самъ Спаситель притчею сице яви: **)„исполнися бракъ возлежащихъ; вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту человѣка, не оболчена во одѣяніе брачное и глагола ему: друже како вниде сѣмо, неимый одѣянія брачна? Онъ же умолче. Тогда рече царь слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмѣте его, и ввержите во тму кромѣшную, ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ“. Каково же можетъ быть таковому спасеніе? Уже бо нѣсть ***)по смерти грѣшникомъ покаянія: †)въ чемъ тя, рече, застану, въ томъ ти и сужду; ††)ниже по страшномъ судѣ — будущихъ мукъ свобожденія: многая бо писанія достовѣрно свидѣтельствуютъ, яко оныя суть вѣчны и неизмѣнны.

Обаче †††)умершимъ грѣшнымъ во избавленіе отъ вѣчныхъ мукъ воистину есть помощь, но не огненное искушеніе, *)а творимое отъ вѣрныхъ поминовеніе, наипаче же во святѣй литургіи безкровное жертвоприношеніе, прежде даже не постигнетъ страшный день праведнаго Божія осужденія. Зане **)до послѣдняго дня суднаго еще никтоже воспріемлетъ себѣ достойное воздаяніе, ни праведнии вѣнцовъ, ниже грѣшнія мукъ, донелѣже вси во второе пришествіе Христово ***) мертвіи съ тѣлесами востанутъ нетлѣнни, а оставшіися живіи въ безсмертіе измѣнятся, тогда уже совершенно кождо по дѣянію своему, яже съ тѣломъ содѣла, и воздаяніе пріиметъ. †)А что слышимъ во Евангеліи, яко егда нѣкто богатый умре, и абіе во огнѣ

*) 1 Корин. 3, зач. 128, ст. 13.

**) Матѳ. 22, зач. 89 отъ ст. 10 до 14.

***) Лука 13. зач. 73, отъ ст. 25 до ст. 29.

†) Лѣствица, сл. 7, л. 118. Іезекіиль 18, ст. 26, 27 и 30.

††) Марк. 9, зач. 42. Исаія 66, ст. 24. Даніилъ 12, ст. 2. Псал. 6, ст. 6. Маргаритъ въ словѣ о мукахъ.

†††) Соборникъ гл. 5, л. 31.

*) 14 Пр. Св. Апост. Петра и Павла. 2. Маккав. гл. 12, отъ ст. 42 до скончанія 46.

**) Книга Вѣра во гл. о душахъ умершихъ человѣкъ. Прологъ Сент. 28.

***) 1 Коринѳ. 15, зач. 162 и 163, ст. 42 и 52.

†) Лука 16, зач. 83, ст. 23 и 24.

мучимъ обрѣтеся, то не настоящему времени причитается, но Христосъ о будущей вѣчности притчею показа. Такожде и праведныхъ церковь въ пѣснѣхъ ублажаетъ, яко восприяша вѣнцы небесныя, но еще суще не восприяша, а за достовѣрное упованіе, яко въ руку уже держати имъ сія. Якоже бо напримѣръ здѣ, преступники царскихъ законовъ сѣдятъ въ темныхъ заключеніяхъ, и, свѣдая кождо свое преступленіе, съ великою печалію и мученіемъ совѣсти ожидаютъ себѣ конечнаго осужденія и казни; ближнѣйшіи же цареви друзи и всѣ вѣрнѣйшіи порученій его исполнители, егда будутъ на обѣдъ къ царю званы, тогда съ великою радостію ко двору его собираются, и до часа обѣднаго веселяся ожидаютъ пированія: тако суть и души умершихъ человѣкъ (по извѣщенію святымъ Ангеломъ преподобному Макарію Египетскому) *)нынѣ и даже до дне суднаго грѣшніи сѣдятъ заключены въ преисподнихъ адовыхъ темницахъ, чувствіемъ мучатся и сокрушаются, ожидая въ день страшнаго Божія суда грознаго къ нимъ отвѣта, и по достоянію дѣлъ вѣчнаго мученія, якоже пишется во Апокалипсисѣ: **)„часть имъ въ езерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ, еже есть вторая смерть“, праведніи же души, въ райскомъ успокоеніи водворяяся, присно радуются и веселятся***), ожидаютъ дондеже соберутся и послѣдніи святіи клевреты ихъ†), въ наполненіе десятаго чина отпадшихъ ангелъ, да вси они вкупѣ сподобятся услышать сладкаго Божія привѣтствія††), зовущаго въ царствіе небесное, и тамо неизреченнаго восприятія †††)„ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его“.

*) Бесѣда преп. Макарія съ ангеломъ.

**) Апокалипсисъ гл. 21, ст. 8.

***) Евреомъ 11. зач. 330, ст. 39 и 40. Псаломъ 141, ст. 8.

†) Бесѣда съ ангеломъ преп. Макарія.

††) Матѳ. 25, зач. 106 ст. 34.

†††) 1 Коринѳ. 2, зач. 127, ст. 9.

Что же касается до невѣрныхъ, а добродѣтельныхъ язычниковъ, то таковіи, по глаголу блаженнаго Андрея Цареградскаго*), отведены будутъ на мѣсто не мучительно, но деснаго предстоянія и царствія Божія нѣсть имъ мощно получити. Отлученіе же десныхъ, сирѣчь, отпаденіе славы Божія горши огненныя муки вмѣняетъ святый Іоаннъ Златоустъ**). „Вѣмъ (рече), яко мнози геены точію боятся; азъ же отпаденіе славы Божія, велми горшу муку вмѣняю геенскія муки". Разумѣти о семъ достоитъ по примѣру здѣ времяннаго житія. Елико убозіи и удаленныя жители, не видѣвшіи славы царской и не знающія тѣхъ удовольствій, боятся только тѣлесныхъ наказаній и казней, толико боліе страшатся удостоенныя всѣмъ удовольствіямъ онымъ единаго лишенія и отъ лица царева отчюжденія: таково будетъ разстояніе и въ будущей вѣчной жизни правовѣрнымъ христіаномъ отъ языкъ невѣрныхъ.

*) Св. Андрей Царегр. гл. 11.

**) Маргаритъ, въ словѣ о мукахъ.

Вѣрныя же, а лѣнивыя, такожде царствія небеснаго отчюждятся, геенскаго же мученія свободятся. Глаголетъ бо святый Григорій Богословъ: ***)„ни еже убо не мука се царство, ни еже не царство ее мука, лѣнивымъ довольно есть, еже муки убѣжати". Обаче за лѣность зѣло болѣзнено есть, по вышереченному глаголу святаго Златоуста, еже неизреченныя славы Божія вѣчно лишену быти.

***) Кн. Просвѣтитель въ сл. 4.

Есть же †) и кромѣ добрыхъ дѣлъ, точію чистымъ покаяніемъ и теплою вѣрою райская обитанія получити, по свидѣтельству святыхъ писаній. Глаголетъ бо пророкъ Аввакумъ: ††)„праведникъ отъ вѣры живъ будетъ"; и Апостолъ Павелъ пишетъ: †††)„безъ вѣры невозможно угодити Богу"; и паки: *)„не дѣлаю-

†) Св. Анастасій Синайскій на 6 Псал. и Соборн. гл. 15, л. 208.

††) Аввакумъ 2, ст. 4.

†††) Евр. 11, зач. 326, ст. 6.

*) Римл. 4, зач. 86, ст. 5. Псал. 31, ст. 1.

щему, вѣрующему же во оправдающаго нечестива, причитается вѣра его въ правду". *)Святый Григорій Амиритскій толкуетъ: „яко противу сему отвѣщаетъ діяволъ, клевеща на иже вѣры ради спасающихся, и глаголетъ: сея ради вины, яко велика вѣра ихъ, почто спасаеши ихъ тунѣ? И Господь глаголетъ: предана мя слышатъ, и связана, и заплевана, на крестѣ распята, и копіемъ прободена, не смущаются сердцемъ, ни соблажняются умомъ, но вѣруютъ Бога быти отъ Бога, и исповѣдуютъ мя царя и создателя и творца своего и Господа безъ лукавства". Яковъ же бѣ разбойникъ, иже на крестѣ возопи, глаголя: **)„помяни мя Господи егда пріидеши во царствіи си!" Нѣсть ли достойно таковому рещи: „аминь глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи?"

*) Просвѣтитель въ сл. 4 и въ Апостолѣ толк. на посл. къ Римл. гл. 4, зач. 86.

**) Лука 23, зач. 111, ст. 42 и 43.

Первое же Божіе на землю сошествіе бысть не того ради смиренно, акибы Богъ со славою не могъ явитися, и до ада снити, и его разрушити и сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй на свѣтъ извести; но да соблюдетъ свое правосудіе отъ врага не оклеветаемо и да покажетъ собою первѣе образъ блаженнаго смиренія, имже всякъ вознесется, и да изліетъ притомъ на всѣхъ безчисленное милосердіе свое, и изъявитъ крайнюю любовь къ роду человѣческому вольнымъ страданіемъ своимъ, наипаче же неправедно наведеннымъ на него осужденіемъ праведно избавитъ падшее естество человѣческое отъ работы вражія, и поносною смертію, яко сый безгрѣшенъ, грѣхомъ первозданнаго на весь родъ наведеную смерть умертвитъ: ***)„яко же бо (глаголетъ Апостолъ) о Адамѣ вси умираютъ, тако и о Христѣ вси оживутъ".

***) 1 Корнө. 15, зач. 160, ст. 22.

Предумысливъ же сіе сотворити Богъ сице-

вымъ неизреченнымъ промысломъ и преглубокою въ немъ единомъ отъ вѣка бывшу сокровенною тайною, елико убо премирныхъ, и елико на земли утаився, и преминувъ естества уставы, отъ пречистыя дѣвы Маріи безсѣменно воплотися, и несказанно, во двою естеству, во единомъ составѣ, изъ нея родися. Потомъ преестественными чюдотвореніями, Божествомъ дѣйствуемыми, увѣрилъ достойныхъ служенію его въ онь вѣровати, и *)тѣми спасительное свое Евангеліе провозвѣстилъ всей твари; а безгрѣшнымъ тѣла обложеніемъ и человѣческою немощію (якоже бысть **)въ пустыни постяся и во искушеніе предадеся, наипаче же предъ ***)вольнымъ своимъ страданіемъ, егда со слезами моляся ко Отцу своему небесному, да мимо идетъ отъ него чаша смерти его, и ко ученикомъ рече: „прискорбна есть душа моя до смерти») прехитрилъ діявола: яко же онъ прежде обольсти коварствомъ Адама, тако и сей вторый Адамъ немощію плоти нрехитрилъ діявола! Видя бо діяволъ, яко Іесусъ боится смерти, возусти жидовъ, да абіе неправедно убіютъ его, мня окаянный, тма сый помраченный, присносущный свѣтъ истинный съ прочими во тмѣ ада затворити, да ктому не гонитъ его и да не разрушаетъ въ семъ мірѣ царство его. Егдаже поглоти сего, абіе ощути, аки удицу льщенія, сирѣчь неодержимое Божество, неизреченно плотію человѣчества прикровенное, и разсѣдеся адская несытая его утроба. И не только сего неодержимаго не удержа, но и яже прежде имѣ, изблева, якоже свидѣтельствуетъ Соборникъ: †)„Отецъ бо (небесный) осуди діявола, яко неправедно наведша смерть Сыну Его: смерть бо убо грѣха запрещеніе, Христосъ же безгрѣшенъ пребысть. Тѣмже сице осудивъ

*) Марк. 16, зач. 71, ст. 15, Псал. 18, ст. 5.

**) Матѳ. 4, зач. 7. отъ ст. 1 до ст. 7-го.

***) Матѳ. 26, зач. 108, отъ ст. 37 до скончанія 44. Евр. 5, зач. 311, ст. 7.

†) Сборникъ л. 714, въ толк. 47 ст. 2 сл. на Пасху Григорія Богослова.

Отецъ мучителя, изятъ насъ и къ себѣ возведъ: ибо Сыну его ходатайствовавшу, и путь намъ угладившу и указавшу, и въ честь се Отцу устроившу".

Тѣмже и мы, душевно чувствуя толикое неизреченное Божіе къ намъ благодѣтельство, благодарственны пребудемъ, содержа нижеслѣдующія божественныя догматы христіанскаго благочестія, отъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ преданныя и соборно утвержденныя, въ неизмѣнномъ исповѣданіи и блюстительномъ исполненіи, нынѣ и присно и вовѣки вѣкомъ.

III.

ДОГМАТЪ ВѢРЫ.

Догматъ вѣры христіанскаго исповѣданія, старогречсскаго закона, блюстительно содержимъ, по сущему изложенію въ слѣдующемъ:

1) Во единаго Бога вѣруемъ по символу вѣры сице: *) „Вѣрую во единаго Бога Отца, вседержителя, творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго, прежде всѣхъ вѣкъ", и прочее. **) „И въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. И во едину святую соборную и апостольскую церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвымъ и жизни будущаго вѣка, аминь".

*) Изложеніе 1-го вселенскаго собора.

**) Изложеніе 2-го вселенскаго собора, согласно Еванг. отъ Іоанна, гл. 15, ст. 26 и гл. 16, ст. 7, зач. 52 и 53.

Купно *)исповѣдуемъ и равно вѣруемъ: во Святую Троицу, нераздѣльную и несказанную, равносильную, и равнобожную, и неописанную, равносовѣтную, и равноразумную, равносущную и собезначальную, единоначальную и трисоставную, еже есть: во Отца Бога нерожденнаго, въ Сына Бога отъ Отца рожденнаго, и въ Духа Святаго, иже отъ Отца исходящаго. Не бо единъ отъ единаго раздѣлишася когда: бяше бо Отецъ присно съ Сыномъ, и Сынъ бяше присно съ Отцемъ и Духомъ вкупѣ. Сице покланяемся и славимъ Святую Троицу во Единицѣ и Единицу въ Троицѣ, нераздѣльное въ тріехъ составѣхъ едино Божество.

Къ ясному же понятію сего можетъ примѣромъ видимое солнце служить: егоже бо огненный и свѣтолучный кругъ уподобляется во образъ праведнаго солнца, безначальнаго и безконечнаго Бога Отца, лучи же его, простирающіяся отъ небесъ и просвѣщающіи весь міръ, во образъ истиннаго свѣта, Бога Сына, а теплота его, согрѣвающая землю, во образъ Бога Духа Святаго, совершающаго всяческая. Обаче не тріобразно, но **)единъ образъ, едина воля и едино дѣйствіе, въ тріехъ точію лицѣхъ: ***)якоже и въ созданномъ по образу Божію человѣкѣ умъ, слово и духъ жизни.

Такоже и таинство Божіяго воплощенія исповѣдуемъ: иже отъ Бога Богъ Слово (аки луча свѣта изъ круга солнечнаго), не отступль Божества своего, въ Приснодѣву Марію вселися, наитіемъ же Святаго Духа усырися и воплотися, и тако неизреченно изъ нея родися, невидимый и неосязаемый, яко подъ завѣсою плоти, въ мірѣ явися, отъ души словесныя и плоти человѣческія состояй, совершенъ Богъ и совершенъ чело-

*) Св. Іоаннъ Дамаскинъ, Аѳанасій Великій и Кириллъ Александійскій.

**) Стихъ воскресенъ на полунощницы.

***) Григорій Синаитъ, Калистъ Катафигіатъ въ добротолюбіи.

вѣкъ, во двою естеству а во единомъ составѣ несмѣсно убо, якоже ячмень смѣшавшись со пшеницей; нераздѣльно же, якоже вино совокупившись съ водою*). И такъ вольныя страсти только плотію терпяше, а Божествомъ, аки огнь въ разженномъ желѣзѣ, или яко солнечная луча на сѣкущемъ древѣ, безстрастенъ пребываше: двѣ бо воли и два дѣйствія Іисусъ Христосъ имѣяше, **)равенъ сый Отцу по божеству, мній Отца по человѣчеству. Аще Богъ и человѣкъ, обаче не два, но якоже душа словесная и плоть единъ есть человѣкъ: тако Богъ и человѣкъ единъ есть Христосъ.

Честный же и животворящій крестъ Христовъ почитаемъ, лобызаемъ и поклоняемся ему съ вѣрою, яко сущей божественной и непобѣдимой силѣ.

2) Пресвятую ***) Богородицу и Приснодѣву Марію исповѣдаемъ, и съ вѣрою славимъ, яко воистину святѣйшую херувимъ и серафимъ, и превысшую небесъ сущу и высшу всѣхъ тварей, яко рождшую плотію единаго отъ Троицы Христа Бога нашего, иже насъ ради къ намъ сшедшаго и вочеловѣчьшася нашего ради спасенія. Которую мы не только въ настоящемъ нынѣ ея блаженствѣ†) (согласно святымъ богословцемъ) исповѣдуемъ быти чистую и пренепорочную, но вѣруемъ, яко она прежде рожества бѣ Дѣвою, и въ рожествѣ Дѣва, и по рожествѣ такожде пребываетъ Дѣвою, и даже до толика, якоже всемогущій Богъ словомъ своимъ, словомъ чистымъ, созда вещественное небо чисто††) и естествомъ неиспытанно, тако и на земли предъуготова Богъ на вселеніе единородному Сыну своему Слову одушевленное небо чисто и никоеяже скверны причастно,

*) Святый Сильвестръ папа Римскій, Четь-минея Генваря 2-го, Свят. Петръ Дамаскинъ въ 1 книгѣ.

**) Псал. 8 отъ ст. 5 до 10. Евр. 2, зач. 305, отъ ст. 6 10. Филипис. 2, отъ ст. 8 до 12.

***) Св. Іоаннъ Дамаскинъ и прочіи вышеознач. свят. учит.

†) Четь-минея Декабря 9.

††) Маргаритъ въ словѣ 2-мъ о непостижимѣмъ.

еже есть: сію преблагословенную владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію*), отъ сѣмене чистаго и еще прежде зачатія ея предочищеннаго и освященнаго. Тѣмъ убо только сія едина, отъ родовъ предъизбранная и отъ пророкъ пронареченная, содѣтеля всего міра мати, не только отнюдь**) первородныя скверны бысть непричастна, но даже вся яко небо чиста и добра зѣло пребысть. О нейже самъ Духъ святый въ Пѣснѣхъ Пѣсней свидѣтельствуетъ сими словесы: ***) „вся добра еси ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ“, и паки со удивленіемъ: „кто сія проникающая, аки утро, добра яко луна, избранна яко солнце“.

3) Такоже и святыхъ почившихъ угодниковъ Божіихъ, какъ-то: святаго Іоанна Крестителя, и яже прежде его пророковъ, и яже по немъ прехвальныхъ Апостоловъ и добропобѣдныхъ мучениковъ и прочихъ всѣхъ святыхъ почитаемъ, и съ вѣрою призываемъ ихъ, яко ближайшихъ друговъ Божіихъ, да тѣхъ ради къ Богу моленій избавляемся долговъ грѣховныхъ и спасаемся вси, по глаголу пророка: †) „волю боящихся его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ“. Понеже близъ престола Божія предстоятъ и ††) дерзновеніе имутъ молитися о насъ, занеже самъ Господь нашъ Ісусъ Христосъ въ Евангеліи рече: †††) „хощу да идѣже есмь азъ, и тіи будутъ со мною, да видятъ славу мою“.

4) *) Еще же честныя тѣхъ угодниковъ Божіихъ мощи, нетлѣніемъ отъ Бога прославленныя, почитаемъ, и поклоняемся имъ и лобызаемъ: многія бо тѣлеса святыхъ мѵро източаютъ, и многи страсти и болѣзни у человѣкъ исцѣляютъ.

5) Святыя иконы**), какъ-то: Спасителя на-

*) Слово на зачатіе Пресвят. Богородицы въ Четіи-минеи, Дек. 9.

**) Въ томъ же словѣ.

***) Пѣснь пѣсней гл. 4, ст. 7, и гл. 6, ст. 9.

†) Псал. 144, ст. 19. Соборн. 17, л. 227.

††) Петр. 1, зач. 64, ст. 15. 3 Ездра 15, ст. 8. 3 Цар. 11, ст. 12 и 13. Даніилъ 3, ст. 55.

†††) Іоаннъ гл. 17, зач. 57, ст. 24.

*) Святый Іоаннъ Дамаскинъ въ сл. 1-я недѣли поста, въ Соборникѣ гл. 25, л. 323 на об.

**) Соборный многосложный свитокъ св. отецъ восточн., числомъ 1455 подписавшихся въ Соборн., гл. 28, л. 360, и Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ словѣ о иконахъ.

шего Іісуса Христа, пречистыя его Матери пресвятыя Богородицы, небесныхъ силъ безплотныхъ и прочихъ всѣхъ святыхъ, почитаемъ, покланяемся и цѣлуемъ. Обаче почитаемъ святыя иконы, не яко Бога жива, но взирающе на образъ, представляемъ себѣ во умѣ святость изображенныхъ, и тѣми, равно какъ и отъ повѣстей книгъ церковныхъ, подражательную любовь въ сердцахъ нашихъ возобновляемъ. Сіе почитаніе святыхъ иконъ есть весма нужно и душеспасительно: ибо аще мнози человѣцы образы искреннихъ своихъ, и чада родителей своихъ, плотскія ради любви, написуютъ и въ домѣхъ своихъ на незабвенную память содержатъ: то кольми паче мы, православные христіяне суще, должни есмы вышереченныя святыя иконы, и кромѣ молитвенныхъ храмовъ, каждый по себѣ въ домѣхъ непремѣнно и присно имѣти, почитати и покланяющееся имъ, лобызати, чювствами же къ тѣмъ самымъ первообразнымъ восходити, и во всемъ упованіе на нихъ возлагати, да сподобимся и въ будущемъ вѣцѣ съ ними вѣчно въ царствіи небесномъ пребывати.

IV.

ДОГМАТЪ ЦЕРКВИ.

Догматы святыя древлевосточныя соборныя апостольскія церкви, иже у насъ въ неизмѣнномъ исполненіи соблюдаются, суть слѣдующіи:

1) Седмь изящныхъ святыхъ таинъ церковныхъ:

Первая святая тайна, Крещеніе, — едино точію въ три погруженія творимое, съ приглашеніемъ Божественнаго тріvпостаснаго имени, у насъ всеобдержно дѣйствуется и пріемлется, по заповѣди самого Христа Спасителя, рекшаго къ своимъ Апостоламъ: *) „шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа". При первомъ убо въ воду погруженіи глаголетъ священникъ: во имя Отца, аминь; при второмъ: и Сына, аминь; и при третіемъ: и Святаго Духа, аминь. Зане первенствующая святая восточная церковь сей истинный образъ крещенія пріяла отъ святыхъ Апостолъ**), который образъ, съ отрицаніемъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и прочее къ тому благолѣпное вослѣдованіе, святый и богомудрый Діонисій Ареопагитъ, современникъ апостольскій***), самъ святое крещеніе отъ святаго Апостола Павла уже въ совершенномъ возрастѣ принявшій, писаніемъ чинно изложилъ и первенствующей Христовой церкви въ руководство предоставилъ.

Не иначе же и самъ Христосъ Спаситель, погружаяся во Іорданѣ, крестился: понеже святіи Апостоли, какъ отъ него пріяша, тако и прочихъ научиша†). Да и по свидѣтельству святаго Златоуста, вси людіе, приходящіи тогда креститися отъ Іоанна, стояху по выю въ водѣ Іордана: слѣдовательно и Христу погрузитися довлѣло во глубины Іордана, якоже и вселенская церковь поетъ во 2 канонѣ Богоявленія его сице: ††) „Безначальне, водами спогребшутися Слове". Тѣмже святый Апостолъ Павелъ къ римляномъ пишетъ: †††) „Или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть его крестихомся, спогребохомся убо ему кре-

*) Матѳ. 28, зач. 116, ст. 19.

**) Въ книгѣ св. Діонисія Ареопагита, чинъ крещенія человѣкомъ.

***) Четь-минея Окт. 3.

†) Св. Златоустъ въ толковомъ Евангеліи на крещеніе Господне.

††) 2-й тропаръ 1-й пѣсни.

†††) Римлянамъ 6, зач. 91, ст. 3, 4 и 5.

щеніемъ въ смерть, да яко воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы по обновленіи жизни ходити начнемъ. Аще бо сообразни быхомъ подобію смерти его, то и воскресенія будемъ причастницы". Послѣдовательно сему и святый премудрый Максимъ Грекъ во своей книгѣ пишетъ сице: *) „яко въ божественномъ крещеніи треми въ воду погруженіи тридневное Спаса Христа погребеніе и воскресеніе гадаетъ церковное преданіе", и прочее.

Кромѣ же сего единаго трепогружательнаго крещенія никакія инообразныя крещенія у насъ подъ строгимъ запрещеніемъ отнюдь не пріемлются: **) яко дерзати смѣющихъ святое крещеніе инако дѣйствовати, или пріимати, церковныя правила изъ священнаго сана изверженіемъ осуждаютъ.

Вторая святая тайна: Мѵропомазаніе, которое у насъ непремѣнно при самомъ крещеніи исполняется, зане самъ Христосъ Спаситель рече: ***) „аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе". Дѣйствуется же то по уставу древлегрекороссійской церкви съ нижеслѣдующими приглашеніями: егда бо іерей помазуетъ новокрещеннаго, глаголетъ: †)

На челѣ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да избудетъ студа, егоже первѣе преступивъ человѣкъ всюду ношаше".

На лицы: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да откровеннымъ лицемъ славу Господню зритъ".

На очію: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да зритъ очима свѣтъ Святыя Троицы, первыя доброты образъ".

На ушію: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да пріиметъ ушима слышаніе таинства духов-

*) Св. Максимъ Грекъ въ 40 сл., тоже и во Псалтири со вослѣдованіемъ въ сл. о крестномъ знаменіи.

**) Въ кн. Кормчей 8 пр. Св. Апостолъ и прочіе вселенскихъ соборовъ; таже въ Великомъ Потребникѣ соборное изложеніе Святѣйшаго Филарета Московскаго Патріарха л. 564 и 597.

***) Іоаннъ 3, зач. 8, ст. 5.

†) Великій Потребникъ въ чинѣ мѵропомазанія.

наго, святаго Евангелія Христова, якоже рече Господь: имѣяй уши слышати да слышитъ: да не приложится ему злое слышаніе".

По ноздрямъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да обоневаетъ Божественныхъ таинъ, яко да и той будетъ въ мѵро Христова благоуханія и въ добровоньство спасаемыхъ, и да не обоневаетъ прочее смрадныя первыя льсти".

По устомъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да перваго вкуса вторымъ заградитъ, сирѣчь: тѣломъ и кровію Христовою".

На персѣхъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да оболкся во броня правды, противу художеству вражію станетъ, яко побѣдитель непобѣдимъ".

На рукахъ: „Печать дара Святаго Духа, аминь. Да будутъ готовы на простертіе во благотвореніе, и на отгребаніе всякаго зла".

А по псалмѣ 33-мъ, „возлагаетъ іерей на крестившагося крестъ съ гайтаномъ, якоже истинніи христіяне имутъ обычай, еже носити на себѣ знаменіе спасительныхъ Христовыхъ страстей, иже есть честнаго креста образъ, на прогнаніе всякія непріязненныя дѣтели, себѣ же на сохраненіе души и тѣлу".

Третія святая тайна: Причащеніе тѣла и крови Христовой, иже у насъ непремѣнно обое каждому православному христіанину подается, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Самъ бо Христосъ Спаситель нашъ всѣмъ повелѣ плоть его ясти, и кровь его пити, — а именно на тайнѣй вечери своей*), „пріемъ хлѣбъ и благословивъ преломи, и даяше ученикомъ, и рече: пріимите ядите, сіе есть тѣло мое; и пріимъ чашу, и хвалу воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея вси, сія бо есть

*) Матѳ. 27, зач. 108, ст. 26, 27 и 28.

кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ". Да не уничижимъ кто повелѣнія сего, рече прочее Ісусъ: *)„Аминь, аминь глаголю вамъ: аще не снѣстѣ плоти Сына человѣческаго, и не піете крови его, живота не имате въ себѣ". Страшно изреченіе Христовыхъ словесъ! И яко истинна суть словеса его, самъ заключаетъ: **)„Небо и земля прейдетъ, словеса же моя не прейдутъ".

*) Іоаннъ 6, зач. 23, ст. 58.

**) Маркъ, 13, зач. 62, ст. 31.

Четвертая святая тайна: Исповѣданіе грѣховъ.

Пятая святая тайна: Священство.

Шестая святая тайна: честный Бракъ.

Седьмая святая тайна: Елеосвященіе.

2) При томъ***) блюстительно сохранятся у насъ древней церкви благолѣпный чинъ Божественной литургіи, устроенной Василіемъ Великимъ, и Іоанномъ Златоустомъ и святымъ Григоріемъ папою римскимъ, такъ, чтобы на святой проскомидіи непремѣнно имѣть †) седмь просфиръ, именуемыхъ великія, квасныхъ, изъ чистой пшеничной муки испеченныхъ:

***) Древлепеч. Служебники, содержащіе чинъ Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія папы Римскаго

†) Потребникъ великій и древлепечатные Служебники. Великія же не по количеству, но по дѣйству.

1-я просфира, за Господьскій хлѣбъ, еже есть святый агнецъ.

2-я въ честь Пресвятыя Богородицы.

3-я въ честь Святаго Іоанна Крестителя и всѣхъ святыхъ.

4-я за верховнаго святителя и всего освященнаго чина.

5-я за самодержавнаго государя царя.

6-я за всѣхъ живыхъ православныхъ христіянъ.

7-я за упокой всѣхъ православныхъ христіянъ.

И какъ сіи седмь особыя, такъ равно и

прочія, по желанію усердствующихъ христіянъ на проскомидіи въ жертву Богу приносимыя, просфиры имѣютъ равнымъ видомъ сверху печать, круглымъ обведеніемъ*), образующую, по толкованію святаго Симеона Селунскаго, безначальное и безконечное Божіе Слово воплощенное (сирѣчь, хлѣбъ—плоть, а печать—Божество); посредѣ же сея печати трисоставный крестъ Христовъ, со изображеніемъ къ нему надлежащихъ литеръ, а вокругъ креста евангельскихъ словесъ: **) „Се агнецъ Божій вземляй грѣхи міра". Послѣдніи убо просфиры, по вынятіи іереомъ изъ нихъ частицъ въ Божественную жертву, абіе принесшимъ въ благословеніе подаются цѣлостію: ибо на сей случай пекарь церковныхъ просфиръ запасныя приготовляетъ просфиры.

Всѣ же таковыя просфиры пріуготовляются непремѣнно изъ квасного тѣста потому: ибо Спаситель нашъ Ісусъ Христосъ, егда по исполненіи времени восхотѣ ветхаго завѣта сѣновно дѣйствуемое чиноположеніе конечно въ самую истину благодатію своею привести, сирѣчь новый благодатный завѣтъ уставити, повелѣлъ уготовати тайную свою вечерю прежде праздника пасхи и***) прежде нежели изметаемъ бысть квасъ въ 4 день опрѣсночнаго приготовленія, то-есть 13 числа луны по еврейскому счисленію†), прилучившагося тогда быти въ четвертокъ: идѣже къ тому††) не стояще, якоже обычай бѣ ясти ветхозаконную пасху, †††) но сѣдяще со ученики новую пасху яде: „и рече къ нимъ: желаніемъ вожделѣхъ сію пасху ясти съ вами прежде даже не пріиму мукъ"; ядоша же*) не опрѣсноки**) но хлѣбъ, сирѣчь квасный, подъ видомъ коего хлѣба и вина уставилъ

*) Симеонъ Селунскій во главѣ 68 книги его.

**) Іоаннъ 1, зач. 3, ст. 29.

***) 2 Моис. 12, ст. 3, 6 и 15.

†) Іоаннъ 19, зач. 61, ст. 31.

††) 2 Моисей гл. 12, ст. 11 и Григорій Богословъ въ словѣ на пасху.

†††) Матѳ. гл. 26, зач. 108, ст. 20. Іоаннъ гл. 13, ст. 4 и 11.

*) Лука гл. 22, ст. 15. Златоустъ въ бесѣдахъ 11 и 18 на послан. Коринѳ.

**) Матѳ. гл. 26, зач. 108, ст. 26. Маркъ гл. 14, ст. 20. Лука гл. 22, ст. 19. 1 Кор. гл. 11, ст. 23 и 24.

Христосъ новый завѣтъ о своей плоти и крови, по свидѣльству всѣхъ Евангелистовъ и Апостола Павла, рекшихъ: „ядущимъ же имъ, пріемъ Іесусъ хлѣбъ и благословивъ преломи“, и прочее.

Хотя святіи Еванрелисты и пишутъ*), яко уготоваша Христу ясти пасху во дни опрѣсночныя, но въ такомъ разумѣ глаголютъ они только о дняхъ опрѣсночнаго приготовленія**), ибо закономъ повелѣно было прежде четырехъ дней праздника, то-есть въ 10-й день Марта мѣсяца, запасать агнца и соблюдать до 14-го числа вечера, а не о самомъ праздничномъ, или о канонномъ дни праздника, воньже квасъ измѣтается.

Аще бы оная вечеря была въ самый день праздника, то невозможно бы Христу въ таковый день посылать учениковъ путь шествовать и приготовленіе творить, смерти бо повинни были творящіи то. ***)Болѣе же явствуетъ отъ Евангелія: егда ведоша Іесуса отъ Каіафы въ преторъ, бѣ утро, а пасха еще не бѣ, какъ и Пилатъ рече: „кого хощете отпущу вамъ на пасху?“ Аще ли бы въ канонный день праздника вечеря Христова была, то не бы святіи Евангелисты написали†), яко Христосъ уже въ пятокъ, въ канонъ праздника пасхи, еще изъ утра††), о часѣ третьемъ, на Голгоѳу приведенъ, о шестомъ часѣ распятъ, о девятомъ же часѣ на крестѣ умре. Егда же Іюдеи, прося Пилата, рекоша: †††)„да не останутъ на крестѣ тѣлеса въ суботу, бѣ бо великъ день тоя суботы“, то явно отъ сего есть, что самый великій праздникъ пасхи прилучился тогда въ день суботный.

И если же бы та вечеря была въ свое время,

*) Матѳ. гл. 26, зач. 108, ст. 17. Маркъ гл. 14, ст. 12 и Лук. гл. 22, ст. 7.

**) 2 Моис. гл. 12, ст. 3 и 6.

***) Іоан. гл. 18, ст. 28 и 29. Матѳ. гл. 27, ст. 15 и 17.

†) Іоан. гл. 19, зач. 61, ст. 31.

††) Мар. гл. 15, зач. 68, ст. 25, 33, 34, 37.

†††) Іоан. гл. 19, ст. 31.

и все по обычаю еврейскому на ней уготовано: то стояще, а не сѣдяще яли бо пасху, и не рекъ бы Христосъ о ней отлично, яко желаніемъ вожделѣхъ сію ясти пасху: ибо ветхозаконную прежде ежегодно ядяще, но никогда такова желанія изъяви, якоже о сей. Предварительно же соверши Христосъ новую сію пасху для того, дабы вмѣсто ветхозаконнаго агнца *)(коего законъ повелѣваше въ вечеръ 14-го числа луны заклавши агнецъ, съ тѣмъ починати и опрѣсноки ясти, на седмь дней праздника пасхи) самъ себя пріуготовилъ на вольное заколеніе за спасеніе всего міра, въ начало и уставъ новыя христіанскія жертвы. Якоже и сотвори: ибо въ тотъ самый день, воньже у евреевъ къ вечеру прилучившагося тогда пятка закалашеся агнецъ и начинашеся праздникъ пасхи, Христосъ на крестѣ насъ ради плотію смерть вкуси и погребенъ бысть, въ суботный же день во гробѣ почиваше, а въ третій день недѣльный изъ мертвыхъ воскресе. Итакъ совершися сія новая спасительная пасха, еже есть новому Израилю преведеніе отъ смерти въ жизни и отъ земли на небо**). А что Апостолъ Павелъ, къ коринѳомъ пиша, повелѣваетъ очистити ветхій квасъ и праздновать въ безквасіяхъ чистоты и истины, а не въ квасѣ злобы и лукавства: се не о употребленіи хлѣбномъ, но о жительствѣ чистомъ и благочестивомъ поучаетъ. ***)А сущій квасъ самъ Христосъ Спаситель въ притчахъ своихъ царствію небесному уподобляетъ, яко животъ образуетъ, а не мертвость.

8) Все наше древлецерковное исполненіе содержится и печатлѣется непремѣнно крестомъ Христовымъ тричастнымъ, егоже съ вѣрою ис-

*) 2 Моис. гл. 12, ст. 6, 18 и 19.

**) 1 Коринѳ. гл. 5, зач. 133, ст. 7 и 8.

***) Матѳ. гл. 13, зач. 53, ст. 33, и Лука гл. 13, ст. 21.

повѣдуемъ, яко истинный есть образъ животворящаго креста, на немже Христосъ Спаситель плотію распятся. Тричастный убо именуется, яко изъ трехъ древъ: кипариса, певга и кедра, въ тридневную смерть Господа Іисуса Христа содѣланъ бысть, какъ свидѣтельствуютъ святіи восточніи учители: *)Германъ патріархъ Цареградскій, **) и Іоаннъ Дамаскинъ; о немже и прореченіе Исаіи пророка въ самой истинѣ исполнися (иже во главѣ 60, стихѣ 13). По разуму же древлевосточной церкви, въ крестѣ Христовомъ первое древо бѣ правѣ устроено; другое преки, къ немуже длани Христовы двѣма гвоздьми пригвождены; а третіе въ подножіе, къ немуже нозѣ Христовы такожде двѣма гвоздьми пригвождены быша, во исполненіе пророческаго гласа, во псалмѣ 98, стихъ 5. Тѣмже и церковь святая поетъ въ день воздвиженія честнаго креста Христова: ***)„Ты ми покровъ державенъ еси тричастный кресте Христовъ“. Святый же Іоаннъ Дамаскинъ ублажаетъ сице: †)„О треблаженное древо, на немже распятся Христосъ Царь и Господь“. Также и святый Ѳеодоръ Студійскій въ словѣ на поклоненіе честнаго креста глаголетъ: ††)„Днесь тричастный крестъ поклоняемъ есть, и четвероконечная вселенная празднуетъ радостно“. †††)Равно же и трисоставнымъ почитается, зане Пресвятыя Троицы носитъ трисоставный образъ. Еще же именуется сей въ церковномъ писаніи *)и четверочастнымъ: за положеніе вверху главы Христа Спасителя дщицы, съ титломъ Его, Пилатомъ написаннымъ; дщица же сія бѣ изъ древа масличнаго, яко провозвѣстница Спасителя и спасенія всего міра, **) юже предобразовала при потопѣ голубица, принесшая къ праведному

*) Во многосложномъ посланіи л. 2-й.

**) Въ Октаи 3-го гл. въ среду и пятокъ на утрен. сѣдалнахъ.

***) Минеи служебн. Сентяб. 14 на литіи стихера 6.

†) Въ 8-мъ гласѣ ирмосовъ пѣснь 5.

††) Соборникъ гл. 31, л. 104.

†††) Тріодь, 4-й недѣли поста во вторн. въ 8-й пѣсни, и св. Григорій Синаитъ въ крестн. канонѣ.

*) Минея служебная, Сент. 14 въ утреннихъ стихерахъ.

**) 1 Моисей гл. 8, ст. 10 и 11.

Ною въ ковчегъ во устѣхъ своихъ масличной сучецъ.

Сей трисоставный крестъ Христовъ, какъ въ древлегреческой церкви, равно и у насъ, яко самосовершитель, присно во всѣхъ священнодѣйствіяхъ употребляется, и паче всѣхъ священныхъ вещей предпочитается, тѣмъ и наверхъ самой главы церкви Христовой поставляется: понеже осѣненіемъ благословлять его, кромѣ Бога, отнюдь никто не можетъ, но самъ той Божественный крестъ вся осѣняетъ и вся освящаетъ. Двучастнаго же креста знаменіе, еже изъ двухъ частей составленнаго, имѣетъ отъ тричастнаго веліе различіе: тако, яко образъ отъ истины, или паче отъ образа сѣнь. Понеже двучастный крестъ есть сѣновнаго завѣта начертаніе: *)якоже древле Моѵсей крестообразно руцѣ распростре, **)и на мори жезломъ образъ креста начерта, тогда бо и силы дѣяшася отъ него, якоже дѣяшася и во священнодѣйствіяхъ онаго завѣта; нынѣ же, отъ Христова новоблагодатнаго закона, вся та упразднися. ***)„Прейде (бо) сѣнь законная, благодати пришедши". Обаче якоже сѣнь въ лицѣ солнца неотлучна есть отъ сущаго: тако и двучастный отъ тричастнаго креста не отлученъ есть; но только сей двучастный крестъ у насъ пріемлется въ употребленіе на священныхъ одеждахъ, егоже священникъ первѣе осѣняетъ и потомъ цѣлуетъ.

Хотя же кресты, которые всякій христіанинъ отъ крещенія своего присно на персѣхъ своихъ носитъ, и имѣютъ видъ двучастнаго креста, обаче на нихъ спереди непремѣнно изображается начертаніе истиннаго трисоставнаго креста.

*) 2 Моис. 17, ст. 11, 12 и 18.

**) 2 Моис. 14, ст. 21 и 27, и въ 8 гласѣ ирмосовъ пѣснь 1.

***) Въ Октаи догматикъ 2-го гласа.

И всѣ вообще кресты, сущіе въ церквахъ и въ домахъ, трисоставнаго изображенія, древянные и метальные, равно у насъ пріемлются и почитаются, кромѣ только на главахъ церквей нашихъ отнюдь не поставляются метальные, но присно древянные, видомъ трисоставные; прочности же ради сіи обиваются жестію, овые же украшенія ради и позлащаются. *) Вина есть сего, что Пресвятая Владычица наша Богородица, дивнымъ явленіемъ и ужаснымъ чюдотвореніемъ въ Тихвинѣ, не соизволила на главѣ храма своего кресту желѣзну быти, но древяну, якоже въ канонѣ ея 4 гласа, въ тропаряхъ 5 пѣсни, явствуетъ, которой есть въ праздничной Минеи.

4) Какъ**) священники на благословленіе, такъ равно и всѣ православные христіане древлегрекороссійской церкви на крестное огражденіе, слагаютъ персты десныя руки непремѣнно сицевымъ образомъ:

а) Три убо персты, первый палецъ со двѣма послѣднима, вкупѣ, во образъ равночисленныя нераздѣлимыя Троицы. Яко и древле тріе отроцы, образовали Троицу***), сущія внучата царя Іосіи, дѣти Ехоніевы, имовѣрно были большій, средній и меньшій, о нихже святая церковь во 8-й пѣсни 8-го гласа поетъ: †) „благословите дѣти, Троицы равночисленніи". Лишше же сего никтоже отъ насъ дерзаетъ къ неописуемому тріѵпостасному Божеству Святыя Троицы, не только равноперстіемъ бренной руки, но ниже изъ всей долу имѣющейся описуемой твари явѣ равенъ образъ показати: поелику таковое безмѣстное умствованіе святіи отцы, Богомудрые учители, Григорій Богословъ во 2-мъ словѣ на святую пасху, Максимъ Грекъ въ словѣ о Свя-

*) Книга минея праздничная, печат. въ Москвѣ 7158-го года, и особо древняя о явленіи на Тихвинѣ Богородичной иконы исторія.

**) Во Псалтырѣхъ со возслѣдованіемъ, напечатанныхъ при древнихъ московскихъ патріархахъ.

***) Книга прологъ и лѣтописная святцы 17 дек.

†) Св. Іоаннъ Дамаскинъ.

томъ Дусѣ, и Іоаннъ Дамаскинъ въ 1-й его книгѣ, главѣ 9-й, зѣльно обличаютъ и конечнѣ отражаютъ. б) Два же перста, указательный право, а великосредній мало приклоненъ, совокупно простерты, образующіе таинство воплощенія Бога Слова во двою естеству, Божества и человѣчества, во единомъ же составѣ; преклоненіе же персту толкуется: преклонь небеса сниде на землю, нашего ради спасенія. Итако слагая персты, изображаемъ въ нихъ по преданію древлевосточной церкви обоя божественныя таинства: Святыя Троицы и воплощенія Бога Слова*). Ибо всероссійскій Стоглавный соборъ и послѣдующія тому первосвятители, изряднѣе же московскіе, до лѣтъ Никона бывшіе, патріархи таковое древнее церковное преданіе, ежебы двуперстнымъ сложеніемъ какъ священникомъ благословляти, такъ равно и всѣмъ христіяномъ знаменатися, единогласно подтвердили и точнаго исполненія ради даже и въ книгахъ церковныхъ (у насъ и донынѣ подлинникомъ сущихъ) въ роды печати предали.

Сіе же вышереченное церковное преданіе основаніе свое на всеобдержномъ, древлегреческими благочестивыми учительми утвержденномъ, узаконеніи, изъ числа коихъ святый премудрый Максимъ Грекъ, Аѳонскія горы, обители Ватопедскія, свидѣтельствованный въ премудрости и благочестіи тогдашними восточными патріархами, бывый въ Россіи для наилучшаго исправленія церковныхъ книгъ**), засвидѣтельствовалъ въ своемъ 40-мъ словѣ, ясно и достовѣрно, о древнемъ вышеозначенномъ сложеніи перстовъ. Въ точности сему согласуетъ писаніе и блаженнаго Ѳеодорита Кирскаго. ***) А святый Мелетій патріархъ Антіохійскій, будучи

*) Книга Стоглавникъ, составленная на Стоглавномъ соборѣ въ лѣто 7059. Великія Псалтири со возслѣдованіемъ и великіе Потребники, напечатанные въ Москвѣ, при древнихъ царяхъ и патріархахъ, до Никона бывшихъ.

**) При великихъ Псалтыряхъ напечатано явствуетъ.

***) Четь-минея февр. 12.

на соборѣ, воставъ, показа людямъ три персты, и не бысть знаменія; потомъ два совокупль и единъ пригнувъ, благослови люди, и бысть знаменіе страшно: изыде бо отъ него огнь яко молнія. Хотя же въ житіи его и не объясняется, кіими онъ персты благословилъ люди, обаче разумно явствуетъ, что сей святый Мелетій двуперстнымъ, или инымъ какимъ сложеніемъ люди благословилъ; понеже самая естественность указуетъ, яко въ триперстномъ сложеніи не единъ къ двумъ пригибается, но два къ единому; да и доднесь нигдѣ не слышится, чтобъ кто къ греческой религіи тремя перстами, вкупѣ сложенными, благословлялъ; тѣмъ болѣе, что тремя первыми точію персты оба таинства: Святыя Троицы и воплощенія Бога Слова, изобразити невмѣстимо, смѣшати же неправедно, за опасность слѣдующаго: а) да не подражаніе нѣкое будетъ ереси Евтихіевой и Діоскоровой, которыя бѣжаста Несторіева раздѣленія, два сына глаголяшаго, во ино зло впадоста, ибо двѣма естествома, Божеству и человѣчеству, въ совокупленіи смѣситися и во едино естество сотворитися злѣ проповѣдаша; б) ежели бы мы тремя сложенными персты, образующими только едино таинство Святыя Троицы, крестное знаменіе на себѣ изображали, то опасность предстояла бы къ сходству ереси Севировой и прочихъ подобныхъ, которыя на крестѣ Божество страдавше злѣ мудрствоваху.

А потому, въ благословеніи святаго Мелетія сложеніе перстъ, елико не показуетъ быти треперстно, толико и не литерослажно. Если же литерослажное благословеніе, склоняемое перстами на литеры греческія и славянскія, и точно одно имя І҃С Х҃С изобразовало бы; но таковое

благословеніе въ сложеніи перстъ исповѣданіе Святыя Троицы устранило бы, а наипаче благословенію Христа Спасителя отнюдь не сообразно было бы: зане литеросложное благословеніе не можетъ дѣйствоваться во вселенскомъ употребленіи, идеже литеры другихъ языкъ не согласуютъ съ сложеніемъ перстовъ. Христова же благословенія видъ воистину былъ образъ вселенскому содержанію. Святый убо Лука Евангелистъ, во Евангеліи благовѣствуетъ*), что Христосъ Спаситель, при вознесеніи на небо, Апостоловъ своими пречистыми руками благословилъ; и хотя сей святый Евангелистъ прочее тамо не упоминаетъ, како персты рукъ своихъ Христосъ слагалъ, обаче сей Евангелистъ, будучи изуграфъ**), благословящую десницу у Христа Спасителя, на первой имъ написанной Богородичной иконѣ, двуперстнымъ сложеніемъ ясно изобразилъ. Таковой образъ Христова благословенія приняли первѣе святіи Апостоли, а отъ сихъ другопріимательнѣ древлегреческіе и прочіе первосвятители. Итакъ были по оному святымъ Лукою написанному образу и множайшіи въ древлегреческой церкви иконы точно изобразуемы. ***) А потомъ промысломъ Божіимъ, не точію съ первѣйшихъ тѣхъ иконъ копіи, но даже и самыя подлинныя апостольскаго художества иконы въ Россію собраны и великими чюдесами отъ Бога прославлены, гдѣ и до днесь, какъ извѣстно, цѣлы сохраняются.

5) Вышеозначеннымъ сложеніемъ двухъ перстъ десницы во образъ таинства Христова воплощенія, а трехъ прочихъ перстъ Святую Троицу равночисленно образующихъ, наблюдается у насъ всеопасно истовое на себѣ знаменіе честнаго

*) Лука 24, зач. 114, ст. 50 и зач. 113, ст. 30, и Евангельская стихера 5.

**) Древняя исторія о принесенной на Тихвину святыми ангелами по воздуху богородичн. иконы.

***) Минея праздничная въ канонѣ иконы Тихвинскія, въ 8-мъ тропарѣ 5-й пѣсни. Таже и въ прочихъ службахъ явленію богородичныхъ иконъ, въ мѣсячныхъ минеяхъ, напечатанныхъ въ Москвѣ при древнихъ царехъ и патріархахъ.

креста, сирѣчь согласно истинному догмату вѣры, яко Христово только человѣчество на крестѣ страдало, а Божество отъ плоти не разлучно, но безстрастно присутствовало.

Симъ же*) крестнымъ знаменованіемъ, по сказанію святаго премудраго Максима Грека, учитъ насъ святая церковь вкупѣ и всѣ благовѣрія христіанскаго таинства сице исповѣдовати**), во-первыхъ: полагая сложенныя персты на челѣ, исповѣдуемъ: „въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово" и яко отъ Бога Отца родися, яко и наше слово отъ ума происходитъ. А яко по божественному слову, глаголющему: приклони небеса и сниде, тако и мы рукою, со главы снося, полагаемъ на чрево, исповѣдуемъ съ небесе на землю къ намъ Божіе снитіе и воплощеніе, то-есть во чревѣ Приснодѣвы Маріи безсѣменное вселеніе, дѣвятомѣсячное въ ней обитаніе, рожденіе, страданіе и воскресеніе. Потомъ вознося полагаемъ на правое плечо, исповѣдуемъ Христово по воскресеніи на небеса вознесеніе, и сѣденіе его одесную Бога Отца. Потомъ, перенося, полагая на лѣвое плечо, исповѣдуемъ быти второе Христово страшное на землю пришествіе судити живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его, праведнымъ царствіе и жизнь вѣчную, а грѣшникамъ муку вѣчную: отъ сея же послѣдней и молимся помиловати насъ; притомъ и таинство образуемъ: поклоненіемъ первое Адамово паденіе, а восклоненіемъ — о Христовѣмъ воскресеніи паки наше возстаніе. Сицевымъ бо чиномъ крестное знаменованіе истово совершающихъ ангели Божіи свыше зрятъ и веселятся, понеже сила сего велика есть, какъ повѣствуется во многихъ страданіяхъ святыхъ

*) Св. Максимъ Грекъ въ сл. 40.

**) Таже во Псалтырѣ со возслѣдованіемъ, въ словѣ о крестномъ знаменіи, и въ Катихизисѣ великомъ, и въ прочихъ древлепечатныхъ книгахъ. Іоаннъ 1, зач. 1, ст. 1.

мученикъ: *)егда нечестивые мучители, не могше ихъ отъ Христа различными муками отлучати, повелѣша имъ языки отрѣзати, и потомъ вопрошаху, еще ли вѣруютъ и проповѣдуютъ Христа, они же, не могуще языкомъ уже глаголати, но полагаху на себѣ знаменіе честнаго креста, и тѣмъ исповѣдаху таинство вѣры и прославляху Бога въ душахъ и тѣлесахъ своихъ. Того ради святый Максимъ Грекъ поучаетъ сице: **)„Всякъ вѣрный да не нерадитъ, и не полагаетъ сего ни во что, и еже бы безъ боязни, но со страхомъ, и съ правою вѣрою, и съ чистою совѣстію полагати креста знаменіе на лицѣ своемъ, якоже божественная писанія указуютъ. Есть же и во отеческихъ книгахъ писано о семъ: иже аще кто не по подобію лице свое знаменаетъ, сирѣчь не истово креститъ, гордости ради или лѣности, и махаетъ сѣмо и овамо, и тому маханію бѣси радуются“.

6) И священники наши, въ благословеніи человѣка, знаменіе креста непремѣнно тѣмъ же двуперстнымъ сложеніемъ по древнему обычаю полагаютъ истово, сице: егда кто изъ православныхъ поклонится священнику и проситъ отъ него благословенія, и священникъ первѣе да положитъ на главу его вышереченнымъ сложеніемъ благословящую свою десницу, глаголя: „благословеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа на рабѣ Божіи“ (имя рекъ), и сноситъ десницу на чрево, потомъ на оба рама, глаголетъ: „всегда, и нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ“, а пріемлющій благословеніе на сіе отвѣщаетъ: аминь, и цѣлуетъ десницу, положившую на него великое Божіе благословеніе: и, ликуяся по обычаю, священникъ речетъ:

*) Псалтирь со возслѣдованіемъ, въ словѣ о крестномъ знаменіи.

**) Св. Максимъ Грекъ въ словѣ 40, таже и во Псалтыри со возслѣдованіемъ.

„Христосъ посредѣ насъ“, а онъ отвѣщаетъ: „есть и будетъ“.

7) Четыре въ году соборные посты, составляющіе всего до двадцати одной седмицы, соблюдаются у насъ ненарушимо, въ которые всякъ нашъ православный христіянинъ благоговѣетъ постомъ, и молитвою и колѣнопреклоненіемъ къ Богу; притомъ же во весь годъ иноки понедѣльникъ, и вкупѣ иноки и мірскіе среды и пятки, кромѣ нѣкоторыхъ разрѣшенныхъ дней, постятъ, такъ равно, какъ и въ великій постъ, не вкушая отнюдь не только мяса (егоже инокомъ во вѣки ясти запрещено), но и млека, сыра и яицъ*). Даже и больнымъ не подается сихъ скоромныхъ ястій, хотя бы они и до смерти желали, а только, немощи ради, на елей и рыбу разрѣшается. **)Аще же бы кто, не только соборные посты, но даже среды и пятки, кромѣ разрѣшенныхъ, тверду сущу въ немъ разуму, не постилъ, таковый, по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, аще будетъ отъ священныхъ, да извержется, аще ли мірянинъ, отъ собора вѣрныхъ да отлучится.

*) Номоканонъ свят. отецъ Аѳонскія горы, въ правилѣхъ о вселѣтнемъ постѣ.

**) Кормчая отъ правилъ св. Апостолъ 69, и прочихъ свят. соборовъ.

8) Совокупно рещи, сохраняется у насъ неизмѣнно то самое вѣры догматствованіе и все церковное чиноположеніе и богослуженіе, еже, прежде нежели западная церковь отъ восточной раздѣлилася, вселенскими соборы утвержденное, святымъ же и равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ кіевскимъ, въ 6496 году, отъ грекъ во всей цѣлости принятое, и которое существовало въ Россіи всеобдержно и неизмѣнно даже до перемѣнъ церковныхъ книгъ бывшимъ московскимъ патріархомъ Никономъ 7163 года. А дабы вышереченные догматы вѣры и церковное чиноположеніе и богослуженіе точно

содержалося, святая вселенская церковь утверждаетъ въ слѣдующихъ запрещеніяхъ сице: *)„аще убо дерзнетъ кто инако вѣровати, или развращати что либо отъ сущихъ въ церкви, держимыхъ по первымъ обычаемъ святыхъ отецъ и благочестивыхъ царей, аще святители суть да извержени будутъ и прокляти, аще ли же иноцы и простіи люди, тою же клятвою осуждени будутъ“. И паки, святый Леонтій папа римскій въ поученіи своемъ глаголетъ: **)„смѣющихъ инако мудрствовати, или по мерзскихъ еретикъ церковная преданія презирати, новая же нѣкая разумѣвати, или отложити нѣкое отъ чина церковнаго, Евангеліе, или знаменіе креста, или прочее что, аще епископи суть, или клирицы, изметати повелѣваемъ, аще ли же иноцы, или бѣльцы, отъ причащенія да отлучатся: святый соборъ сія предалъ есть“. Наипаче же***) святый Іоаннъ Златоустъ во апостольскихъ бесѣдахъ пишетъ сице: „егда Павла реку, Христа паки глаголю, той бо бяше движа егову душу“. Павелъ бо „не рече: аще противная возвѣстятъ, или превратятъ все, но: аще и мало нѣчто благовѣствуютъ, паче еже благовѣстихомъ, аще и мало что подвигнутъ, анаѳема да будутъ“. †)Страшнѣйшимъ же словомъ заключаютъ восточніи вселенскіе патріархи къ Ѳеофилу царю греческому, въ соборномъ многосложномъ свиткѣ, сице: „проклятъ разоряяй уставы отеческіе и непремѣнные уставы церковные, яже положиша отцы твои“.

Отъ сицевыхъ богодухновенныхъ писаній, на какой они конецъ толико оберегательно къ намъ возглашаютъ, достоитъ внимати и вразумлятися, якоже, напримѣръ, елико къ сохраненію убо цѣлости винограда необходимо нужно есть

*) Книга Сборникъ, отъ многосложнаго свитка восточныхъ свят. отецъ числомъ 1455 подписавшихся, гл. 28, л. 391.

**) Въ Евангеліи толковомъ, святый Леонтій папа Римскій, въ недѣлю 1-ю поста.

***) Бесѣда 1-я на посл. 1-е къ Галатамъ, зач. 199, ст. 1477, гл. 1, ст. 7, 8 и 9.

†) Соборникъ гл. 28, л. 389.

бдительно хранима ограда, толико наипаче и несравненно нужно есть къ ненарушимому соблюденію цѣлости закона Божія точно хранить добрѣ утвержденная святыхъ отецъ церковная преданія. Ибо аще бы сія церковныхъ догматъ ограда отъ начала опасно всюду всѣми блюдома была, то не бы едино стадо единаго пастыря Іисуса Христа на многія секты раздѣлялося. Тѣмъ убо мы да пребудемъ въ ненарушимомъ соблюденіи древнихъ церковныхъ преданій, присно молящеся къ сему доброму пастырю*), иже на взысканіе заблуждьшей и волкохищной овцы отъ небесъ даже до ада сшедшему, и, обрѣтше, на рамо свое воспріемшему и радостно въ домъ къ Отцу своему принесшему, да не только насъ униженныхъ не оставитъ отъ истиннаго его пути заблудити, **) но да и иныхъ всѣхъ, яже не суть отъ двора его, спасительнымъ своимъ промысломъ соберетъ и во едину божественную православныя его вѣры ограду приведетъ, и тако да будетъ, по Божественному его слову, ***) „едино стадо, и единъ пастырь".

*) Лука гл. 15, зач. 78, ст. 4, 5 и 6.

**) Іоаннъ гл. 10, зач. 36, ст. 16.

***) Стихъ тойже.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

JAN 16 1968

10 '68 -9 AM

LOAN DEPT.

LD 21A-45m-9,'67
(H5067s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C046200408